

Ф. Дольто

Франсуаза Дольто

СОБРАНИЕ ТРУДОВ

II

ПСИХОАНАЛИЗ
И ВОСПИТАНИЕ (I)

ПСИХОАНАЛИЗ И ВОСПИТАНИЕ (I)

ТОМ II

ERGO

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Ф. ДОЛЬТО

Françoise Dolto

PSYCHANALYSE ET EDUCATION (I)

Франсуаза Дольто

ПСИХОАНАЛИЗ И ВОСПИТАНИЕ (I)

Перевод с французского

УДК 159.922+159.9:616

ББК 88.37+88.48

Д655

Издание выходит с 2006 года

Перевод с французского *И.Б. Ворожцовой,*
С.Ю. Полищемако, Л.А. Пущиной

Дольто, Франсуаза

Д655 Собрание сочинений / Франсуаза Дольто ; пер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина. — Ижевск: ERGO, 2006—.

ISBN 978-5-98904-033-9

Т. II: Психоанализ и воспитание (I) / Пер. с фр. — 2010. — XII, 384 с.

ISBN 978-5-98904-059-9

УДК 159.922+159.9:61

ББК 88.37+88.48

ISBN 5-98904-059-8

ISBN 978-5-98904-059-9 (Т. II: Психоанализ и воспитание (I))

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Издания на французском языке:

Les chemins de l'éducation © Editions Gallimard, 1994

Les étapes majeures de l'enfance © Editions Gallimard, 1994

La difficulté de vivre © Editions Gallimard, 1995

Pour tous les textes inédits © Succession Françoise Dolto

Издания на русском языке:

© Издательский дом «ERGO», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	IX	
Тексты	1	
ЛЕКЦИИ ПО СЕКСУАЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ		
для юношес 17—23 лет (1941а)	3—71	
Предварительные замечания издателей	4	
I.	5	
II.	10	
III. Мужчина и женщина	16	
IV. Психологическая точка зрения на сексуальный вопрос	25	
V. Желание и любовь должны и могут быть гармоничны	40	
Размышления и предложения относительно сексуального воспитания	54	
ПСИХОАНАЛИЗ И ВОСПИТАНИЕ (1945а)		73—80
Предварительные замечания издателей	74	
ВВЕДЕНИЕ К СТРАНИЦЕ О ВОСПИТАНИИ (1946а)		81—86
Предварительные замечания издателей	82	
ЧТО ГОВОРИТЬ ДЕТЬЯМ, КАК С НИМИ ОБРАЩАТЬСЯ? (1946б)		87—94
Предварительные замечания издателей	88	
КАК ИЗЛЕЧИТЬ ОТ ВРАНЬЯ (1946с)		95—99
Предварительные замечания издателей	96	
НАКАЗАНИЯ (1946д)		101—108
Предварительные замечания издателей	102	
КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ ДЕТЬЯМИ В ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ СЕМЬЕ (1946е)		109—114
Предварительные замечания издателей	110	
ЛЮБОВЬ, БРАК, СЧАСТЬЕ (1946ф)		115—128
Предварительные замечания издателей	116	
НЕ ГОВОРИТЕ БОЛЬШЕ:		
«Ты старший, покажи пример!..» (1946г)	129—132	
Предварительные замечания издателей	130	
НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ МЛАДШЕГО РЕБЕНКА «ПОСЛЕДЫША» (1946х)		133—136
Предварительные замечания издателей	134	

МОЯ ДОЧКА ВСЕГДА ГОВОРИТ «НЕТ»! (1946i)	137—141
Предварительные замечания издателей	138
ПСИХОАНАЛИЗ И ПЕДАГОГИКА (1946j)	143—150
Предварительные замечания издателей	144
«Я ВСЕ РАССКАЖУ МАМЕ...» ИЛИ «ЯБЕДНИЧЕСТВО» (1946k)	151—155
Предварительные замечания издателей	152
ВОРОВСТВО У РЕБЕНКА (1946l)	157—164
Предварительные замечания издателей	158
КАК БЛАГОПРИЯТСТВОВАТЬ ШАНСАМ	
СЧАСТЛИВОГО БРАКА (1946m)	165—174
Предварительные замечания издателей	166
НЕОЖИДАННАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ОПРЯГНОСТЬ (1947a)	175—182
Предварительные замечания издателей	176
ВТОРАЯ ПУЛОВИНА (1947b)	183—187
Предварительные замечания издателей	184
КАК ФОРМИРОВАТЬ СОВЕСТЬ У НАШИХ ДЕТЕЙ (1947c)	189—192
Предварительные замечания издателей	190
ВОСПИТАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ	
В СЕМЬЯХ С НЕСКОЛЬКИМИ ДЕТЬМИ (1947d)	193—198
Предварительные замечания издателей	194
НОВАЯ ГИПОТЕЗА ОТНОСИТЕЛЬНО РЕАКЦИИ РЕВНОСТИ	
НА РОЖДЕНИЕ МАЛЫША (1947e)	199—230
Предварительные замечания издателей	200
ПРОФИЛАКТИКА ЛЖИ В ВОСПИТАНИИ (1947f)	231—237
Предварительные замечания издателей	232
КРИЗИСЫ ДЕТСТВА (1947g)	239—244
Предварительные замечания издателей	240
ДЬЯВОЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РЕБЕНКА (1948a [1947])	245—262
Предварительные замечания издателей	246
ДОКЛАД О ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РИСУНКОВ ДЕТЕЙ	
ВО ВРЕМЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ЛЕЧЕНИЯ (1948c)	263—298
Предварительные замечания издателей	264
СЕНСТЕЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ УДОВОЛЬСТВИЯ ИЛИ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ,	
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУВСТВА ВИПЫ (1948d)	299—338
Предварительные замечания издателей	300

КАК СОЗДАЕТСЯ ЛОЖНЫЙ КОМПЛЕКС ВИНЫ (1949а [1948])	339—353
Предварительные замечания издателей	340
ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ДЕТСТВА (1949б)	355—365
Предварительные замечания издателей	356
КОГДА ОБЫЧНЫЙ ВЫПУСКНИК СТАНОВИТСЯ ПРЕСТУПНИКОМ (1949с)	367—375
Предварительные замечания издателей	368
APPENDIX	377
Именной указатель	379
Предметный указатель	380

От издателей

ОБ ЭТОМ ТОМЕ

В настоящий том Собрания сочинений вошли работы Франсуазы Дольто, опубликованные в период 1941–1949 годов. Эти публикации, как всегда у Ф. Дольто, показывают разнообразие и широту ее интересов. Но это прежде всего интерес к детству, к ребенку, его развитию и проблемам воспитания. Поэтому в названии тома издатели отразили ключевую тему, проходящую через тексты Ф. Дольто этого периода, — «Психоанализ и воспитание».

Том начинается с непубликовавшихся при жизни Ф. Дольто лекций по сексуальному воспитанию, прочитанных ею для подростков и юношей в начале 1940-х годов. Эти тексты демонстрируют большую заинтересованность Дольто в распространении реалистичного, разумного, здорового отношения к человеческой сексуальности и человеческим чувствам. Далее следует подборка заметок о различных вопросах воспитания маленьких детей, которые были опубликованы Ф. Дольто в газете «Французские женщины» в конце 1940-х годов. Дольто здесь выступает как собеседник для ищущих и неравнодушных родителей. Иногда она дает прямые советы, иногда — поучительные примеры, но всегда она подчеркивает уважительность к ребенку, родителям, становлению человеческого субъекта. Поднимается тема воровства, детской лжи, приучения к опрятности, ябедничества, конкуренции между братьями и сестрами и т. д.

Несомненный теоретический интерес представляют ее статьи, посвященные интерпретации детского рисунка, феноменологическому описанию ранних переживаний ревности и вины. В частности, она показывает природу и пагубное влияние патологического чувства вины на развитие ребенка. В этих ранних в ее творчестве текстах она очерчивает круг значимых в теоретическом и научном плане проблем, к которым она еще не раз будет возвращаться в своих последующих работах.

*
* *

Технические замечания. Буквенные индексы рядом с годом обозначают нумерацию текстов внутри года издания или создания текста. Не должно вводить в заблуждение отсутствие некоторых индексов, поскольку из общего библиографического списка трудов Ф. Дольто в настоящем издании некоторые тексты, требующие транскрибирования рукописного материала, пока не включены. Необходимо отметить, что богатое творческое наследие Ф. Дольто еще требует тщательной разработки — уточнения библио-

графических данных, в некоторых случаях — версии текстов, поскольку Ф. Дольто часто дорабатывала свои ранние записи, возвращаясь к ним неоднократно. Это прокладывает путь для дальнейших открытий в раннем творчестве Франсуазы Дольто.

*
* *

Издатели выражают искреннюю благодарность Ассоциации архивов и документов Франсуазы Дольто и ее президенту Катрин Дольто, дочери и последовательнице Ф. Дольто, за любезно предоставленную возможность использовать материалы архива при подготовке настоящего издания.

Издатели также благодарят Элен Жарски за ценные замечания, высказанные при чтении переводов представляемых текстов. Большую часть этих замечаний удалось учесть при настоящем издании, оставляя при этом, однако, надежду, что дальнейшая работа позволит еще больше приблизиться по точности выражения в передаче мысли Ф. Дольто на русском языке.

ТЕКСТЫ

**ЛЕКЦИИ ПО СЕКСУАЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ
ДЛЯ ЮНОШЕЙ 17–23 ЛЕТ**

(1941а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1941: Conférences d'éducation sexuelle pour garçons de 17 à 23 ans en recyclage professionnel / École Technique de Courbevoie, Mai—Juin 1941 [машинописный текст]. // A.A.D.F.D. — Рукопись. — 1941. — 69 р.

Данный текст — неопубликованные лекции, которые д-р Франсуаза Марстт (девичья фамилия Дольто) подготовила для юношей, обучающихся в технической школе.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

I

Изложение проблем — предмет этого курса
Основная идея — сотрудничество слушателей
Атака на сопротивления — приличия
Важность сексуального вопроса в личной
и общественной жизни
Результаты «заговора молчания»

Вам известно, какой курс я пришла вам прочитать. Его название «Курс сексуального воспитания».

Мне сказали, что эта тема вам всем интересна, и это меня не удивляет. Сексуальный вопрос для любого человека очень важен. А для вас он становится главным вопросом, потому что ваш возраст — это возраст завершенного или завершающегося физического развития, возраст любого дерзания в мышечном плане, любого любопытства в интеллектуальном плане, любого порыва в аффективном плане, т. е. в области сердца.

Однако у вас всегда есть учителя, друзья, книги, которые ответят на все интересующие вас вопросы в области спорта, физической тренировки, техники вашей профессии, открытый в области физики, химии, отчетов о путешествиях, у вас есть фильмы и романы, которые возбудят ваши чувства, но никогда вы не найдете ответов на тысячи вопросов, которые вызывает в вас ваша любознательность относительно того, что касается любви. Во всех других областях те, кто приобрел опыт, вам объясняют путь, которым они следовали, усилия, трудности, неудачи, успех и извлекают из этого правила и советы, которым вы можете, если пожелаете, последовать.

В области того, что относится к полу, те, кто дает советы, делают это либо во имя морали, своей морали, либо во имя вольности, своей вольности; но никогда во имя требований вашего тела и требований вашего сердца, которые являются для вас одинаково важными, как те, так и другие.

Мое намерение состоит в том, чтобы вам помочь. Ни в какой момент у меня не будет намерения вас «шокировать». Однако кое-кто

из вас будет, может быть, «шокирован». Я буду с вами говорить открыто, используя как можно более простые слова, иногда слова из обыденной речи, но из тех, что принято говорить лишь в шутках.

Я далека от мысли порицать ваши шутки, вашу игривость; все в свое время. Дух наших разговоров не такого сорта. Я попытаюсь серьезно и просто вам объяснить главное из того, что вы хотите знать и что вы должны знать о физических феноменах сексуальности — не только у мужчины, но и у женщины. Я вам дам все дополнительные объяснения, какие вы захотите у меня узнать или передадите через ваших инструкторов. Я полагаю, что между нами должно быть полное доверие, и, если среди вас есть такие, кто пришел «повеселиться», я их предупреждаю, что они будут разочарованы.

Тем же, кто будет шокирован от того, что речь просто пойдет о физической любви, скажу, что нет ничего приличного или неприличного в области науки. Все должно изучаться. И ведь именно во имя приличий молодежь оказалась в неведении относительно вещей, которые настолько важны, что их ошибки, их ложные идеи или страхи в области сексуальных вещей могут поставить под угрозу всю их жизнь. Я не говорю о здоровье и болезнях, ибо их лечат и о них осмеливаются говорить, об этом зачастую даже слишком много говорят, — но об их жизни со всех точек зрения и особенно жизни сердца.

Ибо в тени сексуальной жизни на карту поставлена жизнь сердца. И это известно настолько хорошо, что тем же самым словом «любовь» выражают одновременно физическое обладание и самые щедрые и менее всего отягощенные плотскими заботами порывы сердца. Эти два требования нашей человеческой натуры одинаково непреклонны, как одно, так и другое, и одинаково необходимы, и то и другое, как для каждого из нас в отдельности, так и для человеческого рода. Природа скомбинировала вещи таким образом, чтобы получать удовольствие как в любовных объятиях, так и от порывов сердца.

Удовольствия сердца и удовольствия тела — две движущие силы нашей жизни; их согласовать — это счастье.

У каждого из нас в соответствии с природой есть больший или меньший аппетит к духовным удовольствиям и к телесным удовольствиям, но каждый из нас знает, что то, что он называет искомым им счастьем, — это наибольший расцвет всего его существа. Это максимум удовольствия для его сердца и для его тела при минимуме боли и неприятности не только для него самого, но также и для других. У каждого из нас есть те или иные возможности достичь того, чтобы

быть счастливым, т. е. совместить в себе все требования своей натуры, но как раз для тех, у кого таких «возможностей» нет, воспитание может быть полезным.

И потом, каким бы способным человек ни был, чтобы создать в себе гармонию между различными потребностями удовольствия, удовольствиями тела и удовольствиями духа, невозможно нормальному человеческому существу вкушать в полной мере эти удовольствия, если он не делит их с друзьями. До тех пор пока речь идет лишь о том, чтобы пить, есть, курить, играть, заниматься спортом, музыкой, живописью, читать, ходить в кино, блистать в своей профессии, все это кажется легко делить со своими приятелями-мальчиками и даже для тех, у кого есть сестры, с которыми они хорошо понимают друг друга, с приятельницами-девочками, хотя многие чувствуют с ними стеснение.

Но когда наступает время генитального развития, смутная потребность в новых удовольствиях, открытие удовольствия наслаждения, генитальных возбуждений, именно в этом обнаруживается глубокий омут для многих из людей. Можно сказать для всех. Удовольствие, о котором не осмеливаются говорить — о котором не осмеливаются думать, — нельзя даже подумать, чтобы осмелиться поделиться, чтобы при этом ощущение огромной вины не обрушилось на вас. Юноша и девушка чувствуют себя одинокими и страдают. Девушки думают, что юноши знают обо всем; юноши думают, что знают как раз девушки. Один не хочет показать виду, что знает меньше, чем другой, и в конце концов оказывается в одиночестве. И затем, даже если втайне от взрослых (я собиралась сказать втайне от самого себя) об этом говорят с лучшим другом, с лучшими друзьями, в глубине каждый чувствует, что это его не удовлетворяет.

Юноша хочет знать мир девушек, женщину; ее он хочет любить, с ней хочет делить все свои удовольствия, ее он хочет завоевать, и он не знает женщин. Он их боится или мысленно он устанавливает две категории женщин, те, кого он почитает и по отношению к которым запрещает себе любое физическое влечение, и те, которых он физически желает, потому что он знает, что они «легкие», но по причине этого он их не уважает. И по отношению ко всем женщинам он чувствует какую-то неполноту, чувствует себя немного неудачником. Перед первыми он неловок, застенчив, потому что хочет играть роль ангела и, естественно, не всегда чувствует себя на высоте задачи. Перед вторыми он чувствует себя развязным, свободным, наконец, хочет показать себя, какой есть. Он так считает, но это не так, это его

плохой стороне удается выйти за границы его личности. Чему-то в нем стыдно. Он бы счел себя обесцещенным, «дураком», если бы показал хорошую сторону своей натуры той, что привлекает его физически, но которую он морально не уважает. Он получает удовольствие, но не чувствует себя счастливым.

И если он отказывается, пережив конфликт, от своей сексуальности на время «до женитьбы», как он думает, так это избегая проблемы женщин.

Спустя несколько лет, когда он захочет устроить свою судьбу, жениться, он рискует совершить грубые ошибки с девушкой. Она будет для него странным существом, и с ней он будет настолько смущен говорить о вопросах, которые ее саму интересуют с молодости, как и его, и о которых она знает не больше, чем он, что эта пара, где каждый с недоверием относится к другому, будет во многих вещах союзом двух иностранцев.

Жена вновь предпочтет компанию женщин, если не найдет другого мужчину, более ловкого, и который, возможно, не будет ее любить или будет любить меньше, чем ее муж. Вы знаете продолжение. Она уходит, ломаст свою жизнь, жизнь своего мужа. Или она остается из чувства долга, в особенности, если у нее есть дети, но затаив глухую обиду на своего мужа и детей, из-за которых она вынуждена пойти на отказ. Позже ей будет гораздо труднее дать детям свободно развиваться самим в жизни. Она будет за них бояться, и именно так утверждается ложная идея, которая лежит в основе многих воспитаний: сексуальные удовольствия опасны.

Что касается мужа, разочарованного в жене, он возвращается к холостой жизни, он часто ищет в другом месте физическое удовольствие с женщинами, которых он презирает. Или он отказывается от сексуальности вне семьи из мысли о долге и принимается пить с приятелями. Или все больше он оказывается в изоляции в своей собственной семье, он возвращается к обеду и ужину, он невесел, морально он одинок. Тем не менее, он любит свою жену, своих детей. Время от времени ночью два тела сближаются, природа сильнее их стыдливости. Мужчина получает удовольствие, как при совершении плохого поступка, как одиночка.

Она также чувствует себя одинокой в руках этого мужчины, который столь отличен от того, что она знает в остальное время. Она становится матерью раз, во второй, в третий раз. От физической любви она знает лишь тяготы. Она сердита на этого мужчину. Она переносит свою нежность на маленьких, но когда они вырастают,

она, так и не понявшая свою собственную сексуальность, оставшаяся девушки, испытывающей беспокойство по этому поводу, не знает, что делать со своими взрослыми дочерьми и сыновьями. Она боится жизни за них. Короче, она не знает, как их воспитывать. Их отец знает не больше. Эти дети позже повторят ошибки своих родителей. Или из духа противоречия они критикуют своих родителей. Из этого следуют ссоры, дети убегают, идут развиваться в более открытую среду. Некоторые спасают свою собственную жизнь, но что-то страдает в них: их сыновья и дочерняя нежность, сожаление, что огорчили родителей. Позже они хотели бы вернуться, объяснить им, любить их. Но родители по-прежнему такие же закрытые и прощают ребенка лишь, если тот несчастен.

Их мало, тех, кто выходит из этих трудностей без больших хлопот и, достигнув возраста мужчин и женщин, думают: «Если бы мне сказали обо всем этом, когда я был молодым!» Но редки те, кто осмеливается образовывать молодых, рассказывая просто-напросто обо всем, что они узнали. Приличия таковы, чтобы держаться «заговора молчания», и, таким образом, всякому поколению приходится лишь начинать съезжава обучение по сексуальному вопросу совершенно без опоры, как будто этот вопрос не существовал для предыдущих поколений, это похоже на то, как если бы не сообщали цену монет человеку, давая ему набитый кошелек, или бы сажали перед открытой книгой его, не знающего грамоты. (Сравнение дерева и железа, но здесь материал — это тепло и сердце.) Это не для того, чтобы побудить вас критиковать родителей. У них было много трудностей, и вы бы огорчили их без пользы для них и для себя. Это не их ошибка, а ошибка их воспитания.

Вот почему мы решили дать новой молодежи, той, что должна возродить Францию, сексуальное воспитание. Вот почему сегодня я здесь и приду снова, если вы хотите, чтобы мы с вами говорили о вещах, которых нам никогда не говорили, когда мы были в вашем возрасте, ни вашим родителям, ни вашим воспитателям, ни мне. Мы хотим, чтобы вы были счастливы и умели воспитывать сильных и здоровых детей.

II

КЛЕТКА — ЯДРО — ПРОТОПЛАЗМА — ТКАНИ

РЕПРОДУКТИВНАЯ КЛЕТКА — АМЕБЫ — БОЛЕЕ СЛОЖНЫЕ ОРГАНИЗМЫ

ОВУЛЯЦИЯ — СПЕРМАТОГЕНЕЗ — ОГЛОДОТВОРЕНІЕ

У растений

У рыб

У птиц

Общее о млекопитающих

{ появление материнского инстинкта
при высиживании, инстинктов самца по отношению к самке,
материнский инстинкт и защита
самцом самки

ГОРМОНЫ — РОЛИ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ХАРАКТЕРЕ —

СЕКСУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ, ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ ХАРАКТЕРА

* * *

Все живые существа живут и воспроизводятся. Все живые существа состоят из клеток в том или ином количестве. (Схема клетки, ядро, протоплазма.) Есть микробы, инфузории, которые состоят из всего лишь одной клетки: она живет, питается, увеличивается в объеме, затем делится на две, каждая еще на две. (Схема делящейся амебы.) Чем выше мы поднимаемся в мире растительности или мире животных, тем более сложными являются организмы, и клетки специализируются, образуя ткани. Одни является только клетками проводимости, как древесина деревьев, артериальная и венозная ткань животных, другие лишь проводниками энергии, как клетки листьев деревьев, мышечная ткань, нервная ткань; другие лишь клетками секреции — глангулярная ткань и т. п. Есть клетки очень большие, как клетка апельсина, полсантиметра в длину и 2 миллиметра в ширину, когда она заполнена соком. Есть другие, настолько крохотные, что нужен микроскоп, чтобы их обнаружить.

В одноклеточных организмах одна и та же клетка служит жизни индивида и его репродукции. В более сложных организмах клетки, которые послужат репродукции, являются совершенно специальными. Они называются сексуальными клетками. Они вырабатыва-

ваются совокупностью специализированных зародышевых клеток с самого начала жизни, ее называют гонадой. Гонада преобразовывается в сексуальную железу, которая и вырабатывает сексуальные клетки. Особенность сексуальных клеток в том, что они имеют вид целых клеток, но на самом деле это лишь полуклетки. Их ядро претерпело трансформацию, и после внутренней перестройки, происходящей в момент созревания сексуальных клеток, оно выталкивает из себя половину своего хроматина. Остается половина ядра, которая испытывает потребность быть дополненной другим полуждром, чтобы образовать полное ядро клетки, первую клетку нового организма, которая будет развиваться и даст полного индивида. В новом организме будет по половине каждого из организмов-родителей, на которых он будет походить (это наследственность). Эти две полуклетки обычно не подобны друг другу. Одна объемиста и пассивна: женская клетка, другая без резервов и подвижна: мужская клетка.

Растения. Цветок есть орган сексуальной репродукции растений. У него имеется чашечка, венчик (схема), которые защищают тычинки и пестик, мужские и женский органы. Орган производства женских клеток находится в маленьком мешочке у основания пестика. Хотя это абсолютно не так, как у животных, ему дают то же самое имя: яичник¹, мешок для яиц или яйцеклеток. Яйцеклетка означает маленькое яйцо.

Созревшая яйцеклетка ожидает, чтобы мужская клетка воспроизведения ее оплодотворила, она защищена от любого внешнего вторжения. Если она оплодотворена, она даст плод, который развивается на самом цветке. Созревание этого женского семени имеет место один раз в год в конце весны.

Мужские органы — это тычинки, закрытые маленьким мешочком, в котором содержатся мужские производящие клетки, пыльца. Летом мешочки открываются, и пыльца переносится ветром, насекомыми. Если мужские клетки не попадают на пестик цветка того же вида, они не выполняют своей репродуктивной роли и умрут. Мужские клетки воспроизводства растений гораздо меньшего размера, чем женские клетки. Они очень на виду и требуют перемещения, чтобы встретить женскую клетку, «ожидающую» мужское семя. У цветка лишь один пестик, а у него всего одна яйцеклетка, но он обладает несколькими тычинками, а в них тысячи мужских клеток.

¹ [Во французском языке одно и то же слово используется для обозначения яичника и связей. В русском это два разных слова.]

Животные по видам — несколько примеров

Рыбы. Их яичники производят тысячи икринок, которые выводятся через длинную искривленную трубку, называемую яйцеводом, который не имеет никакого отношения к каналам вывода мочи и заканчивается клоакой. Самка мечет икру, которая оплодотворяется раз в год во время нереста.

Эти яйцеводы, сгруппированные в студенистые колонии, абсолютно пассивны и ожидают в воде смерть или встречи с мужскими клетками, которые их оплодотворят.

Тестикулы рыб имеют канал или очень короткий семявыводящий проток, выходящий в мочевыводящий канал. (Мы увидим, что у мужчин последняя часть мочевого дерева, канал, выводящий наружу мочу из мочевого пузыря, называемый уретрой, выполняет две роли: он выводит наружу мочу и также сперму. Клапанная система не позволяет, впрочем, одновременную эмиссию мочи и спермы.)

Мужские клетки рыб микроскопичны. Вам нужно представить молоку рыбы, сравнив ее с икрой — для одного и того же вида. Вы видите мелкие зернышки размером несколько тысячных миллиметров в диаметре, каждое есть женская клетка. Напротив, в мешках молоки, что есть тестикулы рыб, вы сможете различить сперматозоиды только в микроскопе. Молока оказывается во время нереста оставленной в воде, и сперматозоиды плавают в поисках икры, меченной самками для оплодотворения. (Схема.)

Самок не интересует судьба икры. У них нет материнского инстинкта. Бывает, что они следят некоторое время за икрой и, если видят, что ей угрожает опасность, пожирают ее.

Птицы. Курица несет яйца. Яйцо курицы состоит из скорлупы, двух тонких слоев белой шкурки, разделенных воздухом, из белка и желтка. Только желток вырабатывается яичником курицы. Это главная часть яйца. В него входит зародыш, маленькое красноватое пятно, и собственно желток, скопление питательных веществ, которые послужат развитию цыпленка, если зародыш будет оплодотворен. Но, оплодотворен зародыш или нет, при выходе из яичника желток направится от яичника к клоаке, анусу курицы, по яйцеводу. В этом яйцеводе, снабженном железами секреции, желток постепенно окажется в скружении белка, мембран и скорлупы.

Взрослая курица несет яйца, даже если она не была оплодотворена петухом. Но эти яйца светлые, что значит, что они никогда не дадут цыплят, если их высаживать, как это происходит с оплодотворенными яйцами.

Когда курица высиживает яйца, то делает это с чрезвычайным материнским инстинктом. И она привязана к своим цыплятам, она их собирает под себя, как только есть опасность, пока они совсем маленькие. С высиживанием рождается материнский инстинкт.

Нет ничего особенного в отношении сперматозоидов птиц. Функционирование testicula и производство сперматозоидов является сезонным.

Мы видели, что у рыб оплодотворение происходит без спаривания, мужские и женские клетки встречаются в воде, где они оставляются рыбами обоего пола. Напротив, спаривание имеет место у птиц, как и у всех животных, не живущих в воде. У самца птиц нет органа, способного ввести семя в плодовитую самку. Спаривание происходит за счет контакта двух клоак.

Яйцо (желток) должно быть оплодотворено при выходе из яичника, в верхней части яйцевода, потому что затем оно покрывается белком и скорлупой, преграждающими путь сперматозоидам. Сперматозоиды должны тогда пройти весь яйцевод до начала яичника. Путь проходит достаточно быстро, поскольку у сперматозоидов, с одной стороны, высокая витальность, с другой — влечение к яйцеклеткам. Сперматозоид перемещается на несколько миллиметров за минуту.

Млекопитающие. С точки зрения самих сексуальных клеток нет отличий от рыб и птиц. Напомним, что нами было сказано.

Женская клетка большая, она содержит объемистое ядро и значительные питательные запасы в меньшем, однако, количестве, чем у яйценосных животных, ибо те должны в яйце достичь полного развития. Женская клетка в укрытии ожидает в неподвижности встречи с мужской клеткой. У нее продолжительная витальность. Мужская клетка крошка, лишена запасов, очень хрупкая и очень подвижная. Есть тысячи мужских клеток для нескольких женских клеток.

Самцы должны донести семя вплоть до глубин генитальных путей самки, самцы также снабжены эректильным органом, способным проникать, называемым пенисом.

Самки млекопитающих не рождаются с организмом, способным прокормить себя, как у взрослых, и в момент родов (окот, отел и др. для животных, роды у женщины) сосцы матери, которые до сих пор не функционировали, претерпевают трансформацию, взбухание, затем секрецию молока. Молоко млекопитающих неодинаково, если его анализировать, но в любом случае оно представляет собой полноценный продукт и содержит живые соки, называемые витаминами.

Самки млекопитающих очень привязаны к своим малышам. С момента окота они их отчаянно охраняют, они с ними играют и инстинктивно дрессируют защищаться от опасностей, выбирать пищу, обучают привычкам, которые им свойственны самим. Например: чистоплотность кошки. Это материнский инстинкт.

У некоторых самок инстинкт заходит очень далеко. Если приблизиться к только что окотившимся крольчихам, они впадают в панику и могут убить своих малышей, чтобы не дать их забрать. Это страх перед человеком, который появляется лишь в данный момент у домашних животных, как тогда, когда они были дикими.

Материнская любовь, которую мы видим у всех млекопитающих, существует и у женщины, если женщина нормальная. Но у людей есть не только инстинкт, есть также ум и все, что он позволяет делать и понимать. Так, у женщин есть материнская любовь, которая их направляет развивать также разум и душу своих малышей, а не только тело.

У млекопитающих самцы также обладают инстинктом охраны своей самки, начиная с момента, как они ее выбрали и оплодотворили. Иногда есть несколько самок вокруг одного и того же самца. Тот их охраняет всех в течение вынашивания, затем вскармливания и выращивания малышей. Когда мальчики приближаются к взрослому возрасту, семья распадается. Молодые самки становятся соперницами матери, а молодые самцы соперниками для отца. Верность самца своим самкам сохраняется в основном лишь на время одного сезона.

У всех животных, за исключением обезьян и мужчин, сексуальная активность носит сезонный характер. За пределами времени «течки» их сексуальность как бы засыпает. Течка ведет к оплодотворению самок. В этот момент самка живет лишь ради своего материнского инстинкта и остается привязанной к самцу, который ее оплодотворил, чтобы он ее охранял. Если самок несколько, они более не соперничают с момента оплодотворения.

Есть живые организмы, способные производить одновременно мужские и женские репродуктивные клетки. Их называют гермафродитами. Таковы многие из растений. Улитка является собой такой же пример.

Есть живые организмы-носители клеток только одного пола, либо самца, либо самки. Например, у папоротников есть женские растения, есть мужские.

У животных наблюдается сексуальная дифференциация разной степени. Так, улитка имеет функционирующие органы порождения обоих полов, есть другие животные, обладающие двумя органами

порождения. Таковы птицы. Однако один из органов порождения может функционировать, либо мужской, либо женский. Другой орган не производит сексуальных клеток.

Животное в целостности четко дифференцировано внешне, нельзя ошибиться по поводу пола курицы или петуха. Не только оперение, шпоры, гребень, пение, но и воинственный и охраняющий инстинкт в защиту самок обусловлены сексуальным функционированием. Запомним это, ибо мы увидим также роль и важность пола в развитии мужского и женского характера у людей.

Есть, напротив, животные, обладающие только органами порождения одного пола, либо мужские, либо женские. В этом случае у них есть две мужские сексуальные железы или две женские сексуальные железы. Они полностью дифференциированы. Между этими двумя крайностями есть также животные, таковы млекопитающие (и человек), у которых две женские железы или две мужские железы и весь генитальный аппарат, присущий их полу, но которые являются в начале своего развития органы противоположного пола. Эти органы затем атрофируются, но можно найти следы мужских органов у женщины и женских сексуальных органов у мужчины.

Ранее я говорила в связи с внешним видом петуха, его пением, его воинственным инстинктом, его инстинктом защиты кур, что все это находится в зависимости от развития его testicula. Это столь верно, что если кастрировать петуха, то пение исчезает, гребень бледнеет и становится мягким. Его характер изменяется, он избегает драк и не занимается более курицами. Если ввести в кровь этого кастрированного петуха экстракт testicula или имплантировать часть testicula, вновь появляются пение и воинственный характер. Это знаменитый опыт, проведенный ученым Пезаром.

Это представляет большой интерес.

1) Это доказывает, что сексуальные органы секретируют настроения, влияющие на всего индивида, пол не только определяет генитальное поведение по отношению к прокреации, но целиком физическое единство (строение скелета, мышц, волосяной системы, гортани) и моральное (характер, смелость, авторитет, агрессивность). Функционирование органов порождения — всего лишь деталь в общем целом.

2) Это должно заставить задуматься людей о важности гармонического развития тела и характера, физического и нравственного, и о таком существенном моменте: нормальная сексуальность сопровождается нормальным характером. Воспитание сексуальности — одна из основ воспитания характера.

III

Мужчина и женщина

СХЕМА МУЖСКИХ ГЕНИТАЛЬНЫХ ПУТЕЙ

СПЕРМА — МЕХАНИЗМ ЭЯКУЛЯЦИИ

Ночные поллюции

МАСТУРБАЦИЯ

МЕХАНИЗМ ЖЕЛАНИЯ (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ)

ЦЕЛОМУДРИЕ

СХЕМА ЖЕНСКИХ ГЕНИТАЛЬНЫХ ПУТЕЙ

Менструации

Менопауза

Цикличность оплодотворения

ДЕВСТВЕННОСТЬ — МЕХАНИЗМ ЖЕЛАНИЯ (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ)

ЦЕЛОМУДРИЕ

* * *

До сих пор я с вами говорила о сексуальности у животных — это для того, чтобы дать вам задуматься об общих законах природы и подготовить к изучению сексуальности у людей. Мы ограничились общими сведениями о млекопитающих. Я вам показала схему внутренних органов самки млекопитающего. Сегодня я вам объясню главное из физиологического функционирования половых органов мужчины и женщины.

Этот разговор посвящен исключительно физическим механизмам «любви», как говорят, впрочем, очень неправильно. Следовало бы говорить о желании и оставить за словом «любовь» его полный смысл: физическое и моральное влечение.

Схема генитальных путей женщины

Внутренние: яичники — трубы — матка — вagina — железы при них
{рисуя, сказать несколько слов о роли каждого органа}.

Яичники: два — вырабатывают яйцеклетки, это, вообще говоря, эквивалент желтка яйца курицы, но значительно меньшие: четверть миллиметра. Каждый яичник вырабатывает одну яйцеклетку в месяц

(лунный, раз в 28 дней). Женщина в течение своей генитальной жизни может произвести 400–500 яйцеклеток максимум.

Яйцеклетки проводятся через трубы вглубь матки. (Просвет канала труб очень маленький. В случае инфекции (сальпингит) трубы могут воспаляться, закупориваться и даже оставаться закрытыми. Это одна из причин бесплодия у женщины. Немедленно лечить генитальные инфекции с появления выделений, которые называют потерями.)

*Утроба, или матка*¹. Полая мышца, созданная дляnidации яйца. Именно здесь в глубине матки яйцо ждет оплодотворения. Дно матки готовится кnidации яйца, она воспаляется, ее внутренняя стенка взбухает как пористая губка, полная крови, которая служит местом фиксации удлинениям яйцеклетки, они как корни. Если яйцо не оплодотворено в течение нескольких дней, оно умирает. Внутриматочная слизистая увядает, матка выделяет кровь в течение 3–4 дней и снова становится твердой и сухой вплоть до нового месяца, до следующего созревания яйцеклетки. Это кровотечение, регулярно свершающееся в течение всего срока половой жизни женщины, — это менструация, месячные. Это нормальное явление, которое у здоровой женщины не вызывает ни заболеваний, ни болей. Оно наступает примерно через 14 дней после созревания яйцеклетки.

Появление менструации к 13 годам сопровождается другими признаками полового созревания: развитие груди, волосяного покрова лобка и под мышками, изменение тембра голоса; эти изменения заметны менее, чем у мальчиков. Когда более не происходит созревания яйцеклетки, от матки более не требуется быть готовой дляnidации яйца, и месячные кровотечения исчезают. Это называется менопаузой или критическим возрастом.

У любой здоровой женщины месячные «хорошо отложены». Если человеческое яйцо оплодотворено, оно внедряется в матку как паразит и развивается, получая все питательные вещества из крови матери, где плавают плацентарные корешки. Тогда, как только женщина «беременна», у нее нет более месячных. Отсутствие месячных у взрослой и здоровой женщины — первый видимый знак беременности.

Циклическая способность женщины к оплодотворению

Из феноменов, которые я только что вам объяснила, следует, что женщина может быть оплодотворена лишь в течение восьми

¹ [В тексте дано два слова: utérus (ср. с рус. утроба) и matrice (от лат. ср. с русским мать, материнский и др.). Оба они терминологически означают «матка».]

дней в месяц, со дня созревания яйцеклетки и в течение нескольких дней ее жизни.

Это интересно знать, это позволяет паре избегать беременности и вести нормальную половую жизнь, воздерживаясь от оплодотворяющего контакта в течение тех дней месяца, когда женщина может быть оплодотворена. Есть книги, которые вас просветят по этому вопросу и позволят вычислить в соответствии с ритмом вашей спутницы дни, когда вы рискуете зачать, и те дни, когда риска нет. Иногда бывают ошибки, но они крайне редки.

Поскольку я говорю с вами о зачатии ребенка, чего столько пар опасаются в определенные моменты, а столько других желают безуспешно, позвольте мне сказать вам несколько слов об абортс. Я говорю с позиции физиологии, и стоит сказать о вещах, о которых, я знаю, вы все думаете, и о чем постоянно говорят. Аборт всегда опасен для здоровья женщины. В некоторых случаях, впрочем, очень редких, аборт должен быть осуществлен по медицинским показаниям, в случае сердечных заболеваний, например, когда беременность может повлечь смерть женщины. Тогда делают аборт в наилучших условиях. Нет никакой опасности заражения. Так вот, даже в этих случаях нельзя сделать 2–3 абORTа, не причинив серьезных нарушений здоровью.

Оплодотворение — это естественное явление для женщины, влекущее за собой целую совокупность изменений в организме, подготавливающегося к питанию плода. Искусственное прекращение беременности всегда наносит вред общему здоровью, даже если речь идет об aborte на очень ранних сроках или aborte, проведенном по всем правилам гигиены. Что говорить тогда об aborte, сделанном как попало нестерилизованным инструментом в вызывающих беспокойство материальных и моральных условиях. В восьми случаях из десяти останется внутриматочная инфекция, иногда незначительная, но всегда трудно излечимая, и она постепенно может захватить трубы и яичники и вызвать у женщины серьезные заболевания и даже бесплодие на всю жизнь. Поразмыслите об этом. Природа не дает «продельвать с собой темные делишки» и при этом избежать тяжелых последствий. Нужно знать законы и применять их.

Схема внешних генитальных путей

Клитор — вульва — малые губы — большие губы — связанные с ними железы.

Несколько слов о клиторе, крошечном атрофированном половом члене, который играет важную роль в получении удовольствия, сопровождающего коитус (половой акт), но ничего больше.

Маленькие губы, большие губы. Сравнение с чашечкой и венчиком цветка, защищающих органы оплодотворения растения: защита промежности, которая является входом к внутренним органам, предназначенным обеспечить будущее вида.

Что такое гимен. Что означает термин: женщина «девственница» с физиологической точки зрения. Он также служит защитой против инфекции генитальных путей женщины. Если у девушки нет кровотечения при первом половом акте, не всегда означает, что она не девственница, вопреки народному верованию.

Схема мужских половых органов

Тестикулы — семяпроводы — простата — железы Купера — семенные пузырьки — кавернозное тело — головка полового члена — крайняя плоть — (фимозис, обрезание).

{Как для женских половых путей, несколько слов о каждом органе.}

Что такое сперма? Это жидкость беловатого цвета с характерным запахом, которая свертывается на воздухе. В этой жидкости, если смотреть под микроскопом, можно заметить тысячи мельчайших клеток, находящихся в беспрестанном движении. Эти клетки микроскопичны и почти исключительно состоят из одного ядра, не обладают питательным запасом. Каждая из клеток имеет форму палочки или наконечника копья, снабженного перфораторием и имеющего на конце жгутик, нечто вроде длинного плавника, служащего средством толкания вперед. Сперматозоиды двигаются, как утки; они чрезвычайно подвижны и способны преодолеть за минуту несколько миллиметров, это огромная скорость, если подумать об их бесконечно малой величине.

Зрелость testicula наступает к 13–14 годам в наших странах. Одновременно с этой генитальной зрелостью появляются другие признаки. Они ей слегка предшествуют и возвещают у мальчика его преобразование в мужчину: мутация голоса, утолщение гортани (адамово яблоко), появление лобковых и подмышечных волос.

Сперматозоиды вырабатываются непрерывно с возраста 13–14 лет до примерно 50 лет. Они накапливаются в десятках метров семяпротоков, в семенных ампулах и пузырях. Они со временем разрушаются. Сперматозоиды живут лишь 3–4 дня.

Но сперма состоит не только из сперматозоидов. Есть сперма без сперматозоидов, когда по какой-то причине (заболевание яичек)

тестикулы их больше не вырабатывают. Внешне нет большой разницы, только в микроскопе это можно увидеть. Индивид не является импостером, и, однако, его сперма не оплодотворяет. Таким образом, есть две части в сперме, с одной стороны, мужские клетки и, с другой стороны, вязкая жидкость, посредством которой они перемещаются. Это продукт секреций различных желез, самыми важными из которых являются простата и железы Купера.

Что происходит при половом акте? Эротическая эмоция, рефлекторная эрекция, движения, провоцирующие возрастающее возбуждение, и эякуляция в момент максимального возбуждения, эякуляция, сопровождаемая чувством сладострастия, за которым следует половое успокоение.

Сперма выводится наружу во время эякуляции, которой у здорового индивида предшествует эрекция. Эрекция и эякуляция — рефлексы, это значит, они не зависят от воли. Они могут быть вызваны возбуждениями, идущими от напряжения семенных ампул и пузырьков без внешнего возбуждения и предварительной эротической эмоции, просто из-за скопления спермы, так бывает при ночных поллюциях.

Ночные поллюции сопровождаются главным образом сладострастными сновидениями. Значит, совершенно независимо от воли у мужчин при воздержании это своего рода клапан природной безопасности.

Некоторые местные возбуждения перинея, как заполненность мочевого пузыря или прямой кишки, могут из-за сжатия простаты вызвать эрекции; таковы некоторые эрекции при пробуждении, и они прекращаются при опорожнении мочи.

Но исходной точкой большинства эрекций являются половые возбуждения, вызванные либо эротическими эмоциями, либо эротическими требованиями, либо спонтанными половыми возбуждениями. Эрекции вызывают у мужчины с чисто физической точки зрения сексуальное и нервное напряжение (нормальным завершением которого является половой акт с женщиной), и оно требует успокоения путем эякуляции. Ее можно, однако, на короткое время избежать, если субъект попытается освободиться от любого эротического образа и запретит себе мастурбацию. Это может быть очень тяжело.

С чисто медицинской точки зрения полное воздержание от половой жизни не может быть ни нездоровым, ни опасным. Действительно, если сексуальное напряжение слишком велико и происходит из генитального функционирования, реальной и механической потребности в эякуляции, будет ночная поллюция. У взрослого

мужчины, здорового, который по своей воле полностью воздерживается от половой жизни, происходит, как считают, примерно одна ночная поллюция в три недели, что означает, что есть необходимость в одной эякуляции спермы примерно раз в три недели.

Как очень хорошо показывают сновидения, сопровождающие ночные поллюции, генитальные сексуальные возбуждения вызываются у мужчины желанием контакта с женщиной. При бодрствовании спонтанные эрекции влекут сексуальный аппетит к партнерше. Или эрекция провоцируется видом привлекательной женщины (сексапильной). Таков механизм желания.

Если юноша слишком застенчив, чтобы попытаться приблизиться к женщине, которую он желает или в отношении которой у него нет материальных возможностей завоевать, он довольствуется мастурбацией, воображая эротические сцены, в которых он хотел бы участвовать. Эякуляция ему приносит блаженство и разрядку, а также физическое успокоение.

Мастурбация сама по себе с медицинской точки зрения не вредна для здоровья. Естественно, речь не идет о слишком частых мастурбациях, они утомительны, так же как и повторные половые акты с слишком малыми интервалами; впрочем, это не может быть знаком хорошего здоровья, но свидетельствует о своего рода ментальном наваждении. Кто-то сказал — даже врачи это говорят — что мастурбация вредит здоровью молодых людей. Эти самые книги нам говорят, что в супружеских отношениях для здоровья нет риска. Так вот, хочу вам сказать: имеют ли место эякуляции в половых актах или в мастурбации, с физической точки зрения не представляет разницы.

Слишком многие молодые люди раздавлены страхом, потому что они верят, что то, что они называют своим пороком, сделает их больными, туберкулезными или даже сумасшедшими. Правда совсем в другом. Дело в том, что мастурбация — удовольствие несовершенное и неполное. Очень редко юноша, разделивший физическое удовольствие с женщиной, продолжал бы любить мастурбировать. Это становится для него выходом по случаю, крайним средством, когда он не может иметь лучшего и если ему не удается сопротивляться физической потребности эякуляции, вызываемой желанием, которое он не может удовлетворить нормальным образом. В этом случае мастурбация не является опасностью, она, напротив, должна быть успокоением, она таковой действительно и является у юношей, которых взрослые не затерроризировали, говоря им, что это плохо,

грязно или опасно — мастурбировать. Для юношей, у которых возникает такая идея физического желания и его последствий для здоровья, женщины, которые вызывают его у них, разговоры о сексуальности, их мужском физическом развитии, — все это становится опасным, и их застенчивость становится настоящей пыткой. Они испытывают стыд за самих себя, как будто они были виновны, в то время как они открыли всего лишь свою мужественность и простой механизм физического удовлетворения, и в этом нет ничего более естественного. Это открытие желания. Оно наступает к 14—15 годам. Это должно быть исходной точкой для другого поведения в жизни и по отношению к девушкам, чем то, что они имели до сих пор. Желание должно их вести к жизни вдвоем, счастливой с двойной точки зрения сердца и тела, т. е. к любви. Позже я вам скажу, в другом разговоре, как нормально развиваются девушки и юноши в отдельности и по отношению друг к другу.

На сегодня я хотела бы вам дать понять, что желание отличается от любви.

Любая любовь содержит желание. Но физическое желание всего лишь животная сторона человеческой любви. Я не хочу сказать, что она что-то более низкое, и когда я говорю животная, не надо думать, что это означает дурное. Это означает только то, что только физическое удовлетворение недостаточно человеческому существу, как оно достаточно для животных. Удовлетворения сердца ему столь же необходимы.

Нормальный мужчина испытывает потребность уважать, восхищаться, защищать женщину, которую он желает, и дать ей лучшую часть самого себя. Он испытывает потребность чувствовать, что он обладает ею по-настоящему физически и духовно, что он располагает ее доверием, и что она принадлежит только ему одному. Все это требует с его стороны много заботы, размышлений, понимания. Это и есть любовь. Конечно, легче сказать себе: это невозможно, женщина — это слишком сложно, не нужно никогда ее любить, нужно только спать с теми, кто нравится, и чтобы были безупречными те, на ком женятся. Это решение слабого, оно не делает счастливым ни мужчину, ни женщину.

Еще несколько слов о физической половой жизни и желании у мужчины, ее отличии от женщины.

Я вам говорила, что вся жизнь женщины строится в ритме менструального цикла. У вас есть матери, сестры, подружки. Наверно, вы заметили, что в определенные периоды женщины становятся более

нервными, более чувствительными, чем в другие, больше поддаются усталости. Даже у морально здоровых и нормальных женщин можно отметить эти изменения в их настроении.

То же самое в отношении физического желания, женщина непостоянна. Хотя желание у нее всегда может быть пробуждено желанием мужчины, оно имеет спонтанный характер и более сильный в некоторые периоды месяца, обычно в дни, предшествующие появлению месячных.

После пятидесяти, напротив, женщина обычно ровного настроения, менее подвержена влияниям и способна на регулярные отношения. Это не вопрос опыта, а вопрос физиологии.

У мужчины, напротив, железы функционируют непрерывно, без месячных вариаций, и это объясняет его стабильность и его сопротивляемость. С другой стороны, его генетический инстинкт не подвержен внутренним вариациям.

Другое замечание:

Все физиологические феномены генитальной жизни женщины происходят внутри тела. Во время беременности ее тело целиком является объектом трансформации, она должна поставить элементы, составляющие новый организм. Ее кровь должна быть богатой всем, что необходимо для формирования скелета, мышц и т. д. ребенка. Одна-единственная оплодотворенная яйцеклетка, доведенная до конца, занимает организм женщины в течение девяти месяцев, затем приходит молоко и грудное вскармливание, которое должно нормально длиться от 4 до 6 месяцев.

Посмотрите, напротив, на мужчину. Его половые органы выведены снаружи брюшины. Его организм принимает очень малое участие в прокреации. Сперматозоид не содержит питательных запасов. При каждой эякуляции мужчина истощает тысячи сперматозоидов, и только один из них оплодотворит эту редкую яйцеклетку, которую женский организм поставляет, если позволить себе выражение, по «капле».

Перед лицом половой жизни и прокреации роли обоих полов полностью различаются.

«Сделать ребенка» занимает у мужчины всего лишь несколько секунд, но это захватывает на 1,5 года организм женщины и дается ей ценой многих болезней, тягот и страданий во время родов. Теряя все это время, она нуждается в защите, материальной безопасности, любви. Ее не стоит жалеть, ибо у нее есть радости в материнстве, не знаемые мужчиной.

Это может дать вам понять, почему женщина столь привязана к мужчине, который доставляет ей физическое сладострастие, если он дает ей также детей и она чувствует его нежность.

Женщина не может физически быть привязанной к нескольким мужчинам одновременно, как это может делать мужчина. Это противно ее природе. Если она любит, она целиком охвачена тем, кого она любит, она ему верна телом и душой. Ее жизнь полностью организуется вокруг него, и даже его отсутствие не побуждает «обманывать» его, она его ждет, она желает только его.

Мужчина может быть верен сердцем, но физически его желание неэксклюзивно, и если он таков, это никогда не бывает длительным. Его жена, та, что ему дает детей и хранит его очаг, занимает лучшее место в его сердце.

Физически независимо от любой законной связи и морали женщина, которая любит, более не свободна в своем теле. Она более не может желать другого мужчины. Физически мужчина, любящий женщину, остается свободным и способным желать других женщин.

В конце этого разговора, где я заняла исключительно позицию природы, животной точки зрения на любовь, не сочтете ли вы резонными следующие выводы:

Женщина никогда не должна отдаваться физически мужчине, к которому она никогда не испытывала нежности, к кому у нее нет доверия и которого она не уважает.

Ей не стоит никогда отваживаться иметь ребенка, пока она не испытывает полного физического наслаждения со своим мужем. Иначе рано или поздно она будет несчастна, будет его несправедливо упрекать и, если у нее будут дети, она их плохо воспитает.

Мужчине никогда не следует рисковать оплодотворять женщину, которую он только желает. Он делает себя ответственным за жизнь двух существ и не имеет на это права.

Мужчине никогда не следует жениться на женщине, которую он лишь желает и по отношению к которой он не испытывает уважения и нежности.

Мужчине никогда не следует делать ребенка своей жене до тех пор, пока он не доставил ей наслаждения. Иначе, рано или поздно, он будет несчастен.

IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА СЕКСУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

I	Сексуальное воспитание начинается с рождения. Родство инстинктов — генитальный инстинкт всего лишь последний по дате в эволюции. Возможность отвлечения инстинктивных сил в соответствии с удовольствием, соединенным с их удовлетворением. Культ сладострастия, специфически человеческая характеристика.
II	Как осуществляется воспитание инстинктов (использование способности отвлечения). Как формируется совесть. Идея добра и зла. Использование факта, что человеческое существо более нуждается в аффективном удовольствии, чем в физическом.
III	Мужские и женские характеристики человеческого психизма. Воспитание нравственного идеала в связи с требованиями инстинктов и требованиями пола.
IV	Аномалии в сексуальной жизни вследствие неправильно понятого воспитания. Инфантилизм, гомосексуальность, фригидность и импотентность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Поведение по отношению к сексуальности прививается неведомо для себя родителями и воспитателями задолго до того, как встанет вопрос о собственно сексуальности, т. е. генитальной активности.

* * *

I

Некоторые из вас передали мне вопрос, с какого возраста нужно начинать сексуальное воспитание. Да с самого рождения. Это вас удивляет? Однако сегодня я попытаюсь вам показать, что мы вступаем в возраст пубертата не «совсем новенькими».

Сексуальность не появляется вдруг сразу со зрелостью половых желез вопреки тому, что долгое время считали или скорее чему хотели верить еще тридцать лет тому назад. Говорили о ребенке, его невинности, его чистоте, как будто в возрасте пубертата он становился менее

невинным и менее чистым, особенно, как будто знание генитальной жизни содержало что-то нечистое или виновное. Так называемая невинность ребенка есть незнание сексуальной жизни и сладострастий взрослого возраста, но все составные сладострастия, которые знает ребенок, сохраняются и присоединяются к его желанию, когда он становится взрослым (пример: поцелуй, потребность видеть, трогать, заключать в объятие любимое существо).

До настоящего момента я вам говорила о способе, каким природа обеспечивает репродукцию у живых существ в целом, а также у животных и человека. Я вам описала инструмент этого инстинкта репродукции, генитальную систему, объяснила ее механизм, функционирование, физиологию. Вам уже понятно через данную мной аллюзию на мастурбацию и проявления желания у мужчины и женщины, что мы вышли за рамки просто животного инстинкта. К нему примешалась идея добра и зла. Как только речь идет о мужчине, инстинкт меняет обличье. Инстинктивные побуждения непроизвольны, но мужчина отвечает на них по своей воле. Он чувствует себя свободным при определенном выборе в своей установке. Удовлетворение генитального аппетита у мужчины, как и у животного, сопровождается удовольствием, как и удовлетворение всех других потребностей. Но установка человеческого существа перед лицом каждого из инстинктов ни в чем не подобна установке животного. Я хочу сегодня говорить с вами о сексуальной психологии и ее воспитании.

Чтобы понять установку человеческого существа перед лицом взрослого сексуального инстинкта, нужно связать ее с его установкой по отношению к другим инстинктам.

Открыв однажды удовольствие сосать, малыш, не испытывая голода и жажды, хочет продолжать сосать грудь, подсасывать. Оттого, что лишен груди, он плачет. Чтобы заставить его замолчать, достаточно дать ему что-нибудь пососать. Позже и по отношению ко всем своим инстинктам будет та же ненасытность, то же самое огромное искушение подчинить свое тело, свое сердце и свой разум требованиям своих аппетитов, никогда не удовлетворяемым.

Человек — единственное животное, как говорят, которое пьет, не испытывая жажды, не воду, но жидкость, которую он изготавливает благодаря своему уму и чтобы обеспечить себе в добавок к умированию жажды сенсуальное удовольствие, удовольствие, которое сопровождается психическим и аффективным возбуждением («быть веселым (грустным) во хмелю, приниматься ухаживать за женщинами после первой рюмки, быть злым, гневным во хмелю»).

Человек, подобно человекообразным обезьянам, всеяден, т. е. испытывает потребность есть все. Но человек — единственное из животных, которое изобрело огонь для варки и целое кулинарное искусство, обслуживающее потребность питаться, благодаря чему эта потребность становится источником сладострастия.

Ему нужно быть сильным, ловким, с хорошими мускулами, как другим животным, и как им, малышом, ему доставляет удовольствие играть. Но вскоре он «упражняется», т. е. он хочет себя превзойти; он ставит свой ум и чувства на службу этой потребности, чтобы упражняться, систематизировать свои результаты, одерживать победу над себе подобным, побивать рекорды других, побивать свой собственный рекорд, он ищет сладострастие усилия над самим собой, блаженство победы над другими, победы, свободной от любой материальной необходимости, вне потребности.

Одно из основных отличий, существующих между человеком и другими животными, это его ненасытность. Ненасытность своей чувственности, ненасытность своего ума, ненасытность своих чувств. У каждого из нас есть более или менее большие потребности для каждой из трех составляющих человеческой личности, но каковы бы ни были физические, интеллектуальные и аффективные границы, каждый ненасыщен в том, чтобы получать удовольствие сверх своих возможностей, это получение удовольствия есть сладострастие.

Человеческое существо может узнать сладострастие в каждом из трех планов, независимо от других:

— физическое блаженство от удовольствия до опьянения чувствами;

— удовлетворение от ума может доходить до самых абстрактных спекуляций;

— удовлетворение от сердца — это радость, которая может доходить до экстаза.

Если настоящая любовь, к которой мы все стремимся, дает впечатление полноты, так это потому, что она вводит в резонанс всю гамму сладострастий, от самых животных до самых духовных. Человеческое существо, достигающее равновесия этих трех видов сладострастия, — счастливое существо.

Поразмыслив над каждым из своих инстинктов, вы обнаружите, что для каждого из них мы можем достичь своего рода культа сладострастия, соединенного с ними, культа, который может пойти из ненасытности вплоть даже до отрицания витальной роли, которой инстинкт служил. Это может начаться с беспорядка и страдания

вплоть до разрушения индивида и смерти. Пьянство, которое проистекает из потребности пить в первом случае, богатство, которое вытекает из потребности доставать чего нет и в чем есть желание для второго, берутся сами в себе как блаженства, и их ненасытность такова, что они жертвуют этому все свои силы и все свои другие потребности. Они становятся загнанными зверями, охраняющими один свою бутылку, другой свою шкатулку, это сокровище, которое их делает нищими.

Вы видите на этих примерах, что человек способен использовать все свои силы, все свои мысли и всю свою активность, преследуя одно-единственное удовольствие в ущерб всем другим и даже в ущерб своему физическому и нравственному здоровью. Это может происходить благодаря естественному феномену: отвлечение инстинкта.

Я хотела вам дать понять, что такое отвлечение сил инстинкта. К примеру, растение, оно нуждается в солнце, вы помещаете семя в темный ящик с дыркой. Каковы бы ни были трудности, если растение живет, оно найдет свет любыми средствами, оно становится тонким и длинным, оно не выпускает листьев, представляет собой лишь тоненький и бесцветный стебелек, но, в конце концов, добивается своего. И вы видите, как однажды оно выходит через отверстие, обращенное к свету. То же самое для всех живых существ по отношению к их потребностям. Мы не знаем, что такая жизнь, она выражается совокупностью явлений. Можно жизнь использовать, ее нельзя отвергать.

Если живое существо не может утолить основной инстинкт, оно умирает. Для человеческого существа его чувствование настолько важно по отношению к его просто деятельности, что потребность в удовольствии необходима для удовлетворения чувств. Нужен минимум удовольствия, чтобы человек продолжал искать, чем успокоить потребность.

Что мы очень редко видим у животных, но очень часто у человека, он может отказаться полностью от основной инстинктивной потребности, если удовлетворение этой потребности не сопровождается удовольствием и, в особенности, если оно сопровождается страданием.

Я вам говорю, что почти никогда не встречается, чтобы у животных поиск удовольствия противодействовал функционированию его инстинктов. Однако мы все знаем примеры тому: собаки, привязанные к своему хозяину, при его смерти отказываются от любой пищи и дают себе умереть от голода. Потребность в любви, в нежности заставляет их отказаться от потребности питаться. Они ждут своего хозяина, вся

их энергия занята только этим, нет никакой другой на службе другого инстинкта. Вы видите то, чем может быть сила аффективной потребности у животного, у которого только один ум, одна память, одно воображение, одно чувствование и ограниченные возможности отвлечений инстинктов.

Этот пример показывает вам также, что с точки зрения только инстинктов, не обращаясь к интеллекту и чрезмерной чувствительности человека, если их сравнивать с тем, что имеет животное, потребность в эмоции более важна, чем физическая потребность. Удовольствие для тела, радость для сердца есть то, что свет для растения предыдущего примера.

У человеческого тела есть физические потребности, как у животного, и их утоление сопровождается чувством хорошего самочувствия; у него те же инстинкты, что у животного, но он обладает благодаря развитию мозга способностью отделять эмоцию от материального факта, по слуху которого он ее испытал. Если материальный факт и эмоция оба приятны, он будет стремиться их повторить. Если эмоция приятна, а материальный факт нет или больше таковым не является, как когда речь идет об удовлетворенном аппетите, он сможет благодаря своим мозговым способностям вообразить эмоцию, не повторяя акта, это называется мечтать (в бодрствовании или во сне), или повторить подобие акта, чтобы дать себе больше силы, дабы напомнить эмоцию, это называется играть. Животные мечтают, животные играют, но они очень быстро забывают; человек помнит. Воспоминание, что это как не мысль, связанная с эмоцией, испытанной по слуху прошлого факта. Припомнить воспоминание — это повторять эмоцию в отдельности от материального факта, с которым она была связана.

От рождения до смерти человеческое существо стремится получить максимум удовольствия от своего тела, ума и сердца. Инстинкт прокреации и удовольствие, которое связано с генитальным функционированием, — последний инстинкт по дате в ходе его физического развития.

В соответствии со способом, каким он повел себя ранее по отношению к другим инстинктам и удовольствиям, и тем, что ему приносило их удовлетворение, он будет реагировать перед лицом генитального аппетита по-разному. Вот почему воспитание сексуальности начинается с рождения.

Одна, однако, вещь появляется новой в последствиях его установки в генитальной жизни. В то время как в удовлетворениях,

которые он испытывал раньше, его поведение не имело последствий вне его, и его ошибки касались лишь его самого, в половых отношениях он всегда ответственен по отношению к другому, иногда к двоим: партнерша и ребенок, который может от них родиться и страдать затем материально и морально от того, что зачат случайно и без любви. Сексуальное воспитание должно, таким образом, дать сначала гармоничный расцвет инстинктов и, с другой стороны, пробудить чувство ответственности.

II

Как осуществляется воспитание инстинктов

Человек нуждается в удовольствии. Он привязывается к вещам и людям, которым ему его дают. Он страдает от всего, что его лишает этих людей и вещей. Он помнит о фактах и эмоциях, которые они вызвали. Он стремится к тому, чтобы их повторить или избежать в зависимости от того, принесли они удовольствие или неудовольствие. Когда они от него не зависят, он пытается вызвать своим поведением по отношению к внешнему миру их повторение и, если не может, удовлетворяется тем, что вновь проживает в воображении случай удовольствия.

Когда ребенок маленький, он смотрит на мать, чтобы знать, должен ли он делать ту или иную вещь. Затем он старается подражать взрослому, которого любит, и стремится стать подобным ему. В этот момент у него уже есть наметки совести. Он бывает недовольным и испытывает угрызения (отсутствие удовольствия), когда делает плохо, т. е. когда он действует наперекор идеалу взрослого, которому хочет подражать.

В первые месяцы никогда речь не идет только об отношениях с матерью. Она — его первая воспитательница. Затем отец и все окружение матери — и постепенно все взрослые, кому родители доверяют его воспитание, — начинают интересовать ребенка и, в особенности то, что делает его маму довольной или недовольной, приятной с ним или нет, и он потом с другими взрослыми ведет себя так, как он научился, общаясь с ней.

Ребенок нуждается в присутствии и улыбке матери, и он ищет повторения этого удовольствия, как только он его откроет. Вы все знаете, что малыши плачут, как только их укладывают в кроватку. Если у матери возникает дурная мысль вернуться к ним, когда они плачут, в то время как им ничего не нужно, она быстро становится их

рабой. Ребенок чувствует, что стоит ему поглакать, и она вернется. И даже если она в гневе, он получит, что хочет — ее присутствие. Он таким образом научается отделять свое «удовольствие» (уголение физической потребности) от радости (удовлетворение аффективной потребности). Присутствие сопровождается неприятной атмосферой. Это его нервирует, потому что нет гармонии. Это избалованный ребенок. Каждый из нас должен жить и не мешать соседу получать удовольствие и при этом не лишать удовольствия других. Если мать дает себе мешать из неумения больше, чем это ей доставляет удовольствие, она не права. Она забывает, что оказывает очень плохую услугу своему ребенку. Позже он будет действовать по отношению к другим людям как в своем первом опыте, и вместо того, чтобы его готовить к тому, чтобы быть счастливым, она его готовит к страданиям с другими, которые не дадут поступать с собой, как она, и заставляет страдать тех, кого он будет любить и с кем он будет обращаться, как эгоист, каким он станет из-за нее.

Другой пример: ребенок задает вопросы обо всем; наступает момент, когда он задаст вопросы о своем половом органе (не зная еще о том, что тот может быть чем-то другим, чем орудием делать пипи). Если его мать отругает за этот вопрос и пристыдит, он почувствует себя виноватым за свое любопытство, и в будущем может случиться, если мать показала себя очень недовольной, что он более никогда не осмелится заинтересоваться этой частью своего тела и будет считать ее отвратительной. Именно эти дети позже в момент пубертата проявят болезненную застенчивость. Они живут, как будто они виновны, с того момента, когда естественный физиологический толчок вновь привлечет, на этот раз обязательно, их внимание к этим самым органам, изгнанным из поля их любопытства с детства, в то время как еще не было вопроса о сексуальной жизни. Они становятся, наоборот, совершенно другими в пубертате, если им, маленьким, отвечают естественным образом на вопросы, которые они задают, без стеснения, но объясняя, что им пока нельзя сказать больше, потому что они еще слишком маленькие, чтобы понять, и их хвалят по поводу их наблюдательности.

Бывает, что взрослый застает ребенка за мастурбацией (такие жесты делают малыши, когда, например, делают свой туалет, и все дети от 4-х до 6–7 лет, когда они скучают). Взрослуому никогда не следует сердиться или угрожать ребенку воображаемыми опасностями. Самое большее — сказать, если девочка: «Большие девочки и мамы не делают этого при всех», если мальчик: «Большие мальчики

и папы не делают этого при всех». Эта ремарка, сказанная наедине, чтобы не унижать ребенка, тоном игривого внушения даст понять маленькому мужчине и маленькой женщине, что такое стыдливость. Он этому последует без труда, если, отказавшись на публике от этого незначительного удовольствия, он почтует, что лучше имитирует взрослый образец.

Вот почему воспитателям никогда не следует требовать от ребенка то, чему они сами не дают примера.

Ребенок способен, чтобы доставить удовольствие тем, кого любит, отказаться от многих жестов, вызывающих немедленное удовлетворение. Быть послушным, когда маленький, хорошо себя вести, когда большой, — это чувствовать себя в добром согласии со взрослым или внутренним образом взрослого, которым он восхищается и хочет подражать. Для него это более полное удовольствие, чем то, что дает простое физическое удовлетворение.

Человек, чтобы жить, нуждается больше в привязанности, чем в гигиене. Он может обойтись без гигиены и быть очень здоровым и очень счастливым; он не может обойтись без нежности и уважения, тогда у него возникают нарушения в здоровье и характере.

Ребенок испытывает потребность в привязанности, чтобы жить, но в то же время все заставляет его расти, т. е. становиться с каждым днем более взрослым и также принимать более мужской вид, если это мальчик, и более женский, если это девочка. Надо, чтобы ребенок развивался нормально, чтобы он любил того, кто его воспитывает, и чувствовал себя любимым им, но нужно также, чтобы требования воспитателя шли в направлении, соответствующем его инстинктивным наклонностям, т. е. в направлении, соответствующем его полу. Иначе может случиться, что он не будет самим собой, ибо маленькому человеку свойственно находить возможности, чтобы отклонять свои инстинктивные силы, даже противодействовать им, если такова цена, которую нужно заплатить за нежность и уважение взрослых. Что это может означать: стимулировать ребенка развиваться в направлении, соответствующем его полу?

III

В конце моей последней беседы, которую я посвятила физическим феноменам сексуальной активности, я вам сказала очень коротко о разнице, существующей между желанием (физический сексуальный аппетит) у мужчины и желанием у женщины. Сегодня я буду говорить о нормальном развитии девушки и юноши, но уже

не с физической точки зрения, как в последний раз, но с точки зрения характера.

Это может вас удивить, что в курсе сексуального воспитания я говорю о развитии характера, однако вы мной уже достаточно подготовлены. Я вам рассказала об опыте Пезара с кастрацией петухов; я коротко рассказала о поведении самок и самцов птиц и млекопитающих; вам хорошо понятно, несмотря на немногочисленность примеров, приведенных мною вам, что речь идет о том, что мы называем инстинктом у животных и посредством которого мы описываем их способ вести себя, не только в половом акте, но в обычной деятельности в их жизни. Я привела в качестве примера опыт ученого Пезара с петухами, чтобы дать вам понять важность мужского и женского сексуального функционирования в направлении этих инстинктов.

В человеческом роде животные инстинкты также существуют, но трудно о них судить по отдельности. Они вплетены в другие свойства, присущие человеческому роду, и зависят от развития нервной системы и, в частности, полуширий головного мозга. Я хочу сказать о разуме и аффективности. У человеческого рода появляются, мы видим, у каждого индивида, кроме инстинктов, мысль, чувства, воля, память, суждение. Все эти высшие способности, которые войдут в игру во время наших мельчайших действий, также являются, как и инстинкт животного, тесно связанными с функционированием половых желез.

Мальчик и девочка различаются своим способом бытия с самого раннего детства. У них не один и тот же способ мыслить и рассуждать. Один из вопросов, которые вы задали вашим инструкторам, следующий: «Как получается, что мы считаем девчонок такими сложными?» Так вот, это потому, что вы имеете тенденцию судить о других по самим себе и что, когда речь идет о девочках, такая манера подходить к делу не срабатывает. Впрочем, то, что вы говорите о девочках, они говорят о вас.

Послушайте несколько примеров:

Посмотрите, как девочка и мальчик бросают мяч. 9 девочек из 10 кладут большой палец вовне; 9 мальчиков из 10 — вовнутрь.

Как девочка и мальчик сжимают кулак: в 9 случаях из 10 девочка сжимает пальцы и оставляет большой палец на других пальцах сверху слегка противопоставляя его; в 9 случаях из 10 мальчик закрывает большой палец, но поверх других пальцев, и акцентирует движение противопоставления последним пальцам, и они больше складываются в ладони.

Посмотрите, как играют с песком маленькие мальчики и маленькие девочки. Маленькие девочки делают пирожки, они их украшают камешками, ракушками, рисунками. Они уходят и не разрушают, даже если знают, когда они вернутся, все будет разрушено морем или другими. Мальчики делают пирожки, горы, дыры, но все разрушают, когда уходят. Это составляет часть их удовольствия игры с песком.

Посмотрите, как они, те и другие, играют с камешками. Девочки играют в классики, они придумывают игры, где только один камень, чтобы бросать или подбирать. Мальчики играют, бросая камни как можно дальше, так далеко, что они их теряют. Я выбираю примеры из тысячи. Все, кто наблюдает за детьми, вам скажут то же самое.

Конечно, девочки могут научиться поступать во всем, как мальчики, и наоборот, но, конечно, инстинктивно у тех и других разные способы, ни лучше ни хуже. Так вот, это не является результатом случая. Это не является результатом меньшей силы, ибо девочка и мальчик до 10–12 лет одинаково крепкие. Это влияние их пола на характер и способ поведения.

Намеренно я привела примеры деятельности, не имеющих для ребенка никакого специфически сексуального повода и которые есть доказательства внутренне им присущей мужской и женской установки, независимо от их поведения вследствие идентификации со взрослыми, как играть в куклы для девочек и в солдатики для мальчиков.

IV

Я вам говорила, что у мужчины и у женщины обнаруживаются следы противоположного пола. По-видимому, в человеческом яйце в зародыше существуют обе возможности, но очень рано при развитии плода генитальная система дифференцируется на мужскую и женскую. Многие говорят об эмбриональной бисексуальности и присутствии у мужчины и у женщины сексуальных гормонов (веществ, выделяемых половыми железами) противоположного пола, чтобы объяснить гомосексуальность во взрослом возрасте. Это неверно, за очень редкими исключениями, когда природа, как кажется, действительно колебалась по поводу пола индивида. Это те исключительные случаи детей, которых при рождении не знают, под каким полом записать в мэрии. Они не имеют нормальной, с точки зрения внешних половых органов, конституции. Позже в соответствии с их общей физической и нравственной эволюцией их можно прооперировать, чтобы позволить им сексуальную жизнь в связи с вторичными признаками (развитие или отсутствие развития грудных желез, голос, костная

система, мускулатура, оволосение) и их более или менее отмеченным влечением к одному из полов, также как их предпочтение к пассивному или активному поведению в сексуальных отношениях.

Гомосексуальность, с которой обычно встречаются, имеет причиной не физические аномалии, но ошибки воспитания. Определенно можно сказать, что есть мальчики крепкого сложения, другие более тонкого, о которых говорят, что у них «вид» девочек, но они ими не являются, также есть очень крепкие девочки, о которых говорят, когда они еще маленькие, что у них мальчишеский «вид». Но они, тем не менее, совершенно дифференцированы с сексуальной точки зрения. И они, следовательно, должны в жизни вести себя в соответствии со своим внешним полом, которым их наделила природа, и ничто не помешает (если нет нарушений аффективного развития вследствие воспитания) этим мальчикам немного деликатного сложения стать настоящими мужчинами по отношению к женщинам и этим мускулистым и волевым женщинам стать настоящими женщинами по отношению к юношам. Напротив, все толкает их с точки зрения инстинкта вести себя в жизни по отношению к индивидам другого пола в соответствии с характеристиками поведения своего внешнего пола. Все их туда толкает, если ничто в их нравственном идеале не начинает противостоять формированию характера в связи с их настоящим полом.

Вместо того, чтобы воспитывать юношу или девушку, стимулируя их приобретать моральные качества и характер, соответствующие их полу, невежественные родители или воспитатели ведут их, иногда не отдавая себе отчета, к тому, чтобы формировать нравственный идеал, лишенный пола, т. е. инфантильный или соответствующий идеалу противоположного пола, т. е. идеал, по отношению к которому вкусы, мысли и черты характера индивидов их пола им кажутся достойными порицания. Или же нравственный идеал, по отношению к которому любое любопытство относительно другого пола и влечение к индивидам другого пола считаются виновным.

Бесполый нравственный идеал?

Стало быть, инфантильный? Это случай детей, в воспитании которых изгоняется всякое любопытство к сексуальной жизни взрослых, любая критика поведения взрослых в частной и общественной жизни, детей замыкают в вечном состоянии послушания, где не разрешены инициативы под предлогом опасностей, которые их подстерегают. Позже из них получаются взрослые в постоянном

подчинении другим и мнению, которое о них имеют другие, развалины без характера, без честолюбия, существа, не имеющие ценности.

Нравственный идеал, соответствующий идеалу противоположного пола?

Так бывает, когда матери млеют от удовольствия, что их мальчик такой же «нежный, как девочка» (переведите как: застенчивый, без смелости и без вкуса к риску и дракам, характерного для маленьких мужчин), или когда девочки более уверены, что понравятся своему отцу, если они будут, как парень в юбке, обладать качествами смелости и агрессивного куража, обычным уделом мальчиков. В период пубертата эти мальчики не смогут соперничать со своими товарищами, чтобы понравиться девочкам, они предпочтут девичью компанию, потому что будут чувствовать себя, как они, и будут страдать от чувства неполноценности по отношению к мальчикам, если не сделают выбор в своей генитальной жизни в сторону гомосексуальности в пассивной педерастической установке. Девушки типа «парень в юбке» со своей стороны будут чувствовать себя чужими среди девушек, и им будет хорошо лишь в компании мальчиков, но им они не смогут понравиться и те их бросят. Они будут страдать от чувства неполноценности по отношению к девушкам и разве что также в плане генитальной жизни не продолжат соперничество с мужчинами и не станут сами гомосексуальными, т. е. лесбиянками.

Нравственный идеал, в соответствии с которым любое любопытство относительно другого пола подвергается осуждению?

Это случай мальчиков и девочек, которых воспитывают как мальчиков и девочек, но которые должны жить по отдельности и им запрещается любая смешанная дружба под предлогом опасности, порождаемой промискуитетом. Но эти воспитатели хотели бы, чтобы с наступлением возраста генитальных аппетитов они естественным образом испытывали влечение одни к другим. Дело в том, что преенебрегают важным фактором полной сексуальной жизни, доверием и дружбой, которые должны скрепить любовь, где желание — всего лишь один из аспектов, далеко не полный.

Эти мальчики, которых систематически отдаляли от девочек, не знают их и боятся. То же самое у девочек, воспитанных подобным образом, по отношению к мальчикам. В пубертате они продолжают друг друга избегать. Позже они станут мужчинами, для которых гени-

тальное удовольствие, разделенное с женщиной, несет чувство вины, отвратительно, необходимость, к которой их принуждает гигиена, в особенности, если им внущили чувство стыда за мастурбацию. Эти мужчины будут считать порочным стремиться дать оргазм своей жене, если они женятся. Они довольствуются тем, что делают им детей, как будто совершают плохой поступок. Часто они наполовину импотенты. Если у них есть дети, они не умеют их воспитать стать другими, чем они сами. В случае если они страдают от полученного воспитания, они, тем не менее, оказываются неспособными внушить уверенность своим детям одержать верх над рисками, которые их деформированный нравственный смысл заставлял их всегда избегать.

Женщины, воспитанные таким образом в святом неведении юношей, не подготовленные уважать их и не знающие их характера, чувствуют себя очень одинокими в их компании и, если не чувствуют отвращения, всегда стыдливы в интимности тел. Они фригидны и относятся к своей роли женщины всего лишь как к унижению, которое надо терпеть из чувства долга. Своим детям, если это девочки, они не позволяют свободно развить качества, которым они не дали развиться у себя. Они их воспитывают плохо. Если это мальчики, они всегда обеспокоены и испытывают стеснение при виде характеристик их пола. Именно такие мамы отпускают длинные волосы своим мальчикам, одевают их в костюмы, украшенные, как платья у девочек, они считают мужской жест, чтобы писать, столь «уродливым», что одевают мальчикам штаны с застежкой по бокам вплоть до весьма продвинутого возраста. Я видела, как такие мамы зашивали на машинках ширинки штанов, купленных в отделах готового платья, потому что «ширинка — это так некрасиво». Естественно, они впадают в отчаяние, если их мальчик хочет показаться мужественным, драчуном, отчаянным. Они предвещают ему всевозможные бедствия и в самом деле испытывают страх, когда он играет с другими мальчиками.

Заключение

Я с вами только что говорила о том, что родители и воспитатели, сами не зная того, ведут доверенных им детей к неправильному сексуальному поведению во взрослом возрасте. И это правда. Они внушают детям свой способ думать и чувствовать. И они сами чувствуют себя в стеснении перед лицом своих инстинктов и, в особенности, своей сексуальности, они формируют у своих детей сознание, искаженное, как и у них.

Научить ребенка с самого раннего возраста подчинять удовлетворение всех своих инстинктов условиям, необходимым для здоровой и приятной жизни не только для него самого, но также для его окружения, позволить ему все удовольствия, которые они ему приносят, если они совместимы с его здоровьем и хорошей социальной адаптацией, — это подготовить его занять похожую установку по отношению к генитальному инстинкту, который появляется после других. Многие родители и воспитатели пренебрегают этим первым воспитанием, в то время как другие, напротив, проявляют себя гораздо более требовательными, чем это необходимо.

С другой стороны, я вам об этом говорила, девочка и мальчик очень различаются по своему характеру, играм, видам деятельности, чувствам, значительно раньше возраста полового созревания, при этом девочки, желая идентифицироваться с матерью и женщинами, больше любви испытывают к своему отцу, мальчики, желая идентифицироваться с отцом и мужчинами в целом, больше привязаны к своей матери. Воспитатели и родители могут по своей воле или, не подозревая об этом, воздвигать барьеры этой нравственной эволюции характера и сердца ребенка. Либо примером, который они подают (матери, порицающие мужчин, отцы, порицающие женщин), либо из эгоизма (матери, ревнуюя к более сильной привязанности своей дочери к отцу, отцы из-за более сильной привязанности сына к матери), либо советами, порицаниями и запретами, диктуемыми родителям — вне всякой необходимости — их собственной нравственной установкой перед лицом этих мужских и женских сексуальных характеристик и в особенности перед вещами генитальной жизни, установкой, которая восходит к их собственному детству и их собственному воспитанию.

На самом деле, с самого раннего детства нравственная позиция должна быть принята по отношению к генитальной жизни, хотя и пока неизвестной.

Есть нравственная позиция по отношению к удовольствиям тела, к частям тела с элективной чувствительностью, слизистая пищеварительного тракта (рот, анус) и, в частности, мочеполовая область, строение которой единственно отличает мальчика от девочки в первые годы. Дети, которым внушают, что это плохо — интересоваться этими анатомическими областями и удовольствиями, которые они могут дать, или что это грязно или что это доставляет огорчение тем, кого они любят, испытывают большие трудности при половом созревании, а затем и во взрослом возрасте в том, чтобы

изменить мировоззрение. Вместо стыдливости своего пола им внущили стыд.

Помимо установки по отношению к физическим аспектам пола, есть также установки аффективные, любопытство, безразличие, доверие или недоверие, порицание или уважение, которые усваивают дети по отношению к детям и взрослым другого пола, они оказывают влияние по мере их социального развития. В подростковом возрасте, если эти установки по отношению к другому полу негодны, их будет трудно исправить, потому что в них нет ничего рационального, они лишь результат нравственных предрассудков, усвоенных сознанием при контакте с неумелыми родителями и воспитателями. Если затронуть эти предрассудки, составляющие часть совести субъекта в той же степени, что его ужас перед кражей и убийством, то это в какой-то степени как если бы перевернули все его идеи по поводу добра и зла.

Все это объясняет вам трудности позднего сексуального воспитания в том возрасте, каком вы находитесь. Я хотела вам дать поразмышлять об этих проблемах; извините, если эта беседа оказалась гораздо труднее, чем другие; это вина не моя, а предмета, который очень сложен, а также всех чувств, пробуждаемых в вас. Вы уже больше не дети.

V

ЖЕЛАНИЕ И ЛЮБОВЬ ДОЛЖНЫ И МОГУТ БЫТЬ ГАРМОНИЧНЫ

Нравственная, аффективная и интеллектуальная установка по отношению к генитальному инстинкту восходит к первоначальному воспитанию.

Желание — лишь деталь в совокупности отношений, объединяющих мужчин и женщин.

Любовь, аффективная сексуальная потребность, может существовать в гармонии с желанием.

Естественная эволюция аффективных отношений между юношами и девушками.

Последовательные стадии: влече^ние, выбор, фиксация, связь.

Воспитание должно относиться к любви с уважением, не противодействовать и не ускорять искусственно.

Роль сексуального воспитания девочек и мальчиков.

Роль аффективного воспитания девочек и мальчиков.

Необходимость осознания своих:

- взаимных потребностей (инстинктов и аффективных);
- взаимной ответственности по отношению к партнеру и по отношению к ребенку (здравье физическое и здравье нравственное).

Счастье — максимум удовольствия для индивида (сердце и инстинкты) в согласии с уважением к самому себе и уважением к другим.

Равновесие между физическими потребностями и аффективными потребностями = нравственное здоровье, основа счастья.

* * *

Я объяснила вам в последний раз, что генитальный инстинкт, т. е. сексуальный инстинкт в собственном смысле с физиологической точки зрения — всего лишь инстинкт среди других инстинктов, и его следует рассматривать как последний по времени появления в развитии ребенка. Я вам говорила, что нравственная позиция, т. е. идея добра и зла, которая связывается с сексуальностью, берет начало для всех нас в детстве. Мы ее усваиваем в то время, когда наши половые органы являются для нас всего лишь аксессуарами нашей половой системы и выхода нашего пищеварительного тракта.

С малышом, кого хотят приучить к чистоплотности, часто происходит то, что взрослые слишком часто ему внушают мысль о мочеиспускании (делать пипи) и дефекации (делать каку) как постыдных действиях, грязных, а не как о — как это должно быть — необходимых действиях, лишенных особого внимания рядом с высшим интересом, каким является факт быть чистым, т. е. усвоить привычки взрослых и тем доставить удовольствие своей маме, избавив ее от работы. В основе воспитания чистоплотности, которое начинается очень рано, т. е. до того, как у ребенка появится желание подражать взрослым, обязательными оказываются строгие внушения. Порицание и наказания — вот оружие мамы, и у ребенка появляется чувство вины, которое является абсолютно вредоносным. Вместо того, чтобы ощущать за себя гордость, когда он чистый, и безразличную снисходительность за свою неопрятность, он чувствует себя виноватым, когда испачкался. Это чувство вины будет с этого времени сопровождать все проявления его любознательности, игры и высказывания, касающиеся этих частей тела, которые для умного и наблюдательного ребенка являются тем более интересными, что они спрятаны под одеждой.

Половой член для мальчика, вульва для девочки будут всегда ассоциироваться с первыми нравственными установками, которые им придется усвоить по отношению к этому в детстве. К 3–4 годам мальчик испытывает эрекции, а девочка возбуждения клитора, потому что у малышей возникают спонтанные генитальные возбуждения, которые, хотя и неполные, привлекают их внимание к удовольствию, с ними связанныму. Если тогда, застав их за троганием себя, как они говорят, неумелые родители им строго угрожают опасностями, болезнями, драматичными наказаниями (тебе его отрежут!), ребенком, с доверием относящимся к неумелому взрослому-лгуну, овладевает нечто вроде священного ужаса.

Этот священный ужас, вы его все забыли, но в 15 лет при возобновлении генитальных возбуждений, которые почти полностью исчезли с 7 до 14 лет, к тем, кто его испытал, он возвращается столь же живым и магическим, как в забытом детстве. Откуда эта идея «это плохо или опасно мастурбировать», в то время как на самом деле, я вам об этом говорила, это не опасно, но просто удовольствие, не представляющее интереса по сравнению с удовольствием ласк и в особенности полным сексуальным актом с партнером противоположного пола.

Вместо того, чтобы терять время и тратить силы, чтобы думать об этой мастурбации, чувствовать себя от этого виноватым и размыши-

лять, как ее избежать в этом возрасте полового созревания, которое предвещает в скором времени генитальную зрелость, другая важная проблема должна ставиться без ограничений перед юношами: как прийти к тому, чтобы стать мужчинами. Это означает соперничать с другими, чтобы найти место в обществе, чтобы получить признание и суметь тем самым обрести свободу в выборе спутницы, которую они желают, ее покорить и завоевать.

Юноши, которые во имя учебы, работы или семейных обязанностей пренебрегают посещением девушек и приобретением качеств, благодаря которым их могут оценить, — это страдающие неврозом молодые люди. Они прячут под систематическим предлогом своей страха перед женщинами, сексуальность по причине чувства неполноценности и чувства вины (робость). Эти молодые люди, если они женятся, никогда не будут морально заниматься своей женой и своими детьми из-за своей работы, «ведь у них в голове другие вещи, а не эта ерунда» (так называют они сердечные вещи). Перед аффективными упреками своей разочарованной спутницы жизни они постановляют, ворча, что жизнь — это не поездка ради удовольствия, но на самом деле удовольствие, ради которого как раз они и работают, — это иметь жену и очаг; они это отрицают, потому что не осмеливаются этим воспользоваться.

Столь же невротичны молодые люди, которые, будучи наделены т. н. сильным темпераментом, не думают ни о чем, кроме женщин, как говорят, рисуют «потерять себя», в соответствии с очень точным народным выражением; они пренебрегают своей психологической и аффективной зрелостью во имя физической зрелости. Они соблазнители, но не умеют и не могут, из-за своей социальной интеллектуальной неполноценности по сравнению с другими мужчинами, сохранить женщин, которых соблазнили. Вспомните примеры, что я вам привела (пьянство, склонность), результаты ненасытности к удовольствию, нормальным образом ассоциированному с инстинктом, и удовольствию, культивированному в ущерб личности и идущему наперекор самой цели инстинкта. Так вот, «донжуанство» в какой-то степени есть пьянство желания. Это ненасытность желания ради самого желания. За их внешностью, которая есть всего-навсего видимость, столь же морально нищенская, как и видимость пьяницы, хотя более лестная на вид, все Дон Жуаны — это развалины, не могущие любить. Есть не только физическая импотенция, хотя о ней столько говорится на четвертых страницах газет. Есть импотенция сердца. Как я вам уже говорила, человеческое существо нуждается больше в аффек-

тивном удовольствии, чем в удовольствии физическом, и эти мужчины еще более несчастны, чем мужчины без желания.

Что касается девушки, половая зрелость должна им вернуть гордость за свой пол, за его обещания материнства, подтолкнуть их развивать сердечные свойства и практические качества, которые сделают из них девушек, способных нравиться молодым людям, которых они уважают, привязать того, кого они выделят среди других, стать настоящей женщиной, центром очага и воспитательницей. Все это развитие женщины в девушке ни в чем не тормозится, учебой или подготовкой к профессии, которые ей позволят обеспечить себя самой, совсем наоборот. Это ей даже необходимо, чтобы она чувствовала себя свободной в выборе мужчины, за которым она последует, и для того, чтобы позже, если она останется одна, она могла зарабатывать на жизнь себе и детям, если они будут у нее на иждивении. Женщина, столь умная и столь занятая своей работой, должна обладать этими женскими качествами.

Девушка, избегающая, во имя учебы или любого другого т. н. уважительного повода, либо все домашние занятия, либо все случаи посещать юношей, — это невротичная девушка, которая, на самом деле, прячет за своими «обязанностями» сильное чувство неполнопочленности и страх перед сексуальностью. Эти девушки, если они позже выходят замуж, делают это из приличий и без любви. Они плохие супруги и плохие матери, которые, однако, посвящают себя «обязанностям» жены и матери, но их страх перед сексуальностью делает их фригидными, иногда мученицами. Они «жертвуют» собой, как они говорят, ради своих детей, т. е. они не позволяют себе ни одной из настоящих радостей материнства, которые компенсируют нагрузки и тяготы. Во имя своей любви, что кажется естественным другим матерям, они не дают своим детям двигаться к той свободной жизни, которой они не знали.

Столь же невротичны девушки, которые подобно типу Дон Жуана у мальчиков, с наступлением пубертата думают лишь о том, чтобы «развлечься», как говорят, и которые «плохо кончат», как точно говорит народное выражение. То есть они пренебрегают всем, что нравственно и социально им позволит уважать самих себя и вызвать уважение к себе со стороны других. Эти девушки стремятся лишь к тому, чтобы возбудить желание мужчин и одержать победу только в этом плане над другими женщинами. Они привлекают мужчин, но не привязывают их к себе. И неспособные обеспечить себя сами, ни морально, ни материально, они несвободны, кому отдастся. Они вынуждены

продаваться мужчине, который их желает и кто их содержит. Я говорю не только, и вы можете мне верить, о женщинах, которые официально торгают своим телом; многие браки представляют собой только торговую сделку, где избранник не тот, которого любят, а кто больше всего даст. Эти женщины очень хорошо чувствуют, что то, что они держат, хрупко, ибо нить, которая их соединяет с мужчиной, замужем они или нет, основывается лишь на его желании к ним.

Желание мужчины является малонадежным. Его привязанность может быть длительной только, если она основывается на уважении, дружбе и нежности к той, которая придает их жилищу нежность и стабильность очага. Это требует большого искусства и терпеливой нежности, великодушия, ежедневных хлопот, талантов хозяйки. Все это нельзя изобрести, этому учатся каждый день в подростковом и молодом возрасте. Короче говоря, эти женщины, какими бы способными они ни были к удовольствиям тела, являются несостоительными в любви.

Этим молодым людям и девушкам, которые укрываются в инфантальной и боязливой моральной установке, или кто, напротив, ставит свою социальную и нравственную жизнь в зависимость от своих физических желаний, им нужно гораздо больше, чем просто сексуальное воспитание: настоящее перевоспитание. Я вам говорила, что они страдают неврозом, и это правда; если их не лечить морально, их будущее целиком обречено на провал.

Прежде всего, их нужно примирить, тех и других, с их физической сексуальностью, дать им понять, что желание не является ни запретным, ни уродливым, ни грязным, ни нечистым, но оно также не является единственной вещью, ради которой стоит пожертвовать остальным. Им нужно дать понять уважение, с которым они должны относиться к физической стороне любви, и очень важную, но ограниченную роль, которую она играет, и в особенности дать им уловить, что развитие их сексуальности должно быть связано со всем их развитием, если они хотят стать взрослыми, достойными этого имени.

Как я вам сказала в последний раз, вся эта работа очень медленная, трудная и очень деликатная. Их установка по отношению к своей сексуальности, хотя им уже 12—16 лет и они кажутся умными, не является разумной; те резоны, что они себе дают, ложные. Эта установка проистекает из всего их нравственного сознания идеи добра и зла. Одни не дают себе права думать про свой пол во имя своих обязанностей; другие думают, что право на любовь, опороченное

их родителями, должно быть оплачено презрением к социальным и моральным ценностям их родителей и в которых, тем не менее, они нуждаются в той же степени, как в своем т. н. богатом темпераменте.

Если попытаться скорректировать ложные идеи относительно сексуальности, которые они сформировали на протяжении детства, это как если бы поставить под вопрос все моральные суждения, которые им до сих пор служили основой. Оказывается целиком подорванным нравственное сознание у всех тех, кому внушают, что, возможно, они ошибаются насчет любви. Вот почему перевоспитание — это очень серьезно в этом возрасте и от него предпочтительнее отказаться, если не уверены, что сумеете справиться с неизбежной моментальной растерянностью, что это вызовет у этих молодых людей.

Рассмотрев эти ограничения, предположим, что дети вступают в период пубертата после благоприятного воспитания, т. е. воспитания, которое не подорвало основы нормальной сексуальной эволюции. Так вот, эти годы пубертата и подросткового возраста чрезвычайно важны в подготовке их будущего, не только сексуального, но и нравственного и социального, и здесь поистине нельзя терять времени в страхах и пренебрежении сексуальностью.

Как только у них рождается призыв желания, нужно преподать юношам и девушкам относиться к нему с уважением и знать в то же время их взаимные потребности по отношению к физическим удовольствиям и радостям сердца, которыми им следует научиться обменяться, их взаимную ответственность в любви. Так им помогают приобрести средства самим создавать свое счастье тем способом, которым они сумеют направлять себя среди многочисленных случайностей встреч, что им уготовливает жизнь.

Параллельно свободному развитию инстинктов с физиологической точки зрения, которое приводит нормальным образом к желанию к партнеру другого пола, должно свершиться свободное развитие в психологическом и аффективном плане, которое при своем расцвете ведет к тому, чтобы питать любовь, дружбу и нежность к желанному существу.

Я буду называть эти два аспекта взрослой сексуальности, чувственный и психологический, желанием и любовью. Оба должны находиться в гармонии и могут быть в гармонии. Разделенное желание приносит максимум удовольствия, разделенная любовь приносит наивысшую радость. Если радость и удовольствие встречаются и связываются с одним и тем же существом, это счастье. Это то, о чем мечтают юноши и девушки. Мы хорошо знаем, что в мире

нет совершенства, но, вероятно, возможно оказать большую помощь молодым людям в приобретении своего первого опыта, в том, чтобы выдержать свои первые и неизбежные разочарования. Воспитание любви — это искусство. Это искусство основывается на уважении к природе. Человек — прежде всего, животное, хотя еще и что-то гораздо большее.

Подумайте о том, что я вам сказала о наших инстинктах и нашей ненасытности к удовольствию. В том, что касается генитального инстинкта, скольким молодым людям не терпится доказать себе и, в особенности, другим, что они мужчины, тем, что переспали с женщиной, и похвалиться своим геройством, в то время как они ничего себе не доказывают вовсе. Обогатившиеся этим физическим опытом, в опыте нравственном они столь же бедны, что и раньше. Иногда нравственно беднее, меньше себя уважая, чем раньше; это происходит, когда они потеряли невинность на пирушке, когда будучи не в своем уме, чтобы придать себе храбрости и сделать, как другие, они впервые узнали не красивую, нежную, привлекательную женщину, о которой они мечтали, а лишенную поэзии профессионалку, которая чаще всего вызывала у них чувство омерзения, а затем у них взяла деньги.

Следует ли говорить, что молодые люди должны избегать контакта с женщинами до этой зрелости? Нет, наоборот, ибо как раз посещение существ противоположного пола ведет юношей и девушек к их психологической сексуальной зрелости, забота о которой должна занимать столь же значительное место, как и физиологическая зрелость.

Есть целая гамма, которую нужно пройти в сексуальных и аффективных отношениях между девочками и мальчиками в детстве в период пубертата и в подростковом возрасте, чтобы они достигли, и те и другие, возможности настоящего союза.

С юных лет есть бессознательно сексуальное влечение, но в особенности аффективное и интеллектуальное; оно характеризует приятельские отношения между мальчиками и девочками. С детства в своих играх мальчики и девочки не должны (и в норме они этого не делают) играть похожие роли, каждый приносит характерную ноту своего пола. Стоит понаблюдать предоставленных себе детей на пляже, например. Эта дружба отличается от того, что существует между индивидами одного пола; к ней примешивается всегда, хотя и бессознательно, определенная сексуальная эмоция, иногда слегка намеченная, некоторая ревность, которая есть оборотная сторона любви, это дружба, в которой мальчики стремятся получить восхи-

щение и завоевать девочек, которых они находят «потрясающими», и им помочь, если это нужно. Они горды тем, что девочки рассчитывают на них. Эта дружба существует по отношению к многим девочкам, каждую из которых они ценят за разные физические и моральные качества. Эти приятельские отношения эволюционируют, они могут трансформироваться либо в безразличие, либо в настоящую дружбу, лишенную плотского интереса (отсутствие сексуального интереса, сексуальный интерес переносится на других), либо привести к своего рода избирательной влюбленной дружбе, характерной для товарищеских отношений между юношами и девушками.

После периода влечения наступает реально время выбора, это также время флирта. Можно сказать, что флирт имеет место, когда в отношениях между юношами и девушками обнаруживается уже не бессознательно, но сознательно эмоциональный элемент с потребностью завоевать для себя, защитить и дать, а для нее ее потребность соблазнить, прибегнуть к нему и захватить. Короче говоря, то, что называется флиртом, не что иное, как манифестация в плане желания этой потребности выбрать для себя существа среди других на более-менее длительное время, тип отношений, который характеризует все аспекты отношений между юношами и девушками от 15 до 17 лет.

Флирт может привести к увлечению, т. е. к началу настоящей любви, для которой ни тот, ни другой еще не являются зрелыми — попытка согласования в выборе в тройном плане, моральном, интеллектуальном и сексуальном. Обычно флирты многочисленны, нестабильны. В большинстве флирты не ведут к влюбленности, развиваются затем в норме к полному безразличию или к дружбе без плотского интереса.

Влюблённость может рассеяться, появиться к другой девушке до того дня, когда наступает время потребности в сексуальной фиксации.

Первая фиксация обычно не бывает еще окончательной; во всяком случае, если она такова, еще неизвестно, что она такой будет. Это начинается как влюблённость, затем влюблённость уже не оставляет больше места ни в уме, ни в сердце для другого. Говорят тогда, что молодые люди «женихаются». Эта стадия соответствует той, что в традиции квалифицируют именем «помолвки».

Бывает, что достаточно долгая фиксация не оказывает, однако, сопротивления эволюции, продолжающей свершаться у юноши и девушки. По истечении определенного времени «жениховства» они замечают, что им уже недостаточно друг друга и что они не смогли

бы сделать друг друга счастливыми, если соединяются по жизни. Тогда имеет место нарушение согласия, разрыв или перемещение только в план аффективного и интеллектуального, они остаются друзьями без чувственного интереса друг к другу, в то время как в сексуальном плане кто-то другой захватывает заботу об их желаниях до тех пор, пока не завяжется другая фиксация.

Если фиксация проявляет себя как длительная, появляется для молодых людей, которые испытали влечение друг к другу, затем сделали элективный выбор, необходимость разделить все радости, все удовольствия, все усилия, помочь друг другу вынести вдвоем все тяготы, поражения, страдания. Короче, появляется необходимость связать свои жизни совместной жизнью материально, морально и социально. Именно этой стадии нравственной эволюции отношений мужчины и женщины, стадии тотальной связи, соответствует формирование пары. Человеческие законы подтверждают ее в виде брака.

У мужчины есть потребность трудиться для «своей» женщины. У женщины есть потребность принадлежать полностью ему и его делу. Если он может ее понять и умеет ее удовлетворить, две вещи, естественные для него, если он ее любит, и в чем она нуждается, чтобы быть счастливой, ей не нужны больше другие возможности, чтобы искать привязанность в другом месте; она принадлежит только ему, его делу и его детям, если он их ей дает. Ей не от чего отказываться, все ее желания осуществлены. А мужчина может тогда строить свою жизнь вокруг нее, делая ее центром. Если он найдет в ней отклик своим стремлениям, если он найдет в жизни своего очага солидную базу, в которой интегрируются все материалы, что он приносит извне, если он признает, что ничего из того, что его интересует, не исключено из дома, он чувствует тогда, что все его мужские амбиции укореняются в этом очаге. Женщина, душа очага, — та, что он будет всю свою жизнь звать «своей» женой, даже если его желание отвернется на время от нее. Мужчина чувствует, что их две судьбы перемешались для дела, которое, прежде всего, его собственное. В нем он умеет сохранять инициативу и управление, чувствует, что от его равновесия и счастья зависит ее счастье, он ее понимает, как она понимает его, это и значит любовь. Сначала два товарища, исполненные чувства, затем два влюбленных друга, два верных любовника, теперь это два супруга, т. е. два друга и два союзника для общего дела, для счастья, которое надо им вместе завоевать.

Вот схематичное изложение эволюции аффективных отношений двух полов. Вы видите, что оно заслуживало, чтобы об этом подумать.

Вы видите, что на одно имя природы отвечают природные потребности двойного плана, физиологического и аффективного (план тела и план сердца), при этом развитие спонтанно стремится осуществляться в направлении, которое находится в согласии с традиционными социальными утверждениями. Но грубой ошибкой, которой следует избегать, и она, впрочем, не соответствует духу никакого нравственного закона, никакого религиозного закона, будет, если утвердить легально то, чего не существует. К несчастью, из-за часто неправильного воспитания у юношей и девушек складывается ошибочная концепция добра и зла в том, что касается проблем пола в моральном плане и также в плане физическом, и в результате это часто идет наперекор природе к самому большому ущербу для людей и их расцвета.

Позвольте теперь поговорить с вами непосредственно о вас, молодые люди от 16 до 22 лет. Я уже говорила вам, что мужчиной можно показать себя не в том, чтобы быть способным переспать с женщиной. Что вы на это способны, это известно, это нормально, и вы — нормальные люди. Но стать мужчиной — это труднее, это уметь правильно выбрать девушку, которая вам подходит, уметь завоевать девушку, потому что она вам нравится, уметь ее научить, уметь любить ее, и чтобы она вас любила, не только физически, но и со всех точек зрения, уметь ее сделать счастливой — не этому ли всему вы хотите научиться в годы вашей молодости, когда вы еще не думаете о женитьбе, но когда и меня вы не заставите поверить, что думаете о девушках только ради удовольствия чувств. Пусть старики, которым не удалась жизнь, так говорят, вам открывается вся жизнь, не отказывайтесь от нее. Отказаться от радостей сердца, что вам принесет любовь желанной женщины, — это означает отказаться от части вашего счастья.

Что сказали бы вы о растении, которое пожелало бы иметь плоды во время цветения? Так вот, природа такова повсюду. Нельзя выходить за пределы своих возможностей, не подвергая себя опасности. Наступление пубертата и подростковый возраст — это весна жизни. Если вкус к удовольствию родился для тела, если сильно влечеие к женщинам, но юноши еще не способны обеспечить ни материально, ни аффективно заботу о жене и еще менее — о жене и ребенке.

До тех пор пока ум незрел, молодые интеллектуально пожираемы любопытством, но они неспособны самостоятельно заниматься делом. Пока их сердце незрело, оно еще плохо влюбляется, оно еще не может зафиксироваться.

Часто они думают, что любят, но только испытывают желание, и их желание столь властно, что они говорят слова, какие нужно говорить женщинам, чтобы они поверили в нежность, дружбу, в уважение, которые те ощущают к ним. Они говорят эти слова, как актеры свой текст на сцене, но эти слова не являются искренними. Доказательством тому, как только женщина досталась физически, ничего более не остается от их привязанности. Хорошо еще, если они не презирают девушку, поддавшуюся на уговоры. Сколько тех, кто говорит: «Ей не надо было поддаваться!» Трусливое презрение, у которого только одна цель — позволить им сохранить ложное уважение к самим себе, жалкие мужчины! Еще до того, как взять женщину, нужно было подумать о других, кто был до них.

Если вы любите женщину, то такую, какая она есть, с тем, что сделало из нее ее прошлое. И если она вам только нравится, зачем разыгрывать комедию любви, если бы вы не знали наверняка, что, когда речь идет об удовольствии, она вас не будет слушать. Новенькая или уже обманутая другими, она ищет не только одно удовольствие, как вы, но хочет отдаваться вам. Так вы подло презираете наиболее достойных уважения, тех, чья свежесть и неопытность позволяют из них делать ваших жертв.

Не используйте другое дурное оправдание: «Женщины коварны, это они нас завлекают». Если это и так, то это вы хотите, чтобы вас завлекали. У кого необходимая инициатива, если не у вас? Женщина пассивна физиологически, не забывайте об этом, сама ее активность — активность терпения, но это ожидание, оно страстное, но все же ожидание пассивное. Вы должны быть хозяевами ваших чувств, если вы мужчины, то оправдание для трусливых: «Это было сильнее меня!»

Как бы физически ни была возбуждена пара, опасно играющая с удовольствием, мужчина всегда может сохранять ясность, в то время как женщина уже полностью соглашается. Ответственность за половой акт лежит только на нем одном. Ему надо думать о возможных последствиях для нее в минуту его собственного полного удовольствия. За минуту эгоистичного удовольствия он, возможно, рискует навязать 18 месяцев трудов телу, к которому он испытывает иногда желание в течение мгновений, а также моральные и финансовые заботы, связанные с ребенком. Женщине, относительно которой он даже не знает, уважает ли он ее, любит ли, и он как раз не знает, что она старается ему понравиться.

Когда я прошу вас думать о последствиях зачатия для женщины, я выступаю не только в защиту женщин, но я выступаю в вашу защиту.

Может ли гордиться собой мужчина, который говорит девушке: «Я буду любить тебя всегда, ты можешь рассчитывать на меня» и бросает ее с ребенком, которого ей сделал? Может ли уважать себя тот, кто говорит девушке, жадной до удовольствия, как и он, но юной, доверчивой, иногда беспокойной из-за того, что, если она ему не уступит, он уйдет к другой: «Будь спокойна, со мной ты ничем не рискуешь» и делает ее беременной? Тот, кто, действуя убеждением, которое облегчается его престижем самца в любовных играх, — в особенности, если женщина молода и влюблена в него, — добивается для их утех вдвоем, что она доверчиво отдается, но он бросает ее беременной, как только дело сделано, со словами: «Сама виновата, тебе не надо было мне верить». Может ли этот самый уважать себя после сделанного?

Мужчина жаден до удовольствия, но не забывайте, что он еще больше нуждается в сердечных радостях и особенно в самоуважении. Именно это нужно понять в вашем возрасте, когда еще вы незрелы, чтобы создать очаг, поскольку об этом думаете, как о еще далекой вещи.

Думайте об ответственности, которая лежит на вас, по отношению к женщине, когда есть риск ей «сделать малыша», как говорят. Если вы ее любите «большой любовью», думайте больше об ее здоровье, ее будущем и, если вы ее любите по-настоящему, думайте еще больше о том здоровье, от которого будет зависеть будущее ваших детей, если они у вас есть, и ваше счастье в любви.

И если вы не любите женщину, которую чувственно желаете, тело которой вам дает удовольствие, имейте, по крайней мере, благодарность за удовольствие, уважение к этому телу, которое вам отдается, и даже уважение к телу, что продаётся. Это тело не существует само по себе, оно принадлежит сердцу женщины. Если она пала в глазах общества, она, тем не менее, была такая же, как другие в своей молодости, она, конечно, не одна несет ответственность, и у вас нет никакого права создавать ей заботы в любви, ребенка, чтобы она переносила это сама, под предлогом, что она, чтобы жить, ничего другого не умеет делать, как продавать удовольствие. Если она еще не рассматривается, как падшая в глазах общества, не становитесь тем случаем, что заставит ее испытать отчаяние от любви, презирать мужчин и удовольствие, потому что вы не сумели ее любить, вы, кто ее желал и в ком, возможно, она видела свою надежду.

Однажды, когда вы созреете для этого, вы встретите женщину, которую полюбите больше себя, ради которой вы будете готовы

отдать жизнь и оставить ее при себе навсегда, вы захотите ей дать свое самое лучшее, вы захотите познакомить ее со всеми удовольствиями и радостями, что вы давали до сего дня то там, то сям, одни своим матерям, другие сестрам, третьи подружкам, тем, с кем флиртовали, в кого влюблялись, к кому испытывали страсть.

Эта женщина, возможно думаете вы, слушая меня, как ее узнать? Это нетрудно. Это уверенность. Если вы спрашиваете себя по поводу женщины «она ли это?», значит, это не она, иначе вы бы не задавали этого вопроса.

Вы будете уверены, что вы ее встретили, когда, думая о ней, вы почувствуете, что, обладая ею, станете лучше, сильнее, более достойным самоуважения и уважения других, когда, думая о ней, все ее тело со всем его несовершенством и недостатками вам покажется волнующим, когда ее характер, его достоинства и недостатки, я хотела сказать, в особенности недостатки, будут тем, что вас более всего привяжет к ней, и, наконец, когда ее собственная любовь, если вы ее добьетесь, вам даст вместе с доверием к самому себе, доверие всех тех, кого вы уважаете. Вы видите, что, чтобы быть уверенным, что вы любите существо, нужно хорошо его знать, в течение долгого времени желать близости сердцем и телом.

Эту самую женщину, ищите ее, готовьте себя для нее, но, ожидая, не вредите другим. И когда вы обретете со всей ее нежностью и дружбой полное доверие тела этой женщины, той, что не желает ничего больше, как принадлежать вам, все отдать вам — когда вы сумеете обменяться с ней всеми удовольствиями, в которых она испытывает потребность и которые делают из нее женщину в расцвете ее сердца и тела, когда вы сумеете ей дать все радости, кроме пока еще радости ребенка, вы увидите, что у вас, мужчины, будет желание дать ей самый прекрасный подарок, что вы можете сделать той, что вы любите, — ребенка. Зачатый таким образом ребенок есть расцвет в любви. Это есть желание, которое идет превыше удовольствия. У мужчины нет потребности в ребенке для него самого, отцовского инстинкта не существует. Ребенок является даже для него маленьким соперником, который отбирает у него часть внимания его жены, только в ее любви он испытывает потребность. Но у мужчины, который по-настоящему любит женщину, есть потребность сделать ее счастливой, а чтобы быть счастливой, у женщины есть потребность быть матерью; ей нужно служить мужчине, которого она любит, всем своим существом, природа ее создала, чтобы рожать. Вы знаете, что генитальная жизнь занимает первое место у женщины. Она регули-

рует ее физическое здоровье, так же, как и нравственное здоровье. Генитальная активность у мужчины — лишь часть его активности, целиком направленной вовне. Физиологически мужчина нуждается в том, чтобы испытывать оргазм и иметь эякуляцию. Физиологически женщина нуждается в том, чтобы испытывать оргазм и рожать. Стало быть, из великодушия, из потребности давать мужчина, если он хочет творить дело как мужчина, должен сделать ребенка женщине. Если он оплодотворяет женщину случайно, он действует, как животное.

Для животного детеныш — лишь плод инстинкта, для мужчины, если он творит дело мужчины, ребенок должен быть совместным плодом желания и любви. Я вам говорила о развитии ребенка, малыш человека в течении долгого времени имеет потребность во всем с физической точки зрения, но особенно в течение гораздо большего времени он нуждается в воспитании, т. е. в любви, нежности и в примерах. В своем воспитании у него есть потребность в двух элементах, мужском и женском: девочка, чтобы научиться, подражая матери, стать женщиной, способной нравиться юношам, достойным ее отца; мальчик, чтобы научиться по примеру своего отца своей роли мужчины в обществе по отношению к женщинам, мужчины, способного завоевать любовь девушек, достойных его матери.

Ребенок, которого мать зачала не в любви и удовольствии, несчастен, даже если он этого никогда не узнает, он это чувствует. Ребенок, в зачатии которого его отец упрекает мать, даже если его отец от него не отказался, — несчастный ребенок. Есть всегда что-то горестное для человека чувствовать в своем детстве, что его рождение и его присутствие помешало родителям. Такие родители не были еще взрослыми. Они сделали себе плохо, устроив игру во взрослых. Не играйте во взрослых, пока вы ими не стали. Вы сами, может быть, родились в таких несчастливых условиях и страдали от этого? Не порицайте ваших родителей, пожалейте их, они тоже страдали. Никто с ними не поговорил, как я говорю с вами. Думайте о вашем счастье, когда вы чувствуете потребность в удовольствии. Вам нужно гораздо больше, чем только удовольствия. Не отдавайте ему в жертву ваше счастье.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СЕКСУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

- I. О роли сексуальности в равновесии индивида.
- II. О роли сексуального воспитания: «лучше предупредить, чем лечить».
- III. Обстоятельства, которые обусловили предыдущие беседы.
- IV. Необходимость подготовить руководителей и инструкторов к их новой роли. Ошибки воспитания, которые необходимо не допускать (антивоспитательный лозунг абсолютного воздержания от половых отношений до брака).
- V. Чем должно быть воспитание молодежи ради здоровой сексуальности во взрослом возрасте.
- VI. Предложения для подготовки кадров воспитателей.

* * *

I

С начала XX в. была проведена большая работа по улучшению санитарного состояния населения. Инициаторами и организаторами этого движения, рожденного из самого развития медицинской науки, были врачи.

Решали, что лучше предупреждать, чем лечить. Такая важная роль отводится гигиеническим службам (изоляция заразных больных, дезинфекция воды, уничтожение крыс и паразитов, обязательные вакцинации и т. п.). В то же время отдали отчет в необходимости воспитательных действий, чтобы поднять уровень индивидуального здоровья, школьной гигиены, обучать детей поддержанию себя в чистоте, обучать домоводству девочек и т. п. После медсестер в больницах и создания диспансеров увидели необходимость создать корпус медсестер для посещения на дому, чтобы выявлять больных дома и ухаживать за ними. После домашних медсестер проявилась необходимость создать корпус помощниц по поддержанию благосостояния, прежде всего, санитарного, это социальные работники, без которых в настоящее время не может обойтись ни одна служба и ни один работодатель.

Параллельно этому усилию по улучшению санитарного состояния, заботы о населении и материального благосостояния, что сделано для психического здоровья и морального санитарного состояния индивидов, их аффективного благополучия? За исключе-

нием отдельных очень ограниченных усилий, относящихся к частным инициативам, работе церкви, ничего особенного...

Нужно прежде всего задать вопрос: что такое аффективное благополучие? Разве это не получение максимума индивидуального удовольствия в двойном плане инстинктов и нравственности (удовольствие и уважение к себе), которые сосуществуют с максимумом социального согласия, не извлечение материальной пользы и уважение других (согласие с социальными и нравственными законами)?

Можно привести в нашем современном обществе многочисленные примеры личных неудач в плане морального благополучия, определенного таким образом, неудач, влекущих аффективные страдания индивида и достойные сожаления социальные последствия: безбрачие, разводы, супружеская неверность, гомосексуализм, психогенные душевные заболевания, первверсии, пьянство, токсикомания, правонарушения, преступления, внебрачные дети, брошенные дети, калечащие аборты, проституция, матери-одиночки. Все эти страдания и нарушения социальной адаптации при размышлении видятся следствием социальной изоляции или аффективной изоляции индивидов. Неудовлетворенность толкает их искать компенсации, наносящие вред и идущие против интересов общества.

Однако наблюдение нам показывает, что нет таких нарушений социальной адаптации и морального страдания у взрослых, которые бы не оказывались связанными с нарушениями генитального сексуального поведения или с нарушениями в установке их сферы чувств по отношению к объектам сексуального вожделения. Если обратиться к первым симптомам дезадаптации, можно узнать, что в большинстве случаев как раз в послепубертатный период в момент первых контактов с взрослой жизнью начались страдания для этих индивидов, если это мужчины, и после замужества, если это женщины. В других случаях это началось в детстве с нарушений в характере или плохой адаптации к школе или обществу, на которые не обратили внимания, там подготавливаясь неправильная социальная установка подросткового и взрослого возраста. Все врачи знают, что причиной этих нарушений часто является не реально патологический характер ребенка, а неблагоприятная установка его окружения, полное отсутствие воспитания или воспитание, противоречащее даваемым примерам, короче, отсутствие уважения к личности ребенка, рассматриваемого как объект, принадлежащий родителям, который как таковой должен быть на службе их амбиций или их собственных конфликтов, во власти их невежества или их безрассудства.

В большинстве случаев это нехватка специального сексуального воспитания, т. е. воспитания взрослой сексуальности. У других — воспитания целиком, начиная с первых лет жизни. Чтобы защитить от страданий первых лет жизни, было бы достаточным сексуальное воспитание в подростковом возрасте. Для других это характер и реакции их родителей на их собственное аффективное страдание, короче, сексуальное поведение родителей является причиной их неадаптированности. Помимо психотерапевтического лечения или лучше психоаналитического, которое может применяться к очень незначительному меньшинству, нет других средств, кроме как забрать в очень раннем возрасте детей у таких родителей. Это решение нежелательно. Мы не знаем, какие злоупотребления, плачевые социальные последствия и бесполезные моральные переживания оно повлечет, но можно на будущее подготовить молодых к их роли родителей и тем самым «предупредить» для последующих поколений то, что нельзя «вылечить» в тех, что уже сформировались. Лучшим представляется действовать не быстро, но хорошо и эффективно.

II

До настоящего времени к врачам обращались лишь в трудных случаях отсутствия социальной адаптации, когда была поражена психическая целостность, и для воспитания к ним обращались в случаях психического дефицита и аномальности. С точки зрения психической гигиены до сих пор прибегают к изоляции опасных больных и к попыткам лечения страдающих психическим дефицитом, что соответствует изоляции заразных и лечению хронических больных в мероприятиях по телесной гигиене. Все, что касается профилактики аффективных заболеваний, источника нравственного нездоровья и плохой социальной адаптации, еще предстоит сделать. Как только рассматривается вопрос нравственного здоровья, возникает нужда затрагивать сюжеты жизни пар, procreation, подготовки индивидов к сексуальной жизни, наиболее соответствующие интересам сообществ.

Невозможно, мы это видим, рассматривать вопрос сексуальности человека, не затрагивая крайне обширных и на взгляд далеких от субъекта областей, как области патологии и социологии. Но если делать вывод из скорых размышлений, что наше общество лицемерно, нездорово, что потрясение, которое могло бы изменить его форму, дало бы счастье всем, это было бы ошибочным.

Никогда не будет совершенного и бесконфликтного человеческого общества. Каждый человек в силу того, что относится к полу,

есть место конфликта между индивидуальными аппетитами и требованиями общества, т. е. этой массой других индивидов, с которыми он разделяет общие интересы, каждый из которых также имеет индивидуальные инстинкты, полное удовлетворение которых повредит его соседям.

Потребности индивида берут все начало, в конце концов, в инстинкте самосохранения и инстинкте удовольствия. Они неизбежно ведут к соперничеству мужчины с мужчиной, женщины с женщиной, ради которого используются все пассивные и агрессивные влечения индивидов. Но человек также социальное животное. У него есть инстинкт, он живет в организованном обществе и участвует в стадном инстинкте сохранения этого сообщества.

Если наблюдать за сообществами животных, которые живут организованными группами (улей, терmitник), можно констатировать, что все индивиды в нем не имеют пола, за исключением одного, царицы. Она — центр интереса и коллективной деятельности; она единственная производительница, обеспечивающая сохранение и выживание общества. В периоды года, когда появляются индивиды, обладающие полом, общество раскалывается, дезорганизуется, улей или терmitник становятся местом настоящих кровавых революций до момента возвращения к сексуальной нейтральности индивидов. С точки зрения грубых инстинктов, создается, следовательно, впечатление, что существует несовместимость между сексуальностью индивидов и их жизнью в сообществе.

Можно констатировать, что человек, в отличие от животных, может находить компромисс между своей сексуальностью и жизнью в организованном обществе. Интеллектуальные способности и сфера чувств позволяют ему отвлекать силы его инстинктов. Его эгоистические влечения, способные нанести вред соседям, могут быть использованы в видах деятельности, где соперничество между индивидами отвлечено от его первоначальной цели и обслуживает интересы общества, давая индивиду компенсаторное удовольствие, что позволяет ему отказаться от грубого чувственного удовольствия. Индивиды, объединенные общим интересом, избегают потери инстинктивных сил, устанавливая моральные законы. Их роль — обеспечить избранные отвлечения и позволить тем самым аффективные компенсации, не ущемляя свободное развитие, расцвет генитальной сексуальности индивидов, поскольку каждый должен обеспечить не только роль работницы улья, но также репродуктивную роль, отвечающую царице. Моральные правила кодифицируются в законах;

эти законы составляют коллективную совесть, экономическая роль которой заключается в том, чтобы одновременно обеспечить интересы наибольшего числа и сохранение вида, пренебрегая несколькими частными интересами.

В отличие от животных, живущих в организованных обществах, система которых нам видится неизменно стереотипной, очень разнообразные решения были выработаны в течение веков человеческими обществами ради компромисса между индивидуальной сексуальностью и требованиями жизни в обществе. Очень разные решения в настоящее время приняты на разных широтах. Но каковы бы ни были формы цивилизаций, индивид может к этому адаптироваться с минимумом страданий, если воспитание дает ему средства отвлечь в виды деятельности, имеющей общественную пользу, то, что в его влечениях чувственно не используется, но если также ему позволяют максимально культивировать все, что служит его адаптации к материальным и моральным условиям общества, в котором он живет и которое нуждается в его генитальной плодовитости, чтобы обеспечить свое сохранение.

Таким образом, видно, насколько воспитание (носит ли оно эпитет сексуальное или нет) всегда, в конце концов, есть воспитание сексуальности. Когда в наши дни говорят о сексуальном воспитании, это должно пониматься как воспитание поведения мужчины по отношению к женщине и наоборот. Генитальное поведение — всего лишь один из аспектов этих отношений между индивидами. Кажется удивительным на первый взгляд, что до сего дня им пренебрегали, но когда мы видим, насколько решение проблемы затягивается и она обрастает другими, проникая в социологию, мораль и религию, понимаешь, какая смелость нужна современным руководителям, чтобы решиться официально предпринять такую великую революцию в нравах: дать сексуальное воспитание молодежи.

Так же и то, что необходимость этого ощущается. В нашем обществе, основой которого служит семья, мы все больше и больше присутствуем при исчезновении социальной стабильности пар и уменьшении рождаемости, при потере контакта и доверия между поколениями, каждый закрывает自己, преследуя свои частные интересы, не проявляя заботы об интересах других. Очевидно, что проблема обширна, к ней необходимо подходить и решать с разных сторон одновременно. Все элиты мира сходятся сегодня в необходимости ее решать.

Нравственные страдания, упомянутые выше (безбрачие, разводы, изменения, гомосексуализм, перверсии, токсикомания, правонарушения,

преступления, проституция, матери-одиночки, внебрачные дети, брошенные дети, калечащие или смертельные abortionы), — следствие сексуальности, не адаптированной к социальным законам, их можно было во многих случаях избежать благодаря сексуальному воспитанию молодежи, т. е. воспитанию, имеющему целью формировать характер мальчиков и девочек, учить чувственному и аффективному поведению, соответствующему их индивидуальным потребностям и требованиям нашего общества.

Что касается меня, как и всех тех, кто получил психоаналитическое образование, я убеждена, что замечательные открытия психоанализа должны служить основой для рационального воспитания. Многие врачи и психологи думают так же.

Законы принуждения, установленные против абортов или развода, например, не могут поднять нравственный уровень. Если такие законы стали необходимыми, то по причине фактических ситуаций: прокреация вне брака или нежеланная прокреация. Если не будет изменения по факту, законы ничего не изменят. Девушки, которых общество порицает за беременность, все же будут стараться избавиться от ребенка, который для них лишь обуз, материальное и моральное бремя. Суровость наказания для повивальных бабок имеет тот результат, что провоцирует гораздо больше калечащих абортов, чем раньше, не считая вытекающую из этого смертность и бесплодие на всю жизнь девушек, слишком рано забеременевших. С другой стороны, браки вследствие нежелательной беременности, которые рассчитывают таким образом вызвать, являются в основном грустными союзами с моральной точки зрения, потому что это браки супругов по принуждению, они не способны воспитать ребенка, которого они не хотели. То же самое закон против развода. Аффективный разлад пар есть фактическая ситуация. Нет закона, который может помешать свершению факта. Он может помешать явному расставанию пары с материальной точки зрения, что (врачи-психиатры и воспитатели это все знают) представляет еще больше неудобств для детей с моральной точки зрения. Расставание родителей в тысячу раз для детей лучше, чем их жизнь в разладе под одной крышей.

Если верить программам улучшения нравов, усматриваемого законами принуждения, у которых одна лишь роль — «спрятать беду», будет меньше абортов, будет меньше разводов. Возможно, будет больше детей, но также гораздо больше семей в разладе, и через двадцать лет меньше мужчин и женщин в здоровом равновесии с аффективной точки зрения, желающих и способных создать очаг.

Напротив, возможно восстановить социальную стерильность будущих пар и придать развитие семье. Помимо материальных выгод, которые необходимо предоставить в современных экономических условиях, чтобы помочь многодетным семьям, это гораздо больше вопрос моральной помощи родителям и морального образования молодых, вопрос рационального сексуального воспитания в подростковом возрасте, воспитание детей, основанное на уважении человеческой природы, знание и использование психоаффективных механизмов человеческого сердца.

Это можно предпринять только в широких масштабах, и здесь не следует ожидать немедленных результатов. Можно исправить деформации, приобретенные вследствие неправильно понятого воспитания, лишь у немногих отдельных индивидов, и они могут стать кадрами для переподготовки. Их задача — давать простые директивы тем, кто будет в контакте с детьми, и отслеживать их применение, чтобы на всей территории мальчики и девочки, воспитываясь, развили свои характерные качества, а не только были образованы интеллектуально. Основой всей этой трансформации должно быть не уважение к предрассудкам и частным интересам, но уважение жизни и конечного общего интереса.

В том же направлении, что врачи и воспитатели, должны работать социологи, экономисты, законодатели. Только их совместная работа может решить, думаем мы, проблему растерянности нашего современного общества и обеспечить период перехода. Во время этого периода перехода и ожидания более неблагоприятным было бы бороться против нравов, выражавших аффективную растерянность индивидов, посредством законов принуждения, чем посредством законов защиты жизни, принятых с ясным и реалистичным чувством современной ситуации, где нравы имеют по причине воспитания, полученного теми, кто в настоящий момент является взрослым, лишь отдаленное отношение к официальной морали.

Лечить, когда это возможно, избегать вреда, когда это невозмож-но лечить, и особенно предупредить в отношении новых поколений.

III

Все эти вопросы изучаются, но отныне по совету министра народного образования молодежные центры должны заниматься сексуальным воспитанием молодых людей, которые им доверены. Им рекомендовано заручиться в этом деле помощью бесед «выбранного» врача на темы воспитания.

Именно так, по просьбе руководителя молодежного центра, я пришла к тому, чтобы провести беседы, текст которых можно прочитать на предыдущих страницах.

Два возражения пришли мне на ум и заставили меня отказываться в течение нескольких месяцев взяться за эту задачу: то, что я женщина, прежде всего, и, с другой стороны, трудность говорить с публикой, которая охотно склонна зубоскалить, особенно если затрагиваются вопросы сексуальности. Достаточно послушать, что говорят об этом врачи, которым также поручено в армии сексуальное воспитание, о нем вследствие этого ничего не говорят, поскольку знают, что обычно излагают молодым солдатам лишь меры профилактики венерических заболеваний и это происходит в традиционном «улююканье».

Руководители центра настаивали. Со своей стороны, я знала, что говорили мои собратья, кому были адресованы подобные просьбы, и они, врачи, не психиатры, не воспитатели, не зная, как затронуть моральную сторону вопроса, ограничивались в изложении болезнями и рекомендациями для юношей воздержания от половой жизни как одному из наиболее верных средств профилактики, одновременно противовенерической и противозачаточной. Но, по их собственному признанию, не этого юноши от них ожидали, и они в этом не отдавали отчета. После многочисленных отказов и длительных размышлений я решила тоже, в скромной мере, как было мне предложено руководителями этого центра, внести вклад в новое дело перевоспитания молодежи, предпринятое министерством народного образования.

Поначалу я хотела дать мои беседы руководителям для того, чтобы кто-то из них зачитал вслух. Но уже в этом я изменила свое мнение, поговорив с социальной ассистенткой центра, молодой, как и я, женщиной, которая проводит среди этих юношей целые дни. Ее должность вместе с фактом, что она присутствует при их коротких ежедневных воспитательных беседах, ей дает авторитет, который не мешает простоте отношений и доверию, которые, благодаря возрасту, у нее сложились с юношами. Они рассказывают ей свои неприятности, доверяют тайны, просят совета, все то, о чем они не осмелились бы сказать своим руководителям-мужчинам. Стало быть, то, что я женщина, не должно явиться помехой, чтобы выступила я сама, и это мне позволило бы следить по их лицам, как они слушают, и придать этим беседам жизнь спонтанной речи.

Отношение аудитории мне показало, что я была не права в своих колебаниях. Когда мужчина или женщина говорят о сексуальности

с молодыми людьми, важно то, что они говорят, и способ, каким они подходят к вопросу, и это вызывает смех или серьезность, шутки или полезные размышления.

IV

В пяти беседах, которые можно было прочитать выше, я попыталась исполнить роль воспитателя, насколько это можно было сделать в отношении субъектов, к кому я обращалась, в их возрасте. Речь шла о молодежном центре, группе юношей семнадцати-двадцати трех лет, очень малообразованных, мало приученных размышлять и неспособных к длительному вниманию.

Это были юноши, почти взрослые в своем большинстве, несколько взрослых, некоторые уже вели сексуальную жизнь более или менее несчастливую, патологическую или сильно отдаленную от традиционной морали, если не сказать обратную ей. Следует подчеркнуть посещаемость и серьезность, с какой они выслушали эти беседы. Мне было задано огромное количество вопросов, но особенно инструкторам, кто находится в постоянном контакте с юношами. Именно из разговоров с инструкторами я поняла важность подготовки кадров воспитателей. Те, кто занимается молодыми людьми, в большинстве своем мужчины от 20 до 30 лет, имеющие хорошую общую подготовку, но новые директивы по воспитанию, предписывающие говорить о сексуальности с молодыми, поставили и их тоже перед темой, которую они никогда не рассматривали в рациональном аспекте и тем более безбоязненно.

Для многих молодых людей и, к несчастью, для тех, кто стремится направлять молодых людей, эти опасения ищут оправдания и прячутся под именем стыдливости и добродетели. Они считают, что правильно поступают, когда пытаются внушить доверенным им юношам желание ложного идеала, полного воздержания от половой жизни до брака.

Это воздержание — единственное, что совместимо с их понятиями человеческого достоинства. Оно требует, говорят они, смелости, даже героизма. Для кого-то это убеждения, которые их собственный невроз им нащептывает на ухо. Они борются таким образом против своей навязчивой чувственности, которую они считают опасной и достойной презрения, и демонстрируют отношение, в котором нет никакой пользы и интереса ни для кого, наоборот, оно вредит их доброму душевному и социальному равновесию.

Для других, кто, хотя и не находится в браке, не живет в воздержании, считается необходимым ратовать за то, в чем, сами они

считают, нет необходимости практиковать. Но когда разговариваешь с ними, понимаешь, что их цель — разделаться тем самым с неудобными вопросами. Это проще и удобнее: они думают, что это не имеет значения: «это вещи, которые говорят, потому что их нужно говорить. Что можно сказать другого? Тем из нас, кто получил религиозное воспитание, так говорили, но мы на это не обращали внимания, и это нас не стесняло. Мы выпутались. И потом, по этому вопросу столько предрассудков, что лучше не идти против, и пусть будет, как есть».

Таковы рассуждения, которые мы слышим: но это как раз то, что мы хотим изменить, это отсутствие доверия к словам учителей, эту двойную меру между тем, что морально официально и что есть практическая мораль!

Сколько индивидов, по своей воле выбравших целибат, преподают добродетели воздержания, им, по крайней мере, нельзя отказать в этом праве, кроме того, их учение находится в согласии с примером, который они дают, и с жизнью, которую они избрали, но допускать преподавать молодым людям, на ком покоится будущее общества, общим и абсолютным образом, что генитальное физическое удовольствие достойно само по себе осуждения, в то время как природа их толкает к тому, чтобы считать его желанным, это означает морально их калечить. Подрываются аффективные порывы, которыми в норме сопровождаются физические переживания, к большому ущербу психоаффективного развития индивида и без всякой пользы для общества.

Этот идеал «не достигших половой зрелости», если можно сказать, который был бы подходящим для общества, решившего умереть без потомства, лишь отягощает наступающий кризис и приведет к быстрому разрушению нашей формы общества, если его будут насаждать молодежи. Юноша, оставшийся воздержанным из принуждения (внутреннего или внешнего, это одно и то же) до момента, когда ему рекомендуют заключить союз для сексуальной связи, ратифицированной законом, аффективно в девяти случаях из десяти не сумеет выбрать спутницу жизни. Состоится ли развод по закону или нет, это будут разведенные сердца в соединенных браком телах. Дети, которые рождаются от них, не смогут свободно развиваться, и их идеалом будет, хотя этого или нет, идеал социального бунтаря или сексуального недоросля, во всяком случае, это не идеал отца семьи. В нашем обществе, особенно в наше время, мужчины и женщины все больше включены в общественную жизнь; и помочь им хорошо жить — это не оттянуть момент их взаимной сексуальной адаптации. Отодвинуть проблему на несколько лет не значит ее решить.

Те, кто делает из себя защитников воздержания от половой жизни до брака, осуждают также, естественно, мастурбацию. Они оправдывают свой тезис такими рассуждениями, как следующее, например: «Половой акт институирован с целью прокреации, следовательно, все то, что в сексуальности не имеет целью прокреацию, безнравственно». Принимая ту же самую своевольную точку зрения, следовало бы сказать: «Акт еды институирован, чтобы питаться, и считает безнравственным класть сахарин в чашку кофе». Мы не обсуждаем мнения, основанные на метафизических, религиозных убеждениях, т. е. аффективных. Пусть каждый живет, как хочет, если он не мешает своему соседу. Но долг врачей и психологов — подчеркнуть неблагоприятную роль т. н. воспитания инстинктов, основанного на физиологических и психологических откровениях (опасность для нравственного и физического здоровья, ибо таковы резоны, что они выдвигают, чтобы отстоять свой тезис), в реальности это воспитание, которое препятствует расцвету индивидов и общественного интереса. И когда я говорю расцвет, я не говорю о здоровье тела, ему как раз воздержание не вредит, вовсе не вредит, ибо чувственность тела всегда находит удовлетворение посредством отвлечения на другие средства сенсуального сладострастия, я говорю об уме и сердце, которым для расцвета нужна свобода в приносе сока, питающего их, и в основе его инстинкты. Насколько воздержанность является полезной, настолько чувство вины, связанное с переживаниями, с естественным физическим сладострастием, является неблагоприятным.

Послушаем советы, которые дают этим самым молодым людям те, кто утверждает в качестве первоначальной истины, что отсутствие сексуальной жизни до брака является единственным здоровым поведением, совместимым с человеческим достоинством. Они полностью устраниют всю образовательную сторону любовных отношений. Они выдвигают барьер между юношами и девушками. Они проповедуют для юношей избегать т. н. «нечистых» мыслей и разговоров, избегать флирта как опасности и девушек, квалифицируемых пейоративным эпитетом «легкие», в то время как это здоровые и нормальные девушки, которые любят смеяться, танцевать и говорить о любви. Конечно, то, что запрещено, от этого кажется лишь более желанным, потому что это тайна. Сексуальность и женщина, поскольку их надо избегать, становятся для юноши без его ведома постоянной заботой, что искаивает его здравый смысл.

Но напротив, какое освобождение и какой подъем позволили бы ему, если бы сказали: «Флиртовать — это уже хорошо, но есть кое-что

лучше». Если бы его научили этому лучшему, что включает осознание тех пружин, что переживание чувств пробуждает в индивиде и которые должны ему помочь стать мужчиной. Если бы ему позволили говорить свободно о женщинах, любви с товарищами и, особенно, с руководителями, пользующимися его уважением, восхищением, завистью, потому что он знает, с одной стороны, что они чувствуют себя хорошо с женщинами, с другой стороны, это крепко стоящие с социальной точки зрения на ногах мужчины, с богатым опытом, который он стремится приобрести.

Сколько молодых людей хотели бы попросить совета при первых ощущениях растерянности в своих проблемах с чувствами.

С кем могут они поговорить?

Это не может быть один из тех, кто не стал говорить с ними о своих собственных неудачах и своих собственных проблемах в их возрасте, они слишком далеки от него.

Это не может быть тот, кто им проповедовал избегать проблем женщины вплоть до момента брака; они не понимают.

Пусть не занимаются сексуальным воспитанием (что, к сожалению, невозможно, как я показала в четвертой беседе, поскольку пол ставится под вопрос, начиная с первых социальных поведенческих поступков в возрасте детского сада); во всяком случае, пусть не кичатся, что дают генитальное сексуальное воспитание, если под этим словом они специально создают систему преград, тем более вредоносную, что ее хотят навязать всем. Принятое до сих пор решение было на самом деле официальным воспитательным бездействием в области генитального сексуального поведения; но нужно громко сказать, что заговор молчания, против которого родители, врачи и знающие воспитатели поднимаются, все еще в значительной степени предпочтительнее по сравнению с официальным нравственно калечащим преподаванием.

Не нужно искажать здравый смысл у молодых. Смелость хороша, если она служит полезному делу. Героизм — прекрасная добродетель, но при условии быть на службе жизни. Нужна также смелость, чтобы покончить с собой, но какой воспитатель будет восхвалять этот кураж под предлогом, что это трудно, значит, желаемо. Известно, что молодые способны на энтузиазм, особенно ради трудных вещей, и можно легко злоупотребить их доверием. Нужно уважать правду, когда им преподают принципы поведения. Нужно помочь им инстинктам раскрыться, обрести равновесие и найти гармонию между собой, а не только призывать к осторожности по отношению

к инстинктам. Им нужно также преподавать истинные омыты невоз-
держания и средства избежать этих реальных опасностей, не отказы-
ваясь от рисков, которым нужно уметь смотреть в лицо, этими вехами
отмечена жизнь вообще и сексуальная жизнь, которая всего лишь
один из ее аспектов.

Бегство — это сила слабых. Следует вести молодых так, чтобы
они не чувствовали себя слабыми, не чувствовали себя неловко
с женщинами, чтобы у них не было больше потребности от них скры-
ваться или их избегать из страха подчиниться им опасным образом.
Чтобы они умели брать на себя всю ответственность за риски,
которым себя подвергают, и избегать брать на себя ответствен-
ность, которую они не могут обеспечить. Такое поведение соответ-
ствовало бы одновременно мужскому характеру и идеалу смешан-
ного общества, основой которого является семья, стабильность пар
и моральное равенство полов.

Некоторым мужчинам лучше, когда они воздерживаются
от сексуальных контактов, пока достижение определенной социальной
ситуации не делает их способными создать семейный очаг, чтобы
это было свободным выбором, а не во имя героизма, не имеющего
ценности, потому что отказ, который он включает, противодействует,
замедляет или мешает адаптации молодого человека в его дальнейшей
роли счастливого и стабильного супруга, отца, способного основать
счастливую семью и воспитывать детей, не преследуя своего интереса,
в режиме их наилучшего развития.

Всегда будут молодые люди, кто из определенного спортивного
и юношеского вкуса к аскетизму, большой невротической робости,
недостатка генитального темперамента или по другой причине пред-
почтет избегать сексуальных запросов в течение более-менее долгого
времени. Их не следует порицать, но нужно приводить их в пример
не по причине их воздержания, но по причине его социальных резуль-
татов, если они есть. Что заслуживает восхищения, это приобретение
зрелости, доверия к себе на основе социального успеха, овладение
своими инстинктами в границах (они особенные для каждого
индивида) гармоничной физической и интеллектуальной отдачи,
наконец, способ, которым человек в гармонии с самим собой умеет
делать счастливыми тех, кто его окружает, и может распространить
вокруг себя гармонию, что он поддерживает в себе. Это вытекает
из сексуальной установки характера; жизнь плоти во всем этом —
всего лишь незначительная деталь, которая приобретает значимость
лишь в альтруистических аффективных связях, пробуждаемых или

не пробуждаемых в индивиде посредством энтузиазма и силы, вызываемой в нем или не вызываемой равновесием или растерянностью, что она приносит в его жизнь.

V

С образовательной точки зрения следовало бы давать детям, как только они об этом спрашивают, анатомические уточнения о сексуальных органах индивидов другого пола; позже в период пубертата об их функционировании и о различных физиологических феноменах сладострастия у мужчины и женщины. Следовало бы им преподавать условия риска зачатия, поскольку интерес общества требует, чтобы индивид был социально и морально в него включен с самого рождения. Столько предрассудков и ложных идей, невероятных в наше время, по поводу этих тем должно быть уничтожено. Приведу лишь несколько примеров: часто думают, что не может быть зачатия, если женщина не испытывает оргазма или является истеричной, если она продолжает испытывать желание, в то время как мужчина удовлетворен.

С моральной точки зрения, социально не отделимой от любого образования молодежи, следовало бы преподавать молодым, что физическое обладание — лишь один из аспектов сексуального вопроса, без нравственной ценности в себе. Следовало бы в особенности дать им в очень раннем возрасте смысл их настоящих моральных ответственостей, привить уважение к зачатию, которое должно, с одной стороны, быть желаемым женщиной до того, как подвергнуться риску со стороны мужчины, и, с другой стороны, должна быть им подвергнутой этому риску лишь, если он в состоянии обеспечить свое сотрудничество в материальных и моральных тяготах, связанных с ребенком. Следовало бы их ободрить пройти с легкостью через этапы, необходимые для их аффективного развития, и на этом пути неизбежны многочисленные потери иллюзий и разочарования. Эти этапы, мы их изобразили схематически, показав, что аффективные отношения между полами развиваются под доминирующим знаком влечения, выбора, элективных фиксаций с потребностью социальной связи и оплодотворения в общем деле, где ребенок и семейный очаг — лишь его аспекты.

И это задача воспитателей — пробудить в молодом человеке и девушке аппетит к жизни чувств в согласии с их сексуальной жизнью; подготовить мужчину быть любящим спутником женщины, а не только более-менее чужим союзником, дать девушкам вкус и средства

выполнять свою работу матери семейства и согласовать в этом без ложного стыда их природные склонности любовницы и матери. По нашему мнению, в этом и есть позитивный смысл работы сексуального воспитания. Мы далеки от того, чтобы «бежать от нечистых мыслей и разговоров». Нам кажется, что молодежь ни в коем случае не должна получать совет избегать, но она должна получать совет все охватить поначалу. Чтобы каждый тогда мог выбрать путь, который ему более всего подходит и который его поведет к наиболее богатой и плодотворной жизни, т. е. наиболее адаптированной к его собственной природе и возможностям.

VI

Где найти и как готовить таких воспитателей?

По-видимому, можно попытаться готовить учителей начальной, средней школы и технических инструкторов в постоянном контакте с молодыми во внешкольных молодежных центрах; но среди них много таких, кто, имея ориентацию и интерес к преподаванию, не имеют такового к воспитанию; если у них и есть способность, обычно для этого у них нет времени.

Многие из них вовсе не старше тех юношей, которыми они управляют; у многих нет педагогического образования или они не могут получить его. Многие ведут жизнь, которая не является примером для молодых, что вызывает у последних недоверие относительно обоснованности их советов, а сами советы делают недейственными. И потом воспитание — это слишком важная задача и охватывает всю социальную деятельность человека, он не может быть одновременно тем, кто навязывает дисциплину, тем, кто обучает, и тем, кто вмешивается в частную и семейную жизнь своих учеников. В случае конфликтов ему трудно быть судьей самому себе. Было бы хорошо, чтобы воспитатель был только воспитателем.

Для большинства людей, которых их профессия сталкивает с молодыми, было бы уже чрезвычайно важным, и это было бы достаточно, чтобы их научили, что не нужно делать и что не нужно говорить. В остальном достаточно, чтобы они знали, к кому обращаться и кому направлять детей и молодежь, которые бы им доверились.

Чтобы выполнить эту роль, следует создать кадры воспитателей и воспитательниц, нечто вроде руководителей воспитания, а не учителей. Их роль будет состоять в том, чтобы оказать помощь родителям и часто возместить недостаточность семейного воспитания,

дать директивы и быть рядом с детьми с точки зрения их морального и социального развития. Они были бы связующим звеном между преподавательским, медицинским корпусом, спортивными, конфессиональными, профессиональными ассоциациями и родителями. Их задачей было бы выявление невротичных и аномальных детей, чтобы перевоспитать и лечить их, во всяком случае, не дать им наносить вред своим примером и беспорядком, что их присутствие вносит в равновесие сплоченных групп.

Их ролью было бы не бороться против неблагоприятных установок того или иного учителя, той или иной семьи, кроме исключительных случаев. Невозможно изменить спонтанные реакции, даже наносящие вред, стольких родителей и стольких учителей. Их установки по отношению к детям, и для них тоже, — всего лишь один из аспектов их профессиональной деятельности; но можно воспрепятствовать их неблагоприятному влиянию на развитие характера такого-то ребенка и расцвет такой-то личности, позволив каждому ребенку приспособиться к собственным материальным и социальным обстоятельствам, неизбежно в той или иной степени несовершенным, и не быть вынужденным извращать его моральное суждение в их отношении или развивать чувство неполноценности, которое парализует его или вызывает бунт, — все это имеет результатом лишь помешать его развитию.

Их задачей было бы избежать незыблемости воспитательных принципов, как, например, переоценки «интеллекта» в ущерб характеру, и давать советы школьному и профессиональному руководству в направлении, которое лучше всего подходит для развития вкусов и реальных способностей субъекта, а не для того, чтобы служить амбициям и предрассудкам его окружения. Они бы считали своим долгом дать свободно развиваться индивидуальным способностям и характеристикам: понять реакции и предупредить отрицательные стороны некоторых из них, но при этом не лишать образовательной роли личного опыта в той мере, какой он совместим с соблюдением нежесткой, но необходимой дисциплины.

Должна быть предоставлена достаточно большая свобода в суждении и инициативе. Вот почему должна быть проявлена особая забота об их выборе и их образовании; у нас много высших школ инженеров, офицеров, учителей. Набор в них был бы достаточно легко проведен из некоторых молодых людей, кто идет сейчас в преподавание, медицину, психологические науки, даже в армию и религиозные ордена и кто ориентирован в выборе своей карьеры своим интересом

к тому, чтобы знать людей, иметь с ними контакты, образовывать и бороться против проявлений, выражавших индивидуально человеческое страдание, путем усвоения техники искусства, материалом которого является главным образом человеческое существо.

Еще одной задачей для них, нравственных гигиенистов, было бы предложить средства пропаганды, имеющие целью реформу колективного сознания, единственную реформу, способную изменить нравы, в то время как законы принуждения их только камуфлируют. Для этого им должен быть открыт путь прессы. Возьмем простой пример зачатия вне брака. Каким, к примеру, является современное нравственное решение, если не получив нужного воспитания, молодые люди совершают серьезную социальную ошибку — когда против их воли девушка оказывается беременной. Целый ряд предрассудков диктует им, во имя их «долга», исправить одну социальную ошибку, совершая другую: вступить в брак (вынужденно, а не свободно) либо в возрасте, когда аффективная стабильность еще невозможна, либо с женщиной, к которой у них лишь физическая близость без аффективных и социальных связей. Это значит относиться к человеческой паре, как к паре животных. Это значит делать вид, что считаешь, что ребенку нужен лишь легальный производитель, а не внимательный образец, а матери — лишь материальная поддержка; что супругам не нужно быть друзьями в более длительной перспективе, а лишь любовниками. Единственное решение часто выбирается этими неосторожными молодыми людьми: бросить жену. Это то, что инстинкт самосохранения очень часто им предлагает, но это практическое решение, которое их освобождает и которое социально для них является наилучшим, морально оно самое неблагоприятное, самое трусливое. Они несправедливо возлагают на женщину весь этот материальный и моральный груз за зачатие, за которое она несет лишь половину ответственности и риска, которое обусловлено отсутствием сексуального воспитания и часто доверием, с которым понапрасну она отнеслась к мужчине, он как раз из-за физиологического различия между полами пользуется естественным превосходством в глазах женщины (заслуживает ли мужчина реально или нет этого доверия).

Воспитателям нужно будет направлять развитие юношей и девушек таким образом, чтобы они умели избегать случайного зачатия вне брака. Им нужно предложить законы, имеющие целью важные материальные выгоды для матерей-одиночек и тем, кто на них женится, и тем самым разрушить смехотворное неуважение, с которым относятся к матерям-одиночкам по сравнению

с замужними, у которых нет на иждивении ребенка. Не надо обманываться, что, если сексуальное воспитание будет рационально осуществляться, через несколько лет станет мало матерей-одиночек и много семей с детьми; но законы, защищающие и оказывающие материальную поддержку как замужним матерям, так и тем, кто неизбежно будет матерью-одиночкой, будут иметь двойную выгоду защитить общество от абортов, часто имеющих смертельный исход для жизни, и благоприятствовать, вместо того, чтобы мешать, созданию очага этими плодовитыми девушками, достаточно смелыми, чтобы служить жизни даже ценой своей собственной репутации и независимости.

В качестве заключения к этим страницам размышления о сексуальном воспитании можно было бы в общем так резюмировать роль воспитателей в новой социальной организации: с одной стороны, привести индивидов посредством физической, моральной и интеллектуальной гигиены к их лучшей человеческой и социальной реализации, внушая им чувство чести за свою ответственность; с другой стороны, защитить индивидов от моральных и социальных рисков, которым они подвергаются из-за инцидентов по своей или чужой вине в течение своей собственной адаптации; наконец, предотвращать неблагоприятное воздействие примера переходных поколений, выросших без воспитания и образования, не путем усиления законодательных барьеров (всегда беспомощных против разложения нравов), но путем очень широкой воспитательной пропаганды и законов, имеющих целью моральную и материальную защиту своих детей.

**ПСИХОАНАЛИЗ И ВОСПИТАНИЕ
(1945а)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1945: Psychanalyse et éducation. // Revue de Kinésithérapie. — 1945. — № 14,
Nouvelle série trimestrielle, juillet-août-septembre. — Р. 16—19.

Дольто говорит об основных понятиях психоанализа, которые могут быть полезны в понимании происходящего с ребенком в его развитии. Она показывает, что в будущем психологическое воспитание дало бы возможность субъекту самому выбирать ритм и траекторию своего развития. Это создало бы общество, где «ребенка будут любить в его становлении, в его будущем творении».

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Психоанализ — метод исследования глубинной психологии, т. е. того, что прячется за нашим сознанием. Все мы не осознаем в себе этой силы и принимаем ее иногда слишком легко. «Это сильнее меня», — говорим мы, и тогда это объясняет наши поступки или наши мысли, наименее оправданные, более всего подлежащие порицанию и менее всего объяснимые.

Ту часть, которая берет свое начало в нашей физиологии, наших потребностях, инстинктах самосохранения и самореализации, всю область сексуальности — все это мы называем «Оно»; часть, которая находится в согласии с обществом и его моралью, персонаж, каким мы являемся для людей, называется «Я»; и на третьем месте часть, воплощающая интимную мораль индивида, судья в нас, который нам дает директивы, когда мы говорим «я», ее называют «Сверх-Я-собственное» или «Сверх-Я». В такой фразе: «Я больше не могу, это сильнее меня» вы хорошо видите эту схему, и вы видите также возможное начало у каждого из нас для состояния конфликта, напряжения между этими разными силами. Что «Я-собственное» слишком сурово по отношению к очень богатому «Оно» и бедное «Я» оказывается зажатым, страдает либо от физических симптомов, либо от симптомов психических. Что «Оно» слишком слабо, как у страдающих от наследственных изъянов, и «Я-собственное» не может направить к успеху «Я», корни которого не выкачиваются достаточно энергии из физиологии.

Когда изучаешь эти механизмы психологии, видишь, что все происходит так, будто функционирование нашего тела влечет создание потока потребностей (или влечений). Этому потоку Фрейд дал название *либидо*. Это сила созревания, которая толкает семя стать деревом и воспроизвести в других семенах, и в каждом из них будут содержаться потенциально другие деревья. Для человеческого существа либидо — это жизненный порыв, который толкает существо реализовать содержащийся в нем человеческий тип и к реальной плодовитости как в материальном, так и в духовном плане: творить и давать потомство. Либидо могло бы, таким образом, называться творческим порывом.

Сексуальность является в природе естественным проявлением креативности. У животного все нацелено на борьбу за жизнь, плodo-

витость и защиту потомства. У человека креативность берет начало, как и у животного, в его физиологических влечениях; это та же самая сила, которая толкает его к высшей цели его сексуальной плодовитости и к высшей цели духовной и аффективной плодовитости, и в этом резон, в соответствии с которым можно с уверенностью сказать, что взрослый индивид, который не чувствует, что достиг генитальной сексуальной жизни, которая его удовлетворяет, не реализовал также человеческий тип, который был в нем потенциально.

Возраст генитальной сексуальности проявляется лишь в двенадцать лет, но все, что может помешать развивающей и творческой деятельности ребенка, любое порицание относительно его физических порывов, духовных порывов, смелости его мышечной деятельности, любопытству, порывов любви отразится во взрослом возрасте на расцвете его личности и на плодовитости как мужчины или женщины в самом широком смысле слова, который можно дать слову плодовитость.

Говорят о принципе удовольствия, ему в психоанализе придается значение фундаментального закона. Удовольствие или хорошее самочувствие или лучшее самочувствие — единственный естественный критерий, которому послушно человеческое существо, равно как и животное. Именно из-за неудовольствия оно отворачивается от заманчивой деятельности. И во имя удовольствия оно упорствует в определенном поведении. Следует понимать «удовольствие» также в самом широком смысле удовлетворения, довольства собой.

Но психоаналитик позволил также выявить психологический механизм, именуемый «сублимацией», т. е. использование либидо в достижении отдаленной цели, отличной от примитивной инстинктивной цели, когда она не принесла ожидаемого удовлетворения. И всеми своими достижениями цивилизация обязана сублимации инстинктов, называемых самыми низменными.

С развитием памяти, интеллекта и также с развитием владения телом наступает возраст подражания. Самый лучший способ понравиться самому себе — это для ребенка имитировать во всем взрослого, делать, как он, выучить то, что он знает, обладать, как он, вещами, действовать и думать, приобрести личных друзей, чувствовать свою ответственность в определенной области. Более того, все толкает ребенка чувствовать себя, если он мальчик, «как мужчина», если девочка, «как женщина». Так же, как в своих играх они имитируют взрослых того пола, что они сами, они стремятся приобрести характеристики (недостатки и достоинства) мужчин и женщин своей среды.

Это период больших потрясений и аффективных терзаний, и с этого времени чаще всего начинаются неврозы. Все амбициозные проявления поведения, о которых я говорила, бывают, увы, очень часто плохо воспринимаемы родителями, в то время как ребенок чувствует себя бессознательно и непреодолимо влекомым к ним своей внутренней силой и все в нем сочло бы как «хорошее» действия такого порядка. Взрослый его осуждает и даже запрещает ему на это претендовать. Что же тогда происходит? Ребенок страдает; как либидо заставит его действовать? Чем станут эти силы, что требуют выхода наружу? Опыт показывает, что схематически могут иметь место три последствия:

— ребенок может предпочесть дать себя раздавить, чтобы почувствовать себя любимым. Он остается малышом, он остается на уровне или возвращается к уровню удовольствий младшего возраста, которые его мать допускала, он продолжает или вновь начинает писать в кровать, не слушает, что говорят. Он живет в мечте, он избегает реальности, которая его подтолкнула бы к запрещенным путям; следует неуспеваемость в школе; все, что могло бы его побудить взросльеть, развиваться, лишено для него интереса, запрещено;

— или же моральное страдание переносится на сам источник его либидо, на физиологию, имеет место остановка или торможение всего того, что питало его влечения: остановки или замедление в развитии желез, апатия, потеря вкуса к жизни, потеря аппетита, формирование слабого места, готового подхватить любое заражение. Это дети, кто был здоров до трех-четырех лет, и затем они «устраивают своей матери», по выражению, что матери используют, всевозможные болезни;

— третий способ реакции может дать о себе знать: если богатый темперамент, мощное либидо, ребенок борется, отбивается, становится оппонентом, негативистом; это с необходимостью сопровождается обесцениванием родителей, отчего грубости, нарушение дисциплины, нарушения в характере, а это не может не подрывать аффективное равновесие ребенка. Эти реакции со стороны здоровья вызывают, однако, из-за ответных реакций окружения чувство вины, и очень мало детей выходит из этого дурного морального состояния из-за вызываемых им осложнений и потери восторженного уважения к образцу, который не любят и уважают, а начинают бояться.

Если, по счастью, ребенок помещен в пансион или в другую среду понимания, где не совершают тех же ошибок или где он находит другие образцы, он может спастись, но он потерян для своих родителей, которых никогда не будет уважать (часто пансион рассматривается

как т. н. наказание, и ребенок к нему относится в том же духе оппозиции, что вызывает соответствующие реакции учителей). В ином случае ребенок восстает все больше и больше, озлобливается, привыкает жить в несогласии со средой, укореняется в этом состоянии внутреннего бунта и у него обедняется порыв к жизни, к чему ведет любое враждебное чувство; именно в этих случаях мы видим, как появляются тики, заикание,очные страхи, навязчивые идеи.

Можно сказать, что в семь лет индивид сложился в своей основе, воспитание может изменить всего лишь внешние проявления, но ничего в глубинном механизме.

Но мы не должны из-за этого отказываться от стремления улучшить состояние или излечить от заболеваний большого ребенка или взрослого, но то, что было разрушено в раннем детстве с точки зрения инстинктов, нельзя восстановить, что было обеднено, может быть лишь лучше использовано, но не следует надеяться восстановить то, что в механизме было искалечено.

Психологическое воспитание¹ еще не существует, я хочу сказать то, что использовало бы все возможности индивида, направляя только, но не запрещая их никогда, давая субъекту выбрать самому свой собственный ритм в социальных рамках, каких он находится. Это великая революция, которая грядет. Никто не может еще сказать, какие огромные возможности появятся и разовьются в этом человечестве, в человечестве, где ребенка будут любить в его становлении, в его будущем творении, в физическом, моральном и интеллектуальном расцвете, а не в соответствии с удовлетворением сиюминутного эгоизма и тщеславия, которое он дает своим родителям. Нужно готовить отцов и матерей нового образа мыслей.

Для этого следует пробуждать у молодых священную любовь к жизни во всех ее формах, жизни как первой ценности, к уважению расцвета в природе. Нужно дать им принять раз и навсегда, что их разочарования и крушение детских иллюзий — дело преходящее и что их родители сделали все, что могли, в аффективной ситуации, в которой они находились. Они рассчитывают, что сами сделают лучше, если будут опираться не на способы *à priori*, но на психологические потребности ребенка (которые он сам покажет лучше, если они сумеют дать ему жить), и давая ему возможность удовлетворять их в той

¹ Интересующимся детским психоанализом можно прочитать «Психоанализ и педиатрия» [(1939). Наст. изд. Т. 1], где я сгруппировала детальные наблюдения.

мере, пока это удовлетворение не вредит ему и не наносит ущерба гармоничной жизни в обществе среди его современников.

Скажем попутно, что ребенка нужно воспитывать для жизни в его поколении и нужно, чтобы как можно раньше у него было максимум времени, чтобы проводить в своей возрастной среде и чтобы он мог там создать настоящие аффективные контакты вне взгляда и контроля взрослых и во всяком случае своих родителей. Многие нарушения в характере происходят в семье от морального заточения в семье детей, задыхающихся в атмосфере взрослых. И если они не задыхаются, значит, уже они выбрали бегство от жизни и что у них невроз.

Семейная жизнь — это особенная среда для первого развития, она должна быть прибежищем, где ребенок уверен, что всегда найдет поддержку и ободрение, когда жизненный опыт вне семьи привносит неизбежное крушение иллюзий, являющееся вехой в обретении личности. Как часто происходит обратное: послушайте, что отвечают матери своим детям, которые приходят к ним поплакать о своих неуспехах. «Мама, он меня побил, он мне сделал больно и т. п.» Ободряет ли мама своего ребенка? Нет, чаще всего: «Так тебе и надо. Не отходи от меня».

Подумайте о родителях, которые предсказывают всевозможные неудачи своим детям, осыпают их упреками, сравнивая с другими детьми с другойатурой, кто, по словам родителей, обладает всеми достоинствами. Или родители, обращающиеся со своими детьми так, как они не осмелились бы обращаться с людьми ниже по положению, они постоянно отрывают их от занятий или игры по поводу мелких поручений, или те, кто делает все за них, чтобы они были более успешными, чтобы сделать поскорее и т. д. Я могла бы вам перечислять часами высказывания и действия, которые калечат самые главные инстинкты личности.

Боюсь, как бы вы не подумали из всего этого, что нужно позволять детям делать все, что они хотят, и что уважение к личности — это оставить ребенка в состоянии дикости. Нет, вовсе нет, потому что оставить ребенка в состоянии дикости не означает уважать его и означает не позволить ему раскрыть его человеческие способности, это означает не относиться к нему как равному, не дать ему его места в семейном очаге, не показать его значимость, не управлять им в соответствии с его желанием делать, т. е. так, как ведут себя его родители.

Вспомним, что ребенок создан, чтобы уйти из семьи. Ему нужно обрести свою собственную прочность, а она возможна лишь тогда, если поведение, которое он выбирает, соответствует его собственному

темпераменту. Любое воспитание является хорошим и не калечит, если предлагает ребенку форму жизни, испытанную самим воспитателем, которая в то же время дает ему свободу следовать или нет этому примеру. Для этого воспитателю следует позволить и даже ободрить ребенка в выборе других образцов вовне, как только он будет взрослеТЬ, в суждении о соответственных действиях своих родителей и этих других образцов при единственном условии, что они живут в согласии с общественной моралью, принятой или принимаемой, и в формировании своей собственной личности, в выборе призвания, будучи уверенным, что родители или воспитатели его одобрят, даже если этот путь не тот, на который они надеялись. Будьте уверены, что такие родители и такие воспитатели будут всегда пользоваться уважением и любовью детей, потому что люди всегда отражают, как в зеркале, отношение друг к другу. Почтительность порождает почтительность, уважение порождает уважение.

ВВЕДЕНИЕ К СТРАНИЦЕ О ВОСПИТАНИИ
(1946а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Introduction à une page d'éducation. // Femmes françaises. 18 janvier 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. Paris: Gallimard, 1994. — Р. 103—106.

Данный текст — вводная статья для рубрики «Мать и ребенок», которую Ф. Дольто начала вести с января 1946 года в еженедельнике «Femmes françaises» («Французские женщины»), издаваемом Союзом французских женщин (L.U.F.F.).

Дольто высказывает свое намерение сделать рубрику своего рода психопедагогической консультацией, призывая участвовать в ней всех заинтересованных читателей, в том числе будущих родителей. Она показывает, что порой привычная воспитательная позиция оказывается пагубной для развития ребенка, и готова обосновывать, возможно, необычную и для кого-то новую позицию, основанную на научных достижениях, практически являющуюся действительно-воспитательной.

Ф. Дольто подписала статью псевдонимом — Маргерит Фрадо. Ее сотрудничество с этим изданием продолжалось в течение более года с января 1946 по март 1947 года.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Не все рождаются с талантами воспитателя, но все являются родителями. Скольким из них хотелось бы помочь в их каждодневном труде, в этом великолепном, но тяжелом труде воспитания своих детей.

Конечно, всем известны родители, считающие позорным для себя получать советы или читать исследования по этой проблеме. Они думают, что знают лучше, чем кто бы то ни было, что нужно их детям, потому что они это постановили раз и навсегда и являются по определению непогрешимыми. Другие не испытывают интереса к этой теме, либо по своей природе, либо так решив для себя. Есть еще те, кто считает, что школа, пансион существуют для воспитания; они путают воспитание и образование. Мы обращаемся не к ним.

Есть родители, и им мы хотели бы в особенности помочь, которые чувствуют себя неспособными растить детей и просят совета у всех подряд или следуют примеру того, что делается вокруг них. «Что люди скажут» — является для них главным в их т. н. «воспитательных» действиях.

Некоторые пытаются размышлять, иногда судят очень здраво о психологических ситуациях, когда речь идет о других, но замечают с разочарованием, что по отношению к собственным детям они мало что понимают, или скорее нельзя сказать, что они правы, по результатам, которых они добиваются. Что тогда делать? Упорствовать, сложить руки, уступить решение этой проблемы другим?

В газете, которая обращена к динамичному элементу Франции — женщинам и среди них матерям, этим существам, каждодневный труд которых, мельчайшие жесты и мельчайшие слова имеют такое значение для очага, что способны создать или разрушить благоприятное окружение для гармоничной жизни всей семьи, — сочли, что необходимо посвятить очень важную рубрику воспитанию.

Прежде всего, что такое воспитание? Словарь отвечает: действие, направленное на то, чтобы вырастить, воспитать ребенка, подростка, развить его физические, моральные и интеллектуальные способности.

Поразмышляем над этим определением: сколько из нас забывают, что именно об этом идет речь в призвании родителя! Сколько действий

именуется воспитательными, но являются лишь «помехой» для жизни, помехой для развития физических, моральных или интеллектуальных способностей, а порой всех сразу.

Если иногда взрослые в определенной степени берут на себя также роль предупреждающих от слишком серьезных опасностей, слишком сильных испытаний по отношению к детям, в этом оказывается всего лишь негативная роль и сама по себе абсолютно не воспитательная.

У воспитания роль позитивная. Воспитательный жест или слово должны всегда стимулировать позитивное, активное поведение, богатое само по себе удовлетворениями для ребенка, если он слушает и повинуется взрослому.

Эта роль сотрудничества с жизнью, поддержки природных моральных сил ребенка, которые иногда ослабевают, этот призыв к развитию ума и физических способностей для достижения владения телом — вот это и есть воспитание, и это не всегда легкоается. Каждый ребенок — оригинальное существо с собственным ритмом, с задатками, соответствующими его природе, его наследственности и здоровью.

Воспитание — это одновременно искусство и наука. И с составляющими этой науки, законы и основы которой врачи и психологи начинают открывать, этого искусства мы хотим познакомить наших читательниц в данной еженедельной рубрике.

Мы не будем заниматься теорией, мы попытаемся во всех материалах быть практическими, но иногда мы будем объяснять, почему такая позиция, порой неожиданная и для кого-то новая, нам кажется воспитательной, в то время как другие более привычные позиции пагубны и должны быть изгнаны из нашего обихода.

Мы считаем, что воспитание может стать доступным для всех, кто обладает доброй волей, всех, кто ощущает волнение перед жизнью ребенка, которого природа им доверила, чтобы направлять в индивидуальном развитии и адаптации к социальной жизни.

Для родителей воспитание детей выражается в необходимости решать тем или иным способом маленькие или большие проблемы. Выбор способа действования иногда очень важен, ситуация не позволяет ложных маневров. Что делать в том или ином случае? В выборе того, какую позицию занять, многие факторы имеют значение: темперамент детей и родителей, тип воспитания, полученного или не полученного ими, их идеал для ребенка, часто в противоречии с его способностями и характером, материальные

и социальные условия жизни. Распавшийся очаг, потеря родителя, недостаточность места дома, плохая атмосфера, трудности разного рода, единственный ребенок или близкие по возрасту дети, дети в многодетных семьях, слабое здоровье, задержки в развитии интеллекта или плохая учеба в школе.

Сколько условий, конкретное содержание которых меняет проблему! Мы это хорошо знаем.

В наших статьях мы попытаемся дать вам что-то позитивное, стоящее в большинстве обычных условий. Проблемы будут рассматриваться в силу вещей в общем виде, но мы уверены, что родители смогут найти, следя своему здравому смыслу и внимательности, способ применить общий совет к своему частному случаю.

Кроме того, мы готовы выслушать подсказки читательниц, ответить на частные вопросы, которые им будет угодно задать. Мы выберем среди заданных относительно воспитания вопросов те, что нам покажутся наиболее частыми, и мы обсудим эти вопросы на данной странице. Если количество писем будет увеличиваться, мы могли бы рассмотреть вопрос о том, чтобы ответить на заданные вопросы индивидуально.

Мы хотим, чтобы страница стала своего рода психопедагогической консультацией, живой и открытой всем.

Мы приглашаем девушек (и юношей, если таковые найдутся среди читателей, и это случается у женских газет чаще, чем думают) написать нам, дать свои соображения и мнения о воспитании, сообщить о конкретных практических случаях, задать вопросы.

Нужно, чтобы во Франции все молодые будущие отцы и матери научились интересоваться проблемами детства и подготовили поколение мужчин и женщин нового духа, готовых к роли родителей, полных доверия и энтузиазма, не эгоистов, но людей, «данных» жизни и творению своей жизни. Наш ребенок — это наше творение из плоти, сердца и духа. Наше творение нам не принадлежит, оно принадлежит своей собственной жизни и плодотворящей силе.

Но временно у нас управление этим ребенком, биологическое и моральное. Посредством воспитания, которое мы ему даем, наш ребенок дважды наше творение.

И в неподготовленности молодых юношей и девушек к взрослой жизни, в недостатке воспитания, которое они получили, следует видеть источник разочарований многих из современных родителей, их моральной неспособности, их ошибок, их бессознательного повторства аморальности молодежи. (Насчитывается 40 000 правонаруши-

телей, которым меньше шестнадцати лет, в Париже и его пригороде, примерно 350 000 — во Франции!)

Не коллективные решения, спущенные сверху, одолеют этот моральный бич, но осознание в каждом из родителей и каждом из будущих родителей настоящих ценностей жизни: биологических ценностей.

Моральное равновесие связано с уважением этих биологических ценностей, и эти биологические ценности есть любовь и глубокое уважение к жизни во всех ее плодотворящих формах.

Д-р Маргерит Фрадо

**ЧТО ГОВОРИТЬ ДЕТЯМ,
КАК С НИМИ ОБРАЩАТЬСЯ?**

(1946б)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Que dire à nos enfants, comment agir avec eux? // Femmes françaises. — 25 janvier, 8 et 15 février 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 107—113.

Статья — достаточно решительное выступление Ф. Дольто против наказаний, в поддержку инициативности и самостоятельности ребенка. Здесь она дает четкие, иногда категоричные советы родителям, подчеркивая необходимость занять позицию воспитателя. Это значит, прежде всего, не позволить шантажировать себя и не манипулировать ребенком самому. Она отмечает важность для дальнейшего развития ребенка сохранения его самолюбия, которое не должно быть сломлено и не должно трансформироваться в спесь. Дольто особо подчеркивает значимость позиции отца как главы семьи, его внимание и заинтересованность сами по себе являются существенными воспитательными действиями.

Статья публиковалась в трех номерах еженедельника «Французские женщины» как три небольшие заметки.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

По поводу не послушания и капризов...

В качестве общего правила выступайте как можно меньше против инициатив малышей, за исключением случаев реальной опасности для них или материальной невозможности. Послушание должно чувствоваться вашим ребенком как уверенность в безопасности своих действий и как гармония его жизни, как по-настоящему желаемое.

Для этого давайте очень мало приказаний и чтобы они не были для обязательного немедленного исполнения. Ритм исполнения не является быстрым у ребенка, нужно, чтобы он принял ваше приказание как подсказку. Он делает ее своей с удовольствием, если он в добром согласии с вами, и тогда он — это тот, кто желает действовать, как вы его об этом попросили, через небольшой промежуток времени, который вы ему предоставили. Для некоторых детей достаточно несколько секунд, для других полминуты или минуты. Если нужно, если вы думаете, что он забыл, повторите приказание голосом гораздо более суггестивным, чем повелительным («Если бы ты сделал то или это», «Будь добр сделать то или это»). Вы поможете быть послушным вместо того, чтобы подвергаться риску заблокировать ребенка и остановить его внутреннюю работу, которая в нем в этот момент происходит. Бывают такие способы требовать послушания, что оно становится психологически невозможным для ребенка.

Что касается запрещенных вещей, нужно, чтобы их было мало по отношению к дозволенным. Я знаю мать, которая сказала сорок два раза: «Это нельзя» ребенку полутора лет только в течение утра. Нужно, чтобы ребенок чувствовал, что то, что запрещено, разумно, но не посредством ваших объяснений, а из быстро приобретаемого опыта, что, не слушаясь, он вызывает инциденты, которые могут для него быть пагубными.

Насколько возможно уберите из пределов досягаемости все, что он не должен трогать; нет ничего более парализующего для детей, чем постоянно находиться рядом с искушающими предметами, которые запрещено трогать.

В случае каприза никогда не говорите «я куплю другого ребенка» или «жандармы тебя уведут», потому что это неправда, и вы даете тогда ребенку пример лжи. Если он вам верит, чувства, которые вы в нем пробуждаете, нездоровые: страх вашей мести, страх вас потерять или быть у вас отнятым. Вы культивируете у него одного из врагов доверия к себе: тревогу.

Действуйте как воспитатель. Не кричите громче ребенка, не уступайте и сохраняйте спокойствие, молчите и покажите настоящее безразличие. Подождите, пока ребенок не успокоится, при необходимости покиньте комнату или перенесите его без грубого обращения в другую комнату. Закройте вашу дверь. Но не закрывайте его: никаких темных комнат, но когда он замолчит или будет плакать не требовательно, а настоящими слезами, попеняйте с любовью и в конце, если ребенок попросит, поцелуйте. Главное, следует совершенно тут же забыть об инциденте. Не уступайте капризу, но больше не говорите о нем.

Если ребенок обидчив, и, закончив кричать, он упорно молчит, сначала будьте безразличны некоторое время. Никогда не порицайте ребенка за то, что он обидчив, он первый от этого страдает, занимайтесь своими делами. И в основном достаточно быстро, если он видит, что вы невнимательны к нему, он сам выйдет из своей обиды. Будьте тогда совершенно естественной с ним; не делайте никаких намеков на то, что произошло. Если он упорствует в обиде, через некоторое время подойдите к нему и мильным голосом, протянув руки: «Ну, ты все еще несчастный?» И мама его поцелует. Не реагируйте ни за что на обиду ребенка вашей собственной обидой.

Если вы действуете так, вы даете пример самообладания перед лицом реакции вашего ребенка, даже когда эта реакция вам была неприятна. Ваше поведение воспитывает, потому что содержит пример, которому можно следовать.

Если ребенок капризничает на людях, никогда не говорите «посмотри, все смеются над тобой!» или «что люди подумают?» Первый довод состоит в том, что никогда нельзя унижать ребенка, особенно, если он самолюбив от рождения. Самолюбие — это оружие, которое нельзя ни ослаблять, ни превращать в спесь. Чтобы его направить в сторону гордости за самого себя для самого себя, вам нужно стремиться к формированию внутреннего идеала владения собой и человеческого достоинства, более прочного и свободного, чем все правила поведения, основанные на «что об этом скажут».

Второй довод состоит в том, что вы даете таким суждением пример тщеславия.

Действуйте как воспитатель: никогда не ругайте ребенка на людях, никогда ничего ему не говорите, когда он раскапризничался, не обращайте внимания на то, что думают о вас. Какая-нибудь якобы очень умная особа, скажет, возможно, вам: «Вот я бы его отшлепала как следует!» Не делайте этого, ваш ребенок вам за это будет благодарен позднее. Отойдите от него немного, предупредив, не для того, чтобы шантажировать, что уйдете, но только чтобы дать ему самому успокоиться.

Иногда это, возможно, создаст вам неудобства, вас это задержит на десять минут, но вы сможете быть уверенной, что вы приобрели для будущего. Ваш ребенок, успокоившись или нет, вам ответит свободно и будет вас уважать, потому что вы к нему отнеслись с уважением — в ситуации, смехотворность которой он после всего почувствует. Когда он вас догонит, вы скажете только: «Закончилось, ты хороший мальчик (хорошая девочка)». Несколько часов спустя или вечером вы спокойно поговорите об инциденте, если ребенку больше трех лет, чтобы понять вместе с ним, что его вызвало.

Никогда не говорите «я скажу об этом папе», «я скажу об этом тому-то (человеку, которого ребенок любит)» или «увидел бы это твой покойный отец». Потому что не надо трогать отсутствующих. Что происходит между вами и вашим ребенком, касается лишь вас двоих. Если вы заводите разговор сообщить другому или пожаловаться, вы ослабляете ваш престиж, стало быть, ваш моральный авторитет. Хуже того, вы даете достойный сожаления пример: пример злословия, злопамятства и ревности. Ибо он чувствует и по праву, что вы хотите отомстить, расстроив его аффективное понимание с другими, кто ему дорог, из-за аффективного инцидента, произошедшего между вами.

Делать намек на мнение, которое умерший родитель имел бы о ребенке, — одна из самых пагубных вещей, какие могут только быть. Это может вызвать очень тревожные чувства вины, лишить ребенка права чувствовать себя сыном этого любимого и сверхуважаемого родителя. Это может стать позднее причиной настоящих невропатических конфликтов в ходе развития ребенка. (Мы как-нибудь поговорим подольше о воспитании детей, лишенных отца или матери; очень важная тема.)

По поводу «сказать папе», хорошо, чтобы отец, если его это интересует, был без утайки в курсе, что произошло, но как в курсе того, что

было хорошего и лестного, так и того, что было достойно порицания. И не для того, чтобы наказать за инцидент, мать сообщает о капризах отцу, но как об одном из фактов дня среди других. Достойный порицания факт не должен быть представлен отдельно отцу, превращаемого тем самым матерью в судью.

Это очень важно. Отец в качестве главы вводится в курс всего. Этот отчет отцу может быть сам по себе очень важным воспитательным действием, особенно если отец внимательный и понимающий. Инцидент исчерпан, день тоже закончен со своими хорошими и плохими моментами; отец делает из этого заключение и ободряет на следующий день продолжать или исправлять в соответствии с общей моральной окраской дня.

НЕ ДЕЛАЙТЕ ДРАМЫ ИЗ ПРОСТОЙ БОЛЯЧКИ

На прошлой неделе¹ мы говорили о послушании, как его добиться, о капризах, т. е. о конфликтах воли с взрослым и способе их разрешить наиболее воспитательным образом для ребенка. Сегодня будем говорить об инцидентах, происходящих вследствие непослушания, неловкости при любознательности или неудачных инициативных действиях ребенка.

Если ваш ребенок получил опасную рану, играя с ножницами, ножом, инструментами или при соприкосновении с горячим предметом, никогда не говорите ему: «Так тебе и надо, не нужно было быть непослушным». Ваш ребенок попытался вас не послушаться лишь для того, чтобы преодолеть трудность и потому что его инстинкты жизни толкают его действовать, как по его наблюдениям действуете вы сами.

Не забывайте, что любой запрет ребенку является временным, и ему следует как можно раньше достичь способности действовать осторожно без всякого вмешательства взрослого, т. е. уметь оценивать свои пределы. Этот печальный инцидент будет для него очень полезным, если вы умеете не усугублять его чувство неполноты и его страдание, но помочь вынести испытание и выйти из него обогащенным опытом, т. е. с большим доверием к себе.

Как только инцидент или несчастный случай произошли, займитесь ребенком с любовью. И никакого бранного слова в особенности. Успокойте его волнение, сказав, что это могло быть еще хуже, если случай серьезный, и что ничего особенного, если это не очень серьезно.

[Имеется в виду первая часть, опубликованная в предыдущем номере газеты.]

Окажите помощь, сделайте перевязку, дайте поплакать или покричать, ни в коем случае не высмеивайте его и не упрекайте в том, что ребенок показывает, что ему больно. Призовите его, учитывая произошедшее, к мужеству, тем более похвальному.

Сделав перевязку и успокоив ребенка, изучите вместе с ним обстоятельства и причины его неуспеха и, если возможно, объясните как взрослому, как вы делаете, чтобы пользоваться этим опасным предметом.

Скажите в этот момент, что был страх, что он недостаточно умелый, потому что вы сами в его возрасте были такой же, что и побудило вас наложить запрет, и добавьте, что все, что ему нельзя делать, запрещено лишь по причине осторожности. Если бы вы, взрослый, повели бы себя, как он, не зная, как избежать опасности, вы бы тоже поранились.

Скажите также, что, когда вы были ребенком, это с вами случалось, и что с другими взрослыми случались и случаются небольшие несчастные случаи, когда они недостаточно внимательны и осторожны.

Если вы действуете так, вы дадите пример щедрости сердца, вы служите доверию к себе, которое это испытание могло подорвать у ребенка. Урок осторожности принесет больше результатов, если вы поможете ребенку понять причины такого обидного поражения. Он выйдет из этой неудачи не униженным, он выйдет из нее более сильным и с большим доверием к вам.

Никогда не говорите при неудачном действии: «Ты идиот, ты ни на что не способен, мой бедный ребенок, у тебя никогда ничего не будет получаться!» Все, что говорит взрослый, имеет ценность для ушей ребенка. Эти пессимистичные слова могут сыграть роль воздействия, парализующего все инициативы вашего ребенка. Многие забытые взрослые являются результатом подобных утверждений, услышанных в молодые годы.

Если ваш ребенок неумелый, может быть, физически он не очень способный. О некоторых видах неумелости можно позаботиться и вылечить. С другими это невозможно, но мы все хорошо знаем, что мы менее умели, когда сомневаемся в себе. Дайте, наоборот, вашему немного отсталому ребенку право уважать себя, даже если он не очень умелый, и он сам сумеет избежать ситуаций, связанных с несчастными случаями, не переходя за пределы своих ограниченных возможностей или попросив при случае помощи. Это ни «хорошо» ни «плохо» быть или не быть умелым. Это более или менее удобно.

Никогда не говорите, сталкиваясь со слегка рискованными инициативами ребенка: «ты упадешь», «ты поранишься», «ты обожжешься», по той самой причине, что негативная подсказка может оказать сильное влияние.

Владейте собой. Если вы видите, что ребенок колеблется, пойти ли на риск, который его искушает, спросите у него, что вызывает его колебание, и скажите, что он, наверное, действительно прав, если вы считаете, что есть опасность: подскажите, чтобы он подождал несколько дней, чтобы быть сильнее.

Когда ваш ребенок кажется отважным, слишком смелым, скажите ему: «Будь очень внимателен, мне нравится, что ты смел, но настоящая смелость всегда осторожна». Если, напротив, ваш ребенок очень боязлив, возможно, это ваша ошибка, причина которой отношение беспокойства, проявленного вами, когда он был маленький, или которое у вас проявляется и сейчас по отношению к нему.

Если вы не можете по-другому, если это «сильнее вас» испытывать постоянный страх, скажите об этом вашему ребенку: «Я мама-насадка и глупо быть такой: не обращай внимания на то, что я говорю. Только будь очень осторожным».

Вообще, когда вы чувствуете себя неспособной быть хорошим воспитателем, признайтесь в этом открыто вашему ребенку. Он это понимает, но, тем не менее, не позволяет себе переступить через ваши запреты. Или же, если он это делает, то украдкой и поневоле в очень плохих психологических условиях с чувством вины. И тогда очень много шансов, что он будет неуспешен в своей инициативе и почувствует поражение как наказание за нонконформизм в отношении ваших указаний.

Пусть жизнь действует. Не забудьте, что инстинкты жизни и развития требуют от ребенка, чтобы он нарушил ваши приказания, если те идут вразрез с этим развитием, имейте немного сочувствия в отношении конфликтов, которые возникают, таким образом, между жизнью и слишком узким ошейником, в котором беспокойная мать хочет держать своего ребенка. Жизнь в обществе нас всех заставляет идти на жертвы. Они полезны и обслуживают интересы всех. Но не будем добавлять нашим детям другие, бесполезные и вредные, потому что они калечат жизнь.

КАК ИЗЛЕЧИТЬ ОТ ВРАНЬЯ
(1946c)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Comment guérir du mensonge. // Femmes françaises. — 1 et 9 mars 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 129–131.

Очередная статья в еженедельнике «Французские женщины», рассказывающая о том, как можно избежать лжи у ребенка. Прежде всего, отмечает Дольто, нельзя наказывать за инициативу. Страх перед наказанием заставляет ребенка лгать. Не само желание, а неправильное его применение может быть порицаемо родителем.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

На прошлой неделе¹ я писала, что так же как есть способы потребовать послушания, которые подстрекают ребенка к непослушанию, есть средства потребовать правду, которые толкают ребенка на то, чтобы стать лжецом.

Когда ребенок умеет в достаточной степени говорить, чтобы его поняли, и знает, что такая-то глупость повлечет такую-то реакцию наказания или брань взрослого, он может начать лгать. Реакции взрослого на первую ложь в действиях или словах детей в самом раннем возрасте очень важны.

Лучше предупредить, чем лечить. В возрасте 1 год 4 месяца — 2 года ребенок, опрокинувший вазу или вызвавший происшествие, если он находится в доверительных отношениях с взрослым, кто им занимается, позовет его или придет за ним, чтобы показать бедствие.

Если взрослый будет сильно сердиться и бить ребенка, тот соединит по прошествии двух-трех раз факт признания с фактом наказания. Он будет прятаться, совершив неловкость. Позднее, если его будут ругать за глупость, он будет говорить: «это не я», чтобы защитить себя от неприятных последствий. Возможно, последствия будут еще хуже, но этот установившийся рефлекс лжи, который равнозначен отсутствию доверия к взрослому, останется фиксированным.

Приведем пример.

Франсуа четыре года, он взял ножницы и разрезал занавеску. Плохое свершилось, может быть непоправимо. Мать приходит, видит бедствие и с ужасным видом вскрикивает: «Кто это сделал?» Франсуа все еще с ножницами в руках: «Это не я!» — «Как «не ты»? Лжец, да у тебя еще ножницы в руках, а ты говоришь, что это не ты!» — «Нет, это не я, и потом я не брал ножницы, они здесь лежали». — «Ты врешь! Ты врешь! Вот ты уже начинаешь врать!» И следует хорошая порка. Ребенок потерял уважение к самому себе и доверие матери; он на нее сердит. Мать в ярости от испорченной занавески, в гневе на ребенка и на саму себя. «Я не хочу, чтобы ты врал. Вот посмотришь, как только соврешь, получишь столько

¹ [См. «Что говорить детям, как с ними обращаться?» (1946b), наст. том, с. 87—94.]

же», — говорит отец и учиняет основательную порку. В такие вечера укладывание происходит в атмосфере драмы. Ребенок ничего не понял. Он несчастен, если мягкий по праву. Он разъярен, если упрям. В любом случае для него инцидент будет богат на пагубные последствия. Не рассчитывайте на то, что он будет в другой раз более искренним: нет, он будет более изобретательным во лжи.

Как нужно было делать?

Те же люди, то же бедствие. Мать входит, смотрит с безнадежностью на свою занавеску и своего Франсуа с ножницами в руках. Она говорит, расстроенная и спокойная: «Ой! Мой мальчик! Что же тебя надоумило это сделать?» Франсуа понимает по выражению матери, что это беда, краснеет и смущается: «Но мама, я хотел ее подправить! Она нехорошо висела, это было некрасиво...» — «Мой бедный малыш!» И, разглядывая занавеску, она пытается понять, как можно исправить повреждение, есть ли возможность. По-прежнему спокойная и ошеломленная, она говорит: «Но где же были мои ножницы? Ты их сам нашел?» — «Да, здесь, в твоем ящике». — «Но ты же хорошо знаешь, что ножницами нельзя пользоваться как попало! Это ужасно, что ты сделал. Ты же знаешь, что такой ткани больше нет, что она дорогая. Когда ты захочешь повырезать, попроси у меня лоскутки. Это красивая занавеска! Мой бедный малыш, мой бедный малыш...» Франсуа, чувствуя себя виноватым, пристыженным, говорит от себя: «Я больше не буду, мама, я тебе обещаю». И он добавляет простодушно (и нужно поддержать это добное намерение): «Я тебе куплю другую занавеску, я тебе помогу ее зачинить, не сердись, не переживай, мама».

Оставшаяся половина дня посвящена тому, чтобы обсудить, как и зачем исправить дурной поступок, и это может быть один из самых плодотворных дней в воспитательной близости Франсуа и его матери. Мама объясняет, что, когда руки хотят сделать дурные вещи, Франсуа должен им помешать. И, конечно, когда папа приходит домой, ему нужно обо всем сказать. Очевидно, что он рассердился, и он прав, потому что Франсуа совершил большую глупость, но понял почему, и мальчик принимает эту бурю, которая не испортит семейный климат на будущее. Мама не пытается помочь Франсуа избежать отцовской суровости, она его молча ободряет, чтобы он ее снес, ведь он заслужил это. В другой раз он помешает рукам делать бездумно, что попало. Ложь не состоялась, отношение матери ее не провоцирует.

Допустим, что уже сбитый с толку Франсуа ответил все-таки на потрясенный, но не суровый тон матери: «Это не я, это не я».

Мама в этом случае могла бы ответить: «Я знаю, что это не ты, а эти противные маленькие ножницы, и они заставили противные ручки сделать это, и ты им позволил!» А дальше было бы так, как сказано выше.

Вредно взваливать на маленького ребенка, на всю его личность, совершенную ошибку. Есть много уловок, хороших и разных, чтобы обойти эту трудность. Можно сказать: «Это не ты, я хорошо знаю, что ты уже большой мальчик (или большая девочка), это твои руки или ноги», или что это вина того или иного воображаемого персонажа, которого ребенок выдумает сам, в котором воплотятся инстинкты наведения беспорядка: «все-ломакина», или «чертенка», или «злюки», или «оборванца», или «дикого зверя»... Вы боретесь против этого злого гения, и вы помогаете ребенку стать над ним хозяином. Такая система крайне эффективна.

Не следует наказывать ребенка за его инициативу, но лишь за плохое применение его желания. Так, в примере с разрезанной занавеской было бы плохо, если бы мама сказала: «Я тебе запрещаю пользоваться ножницами, ты еще слишком мал». Но ведь это не так. Он хочет ими пользоваться, и он смог это сделать, не поранившись, стало быть, его нужно научить применять их с пользой. И из этого инцидента должны появиться игры в вырезание, вместо нового запрета пользоваться ножницами, что приведет рано или поздно к новому агрессивному непослушанию.

**НАКАЗАНИЯ
(1946d)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Les punitions. // Femmes françaises. — 16 et 23 mars 1946.

1994: Idem.// Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 133—138.

Достаточно объемная для газеты статья, продолжающая тему прошлых публикаций в еженедельнике «Французские женщины». Дольто однозначно высказываеться против традиционно понимаемых наказаний в воспитании детей. При сохранении же этого понятия в повседневном языке она показывает, как оно может войти в рамки воспитания, которое нацелено на здоровое развитие ребенка. «Наказание» должно задать правила, помогающие ребенку управлять собой. Дольто говорит о замене в позиции воспитателя понятия наказания на понятие репарация. Фактически, такое «наказание» должно освободить ребенка от чувства вины, возникшего за проступок и при неодобрении воспитателем. Предоставленная возможность исправить сделанное, восстановить разрушенное укрепляет ребенка и его доверие к взрослому. Неадекватное наказание приводит к возникновению порочного круга взаимного неуважения. Дольто специально указывает на бессознательные механизмы глубинных страхов, которые иногда заставляют ребенка провоцировать наказания. Такому ребенку нужно помочь, воплотив в себе врага, и затем разрешить его противоречия. Отсутствие же всяких наказаний, показывает Дольто, ведет к дезориентации ребенка и формированию у него внутренней чрезмерной строгости к себе.

В конце статьи Ф. Дольто говорит о некоторых пагубных приемах воспитания, которые необходимо исключить из практики, и четко формулирует ряд благоприятных подходов, иллюстрируя это примерами.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Наказания»: это слово должно быть изгнано из языка воспитания, оно должно быть заменено на «репарация»¹ или «ликвидация ошибки и исправление поведения».

В повседневном языке к этому примешивается идея некоторого поведения воспитателя, которую мы абсолютно должны исключить из нашей концепции. Я сохраню, тем не менее, слово, но объясню, чем должно быть «наказание», чтобы войти в рамки воспитания, и чем оно никогда не должно быть.

ЦЕЛЬ НАКАЗАНИЯ

Наказание имеет целью помочь здоровому развитию ребенка, т. е. его движению в направлении к морали, помочь дать ему понять и запомнить правила, которые, если он их применяет, ему облегчат путь, чтобы управлять собой, соблюдая смысл его внутренней свободы в пространстве, где каждый из тех, кто его окружает, также имеет право на собственное чувство свободы.

Вы мне скажете, что это достаточно сложно и что, шлепая ребенка по щеке или ягодицам, вы не заходите так далеко в ваших мыслях. Скорее всего, вы неправы. Я говорю с вами не только как специалист, но и как мать, не стоит об этом забывать. Если иногда то, что я говорю вам, кажется сложным или неприменимым, скажите себе, что, возможно, вы ошибаетесь.

Конечно, если вашему ребенку уже десять-двенадцать лет, и с самого рождения вы проявляли с ним абсолютный произвол и вели себя бездумно, я бы осмелилась сказать «по-животному», не меняйтесь сразу же. Не жесты нужно менять, а, прежде всего, вашу внутреннюю позицию, и это, если вы будете над ней работать, произойдет постепенно и будет полезно вашему ребенку, ибо вы будете формировать его зрелость при контакте с вами, почти ничего специально не делая. У вас не будет более тех самых реакций, и ваш ребенок также не будет реагировать, как раньше.

---

¹ [Репарация — термин, обозначающий «восстановление после причиненного вреда».]

ЧЕМ ДОЛЖНО БЫТЬ НАКАЗАНИЕ

Наказание никогда не должно быть несправедливой придиркой. Оно никогда не должно унижать ребенка. Не следует ему быть местью, репрессией.

Наказание должно быть помощью, которое ребенок воспринимает как таковую. Инстинкт ребенка не ошибается. В этом можно быть уверенным. Он распознает даже в сильном страдании, причиненном тем, кого он уважает и кто, как он чувствует, относится к нему с уважением, намерение помочь ему. И это всегда приносит свои плоды.

Ничего подобного не будет, если ребенок не чувствует к себе уважения. (Я специально не говорю «любви», потому что это слово слишком туманно в обиходном языке. Сколько родителей душат своего ребенка посредством т. н. «любви» владельца к предмету владения, и у них нет уважения к нему как мужчине или женщине, которые есть в нем.)

Наконец, в результате наказания чувство вины должно полностью уйти у ребенка. Понеся наказание, ребенок должен почувствовать облегчение, стать более веселым, открытым и испытывать большее доверие со взрослым, чем до преступка. Эта психическая эйфория всегда сопровождается намерением хорошо поступать, исправить, если он может, неприятные последствия своей ошибки: наказание принесло плоды.

Матери, кто меня сейчас читает, если вам некогда, запомните из этой статьи лишь эти несколько предшествующих строчек и поразмышляйте над ними в течение тех часов, когда вы заняты днем машинной работой. Постепенно вы измените привычку свирепствовать по отношению к детям, и толк от наказаний, возможно менее многочисленных, будет больше, что приблизит вас морально к вашим детям, вместо того, чтобы заставить их бояться вас и не любить, и сделают из вашего совместного существования по-настоящему человеческую близость взаимного уважения.

Если, наоборот, после наказания ваш ребенок закрыт, понур, задумчив, обижен или мстителен, значит, ваш способ действовать был порочен по форме, или у вас не было намерения помочь ребенку. Ваша «бессознательная» враждебность, если не сознательная, пробудила его собственную, он вам ее показывает или себе ее показывает самому, не уважая более себя: он страдает. Это наказание, вместо того, чтобы быть для него спасением, оказалось «дурным делом» с вашей стороны, добавившись к его собственному «дурному делу».

И если от наказаний «ни тепло, ни холодно», как говорят некоторые родители, значит, более нет взаимоуважения между ребенком и взрослыми. Они завязли в порочном круге, и тогда стоит подумать, что за садизм или что за неразумность толкает взрослого упорствовать в не достигающих цели методах.

Следует наказывать не часто и лишь за серьезные ошибки и промахи. И главное — нужно быть справедливым. К этой справедливости чувствителен ребенок, это предполагает также, что ребенок был предупрежден о нависшей над ним каре. Справедливости не бывает без знания закона, но ее никогда не бывает и без милосердия, но милосердие не должно быть также слабостью.

Как соблюсти золотую середину? Помня следующее: нужно, чтобы ваш ребенок чувствовал себя легче после проступка, чтобы он его понял, будучи или нет наказан. Если милосердие наступает в должный момент, ребенок будет вам за это признателен и почтит такую облегчение, как будто он и не заслужил наказание. Но если вы его чувствуете беспокойным, агрессивным, вы видите, как он стремится спровоцировать наказание, дело в том, что что-то в нем требует этого, чтобы успокоиться. Речь идет о внутренней тревоге, в причины которой вы не можете вникнуть, ибо они увлекают в лабиринт бессознательных механизмов психологии.

Этому ребенку нужно, чтобы вы рассердились и чтобы вы его наказали. Ему нужен враг, и если вы не придете к нему на помощь, приняв видимость врага, т. е. противопоставив себя ему, тогда он сам себя примет за врага, без вашего ведома, во внутреннем дискомфорте, раскалывающем его и делающим «бесплодным», бесполезным или даже приносящим вред.

Нужно наказывать, и то, что сказано ранее, это показывает. Дети, которых никогда не наказывали, всегда прощали, являются самыми сбитыми с толку и становятся позднее самыми щепетильными, самыми беспокойными подростками и взрослыми, а иногда невротиками под личиной развязности и на этот раз без всякой щепетильности, страдающими от того, что в психоанализе называется «механизмом неудачи». Они бывают столь же строги, а чаще даже еще более строгими по отношению к себе, чем те, кого наказывали слишком часто и слишком сурово.

Что касается тех, кого постоянно несправедливо наказывали, в большинстве случаев они представляют типичные случаи невроза.

НЕКОТОРЫЕ ПАГУБНЫЕ, НО РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ПРИЕМЫ, КОТОРЫЕ СОВЕРШЕННО НАДО ИСКЛЮЧИТЬ

- В раннем детстве: «призыв к разуму» ребенка, «постановка в угол».

- В возрасте старше восьми лет, в соответствии с интеллектуальным уровнем ребенка: физическое наказание, порка или пощечина.

- Независимо от возраста: нагоняй или наказание в присутствии других, конфискация принадлежащего ребенку предмета, лишение пищи, особенно при других, лишение десерта за столом, например. (Иначе при лишении конфеты или в случае исключения шоколада или гостинца в полдник. Это должно остаться между вами и ребенком.)

- Никогда не следует отсрочивать наказание, переносить на отдаленный срок: это поддерживает чувство вины, вместо того, чтобы освободить совесть.

- Никогда не следует лишать заслуженной в другом награды: что должно, то должно, обещание свято, вы не можете его отменить под предлогом, что ваш ребенок не сдержал своего слова. Возмездие не воспитывает.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ, ЗАРЕКОМЕНДОВАВШИЕ СЕБЯ

Рекомендуем запрещать малышам мало вещей, устанавливать немного правил, но четкие, исправлять нарушения сухими легкими шлепками по кисти руки, или ноге, которые сделали глупость, никогда не сердиться против «ребенка», но против «исполнителя», немедленно забыть о ссоре.

Начиная примерно с двух лет, когда ребенок называет себя по имени, говоря о себе в третьем лице, проявляется у него чувство ответственности. Помогите ему взять ее на себя, чтобы при этом она не была всегда запятнана у него «чувством вины». Воспользуйтесь мифом о злой собаке, звере, дурном животном, которое хочет, чтобы он сделал такую-то глупость.

По этому животному вы шлепнете (никогда по лицу) резко, сильно и в течение короткого времени (никогда в присутствии других), его место заняло животное, оно себе его подчиняет, заставляя делать то, что он не хочет. И здесь опять же вы никогда на него, «ребенка», не сердитесь. «Он» делает глупости, потому что слушает злого гения, а тот сильный, и вы вмешиваетесь, чтобы заставить его уйти.

(И вы никогда не «расстраиваетесь». О, этот шантаж «расстройством», «огорчением», которое ребенок доставил своей маме!)

Когда ребенок говорит «я», фаза «гориллы»¹ вступает в действие. Постепенно ваша роль будет состоять для вас в том, чтобы уведомить ребенка, что враг продвигается вперед и что вы должны будете вмешаться, если ему не удастся самому усмирить свои необузданные инстинкты.

С четырех до шести лет, возрасте, когда начинается рефлексия и преднамеренность, если ребенок совершил действие, о котором знал, что оно запрещено, рассердитесь, примените решительно санкцию в соответствии с вашими взаимными договорами, если они есть, никогда не наказывайте, если не было precedента с предупреждением.

Всегда считайте, что ребенку должна быть оставлена свобода. Если он, полностью осознавая, счел, что риск стоил удовольствия, это его право. Не стремитесь ставить «мат» ребенку по поводу бесполезных вещей. Если то, что он делает, у него получается и не приносит вреда другим, и ваши запреты ему не препятствуют, значит, прав он. Он достиг возраста преодолевать риски, которых вы боялись для него. Решите вместе с ним, вместо того, чтобы наказывать, что временный запрет отныне снят, но призовите его к осторожности и размышлению.

Чем старше ребенок, тем больше должно уходить наказание и уступать место исключительно репарации ущерба для потерпевшего третьего лица, и при этом уменьшая насколько возможно то, что могло бы быть унизительным в этой репарации.

Наконец, вы уменьшите частоту запрещенных действий, дозволяя наибольшую творческую активность ребенку. Именно по этой причине не следует конфисковывать игрушку или отменять прогулку, что потребует благоприятной траты энергии и будет приятным видом деятельности.

Вначале он будет неловким, но дайте ему заняться домашними делами по его выбору. При вашем доверии он очень быстро наловчится.

Он таскает ваши книги? Дайте ему все те, какие он хочет, и поговорите с ним, не отказывая ему, если он попросит их дать, о книгах, которые ему «рано читать». Он таскает шоколад или варенье? Дайте

¹ [«Горилла» — метафора Ф. Дольто, которой она обозначает еще негуманизированную часть психики ребенка.]

ему самому выбор его личного рациона в течение недели или месяца. Он ломает розетки? Попросите его починить разбитую лампу, провести проводку, проверить пробки.

Он разбил оконное стекло? Зайдите ему денег, если у него недостаточно, чтобы оплатить ремонт, из его накоплений или денег на карманные расходы, что вы ему регулярно даете раз в неделю (более предпочтительная система, чем деньги, даваемые от случая к случаю на развлечения и школьные потребности). Если он еще слишком мал, чтобы иметь деньги, и достаточно взрослый, чтобы себя чувствовать ответственным (от семи до десяти лет), потребуйте, чтобы он сам нашел стекольщика, чтобы тот пришел и починил. Потребуйте от него сделать свой вклад в ремонт, но не наказывайте его за неловкость, о которой он уже сожалеет.

И затем, если речь идет о серьезном проступке, совершенном в какой-то степени необдуманно, не наказывайте, не свирепствуйте, разберите с ребенком, что случилось, дайте ему понять, что вы разделяете испытание и что вы поможете ему всеми вашими средствами справиться с трудным положением, в которое он попал, если он этого хочет. Если, наоборот, он сам желает нести ответственность, не обзывайте его притворщиком и лгуном. Никто никогда не гордится плохим поступком, любой ребенок со страхом ожидает, что скажут родители. Это не всегда плохой знак. Если проступок серьезный, спросите совета у надежного друга, воспитателя, врача-педагога.

**Конфликты между детьми
в одной и той же семье**

(1946e)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Conflits entre les enfants d'une même famille. // Femmes françaises. — 30 mars et 6 avril 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 81—84.

Эта заметка о проблеме ревности детей одной семьи друг к другу. Дольто говорит о том, что не стоит подавлять враждебные чувства ребенка, возникшие в связи с появлением в семье младшего. Прожив до конца отчаяние из-за потери своей исключительности, ребенок легче может примириться с появлением братика или сестренки и принять неравенство отношений. Родителям Дольто советует занять позицию понимающего невмешательства и принять ответственность за несправедливость в отношениях.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.
На русском языке публикуется впервые.

Нам пишет читательница и просит совета, как себя вести в случае конфликтов маленьких детей одной семьи. Она же просит дать совет, как достичь гармонии между братьями и сестрами в возрасте индивидуалистов. Эти два вопроса составляют один, т. к. разница в возрасте не играет роли в глубинных причинах конфликтов.

Я думаю, что эти вопросы касаются всех, вот почему мы отвечаем здесь. Во всех нарушениях семейной гармонии есть, по меньшей мере, два аспекта в том, как вести себя:

- как предупредить это состояние вещей;
- как помочь в этом случае?

КАК ПРЕДУПРЕДИТЬ ПРОЯВЛЕНИЯ СОПЕРНИЧЕСТВА ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ?

Всем известно, что появление братика или сестренки приносит смятение в жизнь старшего ребенка, не знавшего до сих пор соперника. Обычно перед лицом враждебного отношения старшего к новорожденному его ругают, урезонивают, пытаются ему доказать мягко или жестко, что его поведение эгоистично, некрасиво и не нравится взрослым.

Какая грубая ошибка!

В случаях, называемых «благополучными», старший ребенок после трудного периода капризов, потери аппетита, недомоганий, иногда возврата к писанию в кровать или даже в штаны имеет вид, что он потерял интерес к этому соперничеству. Он выносит новорожденного потому, что лишь такой ценой его не ругают, но ревность, которая не проявляется, становится глупее и глубже, и она делает ребенка уязвимым на долгие годы к малейшим проявлениям неравенства в поведении взрослого, особенно если это неравенство ставит его, как ему кажется, в невыгодное положение.

Напротив, способ, каким предупреждают ревность старших детей в раннем и старшем детстве, — это позволить ребенку выразить всю свою досаду от того, что появился и растет соперник; никогда не ругать за это, но всегда его жалеть, когда он жалуется, что его меньше любят или могут меньше любить из-за новичка. Лишь он знает о своем испытании, вы не можете его облегчить, переубеждая, вы можете

лишь ему подтвердить, что его понимаете и что это, действительно, очень тяжело. К великому удивлению родителей, кому я посоветовала так себя повести, старший ребенок, испив чашу отчаяния до конца, не скрывая, не ловча, очень быстро принялся оправдывать нового ребенка: «Да нет же, это неправда, что он несносный, он очень миленький!» Не надо, чтобы мать подталкивала ребенка в этом направлении, пусть скажет «ты думаешь?» или в крайнем случае «может быть, ты прав». Через несколько дней новорожденный будет окончательно принят и на всю жизнь. Потому что старшему ребенку дали возможность выразить свое страдание, не отнимая самоуважения (как в случае, когда порицают ребенка за то, что он высказывает свою ревность). Если самый младший, вырастая, проявляет ревность к самому старшему или старшим, можно предупредить усугубление этого состояния тем же самым образом: позволить выражаться этой ревности, никогда не пытаться компенсировать выражением любви, ласками (что будет на самом деле доказательством, что он малыш, которого надо утешить) его страдание от того, что он еще не большой.

Такое одномоментное утешение усилит боль, и, к вашему удивлению, ребенок станет еще более ревнивым и в то же время еще более инфантильным.

Занять позицию, которая может ему помочь, — это выслушать жалобы ребенка и сказать, что он прав, что тяжело переносить проявления неравенства и что вы его понимаете. Если вы сами или его отец выросли со старшим братом или сестрой, вы можете сказать, что вам знакома эта тяжелая ситуация и что сейчас, когда вы стали взрослыми, этой разницы уже не существует. Приведите подобные примеры из природы, чтобы дать почувствовать ребенку косвенным образом, что во времени существа следуют друг за другом и никогда не бывают абсолютно равными между собой. Нет неравенства по ценности, есть только по росту или возрасту.

Как действовать, когда заявлено соперничество, и дети в одной и той же семье постоянно ссорятся?

В Особенности никогда не вмешиваться в защиту
кого-либо под предлогом, что он самый маленький
или самый слабый или что это девочка
и что стыдно на нее нападать.

Если ребенок хочет пожаловаться на других, никогда не следует его сурово прогонять со словами: «Так тебе и надо». Наоборот, надо

выслушать его жалобы, его пожалеть, но никогда не забывать, что это не должно вызвать порицание якобы (или реального) нападавшего. Пожалеть пострадавшего этого достаточно и пожалеть не означает оценивать. Не говорите также: «Тебе не следует ходить с большими, раз они тебя обзывают». Что касается всех выводов относительно того, что делать, пусть ребенок делает их или не делает сам. Удовольствуйтесь тем, что позаботитесь о нем, пожалеете, ободрите и никогда не будете вмешиваться, чтобы судить о враждующих.

Если ребенок жалуется, что такой-то находится в более выгодном положении во время еды или в другой ситуации, не пытайтесь так или иначе отрицать факт. Справедливости нет в этом мире. Если вы пытаетесь оправдаться перед вашими детьми, уверяя в своей непредвзятости и справедливости, вы им не помогаете и обостряете ситуацию. Чтобы бы вы ни делали, они никогда не почувствуют, что вы к ним относитесь по справедливости, поскольку справедливым для них будет обращение с ними в соответствии с их желаниями и аппетитами, а не согласно одному весу и одной мерке.

Примите раз и навсегда, что вы несправедливы, что мир несправедлив и что вы из этого мира. Пусть ваши дети обвинят вас в несправедливости, но пожалейте их, что они от этого страдают. Конфликты из-за ревности между ними утихнут вплоть до того, что сойдут на нет, потому что они найдут, как их «нормально» преодолеть.

Когда я говорю «нормально», это означает, что перед лицом реальной трудности ребенок должен найти свое личное решение, которое всегда является компенсаторным. Дайте вашим детям найти их личный способ преодолеть чувство неполноценности, возникшее из-за их места в семье, из-за ощущений относительной или реальной неспособности. Пожалейте их, пока они не справились с этим, ободряя в том, чтобы найти самим, как приспособиться к неизбежному без вашей помощи, в которой они не нуждаются.

Вы боитесь, возможно, что кто-то из них покажет себя слишком грубым? Он им станет определенно, если вы вмешаетесь и признаете его неправым. Если он груб, то это может быть потому, что он не верит, что располагает другими способами для борьбы. Если это тот самый случай, дайте ему возможность много играть в разные игры на улице. Может быть, это возникло всего лишь из чувства неполноценности по отношению к форме умственных способностей брата или сестры.

Дайте ему понять, что все природные формы необходимы всему обществу и семье. Дайте ему средства показать себя полезным в практи-

тической жизни, умелым для той или иной деятельности, а также поверить в себя.

Короче говоря, в конфликтах между вашими детьми:

1. Не будьте соглядатаем и не вершите правосудие.
2. Отнеситесь с жалостью к жертве (не порицая нападавшего) и ободрите на будущее лучше суметь справиться с трудностями.
3. Если в результате драки нанесен ущерб, не применяйте наказания в мстительном значении слова, но сделайте, чтобы все участники ссоры посодействовали устраниению ущерба (кроме случая, если кто-то заявит сам о своей ответственности и способности самостоятельно устраниить ущерб).
4. Наконец, если ссоры становятся слишком шумными, разлучите участников, но не из наказания, а предложив каждому заняться чем-то другим, кроме ссоры.

ЛЮБОВЬ, БРАК, СЧАСТЬЕ
(1946г)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Amour, mariage, bonheur. // Femmes françaises. — 1er et 8 avril 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 139—151.

Здесь Ф. Дольто затрагивает вопрос супружеских отношений. Показывает сложность и взаимообусловленность проявлений характеров и поведения супругов. Дольто говорит о ряде условий успешного супружества, в том числе о личностной зрелости для брака. Она показывает, как с детства формируется избирательность объекта любви. Рассказывает об эволюции отношений к объекту: эдиповом периоде и ступенях нарциссического выбора объекта, наконец, взрослом выборе партнера. Дольто говорит о необходимости испытать себя индивиду перед вступлением в супружеские отношения и перечисляет те вопросы, на которые необходимо ответить себе молодому человеку. Центральным условием успешного супружества Дольто считает совместное делание, продуктивную привязанность и творческое проектирование будущего.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ

Возможно, слово «семья» вызывает у вас теплое и меланхоличное чувство прошлого или же мощь разных средств действия и отношений, чем вы ей обязаны, надежду и, может быть, сожаление. Возможно, это слово для вас синоним удушья, перегрузок, гнетущая тяжесть в сердце.

Взрослый мужчина или взрослая женщина, люди зрелого возраста или дети, молодые или старые, все, кто меня читает, если вы поднимаете голову, прочитав одно только это слово «семья», и пытаетесь прочувствовать, что оно в вас вызывает, вы *ощущаете*, что история вашей собственной жизни очень тесно связана с совокупностью чувств, которые, смешиваясь, дают каждому из вас единственный резонанс этому слову «семья».

Вопросы социальной помощи семье, жилья, содействия, защиты интересов и достоинства семьи стоят на повестке дня с того времени, как наша страна чувствует опасность старения своих подданных, вышедших из продуктивного возраста, и недостаточной численности сменяющих это поколение молодых. Но не о демографических и социальных проблемах мы собираемся говорить, а о проблемах психологических. Их много, и мы убеждены, что наши читатели, если они интересуются этими вопросами, нам сами их зададут.

Упомянем некоторые из них: семейное воспитание, эмансипация детей, будущее детей, уважение к родителям при том, чтобы не угас новаторский и «еволюционный» дух молодых; роль и ответственность отца в моральном воспитании детей, роль и моральная ответственность матери; границы между трудным и патологическим характером в семейных отношениях, отношения ненависти в семье: психологические проблемы, присущие многодетным семьям, семьям с одним ребенком, семьям с некровным характером отношений (приемные дети, признанные дести, совместно проживающие родители другого супруга); психологическая проблема сирот, детей расставшихся или разведенных родителей, проблема отчима и мачехи (над этим можно смеяться, но иногда речь идет о настоящих проблемах); проблема

морального разлада семейных пар, частых уходов одного из супругов, развода и т. п.

Эта тема обширна. Из всех ее проблем кажется необходимым бесстрашно затронуть сам источник всех семейных конфликтов: проблему супружеской пары. Я не хочу сказать, что в семьях, где у пары нет конфликтов, не существует других проблем, требующих решения. Сама жизнь с ее испытаниями и потерями дает тому в достаточной степени повод, но следует сказать, что в семьях, где пара социально стабильна и по-настоящему едина с аффективной точки зрения, при испытании реальностями жизни климат домашнего очага мало способствует нарушениям характера, психологическим и аффективным симптомам разного вида, обычному уделу семей, где пара «хромает».

Многие мужья и жены жалуются друг на друга. И в случаях, когда они не жалуются открыто другим, они нападают друг на друга в интимности своего очага. Мы живем в таком состоянии вещей и, в конце концов, начинаем считать это по-настоящему нормальным, потому что не было предпринято никакой попытки изменить эту коллективную психологическую ситуацию. Театр и литература черпают в ней почти все свои темы, потому что, как кажется, у счастливых людей нет истории. Бывают исключения. В маленьких городах можно сосчитать на пальцах одной руки дружные пары, окруженные развитыми детьми, но о них говорят, что они «ухватили шанс». Это так, но может быть, они искали этот шанс и — главное — создали себе условия, чтобы быть его избранниками.

Можно ли знать эти условия, чтобы сделать для себя хороший выбор в жизни среди случайностей встреч, и чтобы этот выбор имел бы больше всего шансов привести к счастливому браку? Определенно да. Вы слышали о графологических консультациях, где изучают почерк обоих «будущих» супругов, чтобы знать, созданы ли они, чтобы понимать друг друга. Вы знаете, что в астрологии говорят такому-то лицу, рожденному под таким-то знаком, что ему надо сочетаться браком с лицом, рожденным под таким-то знаком, и избегать брака с кем-то другим. Но психологи и также психоаналитики хорошо знают, что есть люди, которые стремятся или, скорее, «кажется, что стремятся» (поскольку не осознают этого и сильно от этого страдают) зафиксировать себя на людях, которые их заставляют страдать.

«Мне не везет, — говорит один молодой человек, — все женщины, которые мне попадаются, кокетки, обманщицы и эгоистки». Однако

если вы входите в детали его жизни, он вам сам рассказывает, что для того, чтобы ему понравилась женщина, нужно, чтобы она была такой и такой, и эти характеристики отсылают к типу личности, подобной тем, что составляют его несчастье. Когда углубляются в изучение пары, замечают, что та самая женщина, которая стала кокеткой с ним и ради него, обманщицей и эгоисткой, может быть совсем другой по отношению к любовнику или второму мужу и что она не была такой до брака. Действительно, эта женщина, на которую он жалуется, сама жалуется на него и считает его эгоистом, транжирой, невнимательным по отношению к ней, и она тоже права. Они оба правы в своих мнениях, но каждый из них есть причина, определяющая поведение другого по отношению к себе. «Из меня ничего хорошего не выйдет, пока у меня будет эта жена», — говорит мужчина, и женщина говорит то же самое со своей стороны.

Я преднамеренно не усложняю пример присутствием одного или нескольких детей, свекрови... Пара сама по себе самодостаточна, чтобы жизнь каждого из них была адом, провалом. Вы знаете, что третьи лица лишь раздувают бедствие, принимая на себя обязанность высказываться за законную правоту одного или другого, как будто речь идет о том, чтобы установить, кто прав! Это как для дорожно-транспортных происшествий, — и такая семья и есть постоянное ДТП, — где каждый из обоих пострадавших пытается доказать другому, что он прав, и пытается найти свидетелей, чтобы подкрепить свой тезис. В ДТП, если есть лишь материальные потери, надо возместить материальный ущерб за счет того, кто несет ответственность. Но когда речь идет о разрушении самих условий, делающих возможной жизнь по сердечному влечению, в чем закон и факт правоты могут возместить ущерб для двух истерзанных существ?

Если признать правоту за данным отцом или матерью, неспособными интегрироваться в схему родительской пары, которую каждый ребенок носит в себе, то это лишь приведет к усугублению морального смятения детей. Конечно, один из них, может быть, в большей степени выполняет свой «долг» кормильца по отношению к детям, и слуга закона принимает решение, что с социальной точки зрения ребенок останется у этого супруга, но для ребенка это драма внутри него. Пусть он будет воспитан, ухожен, это хорошо, это факт, но у него нет ничего утешающего, ведь ему придется похоронить свое уважение к другому родителю. Скольким из этих детей, скольким из моих читателей, которые были детьми этих нескладных семей, приходилось думать: «Лучше бы мне не родиться, жизнь не была бы

столь сложной для папы или мамы»? Сколько из них решили: «Когда вырасту, не женюсь, люди слишком несчастны»?

И факт состоит в том, что потом, если они все-таки вступают в брак, не поняв по-настоящему истоков драмы родителей (поняв, т. е. пройдя через этап суждения по отношению к ним), эти дети воспроизводят, в свою очередь, ошибку своих родителей, как будто внутренний детерминизм их толкал идентифицироваться с ними вплоть до ошибок этих родителей, от которых они столько страдали.

Что за силы толкают людей друг к другу и заставляют их фиксироваться? Как избежать неудачного выбора, как благоприятствовать шансам счастливого брака? Речь идет не о рецепте для данного случая, но исследовании, о стадиях эволюции в концепции о супружеской паре, которая складывается в каждом из нас с самого детства и которая на определенном уровне аффективной зрелости обогащается новым биологическим инстинктивным фактором.

До сих пор ребенок, потом молодой человек и девушка, ищут в своем объекте любви существование, как можно более близкое к идеалу, предназначенному дополнить их. Такой выбор приводит к опасностям в браке. Аффективная зрелость наступает при здоровом воспитании и в благоприятном семейном окружении к двадцати годам для девушки и немного позже для юноши. Она выражается мутацией желания поиска дополнения в поиск того, с кем устанавливается новая и творческая атмосфера, совершенно отличная от предыдущих фильтров и привязанностей. Атмосфера, в которой для обоих любящих оказывается превыше всего их далекая и творческая воля, которой оба повинуются с энтузиазмом. Начиная с момента, когда каждый из членов пары движим этой силой, одновременно личной, биологической и творческой, у брака, в который они вступают, есть все шансы быть удачным для каждого из них с аффективной точки зрения.

Как благоприятствовать шансам удачного брака?

Дисгармония несчастливых пар, двух «неподходящих» «половинок» привносит отягощающее начало во все совместные испытания семейной пары, усугубляет все трудности воспитания, возникающие при наличии подрастающих детей. Можно ли избежать этого провала и как?

Да, неладная пара, семья с «разочарованными» супругами, с супругами-врагами, с чужими друг другу супругами, это более чем распространено, увы. Но нужно также сказать, это болезнь нашего общества, это абсолютно не «нормально», если «нормальное» — это

«здоровое» и даже просто «естественное» в смысле инстинктов, находящихся в здоровом равновесии.

Говорят, что в плохой семье тот или иной супруг не прав и что другой — бедняга, которого надо пожалеть, т. е. добродетелен. Чаще всего это означает, что тот, кого признали неправым, позволил себе реагировать на ситуацию, от которой страдал, и что другой, добродетельный, чувствуя бессиление уладить болезненную ситуацию, безропотно покоряется, стараясь, впрочем, взять на себя красивую роль, афишируя добродетель, которая в его глазах делает его достойным уважения, т. е. соглашаясь отказаться от любой плодовитой генитальной жизни. Мы живем в мире, где, увы, факт быть жертвой делает человека достойным уважения, в то время как уважение должен вызывать лишь способ, благодаря которому человек одерживает победу в испытании и каким он использует страдание. Жалеть кого-то и помогать ему не должно было бы означать уважать его. В этом ошибка.

Я не хочу говорить здесь о парах, которые сознательно были построены на лжи, на соперничестве. Таковые будут всегда. Они, впрочем, никогда не заслуживают звания супругов. Они не «обманывают» друг друга, они пытаются слегка ввести в заблуждение тех, кто не является близкими им. Я хочу разговаривать исключительно с парами мужчин и женщин доброй воли, с теми, кто искренне вступают в жизнь, от которой хотят, чтобы она была постоянной и долгой с супругом, по поводу которого они убеждены в момент заключения брака, что он создан для них. Как они могут надеяться не ошибиться и привлечь все шансы на свою сторону?

Приведем сравнение: прежде чем предпринять что-то новое, что человек никогда не делал, длительную экскурсию в незнакомой стране, самого себя подвергают испытанию, после того как человек сначала должным образом подготовился и потренировался. И только тогда, когда все готово, когда можно, по всей видимости, рассчитывать на все зависящее от тебя, когда максимально предусмотрены средства одержать победу над тем, что будет связано с не зависящими от тебя самого условиями, можно позволить себе отправиться в путь. Это осторожность. Сколько молодых людей и девушек отправляется в брак неосторожно, без подготовки, не испытав себя? У них есть — для просвещенных глаз — все шансы потерпеть неудачу в своей супружеской жизни, каким бы ни был их супруг.

Напротив, в силу достаточно распространенной психологической деформации вместо того, чтобы подвергнуть себя испытанию,

случается, что молодой человек или девушка, считая себя очень сильным, в течение помолвки подвергает испытанию другого, занимаясь тем, что устраивает махинации или разыгрывает комедии, чтобы узнать, любит ли его другой, возбуждая ревность и т. п. Психолог может сразу сказать, что те, кто действует таким образом, сами не любят своего будущего супруга и совершенно определенно начинают жизнь с проигрышным номером в кармане.

Помолвленные, не испытывайте друг друга, испытайте сами себя. Как?

Есть законы в природе, есть законы в биологии: на дереве сначала появляются листья, потом цветы и, наконец, плоды. У него не может быть плодов раньше времени. Аналогично есть законы в развитии индивидуальных личностей. Их нужно знать. Возраст брака — это возраст цветов, созревших для оплодотворения. Это не возраст почки или начала цветения.

Каковы разные фазы эволюции выбора избранника в аффективной жизни?

С детства каждый из нас сориентирован на идею избирательности существа, которое будет любить. Слово «любить» соответствует планам аттракции трех порядков: сенсуальному, нежному и рассудочному. Если развитие человека происходит гармонично, что не всегда так в наших т. н. цивилизованных обществах, интеллектуальное развитие (разум), аффективное развитие (сердце) и физическое развитие (инстинкты) сопутствуют друг другу. На каждом этапе роста субъект будет находиться в согласии с возрастом тела, возрастом своих инстинктов.

Всем известно, что с двух-трех лет ребенок, девочка или мальчик, делает свой выбор относительно избирательного объекта любви, с кем он воображает вступить в брак: «Когда я стану большим, я женюсь на маме (выйду замуж за папу)». Это возраст, когда осуществление в чистом виде воображаемо. Ребенок стремится соединиться с всемогущим существом и вносит в этот воображаемый контракт лишь набор своих потребностей. Ребенок не знает ничего более желанного, чем отец, если это маленькая девочка, или мать, если это маленький мальчик. Эта стадия влюбленности называется в психологии «эдиповой» стадией. Эдип — это персонаж греческой мифологии, которого судьба толкнула на убийство отца и брак с матерью, и он всю свою жизнь искупал этот невольный инцест.

Спустя несколько лет, если «эдипова» стадия аффективного развития прошла хорошо, — ликвидированный, разрешенный

Эдип — ребенок ориентируется в своем выборе элективной любви к другому себе самому, который обычно выбирается того же пола, что сам ребенок. Лучший друг (лучшая подруга для девочки), примерно того же возраста или немного постарше, для которого нет секретов, — другой он сам, с кем разделены все мысли, все удовольствия. Иногда бывает резкое несогласие, тем более резкое, что нет желания поссориться окончательно, и мирятся, чтобы вновь поссориться. Такую дружбу с резкими «осложнениями» проявляют дети в борьбе с частью их самих. Они ссорятся с другом, которого они выбирали, лишь потому, что узнают в нем себя самих. Этот тип любовного выбора называется нарциссическим выбором, по имени Нарцисса, персонажа античного мифа. Нарцисс был влюблен в свой собственный образ, который искал в водном отражении. По легенде, чтобы обнять себя, он утопился, и на этом месте родился цветок, носящий это имя.

После стадии влюбленности нарциссического типа, где выбор нацелен на существа того же пола, что и сам субъект, наступает второй этап, когда выбирается любимое существо другого пола, но по-прежнему по нарциссическому типу. Это означает, что мальчик ищет девочку, внешность которой ему льстит, а девочка также ищет мальчика, под руку с которым, как она считает, приятно пройтись. Это все еще возраст, когда ребенок влюблен в образ. (Такова любовь к киноактерам.) Физиологический пубертат происходит в обычных случаях в то же время, что и этот этап аффективной жизни. Начиная с этого момента, если нет невроза, избранник будет всегда другого пола.

Следующий этап аффективного взросления проходит под знаком поиска дополнения к самому себе. Два существа выбирают друг друга уже более не потому, чтобы другие ими любовались, но потому, что каждый из них чувствует себя более сильным не только из-за того, что любит другого в глубине души, но более расцветшим и более успешным в присутствии другого во всех видах социальной деятельности. Этот выбор не является больше не только эгоистичным, но большей частью идет от щедрости. Это возраст, когда мальчики и девочки ищут друг друга и проводят вместе более или менее продолжительное время, дарят друг другу подарки, пишут друг другу. Это возраст флиртов. По мере их развития такая дружба-влюбленность уже их не устраивает, и они ищут другую. Это возраст увлечений, за которыми более или менее быстро следуют усталость и разочарования, потому что существо эволюционирует быстро, и они соответствуют друг другу

недолго. И потом они легкомысленны, потому что любовь занимает лишь часть их жизни и не всегда самую главную. Параллельно этому развитию аффективности и инстинктов ум получил развитие, и человек утверждается, выбирает свое направление в социальной жизни, работает, чтобы приобрести средства социального влияния, способные обеспечить ему материальную независимость и место в связи с его способностями и вкусами. Генитальная способность постепенно раскрывается, и она, что неведомо для него, дает уверенность и самосознание, значение ответственостей молодому человеку и девушке и в то же время силу в борьбе за жизнь.

Этому возрасту, когда рождается и потом утверждается взрослый в полной мере в тройном смысле — инстинктивном, аффективном и ментальном, соответствует этап элективного выбора спутника для создания постоянной пары, креативной пары. «Любимый» (аффективный выбор), «уважаемый» (ментальный выбор) и «желанный» (инстинктивный выбор) представлены в одном и том же существе, которое кажется способным, благодаря качествам, которые за ним признают, и его способу представлять будущее, слиться с собой во всех планах в одном и том же акте дарения, в совместном произведении, живым символом которого является ребенок. Проектируемым произведением может быть также гуманитарное или социальное начинание. Как бы там ни было, в основе решения создать стабильную пару лежит данное произведение, желанный и желательный плод. Но это решение, прежде всего, приводится в действие тройным согласием между индивидами (аффективное, ментальное и инстинктивное согласие).

Такова схематически набросанная картина гармоничной эволюции человеческих существ с точки зрения поиска ими объекта любви от рождения до взрослого возраста. Мы говорили, что дерево не может давать плодов, пока оно не выпустило листья, а затем не дало цветов... Нельзя обмануть биологию. Можно лишь делать вид, что муж и жена, если не достигли взрослого возраста, не только с точки зрения физической, но и в особенности с точки зрения зрелости сердца и мысли. Лишь зрелость тела видна извне. В других планах зрелость проявляется только в поведении, какое она вызывает в жизни. Но каждый в глубине души, если хочет быть искренним с самим собой, может знать, какой силе он повиновался в своем выборе. Мотив выбора зависит от стадии аффективной эволюции, какой он достиг.

Сколько мужчин и женщин, взрослых по возрасту, остались психически и аффективно детьми! Они решают социально построить свою жизнь в определенный момент своей эволюции, который не длится долго, потому что это инфантильная стадия, и рано или поздно их естественное развитие заставит их отказаться от их выбора, ставшего незначительным. В этом случае верность обязательству, опрометчиво принятому, является, возможно, необходимой ради соблюдения интересов детей, родившихся от такого союза, но в ней также источник страдания и даже относительного социального неуспеха.

Чтобы избежать этих страданий и этих провалов, следовало бы стимулировать молодых испытать самих себя, прежде чем строить на неустойчивой опоре семью, у которой будет лишь видимость семьи. Таким будет случай брака со спутником, соответствующим одному из способов любовного выбора, предшествующих периоду наступления взрослого состояния. Однако есть в современном состоянии нашего общества много мужчин и женщин, испытывающих блокировки и задержки в эволюции их любовного и сексуального (инстинктивного) поведения. Возможно, это связано с немного форсированной стимуляцией интеллектуального развития. Что бы ни было, эти браки, где только тела являются телами взрослого, а сердца и умы не вышли из детства, нежелательны. То же самое для браков, основанных только на нежности, без взаимного призыва тел, или браков по расчету без восторженного участия тел, душ.

Можно возразить, что пары, плохо начавшие, тем не менее выдержали испытание временем. Но исключения не для того, чтобы их желать или рекомендовать. Сколько среди них страдают и страдали! Сколько держатся лишь формально, но с ностальгией у каждого из них по тому, что могло бы быть и не случилось!

При этом будущее не за поздними браками, но, напротив, за более уравновешенным развитием молодых, без блокировки их аффективной жизни. Речь не идет также о том, чтобы ратовать за раннюю сексуальную жизнь и за пробные браки. Но нужно, чтобы в каждый период детства и юности был свободно прожит соответствующий любовный возраст. Тогда, достигнув взрослого физического возраста, молодые люди и девушки совершенно естественно оказались бы во взрослом аффективном возрасте.

Слишком часто — и это драма — юноши и девушки достигают взрослого возраста с телами с взрослыми сенсуальными требованиями, но с недостаточным уровнем аффективной зрелости

«влюбленного возраста», которые могли бы быть прожиты без стыда с восьми до пятнадцати лет (и даже в более раннем возрасте). И тогда они безоружны перед требованиями инстинкта, они не почувствовали, как он усилился, и не научились его узнавать и управлять им, т. е. подчинять требованиям сердца и ума. Очень часто они начинают с презрением относиться к этому инстинкту, который, однако, есть источник самой их плодовитости, и к себе за попадание под власть его требований. А это неблагоприятно для подготовки к успешному браку.

Молодой человек или девушка чувствует, что влюблен. Как можно испытать себя, чтобы понять возможность счастья, которое может ему принести этот привлекательный для него брак? Он может задаться вопросами о природе своего выбора:

— лежит ли в основе влечения к любимому существу выбор по типу «инфантальной» любви, где требуют существа более стабильное и более надежное, чем он сам, от которого ожидают помощи, не давая своей в обмен? В этом случае брак всегда поставит более молодого из супругов в моральное положение опеки. Он, может быть, будет счастлив, но никогда не достигнет полного расцвета;

— преодолен ли выбор по детскому типу, движимый потребностью в другом таком же? Такие молодые люди были бы очень удивлены, если бы узнали, что девушка или молодая женщина, которой они добиваются, им нравится лишь потому, что она сестра или подруга, если не любовница, их самого лучшего друга. Пусть поостерегутся жениться на ней! Молодая женщина ценится лишь благодаря своей аффективной «парности» с «другом». Она теряет для него всякий интерес в тот день, когда, став его женой, она разлучается со своим прежним спутником, чтобы принадлежать только мужу;

— преодолен ли выбор способа влюбленной дружбы с ее ревностью, спорами, ссорами, примирениями, напрасными отчаяниями, потребностью измениться? Тогда не закрепляйте социальными узами союз, аффективный климат которого переменчив, если не сказать, что он грозовой;

— действительно ли прошел этап тяги к флирту? Если от этого отказались искусственно, путем разумного решения, в то время как он еще кажется приятным, знак, что человек еще недостаточно зрел для брака. Осторожность требует подождать;

— чувствует ли себя молодой человек или девушка владеющим(ей) силой своей индивидуальности или, напротив, чувствует переполненность ощущениями неполноценности

и рассчитывает на другого, чтобы избавиться от них, или на брак, чтобы развиваться дальше, в то время как чувствует себя заблокированным в инфантальном ментальном, аффективном или инстинктивном поведении? В этом случае он стремительно двигается к разочарованию;

— принимается ли решение устроиться с социальной точки зрения ради того, что нужно когда-то «устроить свою жизнь», «пристроиться» или для «удобств» разного сорта? Или они устремляются к «началу», полные сил и смелости?

— присутствуют одновременно уважение, желание и нежность к избраннику? Или не хватает одной из трех составляющих настоящей супружеской привязанности? Тогда есть опасность неудачи;

— готовы ли вы, если нужно, с этим избранником покинуть семью не по причине необдуманного поступка, т. е. побега, но чтобы лучше содействовать успеху и плодотворности супружеской пары, если, например, этого потребовало бы положение мужа? Если да, то это означает, прежде всего, что имеет место настоящее доверие, а также, что совместное дело, которое предстоит сделать, превалирует над эгоистическими и непродуктивными привязанностями. Какой бы законной ни была любовь ребенка к родителям, эта привязанность не может быть плодотворной и не должна биологически препятствовать призыву к плодовитости и созиданию с избранным любимым, уважаемым и желанным супругом.

Вот как каждый из будущих супругов должен себя испытать. И если откровенно в своем сердце сам с собой он может себе сказать, что он себя чувствует на этом этапе зрелости, тогда он не ошибается, и какой непредвиденной ни была бы жизнь, его брак позволит ему принести плоды, и чтобы ни случилось, он ни о чем не пожалеет и скажет себе, что если бы он начал сначала, то действовал бы так же.

Если каждый из обоих будущих супругов, испытав сам себя, не может себе с уверенностью ответить на эти вопросы, помолвка должна быть продлена или, возможно, мужественно разорвана. Лучше ничего, чем что-то фальшивое.

Если период помолвки, это прекрасное время верности слову, данному другому, чтобы испытать себя, период наивысшей важности, прожит свободно и хорошо, постепенно избранник становится центром всех мыслей, всех желаний, всех порывов нежности. И это происходит не через усилие или решение разума, но из совместной склонности. Молодой человек и молодая девушка окончательно останавлива-

ваются друг на друге, не сожалея о других возможностях, которые для них еще открыты, но не имеют более привлекательности. Для них нет более искушения (чувств, разума и сердца), которое могло бы соперничать с этой уверенностью всего их существа. Возраст окончательного дарения одного другому для дела, которое должно превзойти их обоих, дела, проецируемого за пределы их собственного индивидуального продолжения, наступил. Их соединение в браке имеет все шансы быть успешным и плодотворным.

**НЕ ГОВОРИТЕ БОЛЬШЕ:
«ТЫ СТАРШИЙ, ПОКАЖИ ПРИМЕР!..»**

(1946г)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: Ne dites plus: «Tu es l'aîné, donne l'exemple!...». // Femmes françaises. — 20 avril 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 115—116.

Эта заметка — логическое продолжение статьи о конфликтах детей в семье из-за соперничества. Дольто говорит о специфичном месте каждого ребенка в семейной иерархии, поэтому старший ребенок не должен быть наделен чрезмерной ответственностью только из-за своего возраста.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Mногие родители чувствуют себя в затруднении перед лицом проблем, возникающих при воспитании детей, разных по характеру, поведению и возрасту. В отсутствие настоящего конфликта могут, однако, возникать трудные ситуации для одного или нескольких детей, и не всегда понятно, как из них выйти.

Те, кто меня читает, хорошо знают трудности, которые они испытали из-за своего места в семье, были ли они старшими, младшими или между ними. Для каждого места в семейной иерархии существуют фактические условия, независимо от характера родителей или детей. Но часто на эти реальные условия насылаются трудности и страдания, связанные с требованиями родителей.

Раньше положение старшего давало преимущества в обществе и по закону. В наше время еще есть страны, где право старшинства на наследство сохраняется. Во Франции в настоящее время все дети имеют равные права и также равные обязанности. Однако сколько раз мы слышали, как родители навязывают старшему ребенку ответственность «давать хороший пример», «следить за маленькими», «уступать младшим»; сколько старших оказались, таким образом, раздавленными грузом моральной ответственности, данной родителями, не получив никаких преимуществ в компенсацию?

Действительно, дети стремятся подражать самым старшим. Если это оказывается хорошо для всех, тем лучше, но это было бы удивительным, потому что у каждого ребенка своя натура, и желательно, чтобы каждый чувствовал себя свободным действовать в соответствии со своим собственным движением, а не в подражание другому. Значит, нужно попытаться сделать детей как можно более независимыми друг от друга. Если старший хочет оказывать помощь младшему и следить за ним и тот также этого желает, хорошо; но стоит лишь тому или другому не захотеть таких отношений «протеже — покровитель», не старайтесь им их рекомендовать. Пусть каждый возьмет на себя ответственность за себя самого, это и есть воспитание.

Когда вам нужно будет похвалить или поругать одного из ваших детей, пусть это будет направлено не по отношению к его месту в семье, но по отношению к его натуре или возрасту. Так, для большого ребенка является не менее хорошим удачно что-то сделать тогда,

когда это удалось малышу. Это хорошо для каждого из них. Никогда не судите по отношению к другому. «Это вполне естественно, ведь ты большой» — как это столь часто слышат от мамы, от которой старший из детей добивается комплимента, только что сделанного ею младшему, в то время как было бы проще сказать: «Да, я тобой тоже довольна».

Аналогично дурное действие не менее порицаемо, потому что оно было совершено в подражание другому якобы более ответственному; каждый из детей должен осознавать и действовать от себя. Он должен быть судим по отношению к самому себе. Напротив, с воспитательной точки зрения предпочтительно в два раза сильнее порицать подражателя. Ибо он не только просто сделал плохо в данном случае, но и еще он плохо сделал не по своей инициативе и без размышления, т. е. в духе подражания.

**НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ МЛАДШЕГО РЕБЕНКА
«ПОСЛЕДЫША»
(1946h)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: *Ne faites pas du plus jeune le «petit dernier».* // Femmes françaises. — 27 avril 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 79—80.

Здесь продолжается тема двух предыдущих статей — место ребенка в семейной структуре и связь этого места с последовательностью рождения ребенка. Дольто подчеркивает необходимость различать природу и интересы каждого ребенка в отдельности.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Часто говорят: «Две девочки или два мальчика — дети с небольшой разницей в возрасте — это удобно, легче воспитывать». Может быть, но осторожно! Осторожно, чтобы не притормозить развитие, не держать в неволе одного из них под предлогом малой разницы в возрасте. У этих детей могут быть очень разные натуры и потребности. Не уступайте искущению воспитывать их как пару, как близнецов. Не задерживайте старшего, чтобы он «подождал брата» в жизни: школе, пансионе, развлечениях. Не двигайтесь вперед другого, чтобы он был со своим братом. Чем меньше разница в возрасте детей, тем больше нужно следить за тем, чтобы по-разному обращаться с ними, иначе нарушения личности рано или поздно возникнут у того или другого. В этом случае еще более, чем по отношению к детям с большой разницей по возрасту, не уступайте искущению действовать одним и тем же способом с каждым из них. Обращайтесь с каждым из них, как вы считаете нужным, но не уступайте требованиям, которые проис текают из сравнения к невыгоде одного или другого. Если нужно, вы объявите, что несправедливы, и что им не повезло, что у них такая мать, но вы не вступаете в дискуссию и примете сделанные вам упреки.

Самый младший в семье: вы знаете, как часто это место слынет местом избалованного ребенка. Быть избалованным — это не смешно. Это означает, что младший должен как можно дольше оставаться ребенком, чтобы дать матери иллюзию, что она еще молода. Если его натура может этим удовлетвориться, испытания придут позже. В жизни у него всегда будет впечатление фрустрированности, потому что он не вооружен для борьбы и нуждается в покровительстве. Если его натура с трудом удовлетворяется навязанной детскостью, у него проявятся психические расстройства, трудный характер или даже заболевания. Всеми средствами боритесь против привычки старших и вашей собственной называть самого младшего «малышом» или «малышкой», прозвище, от которого с трудом можно отделаться.

В любом случае независимо от возраста ваших детей не уступайте желанию одевать их одинаково; к счастью, это немного сложнее сейчас, чем раньше, но это пагубное искушение, которому многие матери поддаются. Как много детей страдает от этой зависимости.

«Так лучше!» — утверждают мамы. В них говорит инстинкт обладания, они счастливы видеть своих детей в униформе с их «фабричной маркой», если можно так сказать. Детское тщеславие. Это деталь туалета, но если эта деталь систематически подчеркивает зависимость одних детей от других, это деталь, разрушающая личность. Конечно, не избегайте также временами одевать их одинаково, иногда попадаются ткани или одежда серийного выпуска, которыми выгодно воспользоваться, но пусть это будет случайно, а не специально всякий раз, как это возможно; дайте ребенку выбрать, что вы ему покупаете, за исключением того, когда он вам сам сказал, что ему все равно, но это бывает редко.

То же самое касается причесок ваших дочерей и сыновей. При условии, что у них чистые волосы, все прически должны быть им разрешены. Это часто первый знак зарождения чувства личности, которое проявляется в выборе прически в подражание тому или иному другу в поиске перемены. Выскажите свое мнение, но в то же время предоставьте ребенку свободу иметь другое мнение.

Вы скажете мне, что это мелочи, однако жизнь сделана из таких мелочей, которые могут испортить или способствовать расцвету юношества, потому что это символы принуждения или свободы, права чувствовать себя собой или долга быть игрушкой для маминого удовольствия.

Моя дочка всегда говорит «нет»!

(1946i)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

- 1946:** Ma petite fille dit toujours non! // Femmes françaises. — 18 et 25 mai 1946.
- 1994:** Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 85—87.

Основная тема этой статьи — предупреждение негативизма у ребенка. Дольто показывает, что ранняя дрессура по поводу вежливости может приводить к неискренности ребенка и закрытости.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Нам пишет мама:

«У меня две дочери, одной год три месяца, другой две недели. Мы ими много занимаемся. Старшая начинает говорить и постоянно говорит: «Нет!» Достаточно, чтобы мы ей сказали: «Хочешь ли ты поздороваться?» — и она отвечает «Нет!» с видом, полным решимости. Я боюсь, что закрепится в дальнейшем эта привычка противоречить тем, кто ее окружает».

«Никак мы не можем заставить ее дать то, что она держит в руке. Я иногда беру у нее предмет и восклицаю: «Спасибо, как ты любезна!» — и затем его тут же возвращаю, чтобы показать, что я не хочу себе его навсегда присвоить».

«Я счастлива, что у нее появилась сестричка, она научится, может быть, таким образом легче делиться, ведь в жизни нужно уметь это делать. Впрочем, она обожает сестричку. Но не могли бы Вы дать совет, как сделать, чтобы она усвоила привычку давать?»

Поведение Вашей старшей дочери очень типично. Она «отрицает себя», она отказывается делать, как взрослые, говорить «здравствуйте», если это не отвечает глубокой потребности выразить привязанность. Она отказывается расстаться с предметом, который у нее в руках, т. е. с тем, что имеет для нее сиюминутный интерес, который ничто не может заменить.

Мы знаем, как делают дети; они ревниво сжимают в руках то, что их интересует..., и быстро выпускают из рук, если их интерес привлечен другим. Они абсолютисты: «одолжить» не имеет смысла для них; «взять» удовлетворяет подлинную потребность. Длительность для них не существует: до тех пор пока они испытывают (в своих глазах) потребность в какой-то вещи, они ее держат при себе. Предмет тогда как будто составляет одно целое с ними: отказаться — это дать, значит еще раз «отказать себя».

Думаю, не ошибусь, если скажу, что окружение решило, что хорошо сделало, но слишком много внимания уделило вашему ребенку и что инстинктивно тот защищается от постоянного непрошенного вмешательства взрослых в свою жизнь, вмешательства, которое ваша дочь ощущает как угрозу. Пусть ребенок живет в своем индивидуалистическом и эгоистическом возрасте,

и не требуйте и даже не просите у него, чтобы он чем-то пожертвовал без вознаграждения.

Пока ребенок не достиг социального возраста, он не стремится к идентификации с себе подобными в жестах, которые они совершают по отношению к другим людям, в особенности когда эти жесты не приносят немедленно чего-то осязаемого.

Ребенок гораздо искреннее, чем мы. Для нас сказать «здравствуйте» не имеет никакой аффективной ценности, также как и сказать «извините». Кто из нас не говорил: «Ой, извините!», натыкаясь на фонарь? Для ребенка слова несут свой полный смысл. Он прав — говоря с инстинктивной точки зрения — когда не говорит «здравствуйте» человеку, который ему безразличен. Наоборот, если он кого-то любит, он подойдет к нему с доверием, иногда с одной из своих любимых игрушек и покажет, ничего не говоря; в другой раз он подойдет показать себя, чтобы на него обратили внимание. И это говорит гораздо больше о его любви и уважении к взрослому, чем «здравствуйте» ученой собаки!

Лишь после достаточно долгого периода, в течение которого люди, которых ребенок любит, и другие также будут говорить ему «здравствуйте», он сделает, как они, в подражание тем, кого любит.

Сейчас Ваша дочь в обороне. Эта ситуация, на самом деле, может привести к систематическому негативизму по мере ее роста. Как это предотвратить?

Вот что я вам советую, чтобы побудить вашего ребенка уйти с позиции отказа.

1. Не просите ее больше никогда говорить «здравствуйте»; не придавайте важности тому, что она делает, за исключением того, что касается ее потребностей. Со своей стороны вы будете ей говорить «здравствуйте», ваши подруги тоже, если хотят, но не просите ее отвечать. Это требует, я знаю, немного решимости с вашей стороны, поскольку вы боитесь, что ваши подруги посчитают ее невоспитанной. Но что может быть лучше? «Плохо вышколенная» девочка до двух-трех лет, которая затем развивается по своей воле, когда наступает социальный возраст, или ребенок-«ученая собака», который жеманно произносит «здравствуйте» и подражает взрослым не в силу естественности, но чтобы им доставить удовольствие?

Что касается меня, то я высказываюсь за первую формулу: как мать, я считаю, что здоровый и открытый ребенок не может быть в то же время маленькой обезьянкой взрослых; как врач я знаю, что скры-

вается в личности двух лет уже тяжело больного, которого дрессируют, озабоченные эффектом, какой он произведет на окружение.

2. Не просите никогда у ребенка дать вам на время или отдать предмет, которым он дорожит. Если Вы хотите, чтобы ваша дочка не жадничала, стала щедрой, будьте щедрой с ней и, в особенности, занимайтесь ею лишь тогда, когда она об этом просит; не будьте в ее присутствии жадной с вашими подругами: вырастая, она будет это делать естественным образом, как вы.

3. Что касается чувств этого ребенка к младшей сестре, ее мама нам говорит, что та ее обожает. Когда письмо писалось, малышке было лишь две недели. Я бы удивилась, если бы эта «безоблачная погода» продлилась: это не было бы «естественным» и должно повлечь в дальнейшем более-менее длительный период разлада, соперничества и враждебности между двумя сестрами.

Я посвящу, впрочем, одну из следующих статей столь важным проблемам, которые влечет «рождение второго ребенка»¹.

¹ [На данную тему следующей статьи в еженедельнике «Французские женщины» не последовало, но эта проблема затрагивается в одной из предыдущих статей «Конфликты между детьми в одной и той же семье» (1946e). См. наст. том, с. 109–114.]

**ПСИХОАНАЛИЗ И ПЕДАГОГИКА
(1946j)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1946: Psychanalyse et pédagogie. // La Nef. — Mai 1946. — 3e année. — № 18. — Р. 91—96.

Дольто показывает, что психоанализ обратил внимание психологии и педагогики на значимость аффективной жизни человека. Анализируя пример невротичного ребенка, она говорит о противоречии между его установками на пассивность, которые были приемлемы для классической педагогики, и активными методами обучения, привносимыми новыми подходами. В раннем возрасте, отмечает Дольто, часто воспитательные действия взрослых являются «биологическим нонсенсом с тяжелыми последствиями», т. к. ориентированы на формирование пассивного послушания, что подавляет детскую инициативу.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Психоанализ появился в начале этого века и первоначально применялся для изучения и лечения психических заболеваний; постепенно он ввел в саму концепцию психологов и тех, кто казался в наибольшей степени враждебен психоаналитическим открытиям, понятие важности аффективной жизни в личности и здоровье каждого человеческого существа; новые методы в педагогике по-настоящему следуют психоаналитическим открытиям, поскольку они отводят очень большое место чувствам и естественным инстинктам. И в этом они являются методами профилактики психоаффективных заболеваний. Они позволяют ребенку вместо того, чтобы вытеснять свои инстинктивные влечения, использовать их и положить инстинкты в основу всех своих интеллектуальных приобретений. Они развивают у ребенка творческий дух, учат его черпать материал для знаний в их источнике, а не в книгах или на уроке, который представляет результат труда, предназначенный лишь для того, чтобы быть пассивно запечатленным в памяти. Более нет глухой перегородки между школой и жизнью. Все взаимообусловлено, и ткется основа двигательных, сенсорных и аффективных ассоциаций, основной сетью для интеллектуальных достижений. И они тогда скорее проживаются, чем выучаются, осваиваются в опыте, нежели изучаются, и интегрируются в личности в ее целостности.

Занимаясь детским психоанализом, мы позволим себе лишь одно критическое замечание, если оно таковым является. Нам кажется, что допускают ошибку, начиная активные методы в шестом классе. Было бы предпочтительным, чтобы дети начинали еще в детском саду такие методы, которые без перерыва привели бы их в старшие классы.

Определенно, этот выбор на пороге шестого класса позволяет наверстать упущенное многочисленным детям, которые плохо успевали или могли бы плохо успевать в средней школе обычного типа. Но есть дети среди тех, кто был совершенно деформирован пассивными методами, которые проявляют большую растерянность и неспособность следовать за своими товарищами в этом новом шестом классе, но оказываются снова среди первых учеников, как только возвращаются в систему пассивного и индивидуального обучения.

Возбуждение всех сфер деятельности ребенка, для субъекта, пробуждение его прав на личную инициативу бывают иногда опасными для ребенка-невротика, которому предыдущая система позволяла быть интеллектуально успешным в достаточной для его самолюбия степени, соблюдая его аффективную и социальную беспомощность. Этот ребенок может потерять почву под ногами в новой системе.

Я расскажу сновидение мальчика одиннадцати лет, единственного сына, умного, из послушных детей, робкого, покорного, без товарищей, тусклого, всегда «среди первых в классе до начала учебы в новом шестом». По совету врача его отвели к психоаналитику, потому что он был абсолютно сбит с толку, являл глубокое отвращение к школе и серьезные нарушения в характере, где депрессия чередовалась с агрессивным бунтом, угрызения совести с нарушенным моральным поведением.

В одном из своих сновидений он увидел себя в классе, это был номер мюзик-холла, где учитель и ученики были краснокожими, совершенно голыми в париках эпохи Людовика XIV, они предавались гимнастической эксцентрике, делали человеческие пирамиды, чему в ужасном стеснении и шоке он был вынужден аплодировать. Они хотели даже (*sic*), чтобы он делал так же, как они.

Основания морального сознания у этого ребенка были настолько поколеблены, что он потерял смысл и вкус долга, любого правила, смысл иерархии ценностей и правил общественного приличия, которым до сих пор произвольно и слепо подчинялся. Вернувшись в класс классической педагогики, где он мог снова не говорить ни с кем, учить наизусть, с сознательным прислужанием готовить уроки, чтобы иметь хорошие отметки и быть оцениваемым лишь за чисто книжную работу, все вернулось в порядок, и его поведение стало «нормальным».

В глазах психоаналитика этот ребенок столь же беспомощен, что и раньше, он испытывает тревогу перед лицом любого реального контакта с жизнью, и без психоаналитического лечения он быстро движется к неуспеху в жизни, несмотря на блестящие школьные результаты. Сам способ работать и справляться с уроками, хотя и ценимый его учителями, всего лишь манера избежать реальных испытаний в жизни, это забытье перед тревогой, который вызвала бы у него открытость чувств жизни и человеческие контакты.

Этот пример я привела по двум причинам. С одной стороны, чтобы подчеркнуть интерес к активным методам, которые востребуют и так хорошо развивают у молодых творческие способ-

ности, когда они еще живы в них, способности, не востребованные и не развивающиеся классическим образованием, а в некоторых случаях оно тормозит их или полностью блокирует. Это сказано также, чтобы показать, что невропатические симптомы тесно связаны с моральным смыслом. Это вне сомнения резон, из-за которого на психоанализ столь резко нападают и столь многие ему сопротивляются из тех, кто начинает им интересоваться. В самом деле, есть страх (и с первого взгляда такие основания для этого вроде есть), что при обращении к болезненным инстинктивным вытеснениям, избавляясь от их тормозящих последствий для энергии, можно оказаться морально выбитым из колеи. Правда в том, что моральное равновесие субъекта, страдающего неврозом, на самом деле нестабильно; если он сам еще не дал себе в этом отчета, психоаналитическое лечение дает ему это заметить. Но в общем случае причины, по которым он лечится, являются достаточно серьезными, чтобы иметь все, чтобы все выиграть и ничего не потерять. Вопреки тому, что думают некоторые люди, психоаналитическое лечение, как для ребенка, так и для взрослого — и у ребенка быстрее — после фазы растерянности ложного морального сознания, в каком он пребывал, возвращает ему на прочной основе стабильную моральную ось и острое чувство своих настоящих духовных обязанностей.

Для ребенка, о котором я говорила, психический комфорт, чувство «добра» шло вместе с пассивностью, духом слепого послушания взрослому и полного отказа от всякой личной инициативы и любознательности. Это чувство Добра ему было внушено матерью задолго до школьного возраста. Оно выработалось в соответствии с отношением матери ко всем его спонтанным двигательным, аффективным и психическим проявлениям с раннего детства. Каждое из этих спонтанных проявлений было бессознательно классифицировано в зависимости от полюсов хорошо-плохо в соответствии с реакциями матери, и в основе его морального чувства лежала совокупность этого прожитого опыта с 0 до 5 лет.

Покушение в дальнейшем на это чувство Добра вызывает опасное выбивание из колеи практического морального поведения субъекта. В случае, о котором идет речь, учитель попросил класс сделать коллективный репортаж о стекольной промышленности и в другой раз — об изготовлении хлеба. Особое поручение, выпавшее на долю этого ребенка, возложенное одноклассником «руководителем команды», состояло в том, чтобы пойти к пекарям, увидеть печи для выпечки и описать их, и зайти к торговцам очками, чтобы взять проспекты

и, если возможно, пронаблюдать самому изготовление очков, чтобы потом рассказать. Эти новые задания вызвали у него глубокое потрясение чувства того, что для него было приличным, т. е. для него чувство добра и зла, ибо, к несчастью, моральное воспитание, полученное им, как многое другое, было для него лишь этической ориентацией по отношению к приличиям.

Таким образом, более ничего не было для него стабильным и надежным, ни разрешенным, ни запрещенным. Поскольку можно было с такой вольностью обращаться с деликатностью, вежливой сдержанностью, которую он соблюдал до сих пор, мир перевернулся. Его родители уже не были почтенными людьми, правила расписания, социальные условности любого сорта не имели более ценности в его глазах. Правду уже не было важным говорить. Поскольку можно было без угрызений совести выведывать запрещенные секреты, входить к людям, чтобы посмотреть, приносить им беспокойство, не давая платы и не зная их, и что именно при этом условии к тебе хорошо относились в школе; можно было также вскрывать почту других, воровать деньги, прогуливать школу и т. п. С другой стороны, т. к. учитель не требовал от каждого той или иной задачи, а ставил ее коллективно группе, ребенок, вынужденный подчиняющийся взрослым и никогда не испытывавший малейшего доверия к себе, не мог выносить подчинения своей ровне. Это в действительности помешало в его моральный план слушать подобного себе, а не вышестоящего. Это было совместимо со всеми дебошами, к которым инстинкты его возраста, не подчиненные иерархии и не управляемые в глубине, могли его востребовать. Вначале он, т. к. считался хорошим учеником, попытался сделаться командиром группы, но не сумел взяться за предложенную работу и в еще меньшей степени распределить задачи для всех. Что касается его, он добивался этого поста лишь в надежде, что заставит других выполнить эту работу. Товарищи его отвергли с насмешками. Мы понимаем сновидение. На этом символическом языке новый шестой класс, активные методы которого вызывали в нем первоначальные инстинкты, вытесненные в очень раннем возрасте, появлялся как ансамбль авторитарных и всемогущих дикарей (краснокожие в париках Людовика XIV), и они делали неприличные вещи (типа голых женщин), и этому нужно было не только аплодировать, но и имитировать подобное.

Для него эти новые методы приносили ветер безумия, и это правда, если безумие есть почувствовать, как реальность уходит из-под ног, что добро и зло более не на своем месте.

Он страдал от того, что чувствовал себя ниже других, он, кто всегда был хорошим учеником, и был от этого болен. Эта растерянность в ценностях «хорошо» и «плохо», которая до сих пор смешивалась с «разрешено» или «нет», «прилично» или «нет» окружения, очень религиозного впрочем, вызвала по ассоциации тяжелые нарушения в характере.

Я говорила о воспитании детей дошкольного возраста от 0 до 4–5 лет. Мне все больше кажется очевидным по многочисленным наблюдениям за совсем маленькими детьми при их поступлении в детский сад и в материнскую школу, что многие дети этого возраста уже отмечены симптомами беспомощности. Каковыми были бы ни были активные методы, почти у всех детей всегда есть большая часть психической энергии, которая остается блокированной навсегда, и именно к этой проблеме беспомощности совсем маленького ребенка по отношению к креативности и самосознанию, какими они могли бы и должны были быть в его возрасте, если бы мы умели воспитать совсем маленьких детей, должен обратиться в наше время психоаналитик. Речь не идет о психоанализе всех детей. Речь не идет даже о том — потому что материально это невозможно, хотя это было бы с очевидностью желательно, — чтобы подвергнуть психоанализу всех воспитателей. Речь не идет о том, чтобы психоаналитику занять позицию воспитателя. Эти два вида поведения абсолютно несовместимы, хотя можно ими располагать альтернативно при наличии такого дара — быть воспитателем по отношению к определенным субъектам и психоаналитиком по отношению к некоторым другим.

Но аналогично тому, как новые педагогические методы для большинства детей есть методы предупреждения интеллектуального оболванивания и культурного обеднения, и что они позволяют максимально развить ум и естественные качества, сохраненные у ребенка в целости в школьном возрасте, нам следует обратиться к проблеме сохранения живых сил ребенка в раннем возрасте. Это, однако, есть проблема воспитания настоящего морального чувства.

Под угрозой силы, лишения любви и удовольствия малышам навязывают правила и ритмы и не только не опротестовывают их значимость, но даже не изучают ее под углом их биологического резонанса.

Так мы видим, как наступает школьный возраст у детей, способности которых хотят развить, и у которых сами проявления жизни, первые проявления их способностей с самого раннего возраста проявлялись как опасные, потому что они влекли за собой тягостные реакции окружения по отношению к ним.

Ребенок должен чувствовать сам по себе с самого раннего возраста, что все, что ему запрещено, является для него действительно плохим, и что ничего из того, что для него по-настоящему хорошо и доступно, не является для него совершенно запретным. Проявления непослушания, не порицаемые взрослым, но приносящие это подтверждение, могут усилить доверие к никогда не запрещаемому собственному суждению и своей собственной инициативе, чувство ответственности или скорее свободы действовать. Это было бы также воспитанием доверия к взрослому.

Это возможно в раннем возрасте.

Однако что же происходит? Хорошо воспитанный ребенок, хорошо выдрессированный, — это маленький автомат, соответствующий своим поведением требованиям родителей, это ребенок, который боится своих инициатив, который смотрит на взрослого, чтобы знать, хорошо или плохо он сделал. Его уверенность хорошо сделать происходит не от волнующего ощущения чувствовать себя творящим, креативным, получать бесплатное удовольствие, полностью не зависящее от того, что может об этом подумать взрослый. Нет, добро — это то, что позволяет ему получать питательный и аффективный комфорт. Эта цена зависит от доброго удовольствия взрослого, слепого, глухого и немого ко всему тому, что не есть удовлетворение его собственного тщеславия, его удовольствия доминировать или обладать ребенком, его лени, его конформистского чувства правильного и неправильного, чувства, которое для социального взрослого всегда снабжено интересом. Короче, поведение взрослых с самыми добрыми намерениями, именуемое воспитательным, является для психоаналитика, рассматривающего проблему самых маленьких, биологическим нонсенсом с тяжелыми последствиями, имеющим калечащий эффект для энергии, предназначенней в дальнейшем для расцвета самых возвышенных характеристик человеческого существа.

Нам следует работать, нам следует смотреть новыми глазами на все проявления психической и аффективной активности совсем маленьких детей, нам следует это делать в научном и психоаналитическом духе. Это означает, что надо избавиться от предрассудка поляризации хорошо — плохо, что до сих пор мы вкладываем в психологические исследования, называемые объективными, где добро есть «адаптированное», зло «неадаптированное» к тому, что в среднем ожидаю от наблюдаемых субъектов.

**«Я ВСЕ РАССКАЖУ МАМЕ...»
ИЛИ «ЯБЕДНИЧЕСТВО»
(1946г)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1946: «Je vais le dire à maman...» ou Le «cafardage». // Femmes françaises. — 8 et 15 juin 1946.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 125—128.

Дольто последовательно дает прямые советы родителям, как поступать, чтобы не спровоцировать ябедничество у ребенка.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Я уже говорила здесь¹ о трудностях воспитания по справедливости детей, разных по характеру и по возрасту, таким образом, чтобы им дать как можно больше независимости и помочь вынести то, что есть тяжелого и неудобного в факте быть каким-то «по счету» в многодетной семье.

Я сказала, насколько родители должны быть бдительны, чтобы не давать детям советы подражать друг другу и самим не делать постоянных сравнений между детьми (следует сравнивать ребенка только с ним самим).

Сегодня я хотела привлечь внимание к одной из пагубных привычек поручать детям следить друг за другом и доносить, когда мать или воспитатель обращают внимание (если не побуждают их сами) на детские «ябеды». «Я скажу маме», — говорит ребенок. Мама возвращается: «А он сделал то или это». И мама принимается ругать попавшегося!

КАК ИЗБЕЖАТЬ, ЧТОБЫ ДЕТИ БРАЛИ ПРИВЫЧКУ ЯБЕДНИЧАТЬ?

Прежде всего, никогда не говорите ребенку: «Я об этом скажу тому-то и тому-то», иначе по причине своего желания походить на взрослых он станет «доносчиком», как вы сами ему в этом подаете пример.

Затем, никогда не показывайте вашему ребенку на неправильно делающего ребенка, говоря: «Посмотри на этого мальчика, как он плохо делает!» Учите его всем вашим поведением не вмешиваться в (добрые и дурные) дела других. Если ваш ребенок сам обращает ваше внимание на капризного ребенка на улице, не упрекайте его в этом, но и не добавляйте никаких личных размышлений на этот счет. Скажите: «Да, действительно». Или, в крайнем случае: «Не кажется ли тебе, что через пять минут в глубине души он сочтет глупостью так дурно себя вести?» Но никогда не говорите: «Ты видишь, как это некрасиво!» или же: «Если бы я была его мамой, я бы ему задала порку!»

¹ [См. «Не говорите большие: “Ты старший, покажи пример!..”» (1946g). Наст. том. с. 129—132.]

Не поручайте также никогда ребенку следить за другими. Если вы еще не уверены в осторожности малыша, скажите его старшему брату или сестре: «Я рассчитываю на тебя, чтобы он не сделал себе больно, потому что он маленький. Я тебе передаю свои полномочия. Как будто его мама это ты». Когда вы вернетесь, заберите свои полномочия и не входите ни в какие детали. Поблагодарите временного ответственного. Дети понимают это очень хорошо. Если вы видите, что для старшего это была непосильная задача, что ему не удалось помешать глупостям, что возможно он сам их наделал, не наказывайте и не ругайте никого: скажите себе только, что нужно будет делать по-другому.

Если вы оставили нескольких детей, и к вашему возвращению один из них «доносит» о плохом действии, определите: или это действие имело дурные последствия или нет.

Во втором случае скажите: «Когда меня здесь нет, каждый сам себе сторож, и я не люблю, когда занимаются соседом». И со смехом расскажите пословицу: «Без кота мышам масленица».

Если, напротив, произошло что-то досадное, и вы это констатируете, не спрашивайте: «Кто это сделал?» Но скажите: «У того, кто это сделал, хватит ли смелости признаться?» Виновный или заявит сам о себе, и вы его отругаете, не наказывая, иначе вы подавите желание быть откровенным в следующий раз, или он не заявит о себе. Если вы услышите ответ хором «Это не я, это не я!», скажите: «Я не спрашиваю, кто это не сделал, я спрашиваю лишь того, кто сделал, сказать об этом, а других прошу помолчать». Если все молчат, вы говорите: «Хорошо, я рада, что здесь нет ябед, но тот, кто плохо поступил, не очень смел. Ладно, вы поможете друг другу исправить все, как вы помогаете друг другу, чтобы что-то от меня скрыть».

И вы можете, как мать, порадоваться духу солидарности ваших детей. Это делает вам честь!

КАК ИЗЛЕЧИТЬ ОТ ЭТОГО НЕДОСТАТКА РЕБЕНКА, КОТОРЫЙ «ЯБЕДА», НЕСМОТРЯ НА ПРИМЕНЕНИЕ ЭТОГО МЕТОДА?

Если ваш ребенок, несмотря на хорошую систему, используемую вами, становится, тем не менее, закоренелым доносчиком и продолжает всякий раз по вашему возвращению обвинять другого, хотя вы и не обращаете на это внимания, значит, что-то не так. Есть конфликт: нужно тогда понять, о чем идет речь, и помочь ребенку.

Может быть, он испытывает ревность из-за вашей любви к тому, кого он обвиняет, и хотел бы завладеть всей вашей любовью?

Ни за что не упрекайте его за эту ревность, она инстинктивна, и он её не хозяин. Отведите ребенка в сторону в тот момент, когда вы будете спокойны; объясните ему, что иногда люди чувствуют себя несчастными от того, что в сердце матери есть место для других. Вы ему скажете также, что мамы любят своих детей даже, когда они делают глупости, но они больше всего хотят, чтобы каждый занимался сам собой. «Если ты считаешь, что он плохо сделал, не делай, как он, это все, о чем я тебя прошу».

Часто речь идет о ребенке слишком строгом к самому себе, которому бы хотелось делать глупости по примеру того, на кого он «ябедничает». Скажите ему тогда: «Хотелось бы тебе сделать так же?» Если он говорит «нет» (правда это или нет), ответьте ему: «Тогда почему ты обращаешь внимание на то, что делает Пьеро? Несомненно, ты сам не был занят чем-то приятным для тебя, раз у тебя было время заниматься им».

Если, наоборот, он вам говорит, что ему хотелось бы сделать такую же глупость, спросите у него: «Что тебе помешало поступить, как Пьеро?» Он вам ответит наверно: «Это было запрещено», — или: «Я знал, что это глупость». Ответьте: «Вот и хорошо! Ты ведь большой мальчик! Пьеро также станет однажды большим мальчиком, и в этот день я его буду любить не только потому, что он мой ребенок, но я буду гордиться им, как горжусь тобой, таким разумным. Видишь ли, большие, будь это мальчик или девочка, никогда не должны «ябедничать», а должны помогать и защищать маленьких и тех, кто делает так, как будто они маленькие, и предоставить тем, которые делают плохо, когда мамы нет, самим разбираться со своей совестью».

ВОРОВСТВО У РЕБЕНКА
(1946!)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

- 1946:** Les vols chez l'enfant. // Femmes françaises. — 20 et 27 juillet, 3 août 1946.
1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 117—123.

Дольто показывает, что воровство — это реакция на чувство бессилия, которое переживается ребенком. Она говорит о недопустимости публичных наказаний за воровство, а прежде всего, о необходимости понять причины, побудившие ребенка или подростка к данному поступку. Важным фактором профилактики воровства является также взаимная ответственность за использование совместных вещей и уважение к вещам самого ребенка.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ВОРОВСТВО? ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ТАСКАНИЕ?

Ребенок, ворующий у родителей, не рассматривается законом как вор: это должно заставить задуматься многих родителей. Это означает, что все, что принадлежит родителям, принадлежит детям, и таково точное представление.

Но тогда как воспитывать детей, поскольку привычки, приобретаемые ими дома, являются основой для формирования их морали для жизни в обществе?

В нейропсихиатрической консультации мы часто видим обеспокоенных родителей, приводящих нам своих детей, обвиненных в воровстве: «Доктор, является ли это пороком или это болезнь? Это клептомания?» Чего только не говорили о клептомании! Благодаря этому ученому слову ущерб ближнему становится простительным и недостаток адаптации к социальным условиям рассматривается как нечто вроде фатальности, которой субъект вынужден подчиниться... и которая делает его даже интересным! Но кража — это всегда кража, называется ли она клептоманией или нет!

Кражи — это всегда дело рук индивидов, чувствующих себя в чем-то бессильными. Иногда они агрессивны против тех, кто незаконно, на их взгляд, обладает богатством, которого они домогаются, каким бы «богатство» ни было. Иногда они не агрессивны, а просто завистливы! Раздавленные собственной неполноценностью, они пользуются «случаем», не осмеливаясь его ни искать, ни провоцировать. В этом разница между кражей по случаю и намеренной кражей, разница между кражей существа со слабыми инстинктами и существа с сильными инстинктами.

Воровство-правонарушение (т. е. вне семьи) у подростка и воровство у взрослого никогда не бывает без того, чтобы не было предвестия такого нарушения характера в детстве субъекта.

Очевидно, что поведение родителей при первых семейных кражах ребенка может повлиять на исчезновение или, наоборот, усиление этой черты характера. Можно способствовать расцвету того, что называют «недостатками» у ребенка, неудачным поведением. Отношение непо-

нимания воспитателя делает морально невозможной коррекцию порочной привычки у ребенка (смотрите, в частности, статьи о вранье, негативизме и ябедничестве¹).

Как можно помешать ребенку додуматься своровать?

Нужно очень рано дать ему знать, прочувствовать, что все, что есть семейная «масса»: деньги, еда, книги, предметы, украшающие дом, является общей собственностью.

Что касается личных вещей ребенка: его собственные деньги, копилка, получаемые подарки, книги, игрушки. — никогда нельзя отнимать у него право пользования ими, каким бы ни был резон. Никогда не «конфисковывать» у ребенка принадлежащий ему предмет, ибо тем самым ему дается пример кражи. Никогда без его согласия не брать «на потом» на сохранение в безопасности его копилку или красивую игрушку. Нужно дать ребенку пример абсолютного уважения его собственности, каким бы ни было применение, которое он найдет тому, чем он владеет. Это касается ребенка с малых лет, в два с половиной-три года.

Очевидно, что если в четырнадцать лет ребенок уже имеет привычку красть, его не исправишь, сказав, что все ему принадлежит совместно с другими. Нужно вместе с ним попытаться понять, в чем состоит его потребность красть. Затем нужно помочь ему осознать реальные вещи и пережить их, какими бы мучительными они ни были в материальном плане. Он также испытывает потребность в нас, чтобы осознать свою моральную ценность и свои возможности для достижений посредством своей собственной заслуги, не приносящие больше удовольствия для большинства людей, которым известно лишь незаконное приобретение.

Без зрелицких наказаний

Есть поведение, которое абсолютно недопустимо, это гнев и наказание, слепое и глухое, я хочу сказать, наказание, которое есть всего лишь придирка, у которого нет никакой цели, ни цели исправления, ни цели воспитания. Но обратимся здесь к абсолютному принципу любого воспитания. Даже если речь идет о краже, совершенной в коллективе со строгим порядком, где санкция должна быть

[См.: «Как излечить от вранья» (1946с) — наст. том, с. 95—99; «Моя дочка всегда говорит “Нет”!» (1946и) — наст. том, с. 137—141; «“Я все расскажу маме...” или “Ябедничество”» (1946к) — наст. том, с. 151—155.]

применена, чтобы оостаться в рамках устава, эта санкция никогда не должна быть применена без индивидуальной беседы с правонарушителем и не должна быть публично оглашена. Публичное наказание должно быть абсолютно исключено. Оно бесполезно для самого правонарушителя и в большинстве случаев наносит вред. Ребенок никогда ничего не выигрывает от унижения. Напротив, он теряет доверие к себе и к другим. Здоровый способ реагировать может быть лишь таким: принять высокомерный вид и демонстрировать равнодушие. Нездоровым способом реакции будет чувство стыда, которое диктует всегда лишь недоверие к себе и угрызения совести.

Система воспитания в коллективе никуда не годится, если она испытывает необходимость в приписывании ценности морали «что об этом скажут» вместо того, чтобы развивать индивидуальное настоящее моральное чувство у каждого из детей. Я вспоминаю о своем посещении колледжа в этом году в качестве случайной посетительницы. Там на стенде у входа я увидела такой маленький листок: «Лорет Н., ученица восьмого класса (значит, возраст примерно девять-десять лет), исключена на 15 дней; причина: кража у одноклассницы».

Я вздрогнула. Что ребенка исключили на время после беседы один на один (если воспитатель счел эту санкцию подходящей для ее поверхностного и забывчивого характера), что класс узнал об этом (но получил задание не говорить об этом и, в особенности, по возвращении ребенка больше об этом не думать), еще ничего. Но этот позорный столб для ребенка восьмого класса! Есть чем отметить человека на всю жизнь. И я спрашиваю себя, какой воспитательный мотив двигал дирекцией, проявившей такой садизм.

В семье тоже не нужны зрелищные наказания. Кражи касаются только нарушителя, его жертвы, воспитателя и родителей. Речь не идет, чтобы скрыть, речь идет о том, чтобы «воспитать», т. е. вывести ребенка из этого тупика и для этого использовать все средства, способные поддержать и воодушевить его усилие, и ничего, что может его обескуражить и унизить.

Понять мотив воровства

Что нужно делать? Прежде всего, понять мотив воровства, а для этого нужно естественным образом поместить ребенка в атмосферу доверия и поговорить с ним один на один, приняв манеру поведения, в которой аргументы не должны выражаться возмущение и гнев взрослого.

Есть случаи, когда мотив ясен, по крайней мере, внешне. Захотелось завладеть чужим имуществом, чтобы эгоистично им

насладиться. Но с ребенком нужно пойти дальше в понимании его мотива. Лишь так открываются истинные пружины его психологии. Каждый случай — это особый случай. Мы расскажем об одном, где мотив обнаруживается лишь после терпеливого поиска.

Пьеро одиннадцать лет. Он украл 1000 франков из сумки своей тети. И положил 500 франков в сумку своей матери. До сих пор Пьеро никогда не воровал или, по крайней мере, этого не замечали. Но вдруг в Новый год драма!

Пьеро был хорошим ребенком, очень наивным, не имел никакого представления о ценности денег. Он был чувствительным, обожал мать. Это был старший из трех детей. Отец работал, но денег в семье хватало лишь на самое необходимое.

Тетя, сестра матери, незамужняя, жила с другом. Она была хорошо одета, кокетлива. Она нравилась мужчинам. Пьеро часто слышал, как родители говорили о ней. Его мать, завидуя, говорила, что нетрудно нравиться мужчинам, когда хорошо зарабатываешь, не имеешь забот и обязанностей.

Дети, особенно Пьеро, восхищались тетей, потому что она была хорошенькая, шикарно выглядела и все время смеялась. Но Пьеро на нее сердился потому, что его мать была не так хорошо одета, как она. Была несправедливость: и вот Пьеро попытался ее поправить по-своему! У одной было слишком много, у другой недостаточно. И в качестве невинного поборника справедливости (у тетушки столько денег, сколько она хочет, ей от этого ничего не будет) он поделил деньги пополам, 500 франков маме, 500 — себе. Когда мать заметила появление купюры у себя в сумке, он с видом заговорщика сказал, что это благодаря ему, но не нужно никому об этом говорить. По его виду было заметно, как он горд от своей идеи и поступка.

Источником семейной драмы было напряжение от соперничества двух сестер. «Вот я честная женщина», — агрессивно говорила мать Пьеро своей сестре, но в глубине души она завидовала легкой жизни сестры и не соизмеряла ее испытаний.

Вместо того, чтобы посмеяться над историей ребенка и принести извинения сестре, мать была задета за живое, ибо в действительности жест Пьеро выражал то, что бессознательно она желала бы сделать, но что отвергала ее совесть. Пьеро стал для нее «шалопаем, которого нужно поместить в исправительный дом, из-за которого о нас будут думать то, чем мы не являемся, который нас посадит в тюрьму».

Понимание отца, в противовес матери, слишком упретой в своем возмущении, отдаление Пьеро после нескольких бесед, имеющее

целью дать ему немного созреть и принять несправедливость мира как, увы, одно из условий человеческого существования, помогли ему выйти из этого тупика.

ПОТРЕБНОСТИ ВАШЕГО РЕБЕНКА НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЯВЛЯЮТСЯ ВАШИМИ

По отношению к ребенку или подростку, который проявляет через тенденцию к кражам то, что ему требуются деньги, т. е. нужно иметь возможность покупать, родителям следует пересмотреть свое поведение как воспитателей по отношению к деньгам. Абсолютно необходимо дать ребенку средство добывать себе деньги законным образом, способствовать в этом его эманципации.

И здесь также характеры и натуры сильно разнятся. Тот отец, у которого до восемнадцати лет никогда не было копейки в кармане, не понимает, что сыну они нужны. Перед лицом потребностей наших детей, потребности в свободе, потребности в независимости, потребности в нежности, потребности создавать, потребности в деньгах, не будем становиться жандармами, которые устанавливают запреты во имя конформизма. Поможем им удовлетворять эти потребности моральным способом, допустимым в обществе.

Если у вашего ребенка есть желание, например, одеваться соответственно своей фантазии, избегайте случая, чтобы он страдал от вашего вкуса. С той суммой, что вы можете выделить на его одежду, дайте ему свободу. Ему будет холодно, он, может быть, пожертвует эстетике полезностью? Тем хуже, но так он узнает цену деньгам, цену качеству и те необходимости, которые вынуждают достигать компромиссов между вкусами и потребностями.

В какой-то семье дети безуокоризненно одеты, накормлены, получают подарки в день рождения и в Новый год, но у них никогда нет карманных денег. Некоторые из них довольствуются этим, но есть такие, кто подумает: «Я предпочел бы иметь меньше носков... и иметь возможность купить себе конфеты, цветы, колье, пистолет или книгу». Мать постановляет: «Им ничего не нужно, у них есть все, что нужно». Оказывается, нет, у них нет всего, что нужно, ибо чувство свободы и силы иногда более необходимы кому-то, чем красивая одежда и пища.

РЕБЕНОК ДОЛЖЕН ЗНАТЬ СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ

В любой семье ребенок должен был бы с десяти лет быть в курсе семейного бюджета, доходов и расходов, знать цену вещам, продуктам

питания, развлечениям, знать точную денежную ситуацию родителей в численном выражении..., а не в чувствах и прилагательных. Но, увы! как мало родителей бывают столь искренними со своими детьми! Как мало родителей достаточно их уважают, чтобы дать им возможность в полной мере участвовать в своей жизни!

Некоторые вам скажут, что это нужно, чтобы скрыть от них заботы, у них еще будет время их узнать! Какая-то мама, вдова, продает все, что у нее есть, втайне от взрослого сына, чтобы он сохранил тот стандарт жизни, который она ему иначе не может больше обеспечить. Какое безумие! И какое презрение к сыну, которого она считает неспособным вынести испытание! Она не думает, что обкрадывает его, делая это. Материально, прежде всего, ибо принимать решение о продаже они должны были вдвоем. Ибо эти вещи ему принадлежат в той же степени, что и ей. Морально также, ибо она отстраняет его от испытания, которое, может быть, сделало бы его мужчиной. Эта мать удивится однажды неблагодарности своего сына, его хамству, когда он потребует еще денег, а их у нее не будет, потому что, не научившись бороться, чтобы побеждать (что ставит в ситуацию беспомощности, от которой страдают), он возьмет в другом месте то, что она не сможет ему дать. Чтобы скрыть от него свою временную социальную беспомощность, она из него сделала морального импотента, может быть, навсегда.

СЕМЕЙНАЯ АТМОСФЕРА, ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ

Я никогда не перестану говорить: семейная атмосфера, аффективное поведение родителей по отношению к своим деньгам и к деньгам, даваемым детям, доверие и свобода детей развиваться в соответствии с обоядными потребностями, знание ими реальных пределов и возможностей денежного состояния своих родителей, — вот факторы, которые играют важную роль в генезисе всех нарушений поведения детей по отношению к деньгам.

Наконец, во всех кражах детей выражается их попытка удовлетворить чувство беспомощности, «нехватки чего-то», что им было бы необходимо, чтобы почувствовать себя счастливыми. Это что-то не всегда деньги и не то, что можно добыть с крадеными деньгами. Это что-то часто неведомо им, нередко чисто аффективного порядка, иногда интеллектуального, иногда даже духовного. И эту «нехватку», от которой они страдают, им надо помочь понять и, если возможно, удовлетворить посредством завоевания, законного с моральной и социальной точки зрения.

**КАК БЛАГОПРИЯТСТВОВАТЬ ШАНСАМ
СЧАСТЛИВОГО БРАКА
(1946м)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1946: Comment favoriser les chances d'un mariage heureux. // A.A.D.F.D. — Boite-32. — Машинописный текст. — Mai 1946. — 10 p.

Данный неопубликованный текст, по-видимому, был подготовлен как газетная статья в цикле статей для родителей. Долго показывает этапы эволюции выбора любимого объекта, начиная с детского возраста и заканчивая взрослым выбором. При этом она говорит о том, что, к сожалению, часто супружеская пара возникает, не достигнув эволюционной кульминации и способности к зрелым отношениям.

Перевод с французского С.Ю. Полицеймако.

На русском языке публикуется впервые.

В прошлый раз мы приступили к рассмотрению базовой проблемы психологических проблем семьи: проблемы несчастных пар, двух плохо «подобранных» «половин». Эта дисгармония, мы об этом говорили, вносит усугубляющий элемент во все совместные испытания супружеством, усугубляющий элемент во все трудности воспитания, которые выдвигает присутствие и развитие детей.

Имеется ли возможность избежать этой неудачи и как?

Да, непрочная пара, семейные союзы между «разочарованными» супругами, враждебными супругами, чуждыми супругами — это, увы, всего лишь слишком обычное, но надо также сказать, это болезнь нашего общества, это абсолютно не является «нормальным», если нормальное означает здоровое и даже просто естественное в смысле здраво уравновешенных инстинктов.

Мы слышим, как говорят, что тот или иной супруг в неудачном семейном союзе неправ; что тот, другой — несчастный человек, которого надо пожалеть (и подразумевается, что тот добродетелен). Как правило, этим хотят сказать, что тот, кто неправ, — это тот, кто дает себе право реагировать на ситуацию, от которой он страдал, и что другой, чувствующий себя бессильным поправить мучительную ситуацию, смиряется, стремясь, впрочем, принять на себя красивую роль, афишируя добродетель, которая в его глазах делает его достойным уважения, послушайте: соглашаясь отказаться от всякой генитальной оплодотворяющей жизни. Мы живем в мире, где, увы, факт быть жертвой делает кого-то достойным уважения, в то время как это есть способ, которым он выдерживает испытание и которым он использует страдание, которое должно было бы повлечь за собой только уважение. Жалеть и помогать кому-либо не должно было бы означать уважать его. Ошибка в этом. Я не хочу говорить здесь о парах, заведомо построенных на лжи, на соперничестве. Эти последние будут всегда иметь место. Эти, впрочем, никогда не носят фамилию супруга. Они не обманывают друг друга. Едва ли они пытаются обманывать тех, кто не являются их близкими.

Я хочу разговаривать только с парами мужчин и женщин доброй воли, с теми, кто искренне вступают в жизнь, желают,

чтобы она была стабильной и прочной с супругом, который, в чем они убеждены во время бракосочетания, создан для них.

Как они могут надеяться на то, чтобы не ошибиться? Я вам сказала накануне, что для этого нужно воспользоваться шансом со своей стороны. Как это сделать?

Давайте возьмем сравнение: прежде чем провести эксперимент, который никогда не проводился, продолжительную экскурсию в незнакомой стране, например, мы проверяем сами себя, сначала надлежащим образом приготовившись и поупражнявшись. Только когда все готово и мы можем со всей вероятностью полагаться на все то, что зависит от себя, и когда мы максимально предусмотрели возможности блестяще справиться с тем, что зависело бы от условий, чуждых себе, тогда мы позволяем себе отправляться в путь. Это осторожность. Сколько молодых людей и девушек вступает в брак без осторожности, без подготовки, не испытав самих себя. Они имеют, на сведущий взгляд, все шансы потерпеть неудачу в своей супружеской жизни, каким бы ни был их супруг. Напротив, через достаточно распространенную психологическую деформацию, вместо того, чтобы испытать самого себя, случается, что молодой человек или девушка считает себя очень сильным, когда он проводит время между своим обручением и свадьбой, чтобы испытать другого, занимаясь тем, чтобы строить козни или играть комедии, чтобы узнать, любит ли его другой, заставляет его ревновать, и т. д... Психолог может сразу сказать, что те, кто действуют таким образом, не любят, что касается их, их будущего супруга и что они отправляются в путь наверняка с несчастливым номером в своем кармане?

Обрученные, не испытывайте друг друга, испытайтесь сами себя. Как?

Существуют законы природы, существуют законы биологии, дерево приносит листья, прежде чем приносить цветы, затем плоды. Мы не можем преждевременно увидеть плоды. Существуют также законы развития отдельных личностей. Надо о них знать. Брачный возраст — это возраст цветов, созревших для оплодотворения. Это не является ни возрастом почки, ни возрастом распускания.

О различиях фаз эволюции выбора избранника в аффективной жизни. С детства каждый из нас ориентируется на представление о существе, которое надо любить избирательно. Слово любить соответствует замыслам притягательной силы трех порядков: чувственного, нежного и мозгового. Если развитие

человека происходит гармонично, что не всегда случается в наших обществах, называемых цивилизованными, умственное развитие (интеллект), аффективное развитие (сердце) и физическое развитие (инстинкты) происходят одновременно. На каждом этапе своего роста субъект будет гармонировать с возрастом своего тела и со своими инстинктами.

Все знают, что с 2–3 лет ребенок, девочка или мальчик, остановит выбор на избранном объекте любви, с которым он намеревается сочетаться браком. Когда я буду большим, я буду сочетаться браком с мамой или с папой. Это возраст, когда реализация является чисто воображаемой. Ребенок пытается соединить себя с всемогущим существом и вносит в этот воображаемый договор только набор своих потребностей. Ребенок не знает ничего более привлекательного, кроме своего отца, если это девочка, кроме своей матери, если это мальчик. Эта стадия влюбленности носит в психологии название «эдиповой» стадии. Эдип — персонаж греческой мифологии, которого судьба подтолкнула к тому, чтобы убить своего отца и сочетаться браком со своей матерью.

Несколько годами позже, если «эдипова» стадия аффективного развития действительно произошла, ребенок ориентируется в своем выборе на избирательную любовь к другому самому себе, который по обыкновению имеет тот же пол, что и ребенок. Старший друг (или старшая подруга для девочки), почти того же возраста или немного старшего возраста, для которого нет секрета, другой он-сам, с кем разделяет все свои мысли, все удовольствия. Иногда в бурных разногласиях, тем более бурных, что он не хочет поссориться окончательно, и мирится, чтобы поссориться снова. Эти выражения привязанности в бурных ссорах всегда являются поведением детей относительно борьбы с частью самих себя. Они ссорятся со своим другом, которого они выбрали только потому, что узнают в нем себя. Этому типу влюбленного выбора дано название нарциссического выбора, по имени Нарцисса издревнего мифа. Нарцисс был влюблен в свой собственный образ, который он искал в отражении воды. Легенда говорит, что ради того, чтобы обнять себя, он утонул и что на этом месте родился цветок, который носит его имя.

После этой стадии влюбленности нарциссического типа, где выбор нацелен на существа такого же пола, как у него, имеет место второй этап, в котором выбирается любимое существо другого пола, но еще нарциссическим способом. Это говорит о том, что

мальчик ищет девочку, которая льстит ему своей внешностью, и девочка тоже ищет мальчика, с которым, она находит, хорошо прогуляться под руку. Это пока еще возраст, в котором влюбляются в образ. (Так же как любовная страсть к актерам кино.) Психологический пубертат устанавливается в обычных случаях в то же самое время, что и аффективный этап жизни. Начиная с этого момента, если нет невроза, избираемое существо всегда будет другого пола. Следующий этап аффективного роста идет под знаком поиска дополнения самого себя. Оба существа выбирают друг друга не для того, чтобы ими восхищались другие, а потому что каждый из них ощущает себя сильнее не только в притягательной силе другого, в глубинах его души, но еще более развивающимся и более энергичным в присутствии другого в любой социальной деятельности. Это больше не является только эгоистическим выбором, но, по большей части, щедрым. Это возраст, когда мальчики и девочки стремятся друг к другу и более или менее продолжительно встречаются, дарят подарки, переписываются. Это возраст флирта. По мере их развития такая любовная дружба им больше не соответствует, и они ищут другую. Это возраст увлечений, за которыми следуют, более или менее быстро, скука и разочарования, потому что существа быстро эволюционируют и не соответствуют друг другу длительно, и потом, они ветрены, так как любовь занимает только часть их жизни и не всегда наиболее важную. Действительно, параллельно этому аффективному и инстинктивному росту развился интеллект и человеческое существо утверждается, выбирает свое направление в социальной жизни, работает, чтобы приобретать социальные средства власти, способные обеспечить ему материальную независимость и место в соответствии с его способностями и его вкусами. Постепенно появляется генитальность, и именно она безотчетно дает им уверенность и осознание самого себя, чувство своей ответственности молодому человеку и девушке, в то же время силу в борьбе за существование.

Этому возрасту, когда рождается, затем утверждается завершенный взрослый с тройной — инстинктивной, аффективной и ментальной точки зрения — соответствует этап элевтивного выбора супруга с целью образования стабильной пары, креативной пары. «Любимый» (аффективный выбор), «уважаемый» (ментальный выбор) и «желанный» (инстинктивный выбор) представлены одним и тем же существом, которое видится способным

через свои качества, по которым его узнают, и через его манеру смотреть в будущее объединиться с самим собой во всех отношениях, в том же самом даре общего творения, этого творения, живым символом которого является ребенок; предполагаемое творение может быть также социальным или гуманистическим начинанием. Как бы там ни было, именно элемент этого творения, именно этот желанный и желаемый результат влечет за собой решение основать стабильную пару. Но это решение, прежде всего, начинается с тройного соглашения индивидуумов (аффективное, ментальное и инстинктивное взаимопонимание).

Так схематично представлена картина гармоничной эволюции человеческих существ с точки зрения их поиска объекта любви, рождающейся в зрелом возрасте. Мы говорили, что дерево не может приносить плоды, прежде надо распустить листья, а затем цветы. Мы не можем обмануть биологию. Мы можем только делать вид, что являемся мужем и женой, если мы не достигли взрослого возраста не только с физической точки зрения, но еще и особенно с точки зрения зрелости сердца и мысли. Итак, только зрелость тела видима снаружи. Зрелость в других отношениях проявляется только поведением, которое она порождает в жизни. Но каждый в глубине своей души, если он хочет быть искренним с самим собой, может узнатъ, какой движущей силе он повинуется в своем выборе. Движущая сила этого выбора зависит от аффективной стадии эволюции, которой он достиг. Сколько взрослых мужчин и женщин психически и аффективно остались детьми! Они решают социально построить свою жизнь в момент своей эволюции, которая не продолжительна, потому что именно инфантильная стадия и их естественное развитие рано или поздно дезавуируют их утративший силу выбор. В этом случае верность опрометчиво принятому обязательству может быть необходимой в интересах детей, которые рождены в таком союзе, но она — источник страдания и даже относительно затруднительного социального положения. Избежать этих страданий и этих промахов — такова была бы целесообразность того, чтобы стимулировать молодых испытать самих себя, прежде чем создавать на непрочных основаниях пару, у которой была бы только видимость пары. Таким был бы случай бракосочетания с супругом, который соответствует одному из способов любовного выбора, предшествующего периоду завершенного взрослого. Итак, в современном состоянии нашего общества есть много мужчин и женщин, которые подвержены блокировкам и задержкам в

эволюции их любовной и сексуальной (инстинктивной) установки. Это вызвано, возможно, несколько форсированной стимуляцией интеллектуального развития. Что бы там ни было, эти браки, где только тела являются взрослыми, в то время как сердца и разум детские, не являются желательными, а также браки только из-за симпатии, без взаимного зова тел, или браки по расчету, без восторженного участия тел и сердец.

Скажем, что многие пары, так же неудачно начавшие, выдержали, тем не менее, испытание временем. Наверное, но исключения не должны быть ни желательными, ни рекомендованными. Сколько из них терпят и терпели. Сколько держатся только официально, но у каждого из них ностальгия того, что могло бы быть и чего не было.

Будущее не в запоздалых браках, но, напротив, в более уравновешенном развитии молодых, без блокировки их аффективной жизни. Речь не идет также о том, чтобы превозносить раннюю сексуальную зрелость или брак с испытательным сроком. Речь идет о том, чтобы в каждом возрасте детства и молодости был свободно пережит соответствующий любовный возраст. Таким образом, достигшие взрослого физического возраста, молодые люди и девушки находились бы совершенно естественно в аффективном взрослом возрасте. Частая драма в том, что молодые люди и девушки достигают телами чувственных взрослых требований с уровнем аффективной зрелости (любовного возраста, если можно так сказать), который должен был быть прожитым без стыда от 8 лет до 15 лет, если не моложе. Они разоружены тогда перед требованиями инстинкта, которые они не ощутили взрослыми, и не научились ни узнавать их, ни владеть ими, т. е. подчинять требованиям своего сердца и своего духа. Очень часто они обучены презирать этот инстинкт, источник, тем не менее, той же их плодовитости, и презирать чувство влечения к его требованиям. Все эти условия являются явно пагубными в подготовке счастливого брака. Молодой человек или девушка чувствует себя влюбленным. Как может он испытать сам себя, чтобы прояснить для себя вероятности счастья, которое может принести ему этот брак, который его привлекает? Вот как:

Выбор по способу «инфантальной» любви, где мы нуждаемся в более стабильном и более уверенном существе, чем сами, от которого ждем силы, готовой оказать помощь, не давая взамен своей, не это ли является основой влечения к любимому существу?

В этом случае брак оставит всегда наиболее молодого из супругов в ситуации моральной опеки. Возможно, он будет счастлив, но никогда достигнет полного расцвета самого себя.

Выбор завершился также ребяческим способом, которым руководит потребность второго «я»? Такие молодые мужчины были бы удивлены, если бы узнали, что девушка или молодая женщина, которую они ищут, им нравится только потому, что она — сестра или подруга (или любовница) их самого дорогого друга. Пусть они поостерегутся сочетаться с ней браком. Молодая женщина ценится только через ее аффективное «связывание» с «другом». Она утрачивает для него всякий интерес в день, когда, становясь его женой, она отделяется от своего предыдущего спутника, чтобы принадлежать только своему мужу.

Выбор завершился по способу любовной дружбы с ревностью, ссорами, размолвками, примирениями, напрасными отчаяниями, потребностью изменять? Не фиксируйте социальной связью союз, аффективный климат которого является изменчивым или бурным.

Действительно ли пройден этап вкуса к флирту? Отказываться от него искусственно, через рассудочное решение, в то время как он кажется еще приятным — признак того, что вы еще не созрели для брака. Осторожность состоит в том, чтобы подождать. Молодой человек или девушка чувствует, что он обладает своей индивидуальной властью, или, напротив, чувствует себя неполноценным и рассчитывает на другого, чтобы это устраниТЬ, или на «состояние» в браке, чтобы заставить себя эволюционировать, в то время как он чувствует себя заблокированным в ментальной, аффективной или инстинктивной инфантильной установке? В этом случае он рискует быть разочарованным.

Имеются ли одновременно уважение, желание и нежность к избраннику? Или же имеется пробел одной из этих трех составляющих настоящей супружеской привязанности? В этом случае — опасность неудачи.

Решаются ли «зарегистрироваться социально», потому что действительно нужно однажды «остепениться», «пристроиться», или для различных видов «удобств»? Или же отправляются в «начало» полными силы и храбрости?

Были бы готовы с избранником оставить свою семью, если бы это было нужно не для того, чтобы совершить безрассудный поступок, т. е. сбежать, а чтобы лучше использовать успех и плодотворность пары, если бы, например, этого требовало положение мужа?

Если да, это означает, в первую очередь, что действительно имеется доверие и также общее дело, для того чтобы преодолеть эгоистические и непродуктивные привязанности. (Какой бы легитимной ни была любовь ребенка к своим родителям, эта привязанность является бесплодной и не должна биологически задерживать призыв к плодовитости и к креативной способности с избранным любимым, уважаемым и желанным супругом.)

Вот как каждый из будущих супругов должен испытывать самого себя, и если в искренности своего сердца, по отношению к себе самому он может сказать себе, что он чувствует себя хорошо на этом этапе зрелости, тогда он не ошибается, и какой бы ни была непредсказуемость жизни, его брак позволит ему дать результаты, т. к., что бы ни случилось, он не будет сожалеть ни о чем и он скажет себе, что если бы вернуть все назад, я действовал бы так же.

Если каждый из будущих супругов, испытывающих самого себя, не может ответить себе уверенно на эти вопросы, тогда время между помолвкой и свадьбой должно продлиться и, возможно, стоит лучше отважно разорвать помолвку, чем совершать что-либо фальшивое.

Если этот период между помолвкой и свадьбой, это хорошее время веры, предоставленное другому для того, чтобы он испытал себя сам, период в наивысшей степени важный, пережит хорошо и свободно, постепенно избранное существо становится центром всех мыслей, всех желаний, всех устремлений, нежности. Это делается не через усилие или через разумное решение, а через симультанную склонность. Молодой человек и девушка окончательно останавливаются друг на друга без сожаления о других возможностях, которые им, между тем, еще открыты, но которые больше не имеют привлекательности. Для них больше нет искушения (чувств, разума или сердца), которое могло бы соперничать с этой уверенностью их существа полностью. Возраст окончательного дара одного другому для дела, которое должно превзойти их обоих, дела, проецируемого вне их собственного индивидуального срока, настало. Их союз в браке имеет тогда все шансы, чтобы им быть счастливыми и плодотворными.

**Неожиданная точка зрения
на опрятность**

(1947а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1947: Un point de vue inattendu sur la propreté. // Femmes françaises. — 15 et 22 février 1947.

1994: Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. Articles et conférences. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 89—95.

Дольто призывает не заострять особого внимания взрослых на приучении ребенка к опрятности, что может привести к последующим невротическим расстройствам. Она ссылается на собственный опыт матери трех детей и говорит о естественности в освоении ребенком туалетных навыков.

Это последняя статья Ф. Дольто в еженедельнике «Femmes françaises», т. к. редакция газеты отказалась напечатать ответ Дольто на критическое письмо о ее подходах, выраженных в настоящей статье.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Открытия в психологии и особенно в психоанализе дали понять, что многие неврозы у взрослых и проявления трудного характера у ребенка формируются в ходе воспитания с нуля до трех лет.

И в самом деле, начинаясь в три-четыре года, нравственное воспитание ребенка оказывается не в нетронутом пространстве, а на психологическом поле, где сформированы понятия хорошо и плохо, хотя взрослый думает, что ребенок об этом еще ничего не знает.

Очевидно, что хорошо и плохо ребенка совсем не похоже на то, что мы, взрослые, понимаем под этим. Мы забываем, что наше отношение к первоначальным потребностям жизни ребенка дает ему почувствовать требования этих потребностей по отношению к «хорошо» или «плохо», и все это происходит в соответствии с отношением воспитателя-взрослого. Часто, если не сказать, что это обычное дело, мать говорит ребенку насчет чего-то: «Это кака». Кака становится в речи взрослых, обращенной к ребенку, синонимом плохо, и эта идентификация — некрасивый, грязный, плохо — становится для некоторых детей общей базой для ошибочного морального смысла, а иногда серьезно уродует его.

И, действительно, некоторые взрослые в наше время все еще находятся на этом уровне понимания «хорошо — плохо». «Плохо» то, что взрослый называет некрасивым и грязным, или действие, несоответствующее тому, что «люди» обычно делают, а вовсе не то, что в своем намерении может повредить другим или самому себе и что в своих последствиях ущемляет себя или другого в его живых силах.

Итак, настоящая деформация нравственного смысла берет начало в воспитании в раннем возрасте.

Наташивание ребенка на чистоплотность является в наших обществах самой большой ошибкой, какую только можно совершить по отношению к будущей личности. В клинической практике и в педагогике обращают внимание на то, что чем раньше ребенок становится опрятным, тем хуже он себя ощущает при взрослении и тем больше испытывает трудностей в дальнейшем развитии.

В этом месте я вижу, как мои слова удивляют многих из моих читательниц: «И что же, нужно дать детям жить, как дикари?» И раз речь зашла о дикарях, есть, как мне говорили, племена, называ-

емые «примитивными», где никак не заботятся о приучении детей к телесным отправлениям. И там не встречаются дети с недержанием кала в возрасте после трех-трех с половиной лет.

Человеческое существо, не приученное к дисциплине испражнений (моча, кал), становится дисциплинированным по необходимости. Напротив, у человеческого существа, которому была навязана дисциплина в данном пункте раньше, чем он почувствовал в этом необходимость, проявляются трудности в характере, иногда даже настоящие неврозы навязчивости.

Нет никакого воспитательного преимущества, а лишь преимущества в экономии работы для взрослого и неуместного щеславия из-за того, что ребенок стал дисциплинированным в испражнениях раньше, чем он к этому пришел естественным путем без ограничительного вмешательства взрослых.

Напротив, существует много неудобств, поскольку такое воспитание требует от взрослого привлечь внимание ребенка к анусу и наружному отверстию мочеиспускательного канала; тем самым он приписывает им нравственную и эстетическую ценность — «красивый», «хорошо», если ребенок не пачкается, «плохо», если не остережется, — настолько, что реально эти области становятся поводом для привлекательности или непривлекательности для ребенка, в зависимости от реакций окружения.

Первная система ребенка не полностью сформирована при рождении. Она продолжает развиваться, и ее формирование заканчивается по-настоящему к полутора годам. Можно сказать, что ребенок произвольно владеет своими мышцами, когда сам может подняться и спуститься по лестнице по ступенькам. Пока сам он не умеет подняться и спуститься по лестнице и ступенькам, для него опасно считать, что он хорошо делает, задерживая каловые массы и мочу, чтобы доставить удовольствие взрослому. Следует внушить нашим детям в очень раннем возрасте, что люди живут, растут, едят, владеют своим телом не для того, чтобы доставить удовольствие взрослому, а ради удовольствия личного достижения. Нужно, чтобы он понял, что пописать и покакать является одним из доказательств функционирования жизни посредством тела, и не это важно, но то, как он использует эту жизненную силу.

Если задуматься о том, что в раннем воспитании сегодняшнего дня большинство конфликтов с взрослыми случаются из-за того, в чем они детям отказывают или навязывают, вокруг испражнений, которые ребенок хочет или не хочет дать взрослому, а тот их требует

или порицает их выделение, можно понять, насколько отмена этой заботы у взрослого снимет напряженность в аффективных отношениях между матерью и ребенком.

Но, спросите вы, как это сделать?

Это очень просто (не забывайте, что с вами говорит мать, которая сама имеет троих детей, и она их воспитывает в соответствии с этими новыми принципами). У ребенка есть подгузники, которые меняют пять раз в день и так вплоть до того, как он начнет ходить.

В возрасте, когда ребенок ходит, толщина подгузников будет ему мешать и заставит его расставлять бедра. Так вот, когда ребенку год, я пользуюсь маленькими полосками полотна или махровой ткани, поддерживающими в пространстве между ног полоской ткани или прорезиненным материалом шириной в четыре пальца, она шире спереди и сзади и прикрепляется двумя пуговками к бретелькам из трикотажа или ткани, на концах которых резинка с дырочками длиной в несколько сантиметров. Таким образом, подгузник удерживается и никогда не мешает ребенку в его движениях, достаточно менять полоску махровой ткани пять-шесть раз в день.

К полутора-двум или двум с половиной годам, в зависимости от ребенка, у него появляется желание делать испражнения так, как это делают другие или взрослые. В городах ребенок попросится пойти в уборную и пожелает узнать, что взрослый делает в уборной. В этот момент ему это объяснят. Если ребенок попросит делать как взрослый, что обязательно случится однажды, очень легко позволить ему ходить на горшок, который будет находиться для него в туалете.

Если ребенок попросит, для него это сделают, если не попросит, продолжат ему менять подгузники.

Очень важно никогда не говорить ребенку: «Как это грязно!» Если ребенок оправится в подгузник, взрослый, конечно, это заметит по запаху. Если ребенок об этом не будет говорить, на это не намекают; если ребенок скажет, а это всегда происходит к 1 году 2—3 месяцам, самое позднее — к полутора годам, что есть разница между писами и какой, об этом нужно поговорить и сказать: «Он покакал, он пописал».

Если ребенок заговорит о запахе, с ним нужно поговорить, но без какого бы то ни было намека на осуждение, на моральное или эстетическое суждение. Нужно просто-напросто дать понять ребенку, что это уже ни для чего не нужно, и что именно потому, что это ни для чего не пригодится, испражнения выходят, их отбрасывают: но вовсе не потому, что их считают противными, а как раз потому что они больше ни для чего не годятся.

В течение всего этого периода, который длится два года, и в течение которого больше не происходит инцидентов по поводу экскрементов, необходимо осуществить, напротив, целую систему воспитания произвольного владения мышечной системой. Выше я говорила о том, что нужно подниматься или спускаться по лестнице или ступенькам, ставить на место бьющиеся предметы, переносить из комнаты в комнату вазы, поначалу наполовину заполненные, затем полные, пинать мяч ногой в данном направлении, бросать камни в том или ином направлении, целясь, толкать машинку с разной силой, открывать или закрывать коробку, застегивать и расстегивать пуговицы, складывать раскладной столик, переносить кресло, заниматься уборкой, чистить овощи, учиться разрезать, учиться зажигать и гасить спички. Во всем этом, что должно быть проделано при внимании и спасительных советах взрослого с выражением уважения, когда у ребенка получилось, лежит воспитание мускулатуры, владения телом и его равновесия, силы мышц конечностей, направления движения частей тела, меры, силы и в конце концов ловкости рук.

Все это гораздо более важно, чем приучение писать-какать, и подспудно нацелено на овладение ребенком своим телом, что матери надеются получить, когда делают то, что называется «дрессировкой опрятности».

У них получилась ученая обезьяна, беспомощная из-за полной зависимости своего нравственного смысла, получился ребенок, который заранее сенсибилизирован ко всем влияниям окружения, а впоследствии и ребенок, который всегда будет чувствовать тайную опасность в естественных проявлениях своей жизни, особенно, когда эти проявления обозначаются в уро-генитальной области. Все нарушения сексуальности усложняются чувствами неполноты, связанными с т. н. противностью генитальных областей: а эти чувства у всех людей, у кого их можно исследовать в глубине, связаны с отвращением из-за их соседства с анусом и отверстием мочеиспускательного канала.

Приложение

[В качестве реакции на статью «Неожиданная точка зрения на опрятность» редакционный комитет газеты «*Femmes françaises*» считал нужным опубликовать ответ доктора А. С.]:

«Мы получили письмо г-жи А. С., тоже врача и матери семейства, по пресловутому вопросу опрятности у маленьких детей. Поскольку ее точка зрения радикально противоположна точке зрения доктора

Дольто, мы подумали, что нашим читательницам было бы интересно познакомиться с ним.

И вам, мамам, сделать выбор между разными мнениями!

«Дорогие подруги,

С давнего времени я читаю «*Femmes françaises*» с очень большим интересом. Как врач я позволю себе, однако, выразить свою точку зрения по поводу статей доктора Франсуазы Дольто в номерах 123 и 124 газеты, статей, по-настоящему меня удививших.

Очевидно, совершенно глупо и порицаемо употреблять по любому поводу выражение “это кака”, чтобы квалифицировать что-то запрещенное. Но претендовать по-настоящему высокопарно, что “натаскивание ребенка на чистоплотность является в нашем обществе самой большой ошибкой, какую только можно совершить по отношению к будущей личности”, — это преувеличение.

Что касается того, чтобы взять в качестве модели “дикарей”, как провозглашает моя коллега, это подобно тому, чтобы забыть, что есть небольшая разница между зарослями и двухкомнатной квартирой наших несчастных “цивилизованных”! Никакой воспитательной выгоды? Как знать: меньше усталости для матери, это значит более спокойный характер, значит лучшие среды. Для здоровья ребенка меньше риска охлаждения, отсутствие покраснения и опрелостей ягодиц, отсутствие необходимости в столь вредных резиновых штанишках.

Действительно ли вы думаете, что малыш, которого рано приучают, лумает о своем анусе и мочеиспускательном канале? Сколько чести вы ему оказываете! Неврозы, вы их встретите у детей, приученных слишком поздно, когда это очень трудно и слишком грубо. Во всяком случае, я не вижу, в чем чувство “доставить удовольствие взрослому” подлежит порицанию. Это хороший способ пробудить социальное чувство у ребенка и бороться против природного эгоизма.

Но, дорогие подруги, в яслях, в материнской школе ваш неприученный ребенок станет невыносимым, и когда однажды у него будет температура, понадобится, чтобы вы ему два раза в день (или больше) ставили термометр в этот ужасный анус, и я все-таки не думаю, что это сделает его порочным!

Приучайте его, но очень рано, вот главное: начиная с трех недель или месяца, высаживайте его в одно и то же время на горшок. Для стула, вы убедитесь сами, во сколько он пачкается, для мочи через четверть часа после кормления, потом через час, если он, естественно, бодрствует. Вы увидите затем, как потихоньку, при терпении и без конфликтов, у вас будет прелестный малыш, опрятный и уравновешенный, если вам удастся сохранить вокруг него спокойствие, необходимое для хорошего воспитания.

Конечно, есть дети неконтинентные, на них не надо сердиться и, в особенности, бить их и ругать сверх меры, в этом была бы опасность. Но нужно их содержать в большой чистоте, поскольку почти неизбежное раздражение вызовет болезненные опрелости, как раз способные привести к некоторым плохим привычкам. Когда недержание длится слишком долго, нужно обратиться к врачу.

Добавлю, что у меня двое воспитанных таким образом детей. Чтобы избежать пресловутого “это кака”, они просят сделать “commission”. Поверьте, открытия в психоанализе очень интересны, но не нужно, чтобы это было евангельским словом, нужно, прежде всего, чтобы выводы в плане воспитания были практическими и социальными!

Извините за долгое разъяснение, но оно мне показалось необходимым. С дружеским расположением.

А. С.»

[Статья «Неожиданная точка зрения на опрятность» должна была быть введением в заказанную серию статей о сексуальном воспитании. Франсуаза Дольто их публиковать не будет, что она объяснила так]:

Считая отклик очень интересным как отражение отношения многих читательниц, я ответила статьей, которая не была опубликована¹. Я не сочла нужным продолжать публикацию статей о сексуальном воспитании, раз реакция читательниц на первую проявила столь буржуазный дух хранительниц «хороших манер».

Д-р «А. С.» защищена в коммунистической партии на высоком уровне, и газета «Femmes françaises» вынуждена следовать ее директивам. Мой ответ д-ру А. С. не будет, таким образом, напечатан, мне об этом сказала с большими извинениями и сожалениями г-жа Ланжевен. Моим статьям нужно было бы понравиться д-ру А. С. Я, стало быть, прекращаю сотрудничество с «Femmes françaises». Вот он, буржуазный идеал кругов, называемых «левыми».

¹ [«Вторая пуповина» (1947b). См. наст. том, с. 183—187.]

**ВТОРАЯ ПУПОВИНА
(1947б)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1947: Le deuxième cordon ombilical. — Union des Femmes françaises [машинописный текст]. // A.A.D.F.D. — Boite-30. — Рукопись. — 28 juin 1947. — 3 р.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 153—155.

Здесь поднимается проблема сдерживания свободы ребенка инфантильными родителями. «Вторая пуповина» — нефизическая связь ребенка и его семейного окружения, которая может насилиственно удерживать ребенка от социального взросления.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Нет, речь не идет о новой и незнакомой аномалии. Это, увы, слишком часто бывает. Вторая пуповина — так я именую связь моральную, тонкую, а иногда настоящую стальную цепь, не оставляющую никакой свободы, которая привязывает ребенка как пленника к своим родителям и особенно к матери.

Вы все знаете этих мамаш с собачками, как говорят (выражение смачное), женщин, у которых не было детей. Животное никогда не может сделать шага без их разрешения, они не могут тякать, обнюхивать, спать, есть, пописать или оставить какашку не иначе как под нежно-доброжелательным взглядом или по повелительному приказу своей хозяйки. Она всегда знает лучше, чем кто бы то ни было, и особенно собака, что той надо. Что касается собаки, то, само собой разумеется, она чувствует себя обязанной ее обожать, иначе окажется без жизненного минимума. Мамаша во имя потребностей животного покупает «любовь» и извращает его инстинкты. (Только эти домашние животные становятся лакомками и ленивыми вплоть до импотентного ожирения.) Если собачка, вырастая, проявляет требования своей собачьей природы, ее хозяйка делает из этого вывод и просит, чтобы животное кастрировали. Если это сука, в дни течки ее охраняют от невоспитанных псов, которые могут на нее, бедняжку, напасть. В случае неприятностей со здоровьем по совету ветеринара ей выбирают супруга с родословной за плату или который платит, с ним ее закрывают на время, необходимое для производства нескольких приличных щенят на продажу. Я забыла сказать, что если собачка болеет, даже ее болезнь ей не принадлежит. «Он мне сделал то-то или это», — говорит мамаша, он заболел ей назло, и именно она, ухаживая за ним, чувствует себя на высоте.

Для собаки такое еще сойдет. Но сколько детей являются для своих родителей всего лишь домашними животными? Родителей, не подозревающих о своем дурном деянии, — поэтому я их не осуждаю, но я бью тревогу, взвывая к женщинам, т. к. от матерей в особенности зависит климат домашнего очага.

Ребенок — ни живая кукла, ни животное. Инфантильные родители пытаются посредством своих детей удовлетворить свое собственное тщеславие, независимо и в абсолютном презрении самого

характера, собственного призываия свободного мужчины и свободной женщины, которое есть у каждого. Они не растят своих детей, а дрессируют, укрошают, льстят им, покупают, выхолащивают, одним словом, и этот маленький монстр-перверт называется хорошо воспитанным ребенком.

Нужно, чтобы наши молодые люди, молодые мамы и молодые папы, порвали со столь частым заблуждением, источником стольких несчастий для человека и общества. Нужно, чтобы мы дали свободу жизни не только телам, но и сердцам и умам наших малышей.

Телесное вынашивание длится девять месяцев. Пуповина позволяет ребенку выстраивать себя до того дня, когда, начав дышать, он приобретает органическую автономию. Начиная со дня, когда родилось тело, на семье лежит обязанность кормить малыша, давать все, в чем у него есть потребность, а также давать ему пищу сердца и пищу ума, чтобы подготовить его к рождению в шесть лет, к осознанию своей индивидности в обществе. Первая матка исключительно материнская, вторая — одновременно материальная, моральная и духовная — это семейный очаг.

Эти годы от нуля до шести лет — это годы вынашивания социального индивида в лоне семьи. Плод свободен в лоне матери усваивать все необходимое в своем собственном ритме в соответствии с заданным порядком в зародыше. Матери остается лишь заботиться о своем самочувствии, блюсти здоровье и гигиену, и перфузия¹ даст здоровые конститутивные материалы организму плода посредством самой природы ве^щей.

То же самое происходит в социальном вынашивании посредством примера аффективного морального фона отношений между родителями; родители воспитывают индивида быть способным жить свободно, быть хозяином своим действиям, свободным в сознании в рамках общества посредством того, как они ведут себя по отношению к чужим, а не тем, что не разрешают, исправляют, приказывают или советуют.

Эти годы подготовки к социальной жизни являются, увы, слишком часто бесплодными годами, когда тот, кто должен был приобретать каждодневно личный опыт в радости полученного собственного удовлетворения, в муках своих собственных испытаний, лишен чьим-то произволом свободы движений, своих аффективных порывов,

¹ [Перфузия — пропускание крови через сосуды к органам, выключенным из общего кровообращения.]

своей интеллектуальной любознательности. Как часто видим мы вокруг нас детей еще здоровых физически, не испытывающих никакой материальной нехватки, с усталым, тусклым и аморфным выражением. Детей, навсегда (вы слышите — навсегда) лишенных всей или части своей потенции (половая импотенция, по правде сказать, лишь маленькая финальная глава импотенции у человеческого существа), существ, которые навсегда поражены или уничтожены в своем сози-дательном инстинкте, единственном инстинкте, который характеризует человека в шкале жизни на нашей планете. Наоборот, если ребенку в какой бы то ни было семейной среде, уравновешенной или нет, предоставлена свобода в чувствах, суждениях, порывах и самих действиях, когда они не стесняют ритм действий других, его выражение есть самовыражение существа доверчивого, активного, морально и психически здорового. В школьном возрасте, том возрасте, когда в каждом ребенке настойчиво заявляет о себе потребность в другом, вместо того, чтобы быть эгоистом, ушедшим в себя или боязливым и уязвимым, требовательным, он испытывает доверие к себе, способен свободно одарить дружбой, постоять за себя, свободно отстоять свою независимость, подчиниться внешней дисциплине, полезной для общественного порядка, ибо он ощущает себя свободным в чувствах и мыслях. Вторая пуповина может отвалиться сама по себе. Плод созрел. Его совесть рождена в здоровых условиях. Счастлив ребенок, который знает, когда он хорошо поступил, не потому что взрослый дает ему свое одобрение, но потому что он доволен собой. Счастлив ребенок, который умеет утешиться от неудачи, думая об усвоенном опыте, не испытывая бесплодного преобладающего чувства неуважения к себе. Это свободное человеческое существо.

**КАК ФОРМИРОВАТЬ СОВЕСТЬ
У НАШИХ ДЕТЕЙ**
(1947c)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1947: Comment former la conscience de nos enfants. // A.A.D.F.D. — Boite-34. — B-Pochette. — Рукопись. — 1. VII. 1947. — 4 р.

1994: Idem. // Dolto, F. Les chemins de l'éducation. — Paris: Gallimard, 1994. — Р. 157—159.

Здесь Дольто уделяет внимание свободной инициативе ребенка и формированию внутреннего критерия оценки своего действия. Ограничения, которые могут наложить на проявления ребенка взрослые, определяются их собственной человеческой натурой. Ребенок не должен стремиться доставить удовольствие взрослому, сохраняя свое достоинство как при хороших, так и при плохих результатах своей деятельности.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Действовать, чтобы тебя не критиковали, не всегда хорошо. Мы знаем басню «Мельник, его сын и осел».

Давайте сумеем научить наших детей тому, что не всегда хорошо доставлять удовольствие взрослому, даже своей матери. Быть довольным собой, в ладу с собой является для ребенка единственным способом чувствовать, что он хорошо сделал. Научим своих детей быть довольными собой независимо от нашего одобрения и даже иногда вопреки нашим упрекам. Пусть они ощущают себя свободными думать, чувствовать и судить иначе, чем мы, продолжая нас любить.

Поместим маленького ребенка в условия, где мало вещей будут для него опасными, и предоставим ему свободу в действиях. Утешим его во всех испытаниях и, если мы этого не можем, будем, по меньшей мере, безразличными к ним, никогда не упрекнем в страдании, не будем никогда смеяться над его горестями.

Когда ребенок кричит или плачет, значит, он страдает в своем теле или сердце. Поможем ему жестом, если у нас есть время и ситуация нам кажется серьезной, добрым ободряющим словом, если это не серьезно и если мы сами заняты.

Если он страдает по нашей причине, мы перед ним извинимся, дадим ему право кричать и плакать. То, что мы сделали, было ли это действительно необходимо? Если да, то мы хорошо поступили и ребенок это чувствует, даже если от этого страдает. Если нет, мы плохо сделали и мы тоже это очень хорошо чувствуем, так же, как и ребенок, и его крики имеют требовательное звучание. Признаем свою неправоту. И если мы видим, что косвенным образом он нам мстит, закроем глаза на это или лучше признаемся ему, что мы это немного заслужили. Всем родителям случается быть несправедливыми, особенно тем, кто хочет всегда быть справедливым. Дети терпимы к невольной несправедливости, когда они чувствуют искренность намерения своих родителей и когда осознают, что их любят ради них самих и уважают, даже когда они бывают недовольны.

Это очень приятно для ребенка, когда он доволен собой, и важно, чтобы взрослый также был доволен им; для ребенка это испытание, когда он замечает, что взрослый недоволен.

Давайте поможем ему самому судить о результате своих действий. Если он соглашается на последствия, а мы нет, скажем ему наше мнение, но отнесемся с уважением к его точке зрения. Если он нарушил свод правил, которые знал и нарушение которых приносит вред, применим к нему предусмотренную и известную ему санкцию и поможем ему самому исправить положение, если возможно. Запрещения должны касаться только тех вещей, которые реально могут ему нанести вред, что он будет знать из опыта, и тех, которые он неспособен хорошо сделать из-за неопытности.

Запреты во всем, что касается человеческой жизни, являются временными и распространяются на определенных людей. Нужно, чтобы уже в раннем возрасте ребенок знал, что только осторожность толкает на эти ограничения и что все препятствия рано или поздно преодолимы, все данные родительские запреты будут сняты в день, когда он приобретет достаточные навыки владения своим телом и будет знать сам, что ему позволит сделать его ловкость.

В ожидании этого все, что помогает ему тренировать тело, должно быть предоставлено для его свободной инициативы, какой бы несмелой она ни была. Немного позднее на все любопытствующие вопросы ребенка отвечайте что-то правдивое, но никогда: «Это тебя не касается». Если вы не знаете, ответьте, что вы не знаете. В области знания пока нет ничего запретного, но нужно знанием овладевать. Единственными границами, которые нам необходимо определить, являются границы нашей собственной человеческой натуры — такие, какими мы их ощущаем. Научим детей чувствовать свою совесть спокойной перед лицом плохих или хороших результатов, когда они употребили все усилия, которые считали должны сделать. Когда мы терпим поражение в своих делах, оно есть наше испытание. Это испытание само по себе не обладает ценностью и не дает нам права на какое бы то ни было удовлетворение, но если мы его принимаем и выходим из него более смелыми, учеными и осторожными, чем раньше, мы продвигаемся вперед в эволюции к владению собой. Каким бы ни было суждение других, мы хорошо знаем, что это поражение оказалось для нас плодотворным, и мы уже более не можем о нем сожалеть.

Так не будем же упрекать ребенка за плохие результаты в учебе или в другом, за его недостатки, его страдания. Поможем ему посмотреть в лицо своим неудачам и не отказать себе в уважении, понять их причину и — если он желает — дадим ему средство одержать победу в будущем.

**ВОСПИТАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ
В СЕМЬЯХ С НЕСКОЛЬКИМИ ДЕТЬМИ
(1947d)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1947: *Éducation de la personnalité individuelle dans les familles de plusieurs enfants* [машинописная копия]. // A.A.D.F.D. — Рукопись. — 1947. — 6 p.

Неопубликованный текст, по-видимому, подготовленный как газетная статья в цикле статей для родителей. На примерах отношений в семье с несколькими детьми Дольто показывает, как следует индивидуализировать отношение к каждому ребенку, поощряя его самостоятельность.

Перевод с французского С.Ю. Полицеймако. Ред. И.Б. Ворожцовой.
На русском языке публикуется впервые.

Mногие родители находятся в затруднительном положении перед проблемами, возникающими в воспитании детей, очень разных по природе, реакциям и возрасту. Мы говорили два последних раза о конфликтах, которые существуют между детьми, и способе, которым здесь можно помочь. Но в отсутствие настоящих конфликтов бывают трудные ситуации для одного или нескольких детей, и родители не всегда знают, как из них выйти.

Тем, кто меня читает, хорошо известны трудности, испытанные ими из-за своего места в семье, они были либо старшими, либо младшими, либо средними.

На каждом месте семейной иерархии существуют фактические условия, независимо от характеров родителей или детей. Но очень часто к этим фактическим условиям добавляются сложности и страдания, вызванные требованиями родителей.

ПОЛОЖЕНИЕ СТАРШЕГО

В прежние времена оно давало социальные и легитимные преимущества, в настоящее время еще имеются страны, где остается право старшего на наследство.

Теперь во Франции права всех детей равны, их обязанности тоже. Но сколько раз слышим мы от родителей, как они навязывают своим старшим поручение «подавать хороший пример», «присматривать за малышами», «уступать младшим». На скольких старших давят также со стороны родителей моральная ответственность, в то же время не дающая никакого преимущества в компенсации.

На самом деле у детей есть тенденция к подражанию старшим. Если это хорошо для всех, тем лучше, но это было бы очень удивительно, т. к. у каждого из детей разная натура, и желательно, чтобы каждый чувствовал себя свободным действовать согласно его собственному побуждению, а не имитацией. Значит, необходимо попытаться сделать детей, насколько это возможно, независимыми друг от друга. Если старший предлагает прийти на помощь младшему или следить за ним, и тот этого также желает, это хорошо. Но если только тот или другой не хотят этих отношений

протеже с оказывающим протекцию, не надо им этого рекомендовать. Пусть каждый чувствует ответственность за себя самого, именно это и есть воспитание.

Когда вам надо похвалить или поругать кого-либо из ваших детей, пусть это будет не по отношению к его месту в семье, но по отношению к его природе и его возрасту. Таким образом, не менее хорошо для старшего преуспеть в чем-то, что в то время удалось младшему тоже. Это хорошо для каждого из них. Никогда не выносите суждения относительно кого-то, как это столь часто бывает. «Это естественно, т. к. ты большой», — слышим от мамы, у которой старший из ее детей выпрашивает комплимент, сделанный только что ею младшему; так просто сказать: «Да, я тобой тоже довольна». Также плохой поступок достоин не меньшего порицания, т. к. он был скопирован с другого, так сказать, более ответственного. Каждый из детей должен иметь в глубине души моральную ответственность быть и действовать самостоятельно, о нем нужно судить по отношению к нему самому. Напротив, с воспитательной точки зрения предпочтительно дважды подвергнуть порицанию подражателя. Так как он не только плохо поступил в самом действии, но еще он плохо поступил, делая это без своей личной инициативы и не имея собственного суждения, т. е. из духа подражания.

ДВА БЛИЗКИХ ПО ВОЗРАСТУ РЕБЕНКА

Часто говорят, что две девочки или два мальчика, близкие по возрасту, — это удобно, легче воспитывать. Возможно, но будьте осторожны. Осторожны, чтобы не сдерживать развитие и освобождение одного из них под предлогом их близкого возраста. Эти двое детей могут иметь очень разные характеры и потребности, не уступайте искушению воспитывать их в паре, как близнецов. Не задерживайте старшего, «чтобы он ждал своего брата» в жизни, школе, пансионе, развлечениях. Не двигайте вперед второго, чтобы он был с братом. Чем больше дети близки по возрасту, тем больше надо следить за тем, чтобы действовать с ними очень по-разному, иначе рано или поздно возникнут нарушения личности у того или другого. В этом случае еще более, чем в случае, когда дети отдалены по возрасту, не уступайте искушению действовать одним и тем же образом по отношению к каждому из них. Обращайтесь с ними, как считаете нужным, но не уступайте требованиям, которые следуют из сравнения в ущерб одному или другому. Если

нужно, объявите, что вы несправедливы и что им не повезло с такой матерью, но не вступайте в дискуссию, примите упреки, которые вам предъявят.

Самый младший в семье

Вы знаете, сколь часто это место слынет местом избалованного ребенка. Быть баловнем не забавно. Это значит, что самый младший должен оставаться ребенком как можно дольше, чтобы давать матери иллюзию, что она все еще молодая. Если его натура сможет к этому приспособиться, испытания будут позднее, в жизни у него всегда будет чувство фruстрации, т. к. он не вооружен для борьбы и нуждается в защите.

Если его натура приспосабливается с трудом к этому навязанному инфантилизму, это проявится психическими расстройствами, нарушениями в характере или даже расстройствами здоровья. Всеми средствами боритесь против привычки старших и своей называть самого младшего — «маленький» брат или «маленькая» сестра — обращение, которое мучительно для них, если за ними не следуют другие дети.

Всеми способами, какого бы возраста ни были ваши дети, не поддавайтесь желанию одевать их одинаково. Это, к счастью, немного труднее сейчас, чем прежде. Пагубное искушение, которому многие матери поддаются; сколько детей страдает от этой зависимости. «Это очень мило», — говорят мамы. Это говорит их инстинкт обладания, они счастливы, видя своих детей в униформе, можно было бы сказать, со своим «товарным знаком». Детское тщеславие. Это лишь деталь туалета, но эта деталь систематически все еще подчеркивает зависимость одних детей по отношению к другим, это деталь, разрушающая личность. Разумеется, не избегайте также систематически того, чтобы одеть их одинаково. Иногда по случаю продаются ткани или одежда, чем выгодно воспользоваться, но пусть это будет по случаю, а не по выбору. Каждый раз, когда для вас это осуществимо, оставляйте ребенку возможность выбирать то, что вы ему покупаете, если только он сам вам не сказал, что ему это безразлично, но это редкость.

То же самое касается прически ваших дочерей и ваших сыновей. При условии, что у них волосы чистые, все прически должны им быть позволены. Часто это первый признак рождения чувства своей индивидуальности, который проявляется, таким образом, в выборе прически

в подражание такому-то товарищу или такой-то подруге, в поиске перемены. Выскажите свое мнение, но в то же время оставьте ребенку свободу иметь другое. Вы мне скажете, что все это мелочи, но жизнь состоит из таких мелочей, которые могут мешать или способствовать развитию молодежи, потому что являются символом принуждения или свободы, права ощущать себя собой или обязанности быть игрушкой ради того, что маме заблагорассудится.

**НОВАЯ ГИПОТЕЗА ОТНОСИТЕЛЬНО
РЕАКЦИИ РЕВНОСТИ НА РОЖДЕНИЕ МАЛЫША
(1947e)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1947: Hypothèse nouvelle concernant les réactions dites de jalousie à la naissance d'un puîné. // A.A.D.F.D. — Boite-31. — Рукопись на небольших листках. — 42 p.

1947: Hypothèse nouvelle concernant les réactions dites de jalousie à la naissance d'un puîné. // Psyché. — 1947. — T. 2. — № 7, 9, 10.

Издание на немецком:

1957: Eine neue Hypothese über die sogennanten Eifer suchtsreaktionen bei der Geburt jüngerer Geschwister. // Prax. Kinderpsychol. Kinderpsychiat. — 1957. — Bd. 6. — S. 141—151.

Долго живописно рассказывает о поведении маленьких детей, когда у них в семье появляется младший ребенок. Она использует примеры собственных детей Жана, Гриши и Катрин, показывая свои воспитательные находки, помогающие сгладить переживания ревностных чувств у ребенка.

Ниже публикуется перевод текста последней переработанной версии статьи.

Перевод с французского Т.Б. Ворожцовой. Ред. И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Наблюдение за Жаном

Ж

Жану (который называет себя Тити¹) год и девять месяцев. Скоро родится братик (или сестренка). Каждый раз, как мама занимается приданым для новорожденного, Жан, будто случайно, забирает вещи, разбрасывает по комнате и топчется по ним. Когда мать занимается его одеждой, этого никогда не происходит. Жан подготовлен: сестренка, которая появится, его очень любит, может быть, она ему принесет подарок: «Да, бойской грузовик (грузовик) с двойцей, открыть и закрыть дверь». Сестренка оказалась братиком, но он принес в его кровать большой грузовик с дверцей. Чистая радость. Жан, растроганный, берет малыша в свои руки, садится рядом с матерью и устраивает праздник для новорожденного, трогает его за все указательным пальцем, за нос, уши, рот и говорит: «У малыша есть нос, у малыша есть рот и т. д.» Он разгуливает с целлулоидным пупсом, на которого до сих пор не обращал никакого внимания, и больше с ним не расстается.

Вечером Жану плохо. Он, который обычно любит занимать себя сам и бегать по всему дому, хочет, чтобы его взяли на руки, но чтобы он не сидел, а лежал; если его сажают или ставят на ноги, он с плачем рушится на пол и монотонно тянет: «Тити не может ходить, Тити несчастлив (Тити плохо)». И больше ничего от него нельзя добиться. Видно, что он ничего не слышит, он психологически закрыт для всего и для всех, раскраснелся, температуры нет. У него закрыты глаза, подносит руки к ушам и к голове, как человек, который страдает. Вместо монотонности издает вопли страха, если его хотят положить. Так как, в конце концов, он засыпает на руках, его укладывают в кровать, и он спит глубоким сном.

На следующее утро он очень позитивно ведет себя по отношению к своему братику и своему целлулоидному пупсику, он его кладет в кроватку или таскает за собой повсюду; у него хорошее настроение, он жизнерадостен, ласкается, внимательно слушает истории, как обычно. Он проводит все время у кровати матери. Вечером ничего особенного не отмечается.

Третий день: он присутствовал на первом кормлении. Видя, как мать дает грудь, он замирает, становится пурпурно-красным, с фиолетовыми пятнами, слегка съеживается, глаза навыкате, немеет от волнения. После паузы он говорит сдавленно, со страхом в голосе: «Нет, не есть маму».

¹ От Фисти, ласкового прозвища, данного ему отцом.

— Да нет же, — говорит мать, — он будет пить молоко из груди мамы. Когда ты был маленьким, ты тоже это делал.

Сиделка и мать стараются заставить новорожденного сосать.

— Подойди, ты тоже хочешь?

Он приближается, начинает наклоняться к груди и вдруг убегает, как будто охваченный паникой, на кухню, где он пытается, заикаясь, объяснить няне, что произошло. Та, видя его в таком экзальтированном состоянии и недовольного, охваченного необычным заиканием, берет его на руки и утешает, не зная толком, что с ним. Через несколько минут ребенок, как кажется, забыл о происшествии; он больше не заикается. Остаток дня проходит отлично. Но Жан больше не смотрит в сторону своего целлулоидного малыша, он его засунул вниз под игрушки.

На четвертый день в тот же час, что и накануне, Жан снова здесь, рядом с матерью (со вчерашнего дня у него не было возможности присутствовать при кормлении). Сначала он смотрит и при виде того, как малыш приближается к груди, начинает краснеть, подчеркнуто отворачивает голову и быстро уходит из комнаты, не говоря ничего, как будто у него кривошее. Он идет на кухню, чтобы спрятаться в объятиях няни, она ему не задает вопросов, довольствуясь тем, чтобы прilаскать. Он говорит с заиканием в течениe значительного промежутка времени, потом заикание прекращается. Остальная часть дня проходит хорошо, кроме того, что он устраивает капризы перед прогулкой, хотя обычно он очень это любит: оказавшись на улице, он просит, чтобы его взяли на руки, потом отказывается возвращаться, садясь на землю. Если человек, гуляющий с ним, ждет его и не ругает, оппозиция сдается, и через несколько минут он поднимается сам такой же веселый, как и раньше. Короче говоря, у него случаются легкие «капризы», которым до этого он не был подвержен. Можно подумать, будто в нем есть внутренняя преграда.

На утро пятого дня, все в то же время, сиделка входит с малышом для кормления. Жан тотчас выбегает из комнаты, как будто там пожар, бежит к няне, заикается, и на этот раз его заикание не прекращается. Ему в этом не делают упрека. Иногда он наталкивается на то, что не может произнести слова, которые хочет, и отступает или злится на себя или на взрослого, если тот не ждет, когда фраза выйдет изо рта, и дает ему то, что, как кажется взрослому, он просит. Он отвергает предлагаемые предметы или бросает их на пол, пока фраза не будет сказана, и только тогда соглашается, чтобы ему ответили. Иногда он мимикой показывает, чтобы было быстрее, или идет за своим стаканчиком и приносит для того, чтобы сказать, что он хочет пить. Иногда еще такие жесты, которые помогают ему преодолеть преграду заикания: закрыть глаза, согнуть туловище в области таза, согнуть нижнюю конечность и опустить руки сверху вниз, с согнутыми локтями и зажатыми кулаками.

Дни идут. По отношению к брату Жан в каком-то роде сталнейтрален. Грузовик, который принес брат, в почете, его нужно класть в постель к маме. Жан открывает дверцу, говорит, что садится туда, закрывает и делает жест, что он за рулем, крича: «Осторожно, куры, осторожно, дамы». Он часто повторяет, что это братик подарили ему «бойской грузовик». Он никогда не засыпается, разговаривая сам с собой или даже о своем грузовике. Посетителям, которые приходят, он приносит свой грузовик, тянет их за руку к двери комнаты, в которой находится малыш, говорит им: «Там»; или ведет их к кроватке, если дверь открыта, но там не остается. Он смотрит на людей, которые смотрят на малыша, улыбается, видя, как улыбаются они, но сам на малыша не смотрит. Когда они ему предлагают это сделать или поговорить о брате, он вроде бы случайно находит себе другие занятия. Если сиделка забирает малыша из кроватки, он сначала смотрит на свободное место внимательно, кладет свой грузовик в кровать к братику, пытается туда забраться сам. Когда это не получается, он просит взрослого, указывая на кровать: «Тити туда, для грузовик», что, по-видимому, значит: чтобы взять грузовик. Если ему возвращают его грузовик, он снова кладет его в кровать и возобновляет маневр. Он хочет, чтобы его поместили в кровать малыша вместе с грузовиком. Его туда садят, но как только он чувствует себя внутри кровати, тотчас, будто кровать его жжет, испуганно говорит: «Нет, нет, не надо Тити здесь», забирает свой грузовик и уходит.

С взрослыми он такой же, как раньше, все так же привязан к матери, к няне, которую знает со своего рождения, позитивный, как раньше, но не более того, по отношению к отцу и врачу, который заставляет его покинуть комнату матери каждый раз, когда приходит. Не пытается навредить брату. Он счастлив, что другие занимаются маленьким. Он зовет взрослого, если малыш плачет, чтобы шли его успокоить, но он избегает всякого прямого контакта. Только с няней для прогулок у него недорады; она пытается его урезонить, если он не хочет выходить, если останавливается на улице, если не хочет возвращаться домой или не хочет есть. Перед лицом этих реакций торможения, остановок или негативизма, она, на самом деле, пытается рассердиться, победить силой. Ребенок сдается с криком, и атмосфера испорчена на несколько часов. Если взрослый терпит и выжидаст, не настаивая и не ругая, противостояние долго не длится. Ребенок решает выйти из него в порыве, который, кажется, освобождает его: «Тити пойдет гулять» или «Да, Тити пойдет к маме», с убежденным и счастливым видом.

С тех пор, как родился брат, его аппетит, который был регулярным и очень легким, хотя он и замечательно крепкий ребенок, стал капризным и нерегулярным; в некоторые дни он отсутствует, в другие довольно хороший. Но и здесь, попросив чего-либо, он уже этого не хочет. Если настаивать, отвлекая его историей, он некоторое время ест, затем у него рвота. Бутылочка — единственный способ питания, который он вымаливает, и, как его братик (у матери недостаточно молока): он не хочет его пить один,

а только на руках, пассивно, глаза с новолокой, с видом глубокого блаженства. Затем он демонстрирует большую признательность с радостью и гордостью. «Тити сосал соску, как Гиша».

Регулярный в опорожнении кишечника, он соблюдал чистоту с годовалого возраста без особого приучения. Часы опорожнения становятся нерегулярными, и поэтому он пачкает штанишки; он будто не замечает не только свою потребность покакать, но писать тоже — что он обычно просил, только иногда забывая, — он это больше совершенно не контролирует. Замечания, которые ему делают, его не удивляют. Он отвечает с убежденным видом: «Да, нужно просить пипи» — но продолжает забывать. Только спустя несколько дней Жан, все также оставаясь нерегулярным в часах опорожнения кишечника, начинает проситься какать или, точнее, просится «пипи», чтобы покакать. Но писание в штаны продлится, иногда исчезая, в течение нескольких месяцев. Иногда два или три раза подряд он помочится спустя всего несколько минут после того, как опорожнил свой мочевой пузырь; в другие дни он будет опрятным и континентным в течение всего дня.

Короче, через три недели после рождения брата, названного Гришой, Жан кажется счастливым, но сильно заикается. Присутствие брата ему не неприятно, и он даже проявляет к нему некоторый позитивный интерес через третьих лиц. Он всегда знает, что делает его братик, и предупреждает об этом других. Если мать занята малышом, он хочет ей помочь, принести ей предметы, необходимые для ухода. Однажды случилось происшествие, которое могло бы повредить малышу. Жан, как он любит, положил свой грузовик в довольно глубокую кровать брата, и грузовик упал на лицо малыша, который, хотя и не был оцарапан, начал кричать. Мама, которую Жан позвал, взяла малыша, успокоила его, а другой рукой приласкала так же и старшего, объяснив, что братик очень рад, что Жан одолжил ему свой грузовик, но он слишком маленький, и может сказать об этом только криком. Тогда Жан спросил: «Не бобо?» — поняв, что он сделал больно малышу.

— Может быть, ему еще и немного больно. Это большой грузовик для больших, он может сделать больно маленьким.

Малыша успокоили и положили в кроватку, с тех пор больше не возникнет опасных происшествий, и приносимые братику предметы будут всегда складываться у ножек кровати.

Окончательный поворот в отношениях между Жаном и его братиком происходит на двадцать первый день после рождения: на двадцатый день, когда мама входит вместе с Жаном в его комнату, чтобы уложить его спать, он тянет робко ее за руку с видом заговорщика и говорит ей:

— Смотри, чего сделал Тити.

Тогда он сей показывает, приподнимая покрывало кровати наяни, которая спит с ним в одной комнате, целлулоидного пупса. Мама:

— Что это?

— Это холосая сутка для Амона (это хорошая шутка для Симоны).

И с тем же заговорщическим видом он укрывает куклу, громко хохочет и укладывается в постель. «Что она скажет?» — спрашивает он сам себя и прыскает от смеха, довольный, что и мама смеется.

— Не говори ей.

Мама обещает. Затем, в тот момент, когда она выходит, Жан просит разрешения встать и идет забрать целлULOидного пупса, достает его из укрытия, поправляет покрывало у Симоны и укладывается, отказавшись от своей идеи.

— Спокойной ночи, мама.

На следующий вечер, на двадцать первый день, в тот же час, что накануне, перед самым сном, Жан тянет мать за руку, подводит к кровати Симоны, куда он вновь положил целлULOидного пупса, но на этот раз не укрыв его. Он снова смеется над своей хорошей затеей. Мама ничего не понимает, но вторит ему. Тогда Жан тянет мать за руку, крепко ее держит и говорит:

— Посмотрим, что она скажет.

Он не хочет, чтобы мать выпустила его, и идет на кухню, он говорит, сильно заикаясь, одновременно испуганно и радостно:

— Амон, иди посмотри.

Няня говорит:

— Что?

— Иди посмотри.

Она слушается Жана. Жан отводит ее к кровати, все так же держа руку матери; очевидно, ему немного страшно от того, что должно произойти. Симона видит целлULOидного пупса в своей постели. Она говорит:

— О, что же это такое? — с удивлением и недовольством, что радует Жана.

— Это, это... Ги, Ги, Гиша, Гиша.

— Ох! — говорит Симона с укоризненным видом.

— Гиша занял Амон место.

— Что нужно сделать? — спрашивает она. Он отвечает без промедления:

— Отправить его подальше.

Няня смотрит на маму. Мама говорит:

— Действительно, Жан прав.

Тогда Симона хватает целлULOидного пупса и бросает его на пол. Жан тут же оставляет мать и спешит к кукле, бросает ее в угол, поднимает ее, колотит ее, пинает, хохоча во все горло потрясающим заразительным смехом. Настоящее садистическое линчевание. Мама и Симона смеются, довольно удивленные, затем оставляют Жана сводить свои счеты, поправляют кровать Симоны, которую Жан немного разобрал. Каким же было их удивление, когда они увидели спустя пять минут, как Жан подбирает целлULOидного пупса, только что бывшего объектом его садистической злости, и начинает по-матерински укачивать его на руках, расхаживая по комнате взад и вперед:

— Бай-бай, мой маленький Гиша, мой маленький Гиша, бай-бай!

Заикание исчезло. Жан, довольный, укладывается и больше не заговаривает ни о чем.

На следующий день заикания по-прежнему нет: оно окончательно исчезло. С этого дня маленький брат будет представлять реальный интерес в глазах Жана, который станет по-настоящему старшим братом. За две недели его словарный запас очень быстро станет обширным, и друзья, которые за это время его не видели, будут поражены переменой и расцветом, произошедшими с Жаном, ему в тот момент год и десять месяцев.

Обычно мы наблюдаем уже больных детей, реагирующих на корректирующее воспитание, которое родители посчитали необходимым выбрать, столкнувшись с их поведением. И мы встречаемся со сложными случаями. Мне повезло, что я прошла психоанализ до того, как стала матерью.

С Жаном я открыла глаза, глаза без предвзятого мнения, и я не пыталась заставить его скрывать свои реакции: я наблюдала за ними, но никогда не осуждала его за них. И я многому научилась.

Наблюдение за Робером

Два месяца спустя, после этой абреакции и устранения конфликта у Жана после рождения его брата, ко мне приводят мальчика двух лет, у которого сильные нарушения характера, опасная агрессивность по отношению к трехмесячному маленькому брату. Точное соответствие возрасту двух моих сыновей. Но Робер уже прожил три месяца в конфликте, осложненном воспитательными реакциями окружения: «Ты злой, он такой маленький. Ревновать — отвратительно, это делает больно маме». Короче говоря, использован весь арсенал наказаний, лишений и т. д.; мать, которая избегает брать малыша в присутствии его брата, потому что это вызывало сильные реакции агрессии (поломка вещей, пинки по матери и, когда она отворачивалась, удары по младенцу, щипание, дергание за волосы, попытки утопить его в ванной, ткнуть ножницами в глаза). И вот в течение короткого времени Робер утрачивает все, что приобрел, становится все более и более тупым, в то время как до рождения малыша это был ребенок раннего развития. Бледноватый, говорит при мне совсем тихо, чтобы удержать мать при себе и чтобы она не разговаривала с доктором. У него также нет аппетита, он писает и какает в штанишки.

Я не беру этого ребенка на психоаналитическое лечение, но решаю посоветовать матери такое поведение, которое могло бы позволить ребенку выразить эмоции. Я подумала: если точна моя гипотеза о конфликте ревности, вот случай ее проверить.

Я говорю матери, чтобы она полностью изменила отношение (ее дядя, прошедший психоанализ, — его я не знала — посоветовал пойти прокон-

сультироваться со мной и согласился ей помочь): Робер не злой, он страдает. Я рекомендую ей, как только она увидит жест агрессивности Робера по отношению к предмету, принадлежащему брату, вместо того, чтобы ругать его, дать слово «негативному». Чтобы она сказала, например: «Вещи Пьеро везде валяются». Если окружающие хвалят малыша, чтобы она сказала, как бы ни к кому не обращаясь: «Пьеро, Пьеро, только от него все в восторге. А ведь он ни на что не годится, только спать, есть и пачкать пеленки. Какие люди глупые, как будто малыш — это так интересно». Когда Робер станет кому-либо противиться, чтобы она не критиковала его, но позволила ему прожить его реакцию, не высказывая суждений о его злости. Чтобы он от нее услышал только: «Этот бедный Робер, это не удивительно. С тех пор, как появился Пьеро, жизнь перевернулась, все уже не так, как прежде, и естественно он не знает, что делать». И в особенности, чтобы она не избегала ухаживать за малышом в присутствии Робера, как она ухитрялась делать, чтобы не будить ревность у старшего. Наоборот — именно это мне кажется наиболее важным в этой психологической терапии, — чтобы она проявляла материнские жесты по отношению к малышу, меняя ему пеленки, давая ему бутылочку, так же высказывая по его поводу неблагожелательные суждения очень ласковым тоном, каждый раз в присутствии Робера. Это не может повредить малышу и может очень помочь Роберу. Например, если она ласкает грудничка, чтобы она говорила: «Какие же глупые эти мамы, любить таких никчёмных, как Пьеро. Нужно быть мамой, чтобы любить эти сверточки, способные только кричать, есть, писать и какать».

Перед лицом этих рекомендаций мать немного растеряна и говорит мне: «Мне кажется, что если я признаю правоту Робера, он просто убьет своего братика в том состоянии, в каком он находится сейчас». Я объясняю, что речь идет не о том, чтобы признать правоту его действий, но дать ему понять в словах мотивы, которые им движут: дать точные слова о его страдании. Я советую, чтобы эту попытку предприняли в течение по меньшей мере двух-трех дней. В случае неудачи не будет другого выхода, как разлучить Робера с семьей и проводить с ним психоанализ в условиях, очень неблагоприятных для этого возраста. Надеюсь, что ребенок снова станет позитивным по отношению к взрослым, а особенно к матери, и что к нему вернется с этого времени сон, аппетит и пищеварительный ритм.

Я предлагаю, не преподнося ему этого в качестве подарка, принести, чтобы он не видел, и оставить в каком-нибудь уголке дома куклу, похожую на младенца, небьющуюся, тридцати-тридцати пяти сантиметрового «пупса», устроить так, чтобы привлечь к нему внимание ребенка, и не заботиться о том, что он с ним сделает. Я предупреждаю, что может случиться, что ребенку будет необходим предмет переноса в форме человеческого существа, имеющий вид человека, чтобы выместить на нем свою потребность сделать больно своему брату.

Результат превзошел все наши ожидания. По прошествии трех дней мать сообщает мне по телефону, что имеет место значительное улучшение состояния Робера, видимое снижение напряжения и восстановление здоровья. Поначалу изменение отношения матери поражает его и вводит в полную растерянность посреди реакции сопротивления. Затем его поведение становится нейтральным по отношению к малышу-братью. Наконец, слыша агрессивные или уничижительные высказывания матери о малыше, он начинает ей возражать: «Нет же, это не правда, что он ни на что не годен, он очень миленький». Мать спрашивает меня, что отвечать. Я советую ей не усердствовать в своем, но и не соглашаться, а говорить: «Ты так считаешь, ну ладно, ты хороший старший брат». За неделю они поменялись ролями. Теперь Робер защищает своего брата и упрекает свою мать в злых высказываниях.

Робер сделает скачок в своем развитии за несколько месяцев. Когда я снова его увидела, он совершенно переменился, обожает своего брата и всех малышей вообще, и мать оставляет с ним малыша в полной безопасности. Как и у моего сына, словарный запас Робера развился, и так же, как у него, понятия вчера и завтра, до и после обрели свой смысл. Будущее время появилось в их речи, а вскоре и «Я-собственное».

До рождения Жана из своего психоаналитического образования я знала, что ребенок агрессивно реагирует по отношению к новорожденному и выражает свою реакцию таким переворачиванием: «Это он злой и меня не любит». Я считала, следовательно, здоровыми пренатальные агрессивные реакции и парировала негативный эффект рождения подарком, принесенным новорожденным, который Жан выбрал и ждал. Все произошло, таким образом, в наилучших условиях. И Жан замечательно принял своего брата. С одной стороны, был грузовик в подарок, что сделало возможными для него воображаемые фантазии динамической силы, с другой стороны, идентификацию с взрослыми, которые тоже принимали новорожденного с радостью.

Целлулоидный пупс был, по моему представлению, его ребенком, как у мамы был ее ребенок. Затем я присутствовала при всем изложенном выше, не понимая. Я чувствовала психологическое страдание, выраженное всем этим, но хорошо понимала, что есть смысл и внутренняя необходимость во всем этом. Не зная, как ему помочь, я старалась не вредить ему. Я надеялась, что заикание однажды пройдет, и не исключала вероятность психоанализа в даль-

нейшем с этой целью. Освобождающий эпизод линчевания целлулOIDного пупса, нареченного по этому случаю именем брата, после того как Жан сделал так, что ответственность за это взяли ставшие его сообщниками няня и мать, объяснялся для меня грузом вытесненной агрессивности. Это была ревность — я понимала под этим соперничество по отношению к матери. Это было ощущение «свержения с пьедестала» — «он занял твоё место», — что объясняло для меня агрессивность.

Такое понимание или, скорее, такая интерпретация фактов, которую сейчас я считаю неверной, или, по крайней мере, очень частичной, позволила мне, тем не менее, в серьезном случае с Робером посоветовать освобождающее поведение. Робер «изображал» негативное, но его за это ругали, и так с самого начала. Поскольку было нормально, что у него возникли враждебные чувства, думала я, лучше было их ему разрешить: их внешнее выражение было бы менее опасным, если бы он не был вынужден бороться против чувства вины, внущенного взрослыми. Агрессивные инстинкты не могут трансформироваться, а только концентрируются, когда не выражаются. Лучше было избежать их вытеснения и порвать порочный круг, в котором, по причине неприятия их законности, Робер сам себя разрушал. Быстрое выздоровление Робера мне показалось доказательством правильности моей интерпретации. Но два этих наблюдения ставили передо мной многочисленные вопросы.

Какой механизм сработал, чтобы Жан, как и Робер, показал столько агрессивности к предметам, принадлежащим мальчику (рано явленная агрессивность перед рождением второго ребенка у Жана, затемнейтрализованная и совсем внешне не проявленная как таковая до дня линчевания)? Какой механизм сработал в утрате приобретений, в глубоком нарушении аппетита и выделений, в утрате сфинктерной чувствительности? Какой механизм допустил пассивную оппозицию в ритмы повседневной жизни (через капризы)? Как случилось, что, совершив линчевание над объектом, нареченным братом, Жан проявил по отношению к этому объекту нежность, полную такого внимания, и сразу же проявил ее так же и к живому ребенку, причем бесповоротно, и тут же его заикание во время этой сцены окончательно исчезает? Как случилось, что Робер, которого считали эгоистичным, если не сказать испорченным, и который представлял реальную опасность для своего брата, стал после словесного обоснования матерью его агрессивных переживаний щедрым и братски расположенным не только к своему брату, но также и ко всем детям, показав

себя как очень одаренный ребенок? Столько вопросов, на которые, мне думается, я могу в настоящее время ответить.

Я была на этом этапе моих размышлений, когда представилась возможность пронаблюдать за поведением Гриши, моего второго сына, при рождении его сестры примерно в том возрасте, в каком был Жан при его рождении. Так как они были совсем разного темперамента, реакции, схожие в сути, выразились другими средствами. То, что я в непосредственной близости увидела, как эти двое детей прожили и одержали победу в одной и той же работе по адаптации, позволило мне понять, по крайней мере, я так думаю, очень сложное переплетение психических и инстинктивных сил, выраженное в поведении ребенка, называемого «ревнивым».

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ГРИШЕЙ В ГОД И ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ

Семья Дольто ждет третьего ребенка. Надеются на сестричку. Гриша об этом никогда не говорит. Он говорит плохо, его вниманием владеют скорее подвижные и ритмичные игры, песни, животные, пища. Ему интересны улитки, чтобы их давить, и иго-го¹, вид которых приводит в трепет все его существование. В одно августовское утро рождается сестренка, Гриша приходит к маме. Он хорошо знает, что произошло, но, кажется, не придает этому никакого значения. Он ложится рядом с матерью, взгляд отрешенный, прижимается к ней. Такое поведение совершенно ново для него: вот уже полгода Гриша не дает себя приласкать больше двух секунд, он предпочитает танцевать, бегать, смеяться, играть. Пассивно прижаться, как цыпленок, с потерянным взглядом — его первая реакция. Кроватка Катинки стоит в углу маминой комнаты. Мама говорит о ней с Гришей и упоминает, что сестренка принесла ему подарок. Никакой реакции. Он ни разу не посмотрел в эту сторону. Он не идет посмотреть на малышку. Он в облаках. По просьбе мамы приносят подарок, машинку. Он рад, не более того. Он берет ее, говорит «каса сина», красная машина, едва смотрит на нее. Не настаиваем. Его берет на руки няня, которая хочет посмотреть на сестренку, и несет к кроватке. Смотрит ли он? Он никак не реагирует. Он сжимает красную машину. В комнате мамы Гриша ведет себя, как персонаж фильма при замедленном показе.

Это явное невнимание к сестре продолжается, и все же, как обычно, он подражает брату, который проявляет себя весьма позитивно. В тот же самый день, когда родилась сестра, Гриша обкакался в кровати во время дневного сна, происшествие, не случавшееся с ним уже год. Он от этого имеет униженный вид, ему стыдно, в то время как, и это важно, ему не делают ни малейшего упрека. Когда он просыпается на следующее утро, обнаружи-

¹ Лошади.

вается, как и накануне после дневного сна, большая какашка в постели, и, раздосадованный, недовольный, он показывает ее Анриэтте, няне, которую он любит и которая его любит. Она констатирует факт вместе с ним, не ругая его, идет ко мне сообщить об этом с Гришой на руках. Я не ругаю его, и он спешит ко мне прижаться сбоку в постели, с мечтательным видом, он не говорит о малыше Ка, которой как раз еще нет в моей комнате. Затем, когда его отец вошел в комнату, Гриша не двигается, делает вид, будто не слышит, как мы разговариваем. В это время Анриетта возвращается за ним, чтобы отвести на завтрак, и видит его рядом со мной. Она говорит:

— Но какой же он спокойный! Это невозможно, это не он.

— Это он, — отвечает мама, — это Гриша, но это Гриша — несчастный из-за Катинки.

Тогда Гриша направляет взгляд ко мне и говорит фразу, которую я пойму только на следующее утро, когда, проснувшись, он повторит ее в отношении собственной какашки в постели; фразу, которую я в тот момент приняла за желание в форме отрицания рождения сестры: «Нет малыш Ка».

На следующий день повторяется то же самое происшествие в постели (я отказалась, чтобы ему надели подгузники, как по причине августовской жары, так и для того, чтобы не вызвать регресс у ребенка). На это третье утро, значит, мама идет его поднимать, и ей он сообщает свою досаду, указывая на какашку: «Почему нет малыш Ка Гиша?» (Почему Гриша не сделал малыша, как мама?)

Я утешаю Гришу, как могу. Я говорю ему, что малыши не какашки, что он сам родился, как Катинка, что он был красивым малышом, а не какашкой. Что какашки всегда одинаковы, они не растут, не едят, я рассказываю все подряд жизнерадостным тоном, пока идет его утренний туалет. Начатый таким образом день с мамой на ногах, как раньше, проходит очень хорошо. К Грише возвращается голос и его живость, даже в моей комнате, и он больше не забирается на мою постель, где, тем не менее, время от времени я отдаю.

Эти три первых ночи он спал намного больше обычного; на четвертый день он возвращается к своему нормальному ритму. Он, у которого и так был хороший аппетит, начинает есть без остановки и заглатывает куски творога (который он называет «вазок»). Он засыпает на каждом кусочке, просыпается только, чтобы заглотить снова, и сразу засыпает (он ест сам): спектакль комичен. У него также с рождения сестры появляется большая жажда движений, сам поднимается и пытается спуститься с каменной спиральной лестницы без перил, ведущей в комнату сиделки, где находится кроватка Катинки, его сестры. Слышно, как он совершает свое восхождение один и говорит сам с собой: «Малыш Ка, малыш Ка». Забравшись наверх, он скребется в дверь и говорит: «Там малыш Ка». Но если ему открывают дверь и онходит, то идет к сиделке, а не к кроватке. Если она говорит: «Катинка спит», — он говорит вполголоса и с заинтересованным видом: «Малыш Ка бай-бай!» Потом он уходит, повторяя всем: «Малыш Ка бай-бай!» Он любит

тянуть людей к комнате: «Там малыш Ка», и с улыбкой смотрит на их лица, когда они рассматривают малышку, но сам на нее не смотрит (точно так же делал Жан). На четвертый день он просит попить из соски (он отказался от соски намного раньше, чем его брат; в десять месяцев он отказался от нее окончательно). Он уже не умеет сосать, что его очень раздражает. Он злится на соску, ее нужно снять, пьет прямо из горлышка. Тем не менее, он еще два или три раза попросит соску в первые две недели и откажется от нее из-за неумения сосать. Он с гордостью объявляет брату:

— Взя соку (я взял соску).

Он приходит показать это матери, после того, как надел соску на пустую бутылочку, явно довольный своим подвигом.

К пятому дню он начал интересоваться пеленанием малышки, особенно стулом, который он называет «тата бейй». «Ka тата бейй» (Катинка сходила белой какой), — объявляет он всем; и верховая лошадь теоретически белого цвета, с которой он постоянно бегает здороваться, становится «красивой бейй иго-го». Он любит бегать вприпрыжку, крича: «Моя красивый иго-го бейй», что означает: лошадка красавая, цвета какашки Катинки, а я красивый, как лошадка цвета какашки Катинки, цвета «хорошего». Нужно сказать, что стул малышки — тема разговора акушера, сиделки, бабушек с дедушками. На дворе лето, и у мамы недостаточно молока, ребенка переводят на коровье молоко. Хороший ли у нее стул? У нее все в порядке, у нее хороший стул. Это фразы, которые Гриша слышит. Первое позитивное заявление, сделанное им, когда он потрогал попку сестры на восьмой день:

— Красивый поп Ка (у Катеньки красавая попка). Суждение, которое он объявит своей матери с удовлетворенным видом: «красивый тата бейй», «так, так, красивый тата бейй» (хорошо, хорошо, красавая белая какашка). Сиделка очень мила и заботлива с Гришей, всякий раз, как он поднимается по лестнице, он стучится в ее комнату. Она никогда не сравнивает его с сестрой.

На десятый день за столом, поглощая творог (вазок), в то время как сиделка вышла из-за стола, чтобы пойти к кричащей малышке, Гриша говорит с набитым ртом, мечтательно:

— Моя любит базей (я люблю мадмуазель).

В тот же самый или на следующий день сиделка кормит малышку из бутылочки в углу комнаты, где лежу я. Гриша сидит рядом с моей постелью и наблюдает за сценой с бутылочкой. Неожиданно он встает и идет вперед, говоря:

— У, у, зой вок (у, у, я злой волк).

Будто, чтобы испугать малышку. Малышка не двигается и продолжает сосать из бутылочки. Гриша вновь выражает мимикой агрессию и смотрит за реакцией на лице сиделки. Она отвечает на этот взгляд с большой находчивостью:

— Сестренка знает, что ее большой брат сильный, как волк, но на самом деле он не злой. Она не боится, она гордится.

Тогда Гриша выпячивает грудь, ходит широкими шагами по комнате, затем приближается к сестре и хочет взять бутылочку, чтобы дать ей. Лицо его сияет, и сиделка позволяет ему это сделать.

— Тинка по (Катинка пьет). Я босой (Я большой).

Но смотрит он на мать, держа бутылочку на расстоянии в левой руке, хотя он и не левша: он изображает персонажа.

Инцидент с волком, впрочем, не исчерпан. На следующее утро в тот же час, те же самые участники встречаются в комнате. Как только сиделка устраивается с бутылочкой, Гриша начинает ходить по комнате, идет к ней, уходит, затем внезапно, как накануне, играет волка, подходя совсем близко к ребенку.

Женщина смотрит на меня, мы улыбаемся. Видел ли нас Гриша? Малышка не двигается, занята сосанием, левая рука с растопыренными пальчиками свешивается с коленей сиделки. Тогда быстрее, чем нужно времени, чтобы об этом сказать, и без слова предупреждения, как в игре, Гриша до кровикусает малышку за указательный палец. Катинка вспит, бутылка падает, Гриша в ужасе отступает. Глаза смотрят вниз, лоб опущен, он следит за ребенком, сиделкой и мамой там у себя в постели; мама тотчас встает в тревоге и бежит к малышке. Сиделка в изумлении не говорит ни слова: малышка задыхается от крика. Я смотрю на посиневший пальчик Катинки, следы от зубов очень глубоки: немного кровоточит, но не слишком серьезно. Я поворачиваюсь к Грише, который надувает губы, забившийся между стеной и колыбелью, иду к нему и обнимаю. Подвожу его к малышке и говорю, обращаясь к сиделке, и к нему:

— Гриша большой и очень, очень сильный мальчик, у него есть зубы, которые кусают очень, очень сильно. А Катинка, у нее нет зубов.

За это время малышка успокоилась и, укачивасмая сиделкой, со слезами в уголках глаз снова жадно принялась сосать свою бутылочку.

Грише не по себе, он смотрит на меня, грустный, он смотрит на сиделку, которую любит; мама просит его посмотреть на руку сестренки. Он говорит:

— Пугайся? Бобо малыш Ка?

Он вновь надувает губы, как чтобы самому заплакать. Я отвечаю:

— Да, сестренке очень больно. Гриша очень сильный и очень большой, она совсем маленькая, совсем маленькая. Катинка любит Гришу.

— О, зой вок! — говорит Гриша с убежденным видом.

И я:

— Да, очень злой волк, хорошо, что он ушел!

Затем, обращаясь к малышке:

— Все закончилось, Катинка, злой волк ушел. Гриша большой сильный брат, он прогнал волка!

Как и накануне, растроганный после примиряющих слов сиделки, он захотел изобразить, как подает бутылочку, он приближается к малышке и в умилении склоняется над болячкой на руке.

— Больше не бобо? — беспокоится он.

- Нет, — говорит няня, — только небольшой след.
- Гиша бойсой бат.
- Да, — говорит няня.
- Гиша дать соку.
- Да.

Он усаживается рядом с сиделкой и с очень внимательным видом держит бутылочку правой рукой, пристально смотря на лицо сестры, которая сосет. Затем во время туалета малышки он мерит очень большими шагами комнату, руки за спиной (он видит, как его дедушка так иногда делает), грудь вперед, с высоко поднятой головой и довольный заявляет:

- Гиша сильный, Гиша бойсой бат, Гиша давал соку Катинка.

Теперь называет ее не «малыш Ка», не «Тинка», а именем из трех слогов, которым называет его сестричку вся семья. Когда его отец возвращается к обеду с его старшим братом Жаном, Гриша идет к нему, очень оживленный, и рассказывает на своем жаргоне об утренних событиях. Отец ничего из этого не понимает, конечно, но старший брат очень хорошо схватывает историю и переводит ее отцу:

— Он рассказывает, что волк укусил Катинку, что она плакала, и что он прогнал волка.

— А, — говорит папа, — это очень хорошо. Я не хочу, чтобы волк съел мою Катинку.

И он целует довольно Гришу, который тянет его за руку к маме и принимается трезвонить:

- Папа рад, вок усел. Зой вок!

Только вот ни мама, ни папа, ни сиделка не были до конца уверены! Они ошибались: поскольку с этого дня Гриша стал самым нежным и главным помощником из братьев для сестренки.

К этому дню относится и вновь обретенное регулирование сфинктеров. Помимо утреннего стула в постель, прекратившегося на четвертый день, нарушение регулярности писать и какать в течение дня продлилось менее недели. Все в порядке. Гриша снова стал очень веселым, очень предприимчивым, ловким участником игр, его словарный запас поразительно развивается. Он не изображает больше волка, но часто гардует, идентифицируясь с белой лошадью, которая пасется на соседней лужайке, преимущественно когда семья, собравшись вокруг сестренки, охает и ахает, глядя на ее первые улыбки. Тогда восхищаются красивой белой лошадью, и Гриша, совершенно довольный, присоединяется к папе и маме и говорит свое слово малышке, поворачивая к себе ее лицо:

- Смоти Катинка, Гиша, бойсой бат красивый иго-го бей!

И мама выражает восхищение сестренки к большой радости ее брата. Для Гриши большое удовольствие ходить со своим дедушкой или отцом, рука в руке, навещать настоящую белую лошадь, которая жует, ходит туда-сюда, оставляет помет и бегает по лужайке.

Помимо белой лошади у Гриши есть еще два развлечения: он ходит в соседний дом смотреть свиней в хлеву, спектакль, который его завораживает и одновременно немного пугает; и еще, увы, только когда влажно, он ходит искать улиток. Он выставляет их в колонны по две, встает перед ними и командным голосом кричит:

— Яэ! Два! Литки. Гиша лавный литок, яз! два!

Он воинственно идет вперед, поворачивается и давит тех, кто вышел из ряда, довольствуется тем, что ругает других. Бесполезно говорить, что войско не продвигается быстро и скоро, «лавный» давит всех солдат.

Конечно, не бесполезно сказать, что слово «литка», которое означает для Гриши улитку, получило большую ценность для него от девушки, которая мис помогала и уехала вскоре после отпуска, когда родилась сестренка. Она называла «улиткой» пенис мальчишеч, который Жан и Гриша называли своей писькой и смеялись между собой над тем, что Полетта называла письку улиткой. Гриша ей говорил:

— Нет, Полетта, пися писька не литка.

Отметим, что Гриша совсем не говорил об отсутствии пениса у сестры (ему год и девять месяцев при ее рождении). Об этом говорил Жан, ему три с половиной года, он давно хорошо знает разницу между полами. Это он в два с половиной года в детском саду, когда его подружка попросила его пописать при ней, очень галантно удовлетворил ее любопытство и удивился, когда малышка Аньес, поначалу восхищенная, затем в отчаянии воскликнула: «А у меня ее нет, скажи, когда она вырастет?» Жан тогда ответил девочке, обняв ее с нежностью: «Ты знаешь, именно потому, что у тебя этого нет, я тебя люблю, все девочки такие же, мне об этом сказал папа. У пап это есть, но не у мам, они девочки». Я узнала об этой истории почти годичной давности от воспитательницы детского сада Жана. Что не помешало тому, что в последующие за рождением Катинки дни Жан, присутствовавший при туалете сестренки до того, как отпала пуповина, пришел сказать мне:

— Ты знаешь, у моей сестренки есть писька!

— Это невозможно! — сказала мама. — Мне это было забавно.

— Да, да, я ее видел! Она у нее в середине живота, там, где у меня дырка. Нет, нет, мама, я тебя уверяю, у Катинки есть писька! Я знаю, что у девочек ее не бывает, но у Катинки она есть!

Положение вещей ему объяснил на следующее утро папа-доктор во время туалета. История про пуповину и плаценту его очень тронула.

Мне, своей матери, он принес красивый круглый камешек, выбранный им на пляже, который я должна была держать на животе, чтобы вылечить свой кармашек для малышей, и он гладил по запеленатому животу сестренки, чтобы помочь отпасть пуповине, как обещал папа. Тем не менее, он был немного разочарован тем, что его «собственная» сестра не является исключением из закона природы. При первом купании сестры он захотел увидеть своими глазами только что заживший пупок, заговорщически переглядываясь с отцом.

Но вернемся к Грише, который сердцем и телом перенес страдание от рождения сестры и был на пути преодоления испытания. На двадцать первый день от рождения Катинки происходит маленькое семейное событие: купание малышки. Вокруг ванночки, установленной на столе, сиделка, папа, мама, трехлетний брат Жан, бабушка, дедушка и няня, для которой Гриша — любимец и им, впрочем, и останется. Гриша на руках Анриетты тоже хочет посмотреть. Как только малышка в воде, все начинают смеяться, восхищены и растроганы: вы представляете эту сцену... Гриша со скучающим видом подчеркнуто отворачивается от этого спектакля, будто у него кривошее¹, откладывается поворачивать голову на мой зов:

— Не чу (нет, я не хочу).

Он показывает на дверь и говорит:

— Ма утти (я уйти).

Но няня не хочет; Анриетта, его Анриетта восклицает:

— Посмотри же, какая она миленькая, сестренка, смотри, какая она красивая!

Гриша, все еще на ее руках, начинает тогда вырываться, кричит, бьет по ней со всей силы.

— Не, не мотеть, не кавивая, не кавивая Тинка². (Я не хочу смотреть, она не красивая.)

За этим следует каприз крайней степени. На следующую ночь он снова какает в свою постель, как в первые дни. Это происшествие, к счастью, будет последним, продолжения не последует.

С того момента, как Гриша начинает позитивно интересоваться своей сестренкой, по примеру своего брата и взрослых, он приносит все предметы, которые ассоциируются у него с ней, в ее кроватку: коробки от молока, присыпки, щетку, расческу и т. д., все это сбрасывает через загородку, в том числе на голову малышки. Он хочет, чтобы при каждом было то, что ему принадлежит. Его сестре месяц. Кажется, Гриша без труда принял ее и копирует поведение старшего брата, чтобы тот ни делал.

Наступает новый учебный год. Жан идет в школу, к большому отчаянию Гриши. Прострация и реакции протеста чередуются в течение трех дней. Он тоже хочет ходить в школу. Воспитательница Жана не может его взять, он слишком мал. Однажды утром, проснувшись, он просит, чтобы его запеленали, как сестренку, и положили в кровать, и так несколько дней подряд. Я уступаю. К моему большому удивлению, он очень счастлив в таком состоянии, машет руками и ногами, как младенец, изображает мимику умственно отсталого, с чуть высунутым языком и глупым видом. Очень гордый собой, он говорит.

— Ма ка Кати (Я как Кати).

¹ Это близко к мимике Жана при первом кормлении грудью Гриши.

² Она была сначала Ка, потом Катинка, но когда он был в гневе, становилась Тинка.

Он хочет, чтобы я оставалась рядом с ним, я и никто другой, что невозможно. Я обращаю его внимание на то, что я не остаюсь также и у кроватки сестренки. Я обещаю прийти к нему между приемами. Половина десятого. Он так и остается лежать почти час. После чего мне говорят, что он меня зовет. Прихожу. Он говорит монотонно, протяжным речитативом¹: «Мама, мама», бесцветным голосом; он пассивно рад меня видеть, дает себя присасывать. Я предлагаю ему выйти из кровати, он отказывается. Поскольку я могу остаться только на несколько минут, я ему предлагаю книжку с картинками, он отказывается. Тот же прием. Он снова зовет меня спустя полчаса, тем же тоном. Несомненно, ему скучно, я иду. Пол-одиннадцатого. Он очень плохо говорит, я с большим трудом понимаю, что он просит бутылочку. Подая ему, весело предлагаю ему подняться. Он отказывается и снова укладывается, запеленутый от пояса, как маленький ребенок. И так до 11.30. В 11.30 я обнаруживаю его еще больше похожим на младенца, он издает односложные звуки. Он плачет, мокрый. Если я усаживаю его в кровать, он говорит:

— Не могу.

И падает.

— Я Тати (Я Кати).

Тогда я решила прийти ему на помощь, иначе его утянет в регрессию, которая сейчас больше не придает ему гордости (как вначале), но давит на него состоянием немощности, в которое он впал. Я приласкала его, обняла в кроватке, говоря «моя хорошая малышка Катинка». Он снова в блаженстве. Я выпрямляюсь, направляюсь к двери, затем вернувшись с игривым видом, делая вид, что не вижу его, нащупывая его рукой:

— Где мой большой мальчик? Я вижу Катинку, но где Гриша? Где мой большой Гриша?

Тогда, сияющий, снова обретя свой динамизм, он прыжком встал в кровати:

— Вот ин я (вот я).

Я тяну к нему руки. Он бросается в них в полном возбуждении. Я продолжаю игру и говорю:

— Какая хитрая, эта сестричка. А ну-ка иди в свою кроватку, оставь Гришину постель. Ты слишком маленькая для такой большой постели.

И Гриша смеется от всего сердца. Продолжение дня показало, что за это утро регрессии и идентификации с малышкой, от которых он избавился впоследствии, произошел скачок вперед в его развитии. Тем не менее, это утро оставило след в виде легкого заикания.

С этого дня он стал очень хорошо занимать себя сам, пока его брат был в школе, ему нравится помогать по дому; с этого дня начинается его живой интерес к иллюстрированным книгам, до сих пор игнорируемым.

---

¹ Двухтактный речитатив. Согласно анализу взрослых и наблюдениям за детьми, ритм согласуется с внутренним пульсированием.

И — важный факт — он обнаруживает знаменитого целлулоидного пупса, который при его рождении послужил его брату и с того времени редко доставался из угла. Когда малышку вынимали из колыбели, Гриша укладывал туда «своего малыша», укрывал его и, принеся стул, убаюкивал малыша песней. Когда приносили сестру, он частично терял интерес к целлулоидному пупсу и укачивал уже сестру, вместе или без пупса, которого он называл «мой малыш» или «маленький Гиша». Он сам, говорил он, показывая на живот, был «большой Гиша». (Голыш не был назван Катинкой.) Этот же большой Гиша должен был идентифицироваться по любому поводу, факту и жесту с Жаном. Его влюбленная агрессивность по отношению к старшему брату была очень явной, и тот порой громко протестовал:

— О! Но Гриша, оставь меня в покое, я уже ничего не могу делать. Ты забираешь все, с чем я играю, и не играешь с этим!

И правда. Если старший брат уступал, Гриша, удовлетворенный на секунду, тут же начинал страдать, поскольку Жан занимал себя чем-то другим, и это снова искушало Гришу.

Легкое заникание Гриши все еще оставалось, когда сестренке было пять месяцев. В тот момент у меня появилась возможность постоянно находиться с детьми, в связи с коклюшем всех троих нам было рекомендовано пребывание на природе. Соперничество Гриши по отношению к брату оставалось таким же, как я описала. Оба старших все время были вместе. Это вызывало иногда смешные сцены. Утром обливание! Гриша торопился, чтобы быть первым, его положение в семье как второго вызывало у него желание быть первым в любой деятельности, в которой возникает очередь. По прошествии нескольких дней, видя, что Жан не борется за свое место первого, он захотел подождать, как делал Жан. Тогда я решила начать с Жана. Отчаянье Гриши. Если Жан был первым, он также хотел им быть, если Жан был вторым, он также этого хотел. Дошло до того, что, чтобы выйти из этой создаваемой им обструкции, которая смешала нас, было решено говорить не об очередности: первый, второй, а до и после, тогда эти два квалификатора времени не несли бы для него значения верховенства или подчиненности. Система, которая пригодится, заметим по ходу дела, и она была придумана самим Гришой. (Первый, второй — это абсолютно. До, после — это относительно.)

Проблем, связанных с сестренкой, больше не было. Она была окончательно принята; заниматься ею, интересоваться ею было очень увлекательно и больше не вызывало искушения регрессии. Но проблемой оставалось соперничество с Жаном. В этой постоянной жизни на двоих Гриша делал большие успехи через идентификацию с Жаном, но и заникался все больше и больше. Жан совершил рискованные вещи. залезал на перила, носил молоко, держался стоя на подножке маленькой двухместной коляски, взбирался на скалы. Гриша старался ему подражать. Если Жан из осторожности (?) хотел этому противостоять, Гриша кричал в ярости или плакал от отчаяния. Звали маму. Я говорила, что Гриша имеет право делать, как Жан, если может. Но бедный

Гриша, испытав вначале возбуждение от ощущения опасности, звал на помощь и отступался. Этот отказ, навязанный реальностью бессознательной потребности в компенсации, был очень трудным, и каждая неудача такого рода усиливала заикание. Он отказывался от утешения. С помощью этих инцидентов, из-за которых все вокруг были вынуждены обращать внимание на шумное, отчаянное, вспышливое поведение и, таким образом, признавать его (и в то же время они имели тенденцией лишить мать ее власти утешать его), то, чего он добивался, было, с одной стороны, потратить энергию в агрессивной форме и, с другой стороны, компенсировать фрустрацию провала. Одним словом, ситуация была сложной.

Однажды вечером Гриша чуть не онемел от заикания, до такой степени, что я задумалась, а не может ли быть еще хуже. У него произошли две реакции компенсации и агрессивности, объединенные в пищеварении, которые не имели успеха. По всей видимости, он пытался вызвать высвобождающую сцену, но сопровождаемую чувством вины, которое могло бы сорвать ожидаемое освобождение. В течение нескольких дней, узнав из моих слов няне, что у нас «сахара как раз» до конца нашего пребывания на даче¹, он стал просить сахар на завтрак; и поскольку я мягко ему сопротивлялась, он сердился чуть больше с каждым разом. Так обстояли наши дела в вечер сильного приступа заикания. На следующий день во время завтрака Гриша кладет себе два куска сахара, как обычно, и просит у меня еще один, я ему позволяю.

— Еще.

— Сначала съешь, если захочешь еще, посмотрим.

Не съев и начав свою атаку, он начинает плакать, затем беситься, потом снова плакать в обреченном отчаянии. Я решаюсь и говорю ему:

— Ну, хорошо, если ты думаешь, что так будет лучше, возьми все, что нужно, чтобы кофе с молоком был вкусным.

Он берет один, затем второй, затем третий, затем четвертый, затем пятый кусок и одновременно кладет в чашку. Берет еще один и смотрит на меня. Я не обращаю на него внимания. Жан и няня делают, как я. Он размешивает свой кофе, проливая половину, пробует его:

— Он вкусный, — объявляет он, — очень вкусный.

Тогда я говорю:

— Бедный Гриша, которого плохая мама всего лишает. Сегодня Гриша доволен, у него вкусный кофе и тем хуже для остальных.

Но Гриша не доволен. Он не смог создать инцидент, и приторно сладкий кофе остался чуть пригубленным, без единого слова. За обедом Гриша садится на место матери. Я даю ему это сделать, но его места не занимаю, я сажусь на пустующее до этого место. Никакого инцидента. Вечером он садится на свое обычное место, но с мрачным лицом. Он отодвигает суп.

¹ В начале 1947 года мы еще пребывали в периоде ограничений и талонов на питание.

— Ты не хочешь?

— Нет.

Я его убираю. Подходит следующее блюдо:

— Нет голоден.

Я ему не даю. И вдруг:

— Хочет суп.

Увы, его больше нет, но есть еще остальная еда (стоит отметить, что обычно Гриша, как многие дети, не особо жалует суп). Тогда каприз через край: ярость, бьет ногами под столом. Я отвожу его в соседнюю комнату; он сильно бьет ногами в дверь. Я открываю ему дверь и возвращаюсь к столу. Он не решается вернуться. Я говорю, ни к кому не обращаясь:

— Больше супа нет, но есть еще сда. Я разрешаю Грише вернуться, если он оставит гориллу, которая не хотела больше есть и стучала по всей комнате.

Гриша голоден, он воспользовался приглашением после небольшого колебания и вернулся к столу. Никаких санкций. Но после ужина усаживаю Гришу рядом с собой.

— Ты был несчастен, мой милый мальчик, потому что горилла сказала Грише, что мама не любит Гришу, что мама любит Жана. Горилла говорит: Жан злой и мама злая. Бедный Гриша несчастен. Действительно, Жану повезло, что он большой.

Грише жалко себя до слез. Я продолжаю:

— Мама была маленькая, и она выросла. Папа тоже. Все взрослые сначала маленькие. Гориллы глупые. Они думают, что они хитрые, потому что сильные. Горилла, которая говорит только злые вещи, она сильная?

— О да! — отвечает Гриша.

— Тебе тоже нужно быть сильным, — говорю я ему. — Покажи мне, как ты ее отшлепаешь. (Он слегка ударяет меня.) Сильнее, сильнее!

Играем, и мама — это горилла. Я говорю: «Ай, ай!» измененным голосом и в то же время хвалю Гришу своим настоящим. Я говорю: «Давай, сильнее». Гриша очень громко смеется. Жану не нравится, что Гриша меня бьет. Он хочет вмешаться. Я говорю: «Нет, Жан, это Гришина горилла. Она спряталась в маме», — и смеюсь, ударяя в свою очередь Жана. Гриша рад. Приходит няня, которая тоже включается в игру. Я подсказываю, что горилла выбралась из меня; она в шторе, затем в одежде Жана, которая подвергается линчеванию, и оставляю детей играть в эту игру. Когда они устали от смеха и потасовки, я меню свой голос на голос гориллы (*sic*):

— Но я хочу, чтобы все было для меня, ничего для Жана, ничего для Гриши, ничего для Кати, ни для кого.

Нормальным голосом я отвечаю:

— Да, горилла, тебя отшлепают за всех.

Дети со смехом снова идут нападать на меня. Заканчиваем, запыхавшись. Гриша больше почти не заикается. Он красный от удовольствия и расслаблен.

На следующий день мальчик старше Жана на год играет с обоими ребятами и на этот раз, превратность судьбы, слабее по сравнению с другом именно Жан. Тот, единственный ребенок в семье, предпочитает Гришу — или же происходит обратное? Гриша совершенно счастлив. Может быть, для него это осознание более верного взгляда на Жана. Его превосходство больше не абсолютно, Серж способнее, чем Жан, во многих подвижных испытаниях, в частности на качелях. Гриша видит, что Жана не беспокоит ни это превосходство его престижного друга — наоборот, он им восхищается, ни Гришина дружба с ним. И по окончании этого дня, проведенного втроем, Гриша окончательно и бесповоротно вылечился от своего заикания. В последующие дни он справляется с беглым употреблением простого прошедшего времени, имперфекта, простого будущего и будущего со вспомогательным глаголом «aller».

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЭТИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Выработка новой гипотезы

Из этих трех наблюдений за детьми, проявившими то, что грубо называют ревностью и досадой, второе представляет нам случай, ставший патологическим вследствие политики вмешательства взрослых, которые понапрасну хотели навязать старшему социальное поведение позитивной любви, прежде чем его личности было позволено интегрировать без опасности для его равновесия аффективное понятие брата. В то же время, сравнивая два наблюдения за Жаном и Гришей (не принимая во внимание то, что касается для последнего проблемы разницы полов), можно заметить глубинные сходства реакции и в то же время отличия в интенсивности и быстроте процесса.

Акцент ставился чаще всего до настоящего времени на ревности, вызванной фruстрацией по отношению к матери. Старший ребенок, чувствуя себя свергнутым, не примет следующего ребенка, которого будет воспринимать как нежелательного чужака. Конечно, это чувство может сыграть; но может — нет без медиации. С другой стороны, я видела случаи, в которых ребенок вовсе не был свергнут, потому что в любом случае мать мало занималась своими детьми: старший оставался с собственной няней, в то время как забота о новорожденном была поручена медсестре. Однако реакции были того же порядка. Говорят также, что досада от того, что старший не нашел партнера для игр своего возраста, объясняет его поведение по отношению к малышу. Это не совсем так: ребенок хорошо знает, инстинктивно, что малыш рождается совсем маленьким, он не ожидает другого (даже

в случаях, когда взрослый искал ему идеи). Но мысль о малыше или его образное представление (визуальное, слуховое, тактильное и т. д.) и факт из опыта, актуальный, его реального, живого, телесного присутствия в пространстве повседневной жизни, — две совершенно разные вещи.

Пойдем скорее от открытия Фрейда: что либидо связано с принципом удовольствия; кажется, что все происходит, как если бы каждое человеческое существо со дня своего зачатия было детерминировано к расцвету своих генетических виртуальных свойств, т. е. как если бы совокупность его привлекающих и отталкивающих сил непрерывно была нацелена — сам смысл расцвета — на разрядку. В каждом из нас чувство благополучия, биологического удовольствия (физиологического и психологического) связано с фактом существования и ощущения, что мы действуем благоприятно для расцвета собственного существования, тогда как симметрично неблагополучие и естественное неудовольствие проявляются, когда мы ощущаем, что наши действия вступают в противоречие с естественными законами жизни, роста, развития, плодотворности. Сделаем с Фрейдом еще один шаг: именно в том, что ощущается как собственно биopsихологическое и бессознательное благополучие, укореняется первичный нарциссизм. Бессознательное, инстинктивное, невыразимое «чувство либидо», которое отмечает для каждого живого существа то, что соответствует его автономной эволюции согласно его генетическому капиталу, можно сравнить с тем, что представляет на своем уровне развитие растения в завязи, побуждающее ее к реализации полного цикла: рост, созревание, оплодотворение, старение, смерть (можно было бы сказать: «чувство продвигающегося-становящегося в духе своего пола¹»). Все то, идущее изнутри или извне, что будет соответствовать этому чувству, будет восприниматься как биодинамичное, желаемое; все, что чуждо этому чувству, не вступая с ним в противодействие, будет восприниматься как биостатичное, нейтральное без прикрас; все то, что будет направлено на противодействие этому чувству, будет восприниматься как толкающее к инволюции и вызовет у субъекта, борющегося тогда за свою жизнь, защитную агрессию, направленную против агента инволюции. Этот последний процесс способен мобилизовать все инстинктивные силы до такой степени, что может вызвать истощение, бесплодие, смерть: смерть, о которой идет здесь речь, не будучи «вызванной» смертью, как та, что утоляет

¹ Вплоть до смерти.

инстинкты смерти после осуществления желания, но смерть как следствие полного использования имеющихся сил вплоть до исчерпания энергии либидо, поставленной в этом случае на службу защиты нарциссизма.

Однако вследствие первичного психологического процесса человеческое существо идентифицируется со своим окружением. Первый тип любви — это любовь-идентификация: быть, иметь, делать как взрослый — опекун и образец; что ведет к его интроверсии. До рождения младшего у ребенка никогда не было случая почувствовать в себе в периметре своей территории-безопасности дискомфорта, что он должен открыться восприятию другой человеческой формы, менее развитой, чем он. Также идентифицировать себя с объектом внимания и любви никогда не ощущалось им как биодинамическое препятствие. И в той мере, насколько взрослые не стесняли его выражению в плане пищеварения или движения, он никогда не испытывал конфликта между своим позитивным отношением к ним и ощущением того, что есть для него благополучие в развитии как «продвигающегося-становящегося в относящемся к полу духе своего роста».

Когда появляется впервые в поле его аффективности более младший, чем он, и он проявляет себя позитивно по отношению к нему (как вначале Жан), это вступление в контакт обязательно влечет идентификацию или скорее внутреннее движение, искушение участия; оно обязательно будет сублимировано в способе либидо оральной любви-привязанности, расчленяющий способ инкорпорации-интроверсии, который, если речь идет о взрослых, поддерживает нарциссизм в направлении прогрессии, но ведет здесь старшего ребенка к идентификации, воспринимаемой как опасность инволюции. Биодинамическое чувство либидо, будучи таким образом потревожено, незамедлительно вызывает защитный механизм, который в чистом виде без вмешательства взрослых не агрессивен, а нейтрален и составляет попытку пренебречь опасностью, избегая взгляда и интереса к этому загадочному вторжению.

Это может объяснить отрешенный взгляд Гриши, уши, которые не слышат, его прижимание к матери с ошарашенным и отсутствующим видом, нарушение пищеварительных ритмов (направление перистальтики функционирования системы пищеварения может быть обратным, с появлением рвоты; или только ритм может от этого измениться, с потерей аппетита или булимией, запором или диареей).

Аналогично и доза позитивного внимания, оказанного с самого начала Жаном малышу, как следствие идентификации Жана с поведением взрослых (и особенно матери) по отношению к малышу, могла вызвать у него бурную инволюционную регрессию, потерю мышечного тонуса, предбредовое состояние спутанности сознания, болезненный отказ видеть, думать и слышать (болезненный по причине силы, направленной на нейтрализацию в самих местах их проникновения переживаний с инволюционным миметическим эффектом). Эта нейтрализация (или «скотомизация»), эта блокировка чувств, цель которой сделать их недоступными для того, что может быть вредным для субъекта, мне кажется, прекрасно объективируется в одном проявлении: старший ребенок избегает смотреть на реального младенца и при этом не теряет к нему интереса в мысли. Видимое удовольствие, любопытство, светящееся на лице старшего, когда, глядя на взрослых, он может идентифицироваться с ними в их внимании к малышу, хорошо доказывает, что неблагоприятной является не идея малыша, но прямое, визуальное, слуховое, тактильное восприятие его телесной реальности; одним словом, фузия реального образа малыша, который представлен как неспособный на некоторые движения, с бессознательным образом тела большого ребенка, способного самого на эти движения, и это как для образа него самого, статичного, континентного, стоящего на ногах, так и для его функционального динамического образа, кинетически владеющего пространством. Однако именно этот бессознательный образ тела, связанный с фонемами имени, делает присутствующим для ребенка его нарциссизм «продвигающегося-становящегося в духе своего пола».

Здесь ребенок впервые переживает испытание деструктурирующего соблазна. Идентифицироваться со всеми людьми из его окружения всегда было удовольствием, он бросается в этот опыт с бесстрашием. И вот — какая неожиданность! — как опасна игра¹. Ребенок чувствует себя зачарованным, пойманым, захваченным этим инволюционным образом себя, который поглощает его и диссоциирует его от своего образа тела, отчего он теряет свои

¹ Заметим, что младенец, тело которого находится в состоянии функционирования, в состоянии сосания, выделения, рассматриваем старшим с меньшей опасностью. Это полярно и эрогенно динамический образ; именно поэтому у ребенка, уже континентного и способного есть самостоятельно, появляется недержание, и он возвращается часто к пройденному стилю кормления. Этой мимикрии была здесь придана ценность в его глазах (бессознательно) — поскольку ребенок есть ценность для родителей.

приобретения и даже свое «чувствование» (его сенсориум, как сказал бы Пишон); он «забывает себя», он «остраняет себя», и эти первые симптомы являются знаком нарциссической витальной защиты, болезненно переносимого компромисса между активными влечениями к жизни, чьи вкладываемые сенсорные перцепции закрываются перед опасностью, и влечениями к смерти, которые приходят на помощь пассивным влечениям к жизни, дабы усилить инерцию бессознательного образа тела. Остается тогда как последний оплот объект собственно тела, которое нужно предохранить от инволюционного наслаждения, которое рискует вогнать ребенка в мазохизм.

Что происходит отныне общего у этих трех детей в их поведенческих реакциях, даваемых нашими типичными наблюдениями?

Ребенок в биопсихической опасности несчастен даже в самой мере, какой он любит, образом, который был до сих пор его собственным, т. е. в абсолютном. Если любить — это желать «быть другим» или «иметь его для себя» или еще «делать, как он», встреча с новорожденным влечет в плане непосредственных витальных резонансов биологический абсурд, нелепость с точки зрения эволюции. Из этого вытекает ряд следствий, которые все выражают борьбу за право на жизнь, может быть в зачаточном виде, но по меньшей мере отказываясь от интроекции, которая ощущается как разрушающая, деструктурирующая, лишающая образов, стерилизующая. Имеет место одновременно пассивная защита и активная защита — но проявления этих двух типов защиты всегда плохо интерпретируются взрослым, у которого они вызывают тревогу. Взрослый придает интенциональное значение морального толка реакциям враждебности, которые, тем не менее, являются здоровыми, пока диссоциация не была понята, т. е. пока влечения в действии не были субlimированы и символизированы субъектом, который тогда понимает, что «любить» и «идентифицироваться с» не являются неизбежно синонимами. Быть позитивным в аффективном контакте, не подвергаясь при этом опасности энергетической потери, вот задача, которую нужно решать, и которая будет, впрочем, являться таковой лишь после Эдипа, и еще не в полной мере¹. Этот структурирующий этап, называемый этапом ревности, неизбежен, он является знаком умственного развития ребенка перед лицом нового опыта. В зависимости от ребенка

¹ Заметим, что эта проблема есть главный фермент для индивидуальных, групповых динамических проявлений соперничества, и несомненно также коллективных; такова борьба классов.

он более-менее нагляден. Можно утверждать, что чем с большей интенсивностью он проживается (не вызывая реакций нарушения со стороны взрослых), тем больше мы видим впоследствии расцвет сильной и способной к адаптации личности. В этот период ребенку нужно любящее и негласное понимание; особенно необходимо, чтобы взрослые ни в чем не меняли своего отношения к малышу, хотя все же такое отношение заставляет страдать большого ребенка, поскольку оно поддерживает также структурирующее различие означенного ребенка со взрослым, который таким образом дает ему возможность созерцать законченный образ человеческого существа вне опасностей инволюции.

Это соединение или это раздвоение между любовью и идентификацией-интроверсией происходит, впрочем, само собой после более-менее продолжительного времени расстройств в характере и психосоматике. И если ребенку помогают, его понимают и любят в ходе автономного регулирующего процесса, итог будет только позитивным, после фазы, в которой поведение, обусловленное характером, сенсорикой и моторикой, выражает трудный путь между Сциллой и Харибдой. Харибда: идентификация с матерью-кормилицей, которая дает почувствовать старшему переживания, возмутительные для его природы (шок и заикание Жана перед фактом, антифизиологичным для ребенка и тем более для мальчика, чувствовать себя съеденным, как мать малышом; у Гриши стыд от бесплодной попытки родить малыша в кровати, испражняясь при пробуждении, все его убеждает в том, что так сделала его мама, чтобы родить Катиньку). Сцилла: идентификация с грудным ребенком и инволюционная регрессия, которую эта идентификация повлекла (ослабление табу на антропофагию, табу, которое посредством кастрирующего символического укуса является продуктом отнятия от груди в пред-Сверх-Я). Ребенок отталкивает пассивно или активно то, что идет от того и другого, в ожидании, что по мере роста биopsихологическое напряжение поможет ему разрешить дилемму. Из этого вытекает в благоприятных случаях высвобождение автономности поведения со своим функциональным следствием: чувство относительного, коррекция того абсолюта, в котором ребенок жил до сих пор.

Эта мутация либидо составляет начало сублимации оральных и анальных эротических влечений. У всех трех детей хорошо видно приобретение непринужденности в ситуации на троих (социально, диалектически, грамматически), замещающей ситуацию на двоих.

И если наступает эта непринужденность в ситуации на троих, заменяя ситуацию на двоих, то чувство семьи и общества рождено для субъекта. Это было типично для Робера и Жана. Когда не требуется внутренне думать, действовать, жить, говорить, как другие, с кем происходит взаимодействие, можно иметь позитивные социальные отношения без амбивалентности. Можно не иметь еще никакого аффективного отношения с более старшими или более младшими, чем сам, и если они пойдут к тебе, не бояться их приближения. Социальные отношения тогда руководствуются потребностью жить и действовать, т. е. обмениваться словами, жестами, частичными объектами ввиду его внутренних законов развития. Есть кооперация на двоих, на троих или нескольких. Агрессивный отказ a priori от других исчезает, потому что больше нет необходимости защищать целостность образа тела. Каждый чувствует себя сильным собственной силой и идет в направлении, которое он чувствует здоровым для себя самого. Что другие вступают на разные пути или на те же самые, это их дело. Субъект чувствует себя свободным и дает свободу другим. Именно все это позволяет усвоить уроки биопсихического испытания, каким для каждого из нас является переживание любви к меньшему, менее развитому, менее способному, менее сильному, чем мы, и в более широком смысле отличного по росту, форме, динамике, желаниям.

Это испытание необходимо для принятия понятия «другого», и каждое человеческое существо встречает его рано или поздно на своем пути. Приход последующего малыша позволяет рано прожить его и выйти из него освобожденным от необходимости абсолюта в социальных отношениях. И лишь от воспитательной среды зависит дать ребенку доступ к этому внутреннему освобождению, к автономии своего поведения.

Один из интересов этой гипотезы в том, что она позволяет понять отношения между нарциссизмом и социальным чувством. Если Робер пошел по направлению к первверсии или тяжелому нарциссическому неврозу, это значит, что нарушение доверия по отношению к взрослым-родителям подорвало основы главных составляющих Эдипа, которые более не могли встать на место. Страх кастрации — ставший страхом мучилии и инволюции — действовал на первичный нарциссизм без отношения к Эдипу, т. е. к генитальной валоризации отца и матери. И, однако, еще в непосредственной близости к истоку нарушений простые психологические меры смогли его спасти. Позже понадобилось бы долгое психоаналитическое лечение.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВНОСТИ ПРИ РОЖДЕНИИ МЛАДШЕГО. ЕЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ЭДИПЕ

В детской клинике мы констатируем, что все дети, называемые нормальными, представляют или представляли — если окружающие могут вспомнить факты — более или менее серьезные симптомы в характере или психосоматике, совпадающие (но чаще всего эти симптомы оцениваются вне связи с этим событием) с рождением младшего; и эти реакции всегда порядка тех, что описаны выше.

Полное отсутствие внешней негативной реакции столь же серьезно, если не больше, чем большие видимые расстройства. Оно всегда является знаком эмоциональной аннуляции, которая отмечает начало реакции навязчивости или даже начало реакции диссоциации.

В педопсихиатрической и психиатрической клинике констатируют, если углубляться в анамнез, что в большинстве неврозов первые хронические декомпенсации появляются через несколько месяцев после первого «случая» ревности по отношению к более маленькому ребенку, вклинившемуся в трио, состоящее из отца, матери и ребенка, т. е. в первое ядро структурации. Эта ревность очень часто не явлена или проявила инверсионно, т. е. через показательно позитивное отношение, которое, к сожалению, радует родителей. Невроз старшего проявится в момент отнятия от груди, начала хождения, приобретения речи (явное развитие) младшего, — внешне любимого: скрытая ревность в приступе отчаяния, ненависти, неудачи: например, когда младший идет в ту же школу, что и старший, или когда младший имеет успех в социальной жизни или любви.

В реакциях ревности, о которых мы здесь говорили, мы не увидели ясно роль ревности по отношению к младшему в вырабатывающейся эдиповой структурации. Дело в том, что в приведенных наблюдениях никто из детей не достиг возраста трех лет. Нужно знать, мы ежедневно это констатируем, что каждое живое существо (тем более человеческое), оцененное матерью, отцом или другими взрослыми, особенно взрослыми того же пола, принимает в глазах старшего значимость объекта желания либидо для взрослого-образца, о ком идет речь (опора идеального образа себя для ребенка). Ребенок интерпретирует это желание взрослого начиная со стадии либидо, где он сам оказывается естественно включен в желание следующей стадии, о котором у него есть интуитивное понятие (чувство либидо того, что желание нацелено на недостижимый символический фаллос). Это желание, стало быть, находится для него в связи с оральным

и анальным эротизмом: малыш — это красивая пища, малыш — красивый экскремент, драгоценный фетиш дополнительного объекта желания, такой, каким ребенок представляет его себе в данное время.

Если для взрослого само присутствие младенца является источником радости и аффективной полноты (через эмоциональную сублимацию орального либидо), а малыш — это образец, который нужно любить, предложенный старшему. Он, взрослый — образец любящего, гид в искусстве жить, — лелеет это странное беззубое и бессловесное создание. Значит, я тоже должен его любить, думает старший.

Однако до появления этого младенца в родительской паре и в семье любимым соперником всегда был старший брат или сестра или взрослый; и в случае сексуально здоровых родителей это был взрослый родитель другого пола. Одним словом, желаемым объединением в пару была пара взрослых, ребенок идентифицировал себя с первосценой, живым плодом которой он является. Это генитально-генитальное объединение в пару взрослых разных полов, интуитивное представление о котором у него в любое время жизни есть в душе и которое он любит метафоризировать в хорошо известном жесте приблизить к своему лицу оба лица своих родителей в моменты своей нежности, это объединение в пару поддерживает «для него» его желание продвигающегося-становящегося взрослым по их образу и элективную любовь-привязанность к папе-маме, неразделимых биопсихически и от его источника либидо и его нарциссической целостности.

С появлением младшего реальность либидо, взаимная привлекательность взрослых из родительской пары, может быть свергнута с пьедестала важностью, какую вносит для родителей радостью, страхом или расстройствами новое рождение; этого младенца, образ которого иногда инволюционный, если новорожденный — девочка, а предыдущий ребенок — мальчик, сверх того подвергнут мучениям с точки зрения ребенка, который выводит из наблюдения голого ребенка опасность сексуальной мучения (интерпретируемой в соответствии с критериями осуществления или фрустрации орального или анального желания или фрустрации, касающейся удовольствия или эрогенной зоны, находящейся самой в опасности, неизменно в соответствии с фантазиями этих архаичных стадий). Иначе говоря, кажется не заслуживающей внимания сама ценность пола, если она не поддержана тем, что ребенок интуитивно ощущает о взаимном желании родителей, остающихся любовниками.

Вывод

Рождение младшего (каким бы образом оно ни было подготовлено) возникает, как неожиданная гроза в ясном небе, где отец и мать, соответственно солнце и земля, служили межотношеческими опорами в осевой вертикальности живого и неживого мира, где ребенок знал себя в безопасности в своем образе тела.

Тем не менее, именно благодаря этому событию, рождению младшего, ребенок, который тут же становится старшим, в норме более или менее долго выбитый из колеи, сможет вследствие самого потрясения, вызванного этим рождением, преодолеть опасность эротической любви-привязанности и фетиша, которая подстерегает человеческое существо.

Принадлежность к миру человеческих отношений позволяет преодолеть испытание фантазмами, интегрируя урок риска, что выражается во внезапном появлении грамматического синтаксиса прошедшего времени и будущего, относительных местоимений, подчиненных предложений, словаря, памяти (ядерная черта Я, более не пространственная иллюзия, но темпоральная специфического нарциссизма каждого человеческого существа).

Педопсихиатрическая клиника учит нас, наконец, что эта гроза может обратиться в катаклизм, когда здоровые реакции адаптации ребенка к рождению младшего пробуждают страх, порицание и отталкивание со стороны взрослых, тех самых взрослых, от которых зависит структура, с необходимостью и на время расстроенная.

Этот катаклизм, его можно понять только в эдиповых терминах у взрослого и большого ребенка в то время, когда он спровоцирует *a posteriori* этическое обесценивание генитальной диалектики в начале Эдипа.

Мы закончим, возвав к человеческому и клиническому опыту всех тех, кто нас читает, призывая их поразмыслить над особенностями характера, если не сказать неврозом характера, «единственных» детей, воспитанных вне соперничества с младшим и вне столкновения с ревнивой, но созидающей агрессивностью близкого старшего: у них всегда обнаруживаются следы латентного страдания от непреодоленной ревности, орально и анально смешенного с их генитальностью.

**ПРОФИЛАКТИКА ЛЖИ В ВОСПИТАНИИ
(1947г)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1947: Prophylaxie du mensonge dans l'éducation [машинописная копия]. // A.A.D.F.D. — Рукопись. — [1947.] — 6 р.

Текст представляет собой тезисные записи выступления Ф. Дольто на педагогическом конгрессе. Тему лжи Дольто также затрагивает в статье «Как излечить от вранья» (1946с).

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.
На русском языке публикуется впервые.

— К

огда ищешь что-то большее, чем рецепт, имеющий ценность для одного случая, оказываешься перед очень обширной и очень трудной темой.

— Ложь — термин статичной психологии; чтобы понять настоящий смысл, нужно обратиться к его этимологии, даже к фонемам.

Литтэр¹: лгать — это говорить ложную вещь в полном сознании и с целью обмануть.

Однако 1) разграничение между правдой и ложью очень важно в детстве. Что является ложью для взрослого, может быть правдой для ребенка;

2) ложь, такая, как она определяется, требует полной ответственности за себя. Быть ответственным — это иметь интенцию к акту, быть объектом механизма, который привел к его осуществлению, и взять на себя полностью ответственность за последствия;

3) чтобы ложь имела место быть, инициативой действия должен быть обман. Однако почти всегда этой цели не существует.

— Во лжи есть связь себя с миром.

— Для ребенка быть удовлетворенным миром = быть в расширенном состоянии, быть неудовлетворенным = быть сжатым.

Когда ребенок выражает что-то, его нет, он не чувствует себя. Ибо он не может действовать и чувствовать себя одновременно. Пример: младенец, который сосет, или тот, кто пробует вино. Он весь у себя во рту. У него существует лишь внутренний образ того, что он в настоящее время вводит внутрь.

— Для ребенка не говорить правду не означает говорить ложь, потому что у него нет осознания критерия правды.

Пример: Катрин, полтора года: «папа здесь», в то время как его нет. Нужно сказать, что он здесь, потому что когда она говорит это, он здесь. Это необходимо, чтобы обрести радость быть.

Второй пример: мы идем на ферму, где есть поросыта. Но поросят загнали. Она говорит, что «поросыта не спят», глядя на особу, которая ее сопровождает. Если она смотрит на стойло, их

¹ Словарь французского языка.

там нет. Тогда взгляд быстро отводится от этого явного отсутствия, и она смотрит на особу, говоря «они здесь», и ее мимика выражает утешение, даваемое этим разделенным утверждением. То, что она слушает, и что мы слушаем, свидетель, что слышит, именно это является правдой.

— Это важно для эксгибиционизма. Это свидетельство, которое не чувствуют значимым, но которое им становится на секунду в то время как на тебя самого смотрит и слушает другой.

— Ребенок говорит, что «не боится», чтобы снять ощущение страха.

— Другой ребенок 2,5 лет добавлял фразу «если это правда» ко всему, что он говорил воображаемого.

— Жан 4-х лет сказал неправду. «Почему ты не сказал правду?» — «Чтобы это было больше правдивым».

— Умный ребенок 5 лет. Прилив скрыл скалы. «Море уйдет, и мы увидим скалы». Я объясняю, что мы не сможем их увидеть до нашего отъезда и т. д... Тогда ребенок говорит: «Я скажу Папе, что Мама не хочет, чтобы море ушло».

КАК ПРИМЕНЯТЬ В ЭТОМ ВОЗРАСТЕ ИДЕЮ ПРОФИЛАКТИКИ ЛЖИ?

Для рабочих: есть способ требовать правду, которая вызывает ложь. Всякий раз, как ребенок говорит что-то, это для него правда.

История Франсуа и занавесей.

Отношение отца правильное.

Отношение матери было таково, что ребенок смог вынести наказание. Для того чтобы действие было полностью одобрено и принесло богатство прожитого опыта, нужно, чтобы действие было принято во всех своих последствиях. Ребенок любит себя в своей интенции, но не любит себя в результатах.

— Проблема вины до ответственности.

Есть правило в обществе, что взрослый мешает ребенку действовать в некоторых направлениях (это идет от страха смерти).

— Чтобы субъект смог принять искренность, нужно, чтобы он усвоил смысл различия между *внутренней виноватостью* (внутренняя виноватость есть переживание торможения побуждения. Это образ последствия действия или желание избежать неблагоприятного опыта, который принесет торможение этого действия вплоть до побуждения) и *ответственностью*.

— Нужно, чтобы субъект мог осуществлять свои опыты, чувствуя себя любимым и одобряемым внутренне, но не одобряемым внешне: неодобрение его рук, того, что есть дикого... и т. п... таким образом, чтобы ядро его личности не было затронуто.

— Нужно, кроме этого, найти компенсацию, т. е. законное энергетическое средство выразить потребность, скрытую во лжи. Как только у ребенка есть желание что-то сделать, он может это делать с молчаливого разрешения взрослого.

— Первый этап — это отсутствие виноватости и смысл reparации. Ложь — это количество, которым можно пренебречь.

— Ложь, которую надо лечить (после 7 лет, момент, когда ребенок живет в обществе): почти всегда речь идет об утилитарной лжи.

Есть два вида патологической лжи: мифоманьячная ложь и перверская ложь.

1) утилитарная ложь есть продолжение той, о которой мы говорили. Она выражает право сохранить свободу.

— Ребенок скрывает действие, которое он совершил, потому что боялся.

— Не следует в особенности говорить: «Скажи мне правду, я не буду тебя ругать». Это аморально или неморально. Ибо это имплицитно выразить, что факт, о котором идет речь, не заслуживает социальной санкции и тогда зачем требовать признания, или он заслуживает санкции и в чем признание изменит этот факт? И т. д...

— Нужно рассмотреть действие ребенка со свидетелем или без свидетеля:

Без свидетеля: побуждение к акту соответствует потребности осуществиться. Побуждение воспринимается как хорошее. Ребенок переполнен. Осуществление приносит удовлетворение. Действие для него завершено, больше нет свободного либидо. Но, может быть, имеются следы и свидетелю нанесен ущерб.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ: однако даже когда свидетель не опасен, констатируют, что животные и совсем маленькие дети идут в угол, чтобы поесть, например. Даже если предмет не запрещен. Например, Гриша и фрукты. Дело в том, что свидетель никогда не является нейтральным для ребенка, он завладевает частью энергии. А ребенок предпочитает иметь всю энергию, чтобы наслаждаться одному. У ребенка со свидетелем идет обмен. Этот обмен забирает энергию в случаях, когда свидетель либо превосходит, либо ниже, или свидетель, который не делает то же самое, что и он, в то же самое

время. Это источник анорексий. Нет потерянной энергии, когда нет «воображаемого» взгляда.

СТЕСНЯЮЩИЙ СВИДЕТЕЛЬ: история с ударом током. Отец запретил трогать, потому что боялся несчастного случая. Чувство вины возникло из ассоциации между неблагоприятным опытом (плохой результат опыта) и запретом отца. Плохой результат был воспринят как наказание.

— Пример запрещения произнесения некоторых слов. Вина распространяется на все слова. Нужно дать понять ребенку, что это плохо не потому, что он их говорит, но по причине эффекта, производимого на других.

Кому лжет ребенок?

Не другому, а проекции самого себя.

ВВЕДЕННЫЙ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ НАСТАВНИК: ребенок чувствует себя виновным, потому что наставник стал меньше, он больше не наставник¹.

Тот, кто ниже ЕГО: лгать тому, кто ниже, делает действие менее приятным. Будет ощущение стабильности, но не эйфории.

РАВНЫЙ: это драматично. Ибо лгать товарищу — это имплицировать, что он его предаст. Это поставить его в положение ниже.

— В диалектике акта, который принес приятное, ложь уменьшает эйфорию от опыта. Индивид все более и более изолируется, и все больше и больше теряется энергии. Есть существа, заблокированные ложью: лжецы, связанные своей ложью.

2) Миформания

- Патология социального человека, не находящего ничего общего с другими. Он зафиксирован на оральном периоде.

- Из-за чувства беспомощности вместо того, чтобы выражать свои потребности в двигательной жизни, он их воображает. Внутренний персонаж становится его свидетелем. Он образует общество для себя одного. Дело в том, что между 6 месяцами и двумя годами ему не давали действовать.

- Пример: калеки, которые развили более значительное интеллектуальное понимание.

¹ [Игра слов: supérieur как существительное — наставник (он больше не наставник), как прилагательное — находящийся выше (он больше не выше).]

3) Извращенцы

• Лжет ли он из удовольствия навредить? Нет. Он вычеркнут из общества, потому что это существо, которое хотело бы порождать в обществе, достигнув генитальной стадии. Он маневрирует самим обществом, он создает новые ситуации. Это очень сильное существо с интеллектуальной точки зрения, импотентное с аффективной и активной точки зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце концов более нет лжи. Есть обманутые люди, и они разозлены.

У каждого разные перспективы. Нужно, чтобы ребенок понял, что каждый прав, не пытаясь понять, в чем другой прав.

Когда тебя рождает твоя семья, не ищешь цель доставить удовольствие. Подчиняешься только идее, которая у тебя есть относительно твоих глубинных побуждений, твоего призыва.

**Кризисы детства
(1947г)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1947: Crises de l'enfance. // A.A.D.F.D. — Boite 34. — B-Pochette. — Машино-
пись. — 12 juillet 1947. — 4 p.

1994: Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. — Paris: Gallimard,
1994. — Р. 227—230.

Дольто показывает проблемы, возникающие из-за расхождения требований взрослых и жизненного опыта ребенка. Особенно это проявляется в возрастных кризисах, которые больше выражают особенности воспитательных установок, нежели природную необходимость в эволюции человека. Детство — период, наполненный испытаниями. Успешное их прохождение в семейной среде, поддержка в трудных ситуациях помогают ребенку формировать в себе любовь к жизни и другим людям.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

В каждом из нас все время происходят изменения. И в нашем современном обществе у нас создается впечатление, как все дети переживают кризисы, имеющие две стороны. С одной стороны, физические изменения, соответствующие росту, с другой — психологические нарушения, и те и другие сопровождаются изменениями в характере. Наша двойная натура переплетена как нить и основа ткани. Эти периоды нарушений следуют друг за другом в возрасте около шести месяцев, возрасте первых зубов, от шести до десяти месяцев, возрасте отнятия от груди, от года трех месяцев до полутора лет, возрасте начала ходьбы, с трех до четырех лет, возрасте социальных контактов с первыми товарищами, с семи до восьми лет, в т. н. возрасте разума, соответствующем личным моральным суждениям относительно интенций действий — независимо от эффекта — и в возрасте достаточно четкого различия между мечтой и реальностью (это различие — будет ли оно когда-нибудь полным?), наконец, от двенадцати до тринадцати лет, возрасте пубертатного созревания. У меня сформировалось убеждение, что если эти последовательные стадии эволюции провоцируют то, что называют кризисами, данный факт гораздо более вменяется установке в реагировании и воспитании взрослых, нежели реальной необходимости, внутренне присущей человеческой натуре.

Следовало бы в некоторой степени пересмотреть всю нашу систему воспитания, и в этом нам очень помогают новые современные науки — психоанализ, типология и физиогномика (изучение характера по телу и лицу). Всякий раз, как мне приходилось разрешать кризисы у детей, речь шла о детях, не знаящих, как сделать так, чтобы соединить их способ чувствовать с моральным смыслом или скорее с моральным псевдо-смыслом более инфантильного возраста, от которого они боялись уйти из-за чувства вины, потому что считали, что причиняют родителям боль, вырастая.

Мы с трудом выдерживаем, замечая, что наши дети страдают, мы очень переживаем, видя, что им может быть нанесен малейший вред. Мы хотели бы, чтобы они действовали так, как люди действуют, имея опыт, но когда этот опыт не приобретается нами самими, мы представляем собой тряпичную куклу без характера. Нам хотелось бы, чтобы наши дети всегда были довольны жизнью, которую мы им

дали, и своим образом жизни в нашем очаге. Когда они выражают страдание каким-либо из средств, имеющихся в их распоряжении, плачем, криками, жестами, мы, не зная, как им помочь, заключаем, что это злобность с их стороны. Мы не объясняем себе это поведение, мы требуем, чтобы они его утаивали. Ребенок не голоден, он должен вести себя так, как будто хочет есть. Он не хочет спать, но должен делать вид, как будто он этого хочет. Нужно, чтобы он опорожнял мочевой пузырь и кишечник в фиксированное время под предлогом чистоплотности задолго до того, как у него сформируется нервная система. Мы ему навязываем «хорошие» привычки, которые есть всего-навсего насилие над его свободой жить, привычки, не представляющие никакого морального интереса, но их ребенок считает очень важными, потому что у него неприятности, если он им не подчиняется. Ребенок такого возраста должен делать, говорить, думать, чувствовать вот так или эдак. Такие-то вещи «его не касаются», а вот эти должны его интересовать. Ложь произнесенная — вещь ужасная, но мы лжем ему и заставляем его лгать нам, чтобы доставить нам удовольствие своим молчанием, своей скромностью, своей вежливостью — и все это задолго до того, как он достигнет своим собственным развитием социального возраста. Материальная кража — вещь очень порицаемая, но мы его учим, что хорошо присвоить себе наш способ говорить, думать, действовать, а не создавать для себя свою собственную личность. Нужно, чтобы он взял у нас результат нашего опыта, но чтобы он с уважением относился к деньгам, результату нашей работы. Он должен с нами делиться всеми своими заботами, а ему мы говорим, что наши проблемы его не касаются, в то время как он их, откровенно говоря, почти всегда очень хорошо понимает. Значит и в этом тоже, вместо того, чтобы вступать в обмены (обмены = жизнь), он обкраден. Он нам отдал бы сердце, свои потребности, свои мысли, а мы ему дали бы только наше материальное присутствие. Иногда, так бывает на самом деле, родителям не приходит на ум, что их ребенок больше не малыш или что он уже хотел бы быть ответственным, или что он чувствует себя у них несчастным, в то время как «у него есть все, чтобы быть счастливым». Иногда ребенок сам чувствовал себя в затруднении, потому что потерял интерес, вкус, удовольствие от дружбы, игр, чтения, что раньше ему нравилось. И он начинал тогда, например, судить людей и хотел бы удержаться от этого. У него возникали серьезные вопросы о жизни и обществе, а он не должен был этого делать по мнению своего окружения; или же ему хотелось бы нежности, что считается неуместным в его возрасте, или

участвовать в игре на смелость или в играх на воздухе, и мы не были готовы к тому, что он этого хочет, в соответствии с типом воспитания, который до сих пор ребенок выносил.

Короче, мы, взрослые, искусственно помещаем детей в ряд меняющих друг друга форм, своего рода моральный гипс. Но тогда, если бы не было кризисов, обусловленных нашей системой воспитания, был бы ребенок идеальным в своем поведении и всегда счастливым?⁷ Нет, ребенок не рождается ни хорошим, ни плохим. Он рождается с потребностью жить в разных планах: инстинкты, аффективность, психика и стремление всем своим существом к абсолюту.

Очень рано жизнь ему навязывает испытания. Эти испытания приносят ему страдания, которые он должен пережить, над которыми должен одержать победу после того, как принял их неизбежность. Испытание рождением, испытание голодом, жаждой, испытание трудностями пищеварения, испытания ограничением аппетита, испытания прорезыванием зубов и агрессивными инстинктами, сопровождающими страдание, испытание законами природы, холодом, теплом, тяжестью, твердостью вещей, материальными опасностями.

В моральном плане испытание всеми разлуками со всем тем, что нам приятно, со всеми теми, кого мы любим, испытание временем, которое проходит, и пространством, отделяющим нас от того или тех, с чем и кем мы хотели бы соединиться, испытание усталостью. Испытание смертью дорогих людей, вечным ускользанием вещей, других людей и самого себя. Испытание почувствовать себя слабым, завидующим другим, испытание любить существа, которые быстро нас разочаровывают, потому что ребенок живет в абсолютном, и ему нужно научиться относительному.

Серьезное моральное испытание открыть, что добро не всегда вознаграждается, что зло не всегда наказывается, что взрослые поступают иначе, чем об этом говорят, что мир судит лишь действия и недооценивает намерения. Испытание заставлять страдать тех, кого любишь, когда они хотели бы ствлечь вас от внутреннего призыва жить иначе, чем они того желают. Испытание обнаружить свою абсурдность и захотеть оправдать разумом действия и чувства более сильные, чем разум. Испытания, испытания...

Детство — это период, где их больше всего бывает. Разочарование от жизни, разочарование от самого себя, разочарование от взрослых. Отказ от того, что можно найти что-то верное, устойчивое, совершенное. Наши родители, наши учителя, наши друзья, все взрослые,

каковыми бы ни были их функции, почетными или священными, всегда искушаемы, греховны, как и они сами.

Сколько испытаний! И мы, обеспокоенные взрослые, которые хотели бы, чтобы ничего этого не было, чтобы все это не препятствовало работе в школе, вежливости, откровенности, смелости, жизненному порыву, психическому и физическому здоровью. Если все эти испытания пережиты в семейной среде и разрешены успешно, тогда вступление в сексуальную зрелость является расцветом. Если, напротив, испытания не были приняты, от них отказались, их избежали, это новое привнесение динамизма, вместо того, чтобы дать ребенку доверие к себе, погружает его в еще большую растерянность. И все проблемы возникнут вновь, те же самые, но вне семьи. Если вместо того, чтобы упрекать ребенка в ошибках, мы с уважением отнесемся к его испытаниям, мы будем любить его в его провалах, мы, когда он нас об этом попросит, поможем ему обрести только в нем самом, в его собственной натуре доверие, чтобы преодолеть препятствие, когда он захочет его преодолеть, тогда мы увидим, как наши малыши будут раскрываться день ото дня, их борьба с собой будет всегда плодотворной. С самого малого возраста они откроют любовь к жизни, помимо страдания, любовь к себе, помимо своих неудач, и любовь к другим, помимо разочарований, которые те ему причиняют. Мы бы из них сделали христиан.

**ДЬЯВОЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РЕБЕНКА
(1948а [1947])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1947: Analyse des dessins de trios enfants. // A.A.D.F.D. — Boite-25. — Машинопись. — 15 dec. 1947. [+ Машинопись с исправлениями и рукописные листы — 12 декабря 1947. — 15 стр.]

1948: Le diable chez l'enfant. // Satan. / Études carmélitaines. — Paris: Desclée de Brouwer, 1948. — Р. 429—441.

1986: Idem. // Dolto, F. La difficulté de vivre. — Paris: Vertiges du Nord/Carrere, 1986. — Р. 189—203. [Без рисунков.]

1995: Idem. // Dolto, F. La difficulté de vivre. — Paris: Gallimard, 1995. — Р. 177—193.

Ф. Дольто начинает статью с анализа нескольких детских рисунков, на которых представлены дьявол, чудовища, животные монстры. Тема дьявола открывается ребенку, когда он переживает конфликты своих внутренних состояний, конфликты желаний и требований внешнего мира взрослых. Сила этого конфликта может быть ассоциирована с персонажами фантазий и выражаться в различных пугающих формах. Противоречия, лежащие в природе каждого, воспринимаются как опасности, которые, однако, не прямо связаны с реальными опасностями.

Дольто показывает также связь персонажей детских фантазий со стадиями психосексуального развития. Чудовища, возникающие в детской фантазии, отражают напряжения желаний на пути достижения объекта и пугают своей силой. Победить чудовище в рассказах детей и мифологии — значит овладеть желаниями и поставить их себе на службу. Такое внутреннее противоборство создает в ребенке первичные представления о Добре и Зле.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Анализ рисунков трех детей

Рисунки 1 и 2 — вот два рисунка мальчика одиннадцати лет. Он их принес, один закрывает другим таким образом, что их наложение дает нам картинку, на которой мы видим рога дьявола № 1, красного цвета из углов (бессознательная карикатура отца), которые служат рогами дьявола желтого цвета круглой формы (бессознательная карикатура матери). Пара рогов для двух дьявольских масок, спаренных таким неблагоприятным образом. Ребенок принес эти рисунки к концу его психического восстановления.

У этого ребенка были глубокие нарушения в социальном поведении: воровство, ложь, недисциплинированность, негативизм, полная неуспеваемость в школе, и в его индивидуальном поведении: удовольствие подвергать себя на улице смертельному риску (падение с парапета моста не сделало его осторожным), потребность проводить время у себя дома, лежа на животе на полу, ничем не занимаясь. Все эти нарушения наступили внезапно во время его контакта со свободным воспитанием «нового шестого». Этот ребенок, до сих пор очень хороший ученик, усидчивый, боязливый, дисциплинированный, очень послушный и крайне вежливый, был посажен в силу самих своих качеств, из-за которых его оценили как хорошего, в новый шестой класс с тем, чтобы повысить скорее слабый уровень этого экспериментального класса, открывшегося в тот год в некоторых лицеях.

Способ преподавания, обращенный более к креативности у детей, чем к послушанию или психическому рабскому повиновению, глубоко потряс представление о Добре и Зле, сложившееся у него до сих пор. Предпринятое с ребенком изучение бессознательного подобия, существующего между этими двумя лицами дьявола и лицом каждого из родителей, открыло нам существование внутренней растерянности. Идеал Добра и Зла, выстроенный в семейном климате, стал противостоять этому новому идеалу, более широкому, где послушание не было главным достоинством, угрожающему перевернуть старую шкалу моральных ценностей. За правом действовать, работать одному или в группе, наблюдать жизнь, ребенок чувствовал, как в нем пробуждаются его желания любознательности, свободы, застопоренные

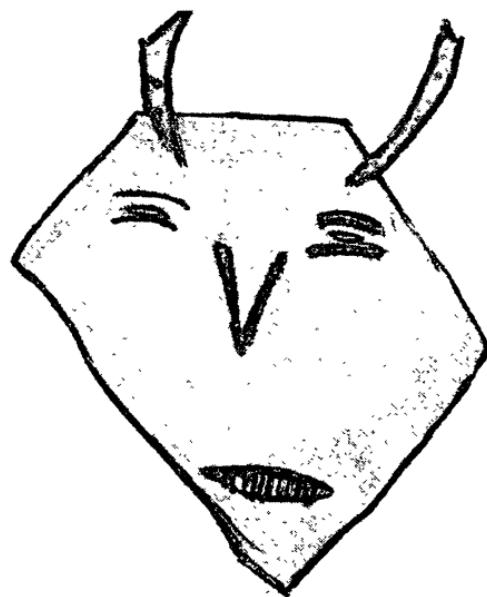

Рисунок 1

Рисунок 2

с малого возраста во имя воспитательных принципов, связанных с религиозными привычками в семье. Свободно сотрудничать с другими и с учителем, чтобы провести урок, было идеалом учеников нового шестого. Это представляло большую опасность по отношению к прежнему идеалу робота-раба. Эти рисунки представляли в виде черт демона плохих советников. Слушать их ему казалось хорошим, но это удовлетворительное совершенство в узком семейном климате было лишь иллюзией. Достижение этого результата маленького примерного мальчика, такого же «разумного», как «взрослый», довело его до беспомощности в любом внесемейном обществе.

Рисунок 3 — этот рисунок сделан мальчиком девяти лет, страдающим энурезом, по причине которого он был послан ко мне. Его характер, внешне непатологический, — сама мягкость и чувствительность. Он очень «разумный», выражается как взрослый, интеллектуально очень способный, о нем говорят, что он ленивый, безразличен к работе. Он очень спокойный. У него хроническая астма с детства. У него бедная мимика, ведет себя чопорно, очень вежливо.

На его рисунке чудовище с огромными зубами. У него позвоночник в форме зубьев пилы, на морде сверху три рога; зеленая орифlamma, которой он украшен, есть знак свободы, которую зверь себе позволяет в воображаемом мире, созданном ребенком, в глубинах земли. Это чудовище — хранитель несметных сокровищ.

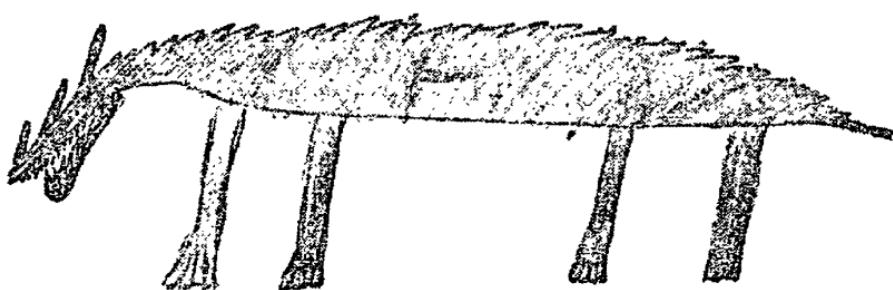

Рисунок 3

Обратите внимание на напряженность четырех лап по сравнению со сдерживаемой и агрессивной энергией, выражаемой зубьями позвоночника.

Этот слишком послушный ребенок, ненастоящий взрослый, нам говорит при анализе рисунка о своем желании шуметь, лазать всюду, желание, обузданное с детства и понимаемое как Зло для него, потому что это бы помешало работе его отца и огорчило родителей, к которым он испытывал большую любовь. Внутренняя опасность, заключенная в глубинах его физиологической натуры, выражается в чертах чудовища-животного. Угрызения совести любящего ребенка, обостренные очень живой чувствительностью, плохо управляемой родителями, которые любят покой и мало понимают потребности ребенка, заставляют его принимать естественные импульсы своего раннего детства как пагубные. Поскольку эти импульсы шуметь, бегать, играть, танцевать, делать беспорядочные движения вызывают плохую оценку его родителей, т. е. его сознания добра и зла, он от них отказался еще до того, как смог сублимировать жизненную энергию, выражаемую этими проявлениями. Опасное чудовище — это его динамизм, запертый в глубине его личности и хранящий психоаффективные богатства в плену без пользы.

Рисунки 4, 5 и 6 — три рисунка одного и того же ребенка, мальчика, поведение которого адаптировано к жизни. Рисунки 4 и 5 были сделаны в год одиннадцать месяцев, рисунок 6 в два года восемь месяцев. Возможно, они смогут нас просветить больше об эволюции, которая происходит от идеи существа с чудовищными инстинктами к проекции этой идеи в чудовище-животном, затем в дьяволе с человеческой головой на теле чудовища или без тела. Мне хотелось бы, чтобы другие терапевты собирали графические выражения самых маленьких детей, чтобы психологи могли глубоко изучить проблему опасных элементов (влечения, аффекты, переживания), спроектированных в графической форме.

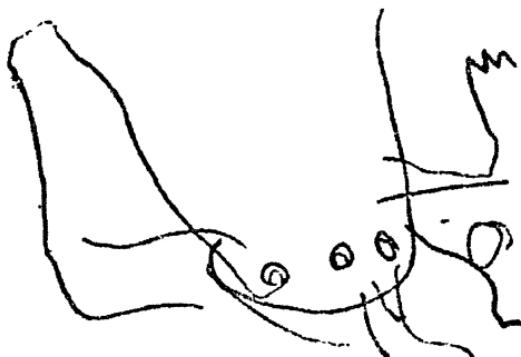

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 4 в сравнении с рисунком 5 показывает нам форму с гибкими, идущими вверх линиями, выходящими даже за пределы бумаги. Ребенок зовет его ангелом.

Форма, которой он дает имя дьявола, представляет верхнюю линию в виде зубьев пилы (похожую на позвоночник чудовища на рисунке 3), нижние и боковые продолжения — как очень расходящиеся, скорее агрессивные.

Форма, именуемая «дьяволом», включает три маленьких круга, интерпретируемые ребенком как глаза дьявола. Каждый из глаз смотрит в разном направлении; кажется, что они снабжены мандибулами¹.

В форме, именуемой «ангелом», три глаза центрированы, и черты, которые могли бы быть мандибулами головы с тремя глазами, не расходятся. Это нечто, вроде антенн или мандибул, кажется находящимся на службе данной гомогенной визуальной группы.

Рисунок 6, в котором некоторые увидят голову мертвеца, не был задуман ребенком (два с половиной года) как таковой. Для него это «дьявол», и он сказал, после того как нарисовал: «Здесь нечего бояться, потому что это рисунок..., но если бы это было правдой...» — и больше ничего не добавил. Ужас этой придуманной и воображаемой формы происходит для него оттого, что она напоминает человеческое лицо, снаженное пятью этажами челюстей. Однако для психоаналитиков психофизиология ребенка двух с половиной лет управляема формой либидо (физиологическая энергия), квалифицируемой

¹ [Мандибулы — челюсти.]

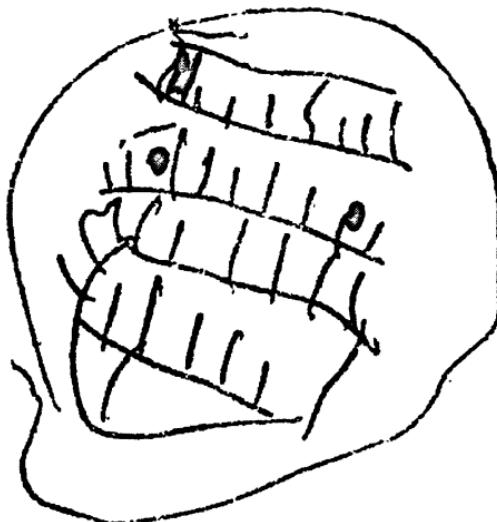

Рисунок 6

как оральная агрессивная¹. В лице человека, освобожденного от тела, центрирующего огромную энергию, выражаются амбиции ребенка в этом возрасте, крайне властное желание стать большим, желание, еще более усиленное присутствием нового человека — маленького брата. Стать взрослым, подражать взрослым вместо того, чтобы быть ребенком, довольным своим неловким телом, вот внутренняя опасность, враждебная гордость, которую этот ребенок чувствовал в себе. Он чувствовал себя пожиравшим (все эти зубы) желанием все понять; но понять означает в этом возрасте поедать, обладать, будучи самым сильным. Свести все, что он видит (обоими глазами) в элементы, ассилируемые интеллектуально, желать быть в пять раз более агрессивным, чем это может его натура.

ИДЕЯ ДЬЯВОЛА В ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дети испытывают на себе мир взрослых и реагируют на него. Так, идея существования дьявола, слово дьявол, рано употребляемое в их словаре, не должно нас удивлять. Разве мы не видим в наименее

¹ То есть его энергия жить, расти полностью зависит от инстинкта питания, базового инстинкта в этом возрасте. Люди, которых он любит, — те, что дают ему поесть. Его способ познания — положить в рот или взять руками и растереть (как зубами). Он еще не осознает, что хочет выполнить, произвести, сделать, но хорошо понимает, что хочет взять, получить, иметь.

христианских семьях, как взрослые намекают на мысль о дьяволе при шалостях ребенка, хотя для них это слово лишено любого метафизического смысла?

Редко бывает, чтобы ребенок ассоциировал дьявола с фантастическими персонажами воображаемого мира. Это отдельный персонаж вне всякой связи с рождественским Дедом Морозом, феями, ни даже с колдунами и колдуньями. Вокруг него витает понятие беспокоящей опасности и неблагоприятного действия, возникающих без всякого посредничества, даже без приворотного зелья или волшебной палочки.

Колдуны и феи, вмешивающиеся в жизнь людей, появляются из своих стран, или люди отправляются к ним. Что касается дьявола, он не прибывает из какой-либо страны, кажется, что он появился ниоткуда, т. е. от себя самого или отовсюду, из желаний; он обитает не в стране, но в состоянии жара, в том состоянии, где горят никогда не утоленные желания. Дьявол навязчив, он хочет схватить ребенка, поработить страхом, он является для него ощущением-шоком, который потрясает его аффективное равновесие.

Дети — и в этом они большие философы — полагают, что о дьяволе начинают говорить, когда испытывают неописуемо мучительное внутреннее состояние или когда они хотят заставить своего собеседника испытать это состояние.

Ребенок говорит о дьяволе, всегда добавляя идею интенциональной морали, т. е. настоящей морали. Колдуны и колдуньи могут тоже быть уродливыми и злыми, но они ученые и к тому же интегрированы в социальный мир. Они состоят на службе у других, в крайнем случае, у некоторых людей, они одеты в костюм, символ социальной жизни. Для части общества, небольшой возможно, колдун остается необходимым и достойным уважения, оказывает услуги в обмен на другое материальное; может иметь место обмен. А вот дьявол превыше любого возможного уважения, ибо он никогда не поступает на службу к другим. Если кажется, что он поступает на службу к своей жертве, это скрытое субъективное отношение, вне самого смысла слова служба. Не существует возможности обмена между дьяволом и человеком. И этот глубинный несоциальный аспект делает из него опасность номер один: дьявол для ребенка — синоним его исчезновения как социального существа. Если он водится с ним, он входит в мир без социальных норм, вне всяких правил.

Для ребенка контакт с земным миром и его космическими законами нерасторжимо связан с его физическим знанием одушев-

ленных и неодушевленных предметов и его внутренними ощущениями, связанными с самим существованием. Пространство, время, гравитация, свет, температура, режим влажности, размеры никогда не бывают отделены от частичных контактов, отдельных экспериментов, последовательно проживающих с землей, водой, воздухом, огнем, растениями, животными, людьми.

Через свою периферию, через чувства, открытые ощущениям, в то время как его тело находится в контакте с другими сенсорными элементами, человек входит в контакт с составляющими мир элементами. И, напротив, инстинктивные влечения, аффекты, переживания ощутимы за пределами любого возможного сравнения. Никогда нельзя ощутить другое как то, что можно ощутить самому; то, что другие чувствуют, не может ничему нас научить.

Интерференции между стремлениями жить интеллектуальной или сензитивной частями себя и сенсуальной частью составляют, таким образом, огромные опасности, «чудовищные» опасности. Эти конфликты не могут быть также ассилированы с реальными опасностями, потому что порождены внутренним состоянием. Сила, содержащаяся в этом конфликте, превосходит силу какого-либо известного создания, хотя она может быть ассоциирована с силой вредного фантастического животного, когда конфликт доминирует на уровне двигательных агрессивных влечений¹. Она может быть ассоциирована с силой фантастического и вредного растения, когда конфликт располагается на уровне органических аппетитов². Фантастического и вредного человеческого существа, когда конфликт находится в плане ментальных³ амбиций. Ужасающий образ, таким

¹ Что происходит, когда у ребенка темперамент доминирующего мышечного типа или если он — каким бы ни был темперамент — был стеснен в своем излиянии (шум, движения, подвижные игры, пищеварительное функционирование) строгим воспитанием в возрасте с полутора до четырех лет. Это возраст осознания возможностей своей продуктивности, как пищеварительных, так и жестовых.

² Если у ребенка темперамент доминирующего пищеварительного типа или, каким бы ни был его темперамент, он был травмирован в своей чувствительности потрясениями, эмоциональным заражением окружения, слишком сильными вмешательствами для его естественных сенсорных, аффективных или пищеварительных возможностей рецепции в период до двух лет.

³ Если субъект более всего рассудочный или он перенес на интеллектуальном этапе развития испытания аффективными травмами: несправедливость, ложь, обман, затронувшие естественные законы обменов, которые сложились у него, его естественные эстетические склонности в его спонтанных творческих видах деятельности.

образом, сам по себе мало что значит. Само переживание, внутреннее перенесенное потрясение, не соотносимое с образом, но разбуженное им посредством сенсорных ассоциаций, заставляет субъекта сказать, что это был дьявол, что он присутствовал в его фантазме, кошмаре или галлюцинаторном образе.

Так как речь идет о внутреннем состоянии, не существует никакой сравнительной и сенсорной точки опоры на периферии: состояние вне времени и протяженности. Субъект не может ничем обменяться с этим ощущаемым присутствием (слова, взгляды, удары), не рискуя потеряться, потерять бытие, утратить возможность чувствовать себя отдельно от этого образа, якобы чужого ему, но на самом деле представляющего конфликт, живущий в нем. Это объясняет состояние панического страха.

Сколько противоречий в человеческой натуре, сколько различных субъективных шкал ценностей или средств измерений, легко расходящихся! Базовые жизненные потребности, дыхание, питание, сон выражаются в определенном ритме. Их более или менее совершенное удовлетворение дает шкалу биологических ценностей: хороший — плохой. А вот чувства нас заставляют войти в контакт с одушевленными и неодушевленными предметами нашего окружения, и нет общей меры между тем, что мы ощущаем как приятное — неприятное от этого контакта, и тем, чем они являются для другого. Сюда же добавляется наше ментальное со своими требованиями выражения почувствованного в абстрактной форме добро — зло, с его потребностью абстрактного схватывания помимо всех конкретных перцепций.

Сколько внутренних требований, трудных для примирения, и между ними никакой нет валюты для обмена! Нельзя вступить в битву с самим собой, чувствуя беспокойство, получая его. Для битвы было бы необходимым отстранение от самого себя (ментальное, аффективное или физическое отстранение). С собой, противоречащим себе, также не сможешь вступить в разговор — чем будешь обмениваться, не будучи самим собой? Бесконечное противоречие.

Так, на каждом этапе нашей эволюции, противоречия, записанные в особенную натуру каждого из нас, воспринимаются как опасные, и при этом данная опасность не может быть названа с точностью, не является очевидным, что существует общая мера с реально существующими опасностями.

Однако существуют реальные опасности: они приходят из внешнего мира, из выражений существ, одушевленных жизнью, которые нас окружают, и одновременно от космических условий.

Все это окружение навязывает нам поведенческие привычки постоянного компромисса между нашими потребностями и возможностями их удовлетворить, что нам дает внешний мир. Отсюда рождается еще одна шкала ценностей, столь же естественная, что и предыдущие, но которая имеет тенденцию смешиваться с трансцендентной и сверхъестественной шкалой; это происходит оттого, что для ребенка отец и мать проецируются на Бога, на идею Абсолюта и не всегда делают необходимое даже в христианском воспитании, чтобы избежать любого антропоморфизма, что часто не обходится без прискорбных последствий для будущего. В плане опыта уважение, должное родителям, подразумевает шкалу ценностей, требующую определенного поведения, в то время как интенция ребенка ускользает от самих родителей. Эта шкала ценностей рождается при встрече шкал субъективных ценностей с возможностями, разрешенными внешним миром, а он одновременно космический, аффективный и социальный для маленького человека.

Трудно также отделить понятие, которое формируется у человека о Добре и Зле, от первоначального опыта, прожитого в автономном кенестезическом комфорте и дискомфорте.

Однако у ребенка, для которого смысл обладания пока еще носит пищеварительный и хватательный характер, дьявол понимается как убивающий и поглощающий свою жертву. У взрослого дьявол, напротив, понимается как никогда не питающийся, получающий наслаждение от того, что никогда не истощается удовольствие от бесполезного вреда, не получающий никакой другой пользы, кроме этого наслаждения¹.

То обстоятельство, что дьявол пожирает свою жертву гораздо чаще у ребенка, чем у взрослого, тем более интересно, что это та же самая примитивная фундаментальная идея, дающая рождение двум близким концептам (дьяволы, чудовища). Так, можно наблюдать, как большие дети рисуют чудовищ, которые странным образом похожи на дьяволов маленьких детей, я хочу сказать, что они проецируют в воображаемых животных формах, которые они называют «страшные звери» (когда у них в словаре нет слова чудовище), характеристики пищеварительной жадности и чудовищной инстинктивной агрессивности, деструкции, характеристики, которые дети приписывают формам, вызывающим беспокойство из-за их эстетического смысла, и которые они называют «дьявол».

¹ У взрослого речь идет о спроектированной перверсии характеристик необузданного генитального инстинкта.

Чудовища, происходящие в ходе развития индивида от примитивного понятия дьявола, бессознательно понимаются как существа, которые находятся на службе не у жизни, а у смерти, и как существа, без пользы накапливающие сокровище. Они не причиняют смерти другим созданиям с целью жить (что есть земное условие всего живущего). Дикое животное, встреча с которым воображается как опасная и также порождающая страх, не вызывает презрения, ибо оно нападает и убивает, чтобы жить (биологический порядок).

Ребенок не осознает и не объясняет в деталях свои чувства, они, тем не менее, те же самые, если учитывать ассоциации, которые он дает по поводу своих рисунков и воображаемых рассказов, которые он делает, и своих суждений относительно придуманных им существ. Чудовище, напротив, бесконечный пожиратель, в поисках жертв с целью нанесения вреда при нападении и убийстве, и идея причинения вреда преобладает по отношению к его жертве, которая есть для него безличное существо, «создание» просто-напросто «человеческое», которое осмеливается рискнуть вступить в борьбу с чудовищем ценой своей жизни во имя того, что оно считает стоящим: обладание охраняемым сокровищем.

Дьявол или чудовище всегда являются для ребенка опасностью, возникающей на пути вызывающих воодушевление дел или, скорее, дел, приобретающих ценность через напряжение желаний, сублимированных на достижение и будущее обладание идеальным объектом. Эти два концепта, «объект и идеал», составляют из-за своей связи драму человека: «объект», ограниченный самим своим существованием, никогда не оказывается «идеальным», как только попадает в обладание.

Эти живые опасности есть образы фантастических созданий на службе инстинктов, которые являются опасными; они могут навредить всем (нападая более всего на чистых и достойных), и они тем мощнее, чем физически и морально сильнее, чем жизненно богаче существо, которое с ними борется.

Эти чудовища на символическом языке детей являются отталкивающими, неэстетическими существами. Эти характеристики противопоставляют их диким животным, существам благородным и отважным, право которых на жизнь признано, потому что они отстаивают справедливое дело. Чудовища безнравственны, они совершают зло ради зла; дикие животные аморальны, но в их действиях есть смысл с биологической точки зрения.

Сила этих чудовищ велика, необычна, и их присутствие на пути достижения делает его еще более желанным. Их власть, однако, не духовного порядка; какими бы удесятеренными ни были их силы, они беспомощны перед силой духа, перед поведением и чувствами, передающими сублимацию влечений (лишь этот духовный аспект рассматривается в психологии). Ребенок выражает это, не осознавая того, когда рассказывает, что герой в присутствии ненавистного животного испытывает не страх, не ненависть, но лишь воодушевляющий его гнев отваги, без тщеславия и бравады.

Если герой и чудовище равны по силе, герой триумфом над чудовищем будет обязан не физической силе (в этом плане чудовище может быть нейтрализовано, но никогда не побеждено), но таким качествам, как мощность и ловкость¹. Боеспособность, выражаясь в резкой силе, одинаковой у обоих противников, сублимируется у героя в самоотверженных тенденциях: желание служить другому и освободить его. В то время как у чудовища оно будет всего лишь выражением эгоистических и захватнических тенденций. (Сокровище, которое оно охраняет, чтобы ничего с ним не делать.)

В рассказах всех детей, когда количественные силы равны, именно их интенциональное качество обеспечивает триумф и имплицирует выведение из строя способности грубых сил вредить. В этот момент битвы герой мог бы еще потерпеть поражение, если бы тут же не освобождался от бесполезного садизма, чтобы целиком отдаться использованию сокровища для цели, по-прежнему интенционально жертвенной. В конце чудовище часто поступает на службу к герою, что на символическом языке означает мирное доминирование над желаниями.

Углубленный анализ историй, где дети рассказывают нам о своих битвах с чудовищами, а также исследование графических изображений битв приводят психоаналитиков к наблюдению, что рогатые чудовища и демоны с лицами людей имеют один и тот же первоисточник. Ребенок проецирует идею дьявола на чудовищ-животных, пока его желания ощущаются им как желания обладания, материальной мощности и доминирования, пока эти желания остаются уподобленными сенсуальным, сенсорным и двигательным чувствам жажды (оральная и анальная стадия), которые в его глазах столь же животные, как и человеческие.

¹ Сублимация грубой агрессивности желаний орально-анального мышечного возраста, специфически человеческое владение ими расчетливым разумом.

Когда ребенок придает этому лицу черты человека с рогами, тогда речь идет о влечениях предгенитальной и генитальной стадий¹. Ребенок придает этому лицу черты, которые отражают для физиогномиста преувеличение некоторых характеристик, содержащихся в его натуре, и которые при преувеличении в ущерб другим приведут его к потере умственного равновесия. Цвета, когда он их использует,

¹ Некоторые понятия психоаналитического словаря:

— 1. Оральная и анальная стадии, от нуля до приблизительно четырех-пяти лет, названные так по отверстиям входа и выхода пищеварительного тракта. Эти зоны являются первичным жизненным центром интереса в возрасте, когда жизнь все еще вегетативная и когда ребенок начинает смутно осознавать свое существование и свои возможности на базе своих рецептивных пищеварительных ощущений, ощущений наполнения, эвакуации и выделения, сначала пассивных, потом активных. Эти ощущения сопровождаются удовольствием от испытания их, затем от их вызывания, борьбы с ними, отказа и господства над ними. На этих стадиях, которые покрывают от 4 до 5 первых лет жизни, вся структура личности находится в становлении посредством прожитого опыта, аффективно, сенсорно или физически неизменно ассоциированного с ощущениями, эмоциями, суждениями, обменами с миром по поводу своих потребностей — витальных желаний роста и их верbalного, жестового или эмотивного выражения.

— 2. Предгенитальная стадия с четырех до примерно шести-семи лет, за которой для психоаналитиков следует стадия, именуемая стадией латентности до наступления генитальной стадии с пубертатом. Предгенитальная стадия характеризуется исчезновением доминирования хватательных и разрушительных желаний и появлением прироста стоимости, даваемой конструкторской и игровой деятельностью, качеству мальчика или девочки, что характеризует субъекта. Этот прирост сопровождается сознательным открытием удовольствия, относящегося к сексуальной эрогенной зоне и связанными с ней эмоциями. Субъект сосредоточивает все виды своей деятельности на самоутверждении, на пути к образу самого себя, которого он стремится достичь, утверждаясь как значимый в клане человеческих существ того же пола, что и он. Этот амбициозный этап ведет субъекта к разрешению его эдипова комплекса. Он представляет собой неизбежный конфликт, который сопровождает осознание законов человеческой жизни в обществе. Придание ценности себе в качестве существа, имеющего пол, стремящегося стать мужчиной или женщиной, приводит субъекта к тому, чтобы испытать в семейном окружении любовь и ревность по отношению к взрослым, с которыми бы он хотел сравняться и вытеснить. Страдание, которое он от этого испытывает, заставляет его отделить сенсуальное от аффективного, отказаться от сенсуального, неудовлетворительного объективно и опасного субъективно, чтобы войти в фазу господствующих социальных и культурных достижений. Он узнает закон запрета на инцест, закон, управляющий всеми человеческими существами.

— 3. Генитальная стадия, начиная с пубертата: она характеризуется осознанием активной роли сексуальности в инстинктивной, аффективной, психической жизни, появлением чувства ответственности в обществе, вне семьи и с поиском внесемейных групп, с которыми необходимо интегрироваться, чтобы осуществлять свою деятельность в целях, выходящих за пределы интереса своей собственной персоны. Появление самопожертвования, креативности на службе социальной группы.

символизируют пыл и смерть одновременно (пример на рис. 1 и 2: мертвенно-бледная смерть, маскирующая красный пыл). Заметим, что всегда присутствует нечто вроде расхождения, дисперсии, диссиметрии, дисфории. Все выражает дисгармонию, соединенную с доминирующей мимикой, в которой передается неумолимая неизменность пагубной интенции, необратимости.

Психолог не усматривает у ребенка идеи дьявола на службе метафизического трансцендентального. Она выражает через прожитое субъективное живой внутренний беспорядок, созданный в психофизиологии ребенка чувством хорошо поступать и плохо поступать.

Любое правило поведения, ведающее жестами, словами, внешним выражением и мимикой при имени «Добро», запрещая другие при имени «Зло», задает в бессознательных глубинах ребенка подобное ограничение и даже вызывает больший страх, в то время когда взрослых (боги-жандармы) здесь нет более. Это ограничение, ставшее внутренним, рождается от неопределенной тревоги, возникшей из-за конфликтов между шкалами противоречивых ценностей. Кенестезическое состояние дискомфорта рождается из этих внутренних конфликтов во время возбуждения, переживания, которое, будучи выраженным в поведении, не будет соответствовать тому, чем оно должно быть в глазах взрослого. Это состояние отсутствия безопасности вызывает чувство вины при том, что никакого вредного действия не было осуществлено, эти чувства порождают следом угрызение совести, возмущение или наказание полной или частичной неудачей в достижении плодовитости субъекта.

В наблюдениях, которые мне удалось сделать самой, вопрос о дьяволе возникал только у мальчиков и никогда у девочек; я не знаю, идет ли речь о совпадении, психоаналитическом переносе (то, что я женщина) или о большей трудности определить поведение в соответствии с синтетической и гармоничной шкалой ценностей для малыша-самца у цивилизованного человеческого вида. Дважды мне встречалась идея дьявола у субъектов женского пола, один раз во время кошмара, в другой раз — при галлюцинации. Речь шла о двух женщинах примерно сорока лет, одна из них считалась большой психозом, была помещена в психиатрический госпиталь с начала этой галлюцинации, а до тех пор считалась нормальной супругой и матерью, но была фригидна. Другая также была фригидна и больна неврозом, но с очень плохой адаптацией. Обе женщины страдали комплексом

вирильности¹ с детства, т. е. непринятием своей рецептивной генитальной женской сексуальности. В обоих случаях дьявол «залез» — на ее кровать — для одной, на какого-то дьявола или какое-то другое животное — для второй. Шла ли речь об экстериоризации мужских составляющих, устанавливавшихся с предгенитального возраста и которые при менопаузе получали новые силы? Я думаю, что так. Дьявол также представлялся похотливым, и ощущение-шок, которое они от него получали, одна в своем кошмаре, другая в галлюцинации, было генитальным ощущением, никогда не испытанным в супружеской жизни. Я хорошо знаю, что существует легенда о святой Марте и Тараске, но здесь речь идет о чудовищном млекопитающем, а не о дьяволе с человеческим лицом в вертикальном положении. Впрочем, было бы интересно, но это вышло бы за рамки данной работы, проанализировать обе легенды о святом Георгии и Святой Марте в свете психоанализа и сравнить их.

В легенде о святом Георгии речь шла о человеке, эдипово фиксированном на своей матери (как маленький ребенок). Ему удается, благодаря выбору в пользу жизни во имя Христа, уничтожить силы зла, желавшие разрушить в его глазах чары женственности: морское чудовище, пожиравшее девушки (или же идея опасности сексуальности, связанной с любовью к матери, уничтожающая право любить девушек). Он подчиняет свои силы девушке и тогда может без опаски развязать ее пояс, который послужит завязкой для зверя, ставшего слугой и земным существом, одновременно для девушки и для Общества. (Возвращение девушки в город с чудовищем на поводке.) И в этот момент герой отправляется на другие подвиги. (Он покидает город после того, как провел крещение.) Его желания служат женщине (плотская плодовитость), и все, что он делает социального, сублимировано, и то говорится: все общество решает следовать вместе с ним его жизненному выбору. Служить жизни, презрев испытания, говорится: следовать Христу, который есть жизнь и воскрешение.

В психоаналитических терминах эта легенда рассказывает историю человеческого существа, переходящего от анальной стадии к генитальной, активной, затем сублимированной. Вся эта легенда есть символическое изложение психологического испытания, проживаемого человеческим существом мужского пола: наступление зрелости с тройной

¹ Конфликт ценностей у девочки, интеллектуально или аффективно недооценивающей свою половую характеристику девочки и ценящей все, что может ее представить в ее собственных глазах в более высоком положении, т. е. менее женственной.

точки зрения — сексуальной, аффективной и ментальной, у человека, определяющегося в социуме, придающее всем его действиям облативный смысл. Интенциональное притяжение: для дел, для потомства, для общества всех людей — это естественная духовная власть генитального возраста, служащая основой для трансцендентной духовной власти¹.

Я знаю, что есть фрагментарного и неудовлетворительного в некоторых этих размышлениях, подсказанных клиническим психоаналитическим опытом. Пусть не ищут здесь доказательств трансцендентального существования или несуществования демона. В клинике мы никогда не затрагиваем трансцендентного. Нам можно затронуть лишь человеческое таким, каким оно представляется в нерасторжимом сочетании физиологии (которая порождает или выражает определенную сырую психологию), с одной стороны, и, с другой стороны, жестовых, вербальных, ментальных выражений, тесно связанных с этой физиологией. Создается впечатление, что все прожитое, воспринятое посредством контакта с окружающим миром, питает и вызывает изменение глубинных ритмических влечений, поддерживает, навязывает и ориентирует совокупность жестовых, вербальных и ментальных отношений между этой психофизиологией и окружением в соответствии с абсолютно индивидуальной сетью, образованной смешением шкал ценностей, каждая из которых отвечает разному критерию. Структура этой сети есть, вероятно, ключ к характеру.

Тело без души или душа без тела никогда не могли наблюдаваться в клинической картине, также как аффективное без сенсорного и ментального, а сенсорное без аффективного и ментального. Существует ли трансцендентная душа, мы не можем от имени психоанализа этого отрицать или утверждать. Каждый из нас может ощущать интенциональный выбор наших мыслей, жестов, чувств, но никакой объективный психологический метод не позволяет судить и с уверенностью сказать заранее про моральную интенцию, сосредоточивающую психофизиологические силы человеческого существа в его поведении. Во всяком случае для ребенка поведение, иногда хорошо оцениваемое окружением во имя морали взрослых, может, если ощущается им — в его аффективном возрасте — как антибиологическое, ассоциироваться со страхом, который выражается им через идею дьявола, беспорядка, угрожающего всему, что есть живого.

---

¹ Психоаналитическая интерпретация легенды о святом Георгии никоим образом не отменяет эстетической и духовной ценности этой красивой легенды. Напротив, именно благодаря анализу можно понять ее символическое значение и моральную роль, которую она играет для детей.

**Доклад о психоаналитической
интерпретации рисунков детей во время
психотерапевтического лечения
(1948c)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1948: Rapport sur l'interprétation psychanalytique des dessins d'enfants au cours des traitements psychotherapiques [машинописный текст с рукописными исправлениями без рисунков]. // A.A.D.F.D. — Boite-25. — Texte 5. — Рукопись. — 1948. — 16 р.

1948: Idem. // Psyché. Revue internationale des sciences de l'homme et de psychanalyse. — 1948. — №е Annie. — № 17, mars. — Р. 324—346.

1973: Idem [машинописная копия с рукописными исправлениями]. // A.A.D.F.D. — Рукопись. — [1973.] — 16 р.

Текст представляет собой доклад, сделанный на конференции, организованной журналом *Psyché* в Руайоне. В виде статьи доклад был опубликован в этом же журнале. Некоторые уточнения Дольто сделала в своем машинописном экземпляре текста доклада в 1973 году. Здесь Дольто дает подробные описания значения детских рисунков так, как они проявились в ее консультациях.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Любой ребенок, любой взрослый рисует или скорее способен рисовать в той мере, в какой не действуют тормозящие механизмы, чтобы парализовать его спонтанный порыв.

Свободный рисунок — это выражение, проявление глубинной жизни. Через графику субъект выражает также свои затруднения. Его расстройства являются нам не прикрытыми, рисунок нам выдает на самом деле бессознательное субъекта и открывает также его «психологический климат», он представляет, таким образом, для нас моментальный снимок аффективного состояния.

Рисунок — это также бессознательный автопортрет, он позволяет нам видеть, как субъект чувствует себя по отношению к объекту, который он хочет нарисовать, этот объект является в какой-то степени проекцией его самого.

Ни одно из обстоятельств, только что пережитых, не может быть исключено, чтобы хорошо понять рисунок, особенно на свободную тему и быстро исполненный. Последний должен интерпретироваться не только во времени, но и в настоящей актуальности. Рисунок больницы с многочисленными решетками вполне может быть лишь отражением любопытства в данный момент по отношению к незнакомому зданию, куда он входит в первый раз. Нет случайного в рисунке, все в нем необходимо. Мы не можем всегда понимать весь его смысл.

Разве много раз со мной не случалось, что, добившись по истечении нескольких месяцев выздоровления ребенка, распутывая шаг за шагом, сеанс за сеансом сложные хитросплетения, я посмотрела на первый рисунок, который для меня сделал ребенок, и увидела, зная детали случая, что все могло быть понято с первого рисунка. Там было все для тех, кто смог бы увидеть или скорее прочитать то, что этот ребенок давал там для декодирования, то, что он не мог высказать.

Я вовсе не являюсь новатором в технике детского психоанализа на основе свободного рисунка. К этому методу меня приобщила г-жа Софи Моргенштерн. Она опубликовала, как известно, очень оригинальные исследования по структуре личности детей, которых исследовали и лечили при помощи психоаналитической техники с использованием свободных рисунков. Многие психотерапевты

и психоаналитики также пользуются в настоящее время этим методом. Способ применения прост. Ознакомившись с клиническими фактами, по поводу которых родители привели ребенка на консультацию, его сажают перед листом бумаги с черным карандашом и цветными, если они есть, и говорят: «Сделай мне красивый рисунок: то, что ты хочешь, неважно что; не такой, как в школе, а рисунок, нарисовать который тебе доставит удовольствие».

Я вам покажу примерно двадцать рисунков, они все малого формата, чтобы можно было посмотреть их через мой проектор. Тогда вы сможете понять аналитический метод. Полный отчет о случае, изложенном вам два дня назад, показал большинству из вас роль рисунка как средства глубинного контакта между субъектом и врачом. Сегодня я хочу вам продемонстрировать серию разных рисунков, все они более-менее типичны, т. е. их характеристики обнаруживаются в подобных клинических случаях.

Средствами исследования, контакта и лечения всегда является клиническое изучение и ассоциации, данные самим автором по поводу своего рисунка, когда врач побуждает его вернуться к нему после окончания.

Вначале я записывала рисунок как документ, сопровождающий сеанс, поведение и слова. Постепенно я заметила, что в каждом рисунке резюмируется в форме символического ребуса аффективное состояние субъекта и его бессознательная форма действовать и реагировать. В нем даже зафиксирована автономная психологическая структура субъекта, но по этому пункту я еще нахожусь в стадии исследования. Добиться того, чтобы добить общие законы символического выражения структуры личности в рисунке, — в этом, мне кажется, и состоит роль психоаналитиков, но в этой области я еще слишком мало продвинулась. Каждую неделю я получаю посредством повторения у очень разных субъектов в схожие моменты эволюции их личности конфронтации, которые постепенно меня приводят к гипотезам по интерпретации. Тогда пытаюсь по слуху встрети с одной и той же структурой или одним и тем же символическим представлением реконструировать объективную клиническую конstellацию и субъективную аффективную конstellацию автора. Таким путем шаг за шагом рождается экспериментальный прием. Но в настоящее время наиболее надежным является область аффективной интерпретации. Чтобы интерпретировать рисунок, нужно поместить себя перед ним, сначала во всей аффективной свободе. Почувствовать в себе то, что исходит из рисунка с точки зрения его

климата, затем, анализируя элементы, интерпретировать их всегда по отношению к общему. Предстоящие примеры, несомненно, дадут лучшее понимание, чем много объяснений. Однако следующие аспекты рассматриваются по очереди.

— Нам нужно рассмотреть внутреннюю композицию по отношению к листу. Нанесены ли базы рисунка? (То есть субъект укоренен ли в чем-то прочном и реальном в жизни?)

— Рисунок нанесен на один план или по нескольким различным осям? (Нет ли раскола в личности субъекта?)

— Имеет ли рисунок ограниченную рамку? (Живет ли субъект в реальности и в определенной гармонии с окружающим миром?)

— Какова величина рисунка, его положение по отношению к целому? (Уверен ли субъект в себе, осмеливается ли он выражать себя, не бежит ли он от какой-то части самого себя?)

— Имеет ли место полное отсутствие персонажей, является ли это отсутствие постоянным? (Участвует ли субъект в мире людей или он живет в самом себе?)

— Какие животные нарисованы и каково может быть их значение? (Является ли это выражением агрессивных инстинктов или выражением слишком бурных и невербализованных инстинктов, которые пугают субъекта?)

— Любит ли он растительный мир? Имеют ли его деревья и цветы корни, они срезаны, находятся в земле? И т. п...

Рисунки, которые вы увидите, вам позволят лучше, чем длинный перечень вопросов, ухватить разнообразие проблем, которые возникают...

Нам нужно рассмотреть еще графику, слабые или сильные линии выказывают в зависимости от обстоятельств застенчивость, беспокойство или резкость, уверенность в себе или же желание утвердиться и быть.

Цвета нам сообщают аффективную тональность субъекта. Они будут темными или светлыми, приглушенными или яркими; первые соответствуют, главным образом, депрессивному состоянию, вторые настроению менее мрачному. Аффективные ассоциации, которые субъект дает цвету, бывают часто очень важными в интерпретации цветов «девочка» или цветов «мальчик», цвет некрасивый, грустный, злой, который я люблю, не люблю, который такой-то считает хорошим и т. п.

Элементы, которые оказываются представленными, дают нам знать о ситуации субъекта по отношению к самому себе и к миру,

в то время как его собственный динамизм выявляется через общее выражение рисунка.

Пропорции представлений между собой и по отношению друг к другу просвещают нас относительно аффективной ситуации субъекта по отношению к ним. Каковой является, спросим себя, установка субъекта к объектам в целом? Как он помещает себя бессознательно, как ощущает в себе различные требования своей витальности и как их принимает? Если бы ты был на рисунке, где бы ты находился?

Изучение его инстинктивной жизни бросает свет, с одной стороны, на его витальность, аппетит, равновесие, весь его метаболизм (вегетативные инстинкты), потребность в воздухе, воде, свете, пище; с другой стороны, на его агрессивность, пассивность (животные инстинкты), его потребности в движении и продуктивности.

Установка субъекта по отношению к существам и вещам побуждает нас изучать его поведение по отношению к условиям земной, социальной и аффективной жизни. Таким образом, мы доходим совершенно естественно до того, чтобы рассмотреть его защитные реакции по отношению к миру и к самому себе. Есть субъекты, которые испытывают постоянную трудность открыться жизни, они тормозятся в своей активности, ограничены в своих возможностях, у них «загородка» перед миром. Такие дети нам рисуют поезда без колес, пути, заставленные какой-либо преградой, выражая так невозможность для них выйти из самих себя.

Присутствие «лакун» в рисунке довольно часто является указателем эпилептических состояний.

Мы сказали, что в рисунке открываются бессознательные проблемы; он может нас также просветить о социальном возрасте, обычно том же самом, что ментальный возраст, об аффективном возрасте, часто очень отличном от ментального, соответствующего требованиям либидо последовательных этапов эволюции (открытие Фрейда). Оральный возраст, пищеварительные, вегетативные потребности. Анальный возраст, двигательные потребности, дракливость, связанная с сексуальностью. Уретральный возраст рискованных и нарциссических завоеваний для мальчика, вагинальный обладательного и нарциссического материнства для девочки; наконец, возраст социальной креативности, генитальных сил индивида, интегрированных в социальные законы.

Резюмируем: рисунок, бессознательное выражение, есть эквивалент сновидения, исходной точкой которого является стимул контакта с собеседником вокруг бессознательной доминантной

идеи, пробужденной им, или же стимул есть ассоциация идей, вначале внешне случайная, если тот, кто рисует, не получил просьбы от третьего лица, или еще строго внутренний стимул нам дает взгляд на внутренний мир субъекта.

Интерпретация столь богатого символизмом рисунка — очень ценная для психолога техника, благодаря ей взрослому удается говорить на языке ребенка, лучше его узнати и, следовательно, лучше понять. Кроме того, когда взрослый интерпретирует ребенку его рисунок, ребенок немедленно доказывает ему свою признательность, давая все более и более богатый материал. Перенос — выражение, используемое в психоанализе, — дает себя увидеть в рисунках, которые ребенок в процессе лечения вам приносит, не только негативные или позитивные влечения, которые он испытывает по отношению к своему врачу, но также по отношению к их ассоциативным нюансам. Ощущаемое аффективное состояние оказывает влияние на чувствование самого себя, это то, что ребенок нам объясняет, показывая, например, свой автопортрет, как он это бы сделал, если бы был у себя дома, как он это бы сделал в школе и как он это бы сделал, думая о докторе дома или в присутствии доктора в больнице. Все эти варианты, которые вместе с ним изучаются, являются для анализа переноса очень ценным средством. Работа идет более с фиксированными документами, чем с анализом игр, словесных ассоциаций, куклами, хотя эти другие средства творческого выражения значимы столь же, а иногда даже больше в точке освобождения двигательных аффектов. С этими средствами выражения я люблю ассоциировать одно графическое выражение на сеанс лечения.

Интерпретация детских рисунков

Рисунок I

Он сделан девушкой 25 лет.

Диагноз: полная неспособность к жизни, возможно, ранний травматизм (оральный возраст). Это рисунок взрослой девушки, которая пришла к нам после нескольких лет психологического лечения, они не вернули ей способность влиться в жизнь, сделать что-либо. Она нам сказала, что ее рисунок представляет человека, показывающего пальцем на разбитую чашку.

Как видно, ничего не держится на этом рисунке. На руках всего по одному пальцу, форма человека ни мужская, ни женская, чашка — совокупность червячков без объема и консистенции, как и нарисо-

ванный человек. Только лицо немного собрано, отделено от остатка головы, впрочем — на нем выражение закрытости.

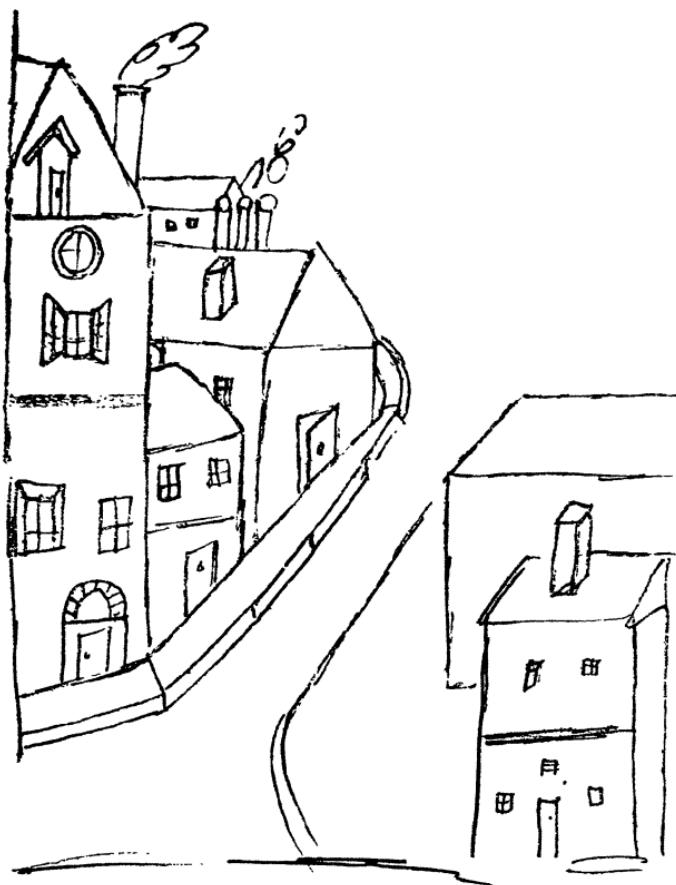
Рисунок 1

Речь идет об очень тяжелом неврозе, восходящем к раннему детству, первым симптомом которого была ментальная анорексия грудного ребенка. Аллегорический образ неспособности ко всему, не только создавать, но действовать и даже держать в себе, ничего не хранить. Ничто в ней не может нести плод, она полностью дезадаптирована к жизни.

Рисунки II, III

Эти два рисунка мне принес с интервалом в неделю преподаватель рисования вечерней школы. Оба они сделаны юношей 17 лет. У него странный и закрытый характер, по словам преподавателя.

Рисунок II: диагноз: ему больше некуда идти, разрыв с обществом.

Рисунок 2

Получив первый рисунок, я сказала, что речь идет о юноше в глубоком конфликте с обществом (дома, никуда не ведущая улица). На рисунке видна попытка разместить другие дома на заднем плане — изображения были потом стерты. Если изучать его подробнее, видно, что на левом доме ниша в стене для левого окна толстая, в то время как у правого окна стена имеет толщину листа бумаги.

На втором этаже окно закрыто ставнями гораздо большего размера, чем это требуется. На четвертом входная дверь находится в середине окна мансарды. Что касается первого этажа, ворота, которые находятся на первом плане рисунка, меньше, чем окна самого дома, и меньше, чем другие двери более дальних домов.

Вся левая часть рисунка показывает похвальную попытку адаптироваться к миру во времени и пространстве и в социальных законах (перспектива).

Напротив, правая часть представляет на первом плане дом, построенный из двух кубов, на которых сверху находится еще один, представляющий трубу. Этот дом, кажущийся имеющим два этажа с лицевой стороны, не имеет профиля такого дома, двери и окна крошечные. Создается впечатление, что в данном случае речь идет о собственной личности субъекта, оставшегося или возвратившегося вследствие удара к инфантальному и совершенно нарциссическому возрасту, дом личиночный, без жизни (труба, не соответствующая реальности, фальшивая, без тяги).

На втором плане справа позади этого маленького кошмарного дома находится блок без дверей и окон, стена, могила скорее.

Я сказала преподавателю, что ментальное здоровье этого молодого человека находится, мне кажется, в большой опасности перед лицом невозможности адаптироваться к требованиям социальной реальности, и в его интересах было бы полечиться, по крайней мере, получить помощь.

Преподаватель, с которым я встретилась неделю спустя, принес мне второй рисунок.

Рисунок III

Разрыв с самим собой.

Впечатление шизоидности еще более маркировано в этом рисунке. Если его рассматривать, эта рука не реальна, хотя и имеет намерение быть сделанной с натуры. Субъект выражает этой левой рукой, по всей вероятности своей, что он не может больше ничего взять (большой палец не может быть противопоставлен, и кисть закрыта антифизиологическим способом). В ответ на три круглые собранные вместе трубы предыдущего рисунка (были также три квадратные трубы, расположенные отдельно друг от друга) на этот раз есть три полуovalа, из которых только один является четким и имеющим большую вертикальную ось, соответствующую углу большого пальца, два других по большой горизонтальной оси соответствуют выступам

сухожилий указательного и среднего пальцев, кроме того, безымянный как бы отрезан от остальной кисти линией.

Рисунок 3

Я сказала учителю, что в случае его ученика, по всей видимости, идет резкое ухудшение, на предыдущей неделе он не знал, куда идти в жизни, на этой неделе он уже больше ничего не удерживает — и я ему настоятельно рекомендовала прервать молчание юноши, чтобы посоветовать обратиться к врачу по поводу своего психического здоровья. И только в этот момент учитель мне сказал, что этот молодой человек покончил жизнь самоубийством на следующий день после того, как он нарисовал эту трагическую кисть руки.

Рисунки IV, V

Они были сделаны мальчиком с очень редким типом неадаптированности к жизни: нет нарушений характера типа противодействия, хорошая аффективность с семьей, товарищами, но полная невозможность делать практически что-либо стоящее из-за патологической рассеянности и нарушений памяти. Так, отправляясь за покупками для матери, он укладывал кошелек в пачку, полную молока. Он выходил на улицу в комнатной тапочке и туфле, он раздевался

и надевал ночную рубашку, возвращаясь из школы, чтобы пообедать. Он забывал поесть. В школе он иногда очень хорошо понимал задачи, а в другой раз не мог сделать простое сложение. Этот по природе веселый мальчик стал постепенно мрачным и неврастеничным, много плакал из-за всех этих неполноценостей и был безутешен от того, что не может дать удовлетворение учителю и своим родителям. Он очень любил учебу, но был неспособен отделить слова друг от друга. Из-за этого его почерк делал нечитаемыми задания, выполненные, впрочем, с прилежанием.

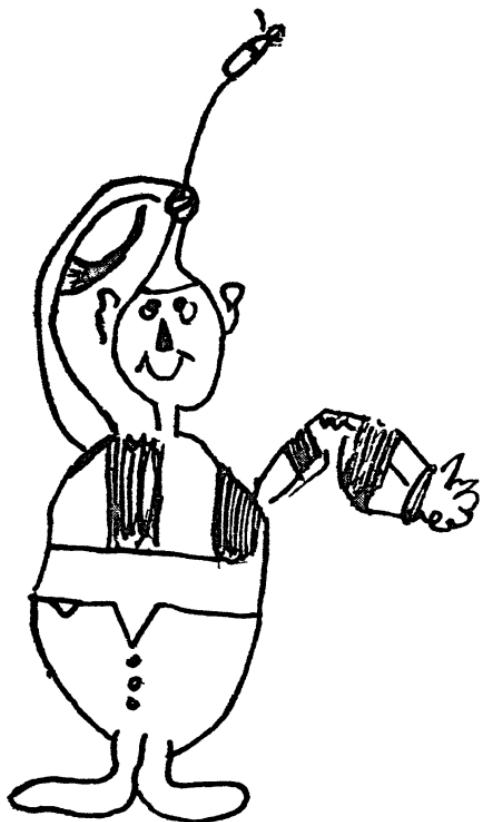

Рисунок 4

Следует отметить, что ребенок не пропустил ни одного дня в школе с возраста 5 лет, а ему было 11, и что отношение родителей, как кажется, было всегда благоприятным для хорошего развития их детей. Марсель был 3-м ребенком в семье, где было 5 детей, все адаптированные к жизни. Два его рисунка показывают, с одной стороны, стабильный силуэт с человеческим лицом (рис. 5) (карикатура его матери), стоящий, с маленькой шапкой, откуда торчит цветок, у силуэта нет рук, справа обрубок (может быть, грудь?) — слева фаллическая форма, похожая больше на ствол дерева, чем на руку. Мужчина, которого он изображает и которого потом называет своим собственным именем, в галстуке, застегнут на все пуговицы, культурно выглядит, это консьерж, т. е. тот, кто знает всех, на ком нагрузка за общество и который умеет воздать каждому, что ему положено.

26. VI. 42

Marcel

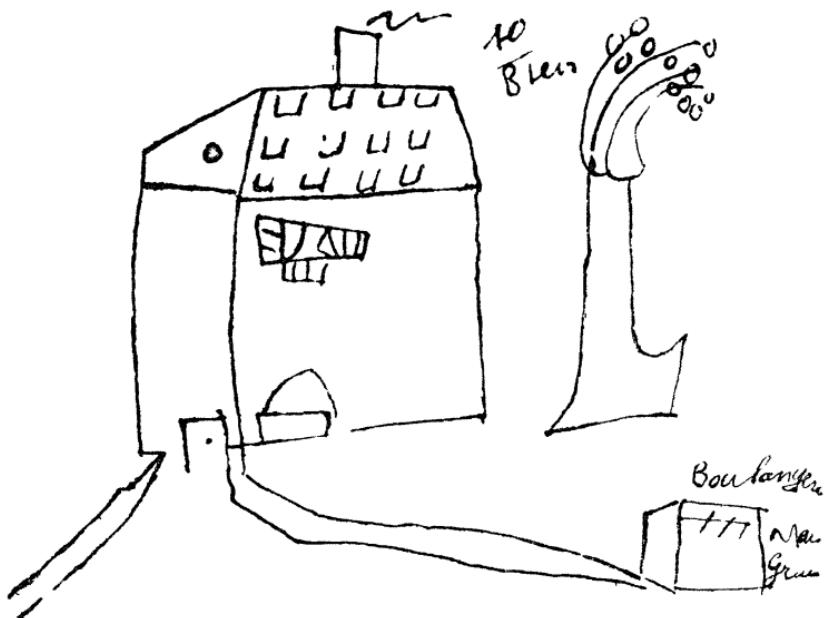
Рисунок 5

Рисунком V он нам показывает другой аспект своей личности: он говорит даже, что это паяц, он на скользком участке, это одновременно клоун, домовой и гном-инвалид с перебитыми в нескольких местах руками, оба глаза с внутренним косоглазием. У мальчика нет выхода между двумя типами синтеза своей личности — и эти рисунки нам излагают его дилемму. Это единственный аналогичный случай, с которым я столкнулась до настоящего времени, неадаптированного и, однако, недиссоциированного больного. Хорошее аффективное согласие, большая добрая воля, большая работоспособность, но полное отсутствие практического смысла и памяти прожитых в опыте приобретений. Все педагогические методы были испробованы его последовательными учителями, к которым он всегда был очень привязан, но в результате он стал загнанным и боязливым, депрессивным с сильными приступами плача. С психоаналитической точки зрения, благодаря более углубленному изучению у него обнаружилась прочная структура лишь оральной стадии, но вся структура анальной стадии была хаотична. Абсолютная невозможность перейти к состязательности. И вместе с тем никакого беспокойства, никакой опасности или злого умысла от другого в воображении. Забыла сказать, что его интеллектуальный уровень по тесту Б.С. (Бине — Симона) был в норме для его возраста.

После долгого наблюдения был дан совет родителям, и они ему последовали, дать Марселию пожить в деревне в семье на ферме и не посещать школу в течение полугода. Как кажется, это очень улучшило его состояние. Письма, которые он пишет, читабельны, он вызывает удовлетворение у своих кормильцев тем, что помогает им в мелких хозяйственных хлопотах. Он немного страдает от разлуки со своей семьей, но благодарит в каждом письме, что его отправили в деревню, где он чувствует себя лучше. Уже несколько недель, как он возобновил школьные занятия под руководством фермера, который его принял, и они собираются попытаться вернуть его в школьный коллектив в третьей четверти.

Рисунок VI

Характерные черты этого рисунка совершенно такие же, как у дебила: ни одна из дорог не доходит до дома (образ социального успеха), черная точка на боковой части крыши — это образ инстинктов, и единственная дорога, которая ведет к этому дому и не доходит даже, идет от маленького куба, названного булочной (устно).

Рисунок 6

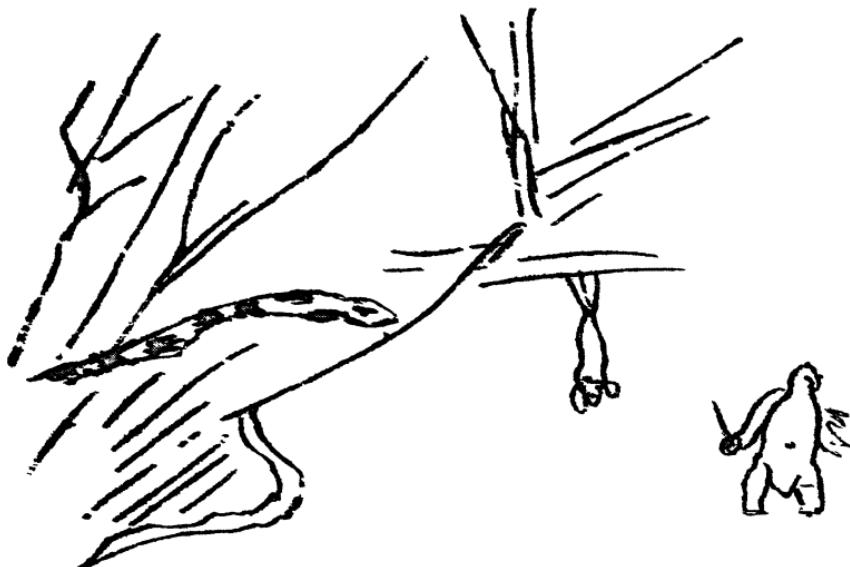
Девочка передает, что ее кормят в доме, где она живет, но в нем нет ничего, чем можно жить аффективно.

Дерево, отрубленное от своих корней, увенчано ветвями, которые упрямо удаляются от дома, как будто убегают от него. Это выражает то, что если в доме есть пища, нет благополучия — и девочка поставила «10 хорошо», что показывает, насколько она хотела бы быть успешной в учебе, поскольку думает (как ее хочет в этом убедить мачеха), что вся враждебность, которую та ей высказывает, прошла бы, если бы она была успешной в школе.

Речь идет о страдающей дебильностью без нарушений характера девочке, которая несчастлива, ее удочерила пара, ее очень любил приемный отец, но он умер, оставив ее одну с мачехой, которая никогда не была счастлива от этого удочерения, и ментальная дебильность девочки оскорбляет ее в глазах окружения.

Рисунки VII, VIII, IX, X

Вот два ребенка, пришедшие на консультацию с диагнозом отсутствий. Мальчик 14 лет (рисунки 7, 8), девочка того же возраста (рисунки 9, 10). Мальчик не мог ничего ответить; когда с ним говорили, он смотрел блестящими глазами и, казалось, ничего не слышал из того, что произносилось. Родители рассказали, что еще 6 месяцев назад он был «настоящей девочкой» в доме, готовил еду, помогая матери, всегда молчаливый, всегда активный, образцовый ребенок. В последнее время, когда с ним говорят, он забывает к концу фразы, что ему говорили в начале. Он не был хорошим учеником, сейчас стал двоечником. У него не было никаких взрывов характера, никто так и не понял причин, но он сбежал два раза на весь день без всяких объяснений по поводу этих долгих отсутствий, в течение которых, по видимости, не ел. Он не ворует, не лжет, существование, целиком ушедшее в отсутствие контакта. Я попросила его сделать рисунок на свободную тему, и, к моему удивлению, этот маленький мальчик-девочка, послушный, погасший, рисует девственный лес и с другой стороны поросенка с перебитыми лапами, наполовину утопленного в чем-то расплывчатом.

Рисунок 7

Рисунок 8

Понимание конфликта, который был бессознательным у этого мальчика, мне позволило, благодаря этим двум его рисункам, объяснить ему, что он был в плену у внутренней растерянности. Он не мог больше жить в доме, где считал себя обязанным оставаться фальшивой послушной маленькой девочкой, в то время как его инстинкты мальчика в пубертатном возрасте заставляли думать о проблемах инстинктов (джунгли), которые делали его агрессивным, т. е. самцом и в то же время «поросенком». Нужно было прятаться от самого себя, и именно это он и делал, не совершая этого нарочно, сбегая и теряя память, посредством чего он показывал одновременно отказ жить в обществе новым образом и невозможность понять жизнь. Речь шла в данном случае о юноше сексуальными тенденциями, полностью вытесненными чувством вины, — и отсутствия, так же как и побеги, моментально исчезли. Шизоидный характер остался, но он очень хорошо адаптировался к училищу, где им довольны, так же как и у него дома. У него есть «подружка», серьезная ученица, и товарищи.

Рисунки IX и X сделаны девочкой 14 лет, у которой были отсутствия другого рода, отсутствия, которые ее заставали в середине жеста, и она оставалась два-три часа неподвижной, как будто остановленной в середине упражнения. Мать, вдова с той поры, как ребенку исполнилось 3 года, жила с ней одна без всякой близкой социальной связи, мужской или женской. Она проявляла себя со своей дочерью, как очень аффективная мать и сама еще совсем ребенок. Малышка была

блестящей ученицей, всегда получавшей призы за отличную учебу, и из-за своих отсутствий, случавшихся лишь дома, ей приходилось иногда не посещать школу. Она пробуждалась после этих коротких или длинных моментов неподвижности и не помнила ничего. Она умоляла мать вывести ее из этих состояний отсутствия, но если та пыталась это сделать, девочка, которая в нормальном состоянии бодрствования была всегда любящей, вежливой, нежной с матерью, проявляла тогда звериную грубость и даже становилась опасной (по словам матери) и с трудом пробуждалась. Если, однако, материнская настойчивость прерывала отсутствие, у девочки были головные боли и рвота весь остаток дня.

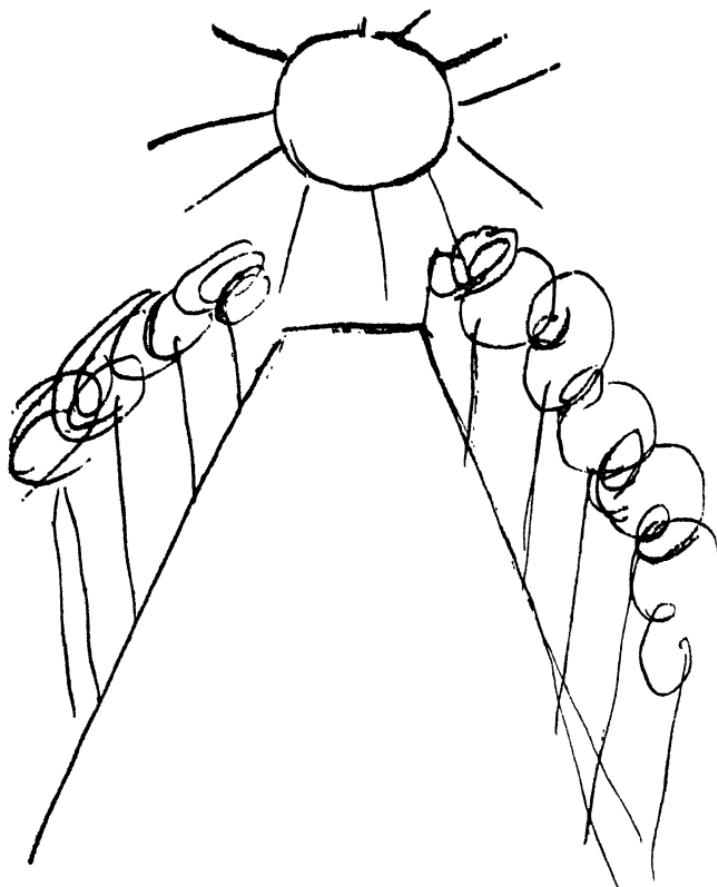

Рисунок 9

Рисунок 10

Рисунок IX — это схема первого рисунка, который она мне сделала на листе очень большого формата. Сразу можно сказать, что речь идет о ребенке, главной проблемой которого является отсутствие отца. Это солнце, которое великолепием фиксирует центр страницы, эта дорога, которая поднимается к нему и разбита, это все — зов девочки, ставшей женщиной, у которой никогда рядом не было мужчины, который бы занялся ею. На этот раз речь идет об исте-

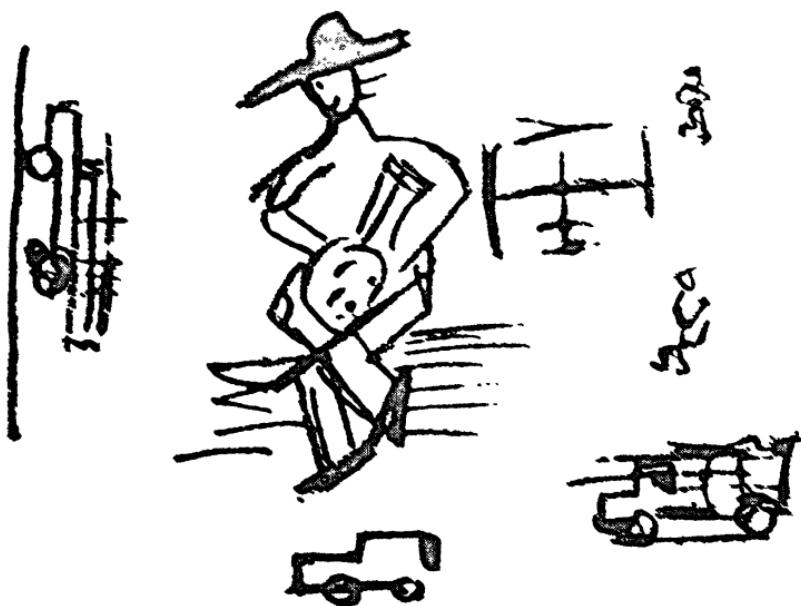
рических отсутствиях, и прогноз весьма благоприятен при условии, что мать и дочь будут жить отныне более социальной жизнью. Действительно, немного времени спустя девочка принесла рисунок X: девушка, кокетливо одетая, в украшениях, ожидает с доверием красивого молодого человека.

Благодаря более нормальной жизни двух женщин душевное равновесие девочки полностью вернулось. Из-за войны мать стала искать новое место работы, т. к. была служащей в течение 15 лет, единственным бухгалтером на маленьком предприятии. Дочь сообщила мне год спустя, радостная, что мать выходит замуж. У нее самой дела шли очень хорошо. Может быть интересным, что эпилептические отсутствия характеризуются в рисунках пустыми образами, лакунами, главным образом, в цвете. Эти лакуны естественным образом оправданы для ребенка. Например, это облака или лужи на траве или отражения и просветы в листве или отметины в шкуре животных, короче говоря, речь идет о лакунах, которые не имеют смысла, которые бесполезны для понимания нарисованной темы и которые всегда обнаруживаются во всех рисунках одного и того же ребенка. Здесь еще нужно обязательно сказать, что один рисунок может иногда вывести на путь диагноза, но было бы неосторожным делать поспешные выводы, не имея серии рисунков ребенка, на которых основные характеристики должны всегда появляться и быть значимыми для психологической структуры автора, спроектированной в его рисунке, более чем для аффекта, переживания или случайного ощущения без глубокой значимости с точки зрения психологической структуры.

Рисунок XI

Мальчик 13 лет. Болезнь тика, скрывающая тяжелое навязчивое состояние. Этот рисунок, выбранный из тысячи, на первый взгляд типичен для невроза навязчивости, что видно из маленьких рисунков, усеявших лист бумаги и не имеющих никакой логической связи между собой ни во времени, ни в пространстве. Этот мальчик страдает с возраста 7 лет шумными моторными тиками, его ноги подвержены внезапным разрядкам, из-за них он бьет ногами все, что находится рядом с ним. В то же время он выкрикивает ругательства компульсивным образом, более-менее громко, открывает рот, показывая зубы, щелкает языком, как возчики, ворчит и иногда испускает гуттуральные крики. Это состояние очень стесняет его в школе и утомляет. На рисунке мы видим 3 автомобиля, 3 человечка, у двух снята теменная

часть черепа, скаутский крест. Его родители умственно отсталые типа маленьких служащих, очень правильных. Он был воспитан в очень религиозном духе родителями, сами они не практикующие. В школе он проявил себя очень умным в начальных классах, и его «подталкивали» в учебе, чтобы он стал учителем начальных классов. Его мать, домашняя мученица, относится к нему как младенцу. «Это некрасиво, это невежливо, это нехорошо», — единственныe речи, которые она с ним произносит, к этому добавляется, что «мы идем на все жертвы, чтобы он был успешным». В доме для него нет места, кровать ему ставится вечером у входа. Его отец не хочет его видеть, потому что никогда не хотел иметь ребенка, — и жизнь ему дает мотив — особенно с возраста, когда от мальчика столько шума (из-за болезни он шумит еще больше, чем другой). На самом деле, это ребенок, имеющий исключительную память, но никаких суждений и никакого собственного опыта. Он чувствует преграду в своей эволюции. Идеал правильной семейной жизни — это грудной ребенок, не имеющий пола. Кроме радиоприемника, все мертвое внутри дома, и в 14 лет у него нет права притрагиваться к ручкам настройки радиоприемника. Скаутский крест представляет его идеал выхода из беззвучности среды, но и здесь родители ему отказывают в доступе, потому что взрослые обеспечивают лучший присмотр. Мальчики, которые уходят вместе, это несерьезно, и это дорого, костюм и прогулки. Что явно в этом рисунке, так это преграда любой двигательности. Скрещение на себе любого динамизма, мир, где нет пространства и времени, где все это движется. Этот самый субъект никогда не рисовал ни растения, ни цветка, ни воду, ничего, чтобы напоминало природу. Все, что природное, мертвое и осталось лишь в форме спрятанных сексуальных навязчивостей, компульсивной мастурбации (см. половой член центрального персонажа). Следует отметить, что тики появились по возвращении из поездки на родину родителей, где ребенок, который до тех пор никогда не был в деревне, почувствовал себя настолько счастливым, что «распоясался», как говорила мать. Произошла темная история с наследством. Дедушка по линии отца умер, его тяжелая болезнь была причиной поездки. Им были припрятаны сбережения, и отец больного мальчика, зная об этом, дал себя обокрасть одному из своих братьев. Он устроил сцену жене на глазах у ребенка, в которой проявились намерения его убить своего брата, что тогда страшно напугало его жену. И семья вернулась в Париж, закрылась в своих двух комнатах без солнца, и ребенку ни разу не разрешили выйти поиграть на улице. Тогда и появились тики.

Рисунок 11

В течение года состояние ухудшалось, а обучение в школе стало трудным. На рисунке видно, что единственная машина, перед которой есть часть дороги, находится в вертикальном плане перпендикулярно к плану оставшейся части листа. Вырваться невозможно. В настоящее время, учитывая аффективную семейную конstellацию и аффективный уровень ребенка — не имеющего никакой аффективной помощи ни от кого — лечению он не подлежит. Ситуация на троих закрыта на себя. Родители не хотят, чтобы он получил психологическое лечение, из-за которого он не будет справляться с уроками или избежит присмотра взрослых, если это четверг, школу, если это другой день. Родители не хотят с ним разлучаться (мать, ибо отец этого просит, но не хочет утруждать себя, чтобы сказать). Им неприятны жалобы соседей, которым мешает шум тиков мальчика, но они хотят вопреки всякой надежде верить, что мальчик делает это по злой воле и что с возрастом это пройдет. Как только после нескольких сеансов психотерапии у ребенка немного уходит напряжение, это становится доказательством того, что речь идет о его воле, и ему нельзя прийти снова на консультацию, а мать бегает одна по врачам, чтобы иметь рецепты

глистононных средств, которые без конца дает ребенку, хотя у него никогда не было глистов. Через два-три года во время усиления пубертатных процессов усугубление болезни заставит семью поместить его в учреждение, и тогда, может быть, психоанализ сможет, развязав узел навязчивости, высвободить его креативные силы.

Рисунки XII, XIII

Девочка 15 лет. Типичные для шизофрении рисунки.

На них представлены элементы очень хаотичных периодов развития, размытая среда, изображенная червообразными линиями («навозная куча», «вода», «ничего»), где утоплены формы, появление которых имеет кошмарный вид.

Рисунок 12

На рисунке XII что-то вроде человеческого лица, слегка напоминающего карикатуру верхнего лицевого массива матери, лишенное подбородка, ушей, ноздрей, волос. Его круглый глаз, увиденный как бы в профиль, кажется затерроризированным змеем, тело которой покрыто шевронами из очень черных ломаных линий.

Рисунок XIII изображает другое лицо, изливающее эту самую жуткую ватную воду, откуда, кажется, выходит шевелюра, — и в этот раз не змея ее завораживает, но человеческая форма в шляпе, которую

носит ее мать, тот же выступающий рот и единственный фаллический член, как кажется, выбрасывают вперед эту голову из магнетических, пагубных испарений. Слева часть листа оставлена и изображена особая форма, которую мы видим во многих рисунках самых маленьких детей и шизофреников. Эта форма нарисована в оси, перпендикулярной оси, в которой нужно смотреть правую часть рисунка. Эта форма находится, вероятно, в связи с переживаниями, ощущаемыми в области священного сплетения, которое запускает возбуждения и одновременно получает ощущения окончания пищеварительного тракта и нижних конечностей (нижний вегетативный полюс и нижний двигательный полюс).

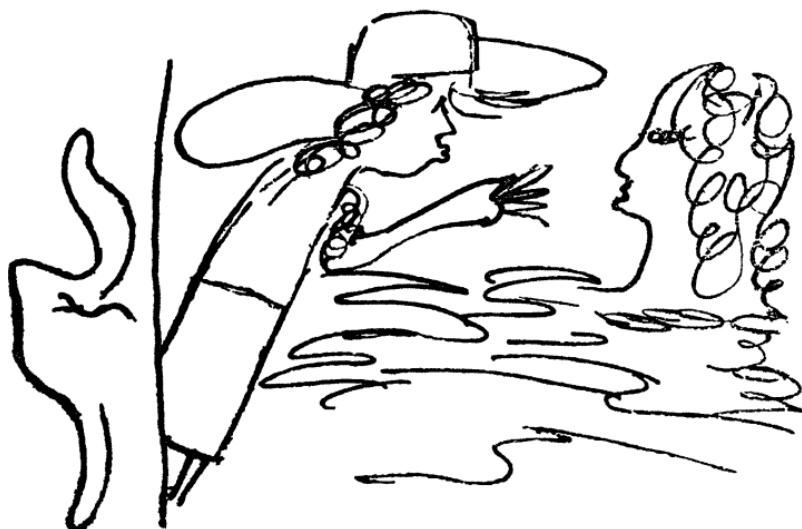

Рисунок 13

Если мы будем сравнивать этот рисунок с рисунком VII, на котором шевроны не столь явно видимы, мы все же увидим в нем изображение змеи, очень связанное наложением с изображением ствола дерева, окруженным лианой. У других субъектов, где травмирующие события преобладали в раннем детстве, обнаруживаются эти фаллические изображения, покрытые ломаными линиями. Речь идет во всех случаях об очень закрытых характерах с явно шизоидными тенденциями. В настоящее время у пятнадцатилетней девушки,

автора двух рисунков XII, XIII, значительное улучшение клинической картины, благодаря лечению особой техникой, нацеленной на анализ ее ментальной структуры, независимо от любого намека на ее социальную, семейную установку и личное поведение. Лечение продолжается, однако прогноз очень сдержаненный.

Я выбрала эти два изображения среди многих других, потому что они представляют типичные рисунки при тяжелой шизофрении. Клинически они соответствовали девочке-параноику, когда у нее еще совершенно не было шизофренического поведения, девочке, отец и мать которой являются психопатами, живущими отдельно, а несколько членов семьи — шизофреники в стационаре.

Рисунки XIV, XV, XVI

Девочка 14 лет, перверсивное поведение.

Эти рисунки типичны для того, что в клинике называют инстинктивной перверсией. В них представлены характеристики, которые заметны: хаотический и лишенный равновесия мир и с социальной точки зрения, и инстинктивной.

Рисунок 14

Рисунок XIV: изображение природы на листе на три нижние четверти чистом, полоса слева, которую девочка называет «вода», продолжается справа каменной стеной (это вода становится камнем, горизонтальные штрихи слева вертикальны справа, у стены нет объема). Наверху в треугольнике, открытом слева, в котором, говорит ребенок, небо и воздух (позади воды, не забывайте), есть «букет» деревьев, в центре дом, для девочки это не колокольня, как можно было подумать, это дом. Над этой землей и этим небом есть деревья: нарушение порядка едва прорисованных элементов природы. Ребенок никогда не смотрел на природу и живет в мире без опор, мире «в себе».

Рисунок 15

Рисунок XV: лист разделен пополам вертикально, слева он отображает потребность пить (инстинкт орального возраста), ассоциированную со стабильностью (стол), справа — автопортрет субъекта. Видны ошибки в пропорциях со стороны потребностей (в графине не содержится столько вина, сколько в стакане с вином), у стола четыре ножки (девочка стерла две из них), у стакана четыре выемки, у графина маленький фаллический колпачок, одна ножка стола зачернена, как будто отрезана, и скатерть как будто инкрустирована в эту ножку. Все это объясняет нам очень большую жажду, проис-

хождение которой находится в инстинктах либидо орального возраста и в утверждении комплекса вирильности в т. н. дебоше.

Автопортрет девочки справа, называемой первверсивной, нам показывает калеку, лишенную всех суставов, нечто вроде нарциссического образа маленькой куклы, схватившейся одной фаллической рукой (другая атрофирована и кисть отрезана) за свою сумочку, куда погружена кисть и держит ее изнутри.

Рисунок XVI: семья, ее семья, ее отец, ее мать, и она, представленная маргариткой. Интересно знать, что эта девочка двенадцати с половиной лет нормального интеллекта по тесту Бине — Симона, к всеобщему удивлению, стала себя вести, как большая дебилка с постоянно ухмыляющимся лицом, ходила, как если бы у нее был двойной врожденный вывих, а в правой руке носила сумку совсем маленькой девочки. Она так и не смогла регулярно посещать школу, обескураживая всех учительниц, которые останавливались при ее уродливом виде. Помещенная в центр для физических и умственных дебилов из-за своего эротизма, негативизма, склонности к нарушению дисциплины, к грубости, к эротическим проявлениям, к кражам продуктов питания и другого, она была отправлена в больницу с целью официального помещения в приют.

Рисунок 16

Перверсия этой девочки была излечена за несколько недель психологическим лечением, нацеленным единственно на то, чтобы дать ей осознать космические реалии (что не может быть воды в середине воздуха, ни стены, сделанной из воды, ни содержащего меньше

содержания, ни частей человеческого тела без суставов, ни предметов, поставленных вне опоры, которая их держит, ни причины без следствия). Осознание законов природной, телесной, социальной жизни смогло одновременно исправить графическое выражение и двигательное и аффективное выражение ребенка.

Столь быстрое излечение случая, внешне столь безнадежного с моральной, интеллектуальной и социальной точек зрения, дает много надежды, что касается лечения клинических перввертов, когда те приносят рисунки, представляющие характеры, которые мы видели. Настоящие первверты в поведении в возрасте почти взрослом или взрослом есть, вообще говоря, грудные младенцы в физиологически зрелых телах, и прогноз после лечения может быть изменен. Заметим по случаю рисунка 16, что субъекты, изображающие самих себя цветком, выражают таким образом свою нарциссическую аффективность при невозможности идентифицировать себя с людьми, т. е. при отсутствии социальной адаптации. Маргаритка более инфантильная, потому что самая асексуальная из изображений самого себя в форме цветка.

Рисунки XVII, XVIII, XIX

Три типичных рисунка травматизма.

Психические травмы или, скорее, единственное, главное событие, которое послужило случаем для травматизма аффективности или даже всей личности субъекта, являются «удачами» для психотерапии. Это случаи, когда за несколько сеансов можно получить полное клиническое выздоровление субъекта, если он не очень отдалился от травмы, т. е. если он еще остался аффективно в начальном или почти начальном состоянии, в которое из-за своей травмы попал.

Рисунок XVII: это первый рисунок девочки 13 лет, который позволил мне поставить диагноз сексуального травматизма, случившегося в детстве.

С клинической точки зрения речь шла об ученице, отставшей в учебе на два года, с задержками социальной адаптации, ленивой, врунью, воровке, апатичной и не имеющей друзей. Третья девочка в семье, она проводила время в ссорах со старшими сестрами, которые уже работали вне семьи и приходили поесть. В отсутствие сестер, в отсутствие отца она оставалась с матерью, следовала за ней в ее занятиях, не помогая ей, сама никогда ничем не занималась. Иногда она делала робкие попытки начать рукоделие, но была неспособна продолжать. Когда она была маленькой, все говорило о том, что она

живая и умная. С клинической точки зрения речь идет, следовательно, о беспомощной девочке 13 лет, которая ведет себя как 4–5-летняя девочка, фиксированная на матери.

Рисунок 17

Посмотрим на ее рисунок. Взрослая женская форма, слишком большая для рисунка, опирается на бледный ствол дерева. Она перегнута пополам, верхние конечности негнувшиеся, без суставов и прижаты к телу, нарисована только одна рука или, скорее, метла (нет большого пальца, противопоставленного остальным), другая рука, которую не видно, держит на поводке собаку почти без лап, такую же напряженную и негнувшуюся, как хозяйка.

Нижние члены, напряженные, без колен, прижаты друг к другу, ступни под прямым углом. На втором плане детская коляска, без настоящих спиц на колесах (что очень важно с точки зрения структуры личности), два черных колеса, два белых колеса, зонт и также другая фаллическая форма на шляпе у женщины, круг с тремя точками — схематизированное лицо младенца без тела в этой коляске, несколько стволов деревьев на земле.

Глядя на этот рисунок, можно сказать, что вся женственность в этой маленькой девушки тринацати лет (уже имеющей менструации) искалечена, она не может идти к сексуальности своего возраста, она потеряна в лесу своих инстинктов, в положении навязаннойнейтрализации. Ухватившись за свою животность, кастрированная и без лап, она смотрит беспомощно на коляску, слишком маленькую для нее, опираясь на какое-то недостаточно крепкое здоровье (дерево, растительное). Действительно, со временем своего пубертата она держится сутуло, «вялая», и говорит, что она все время усталая. Она также младенец в коляске, в беспокойстве смотрит на черный рог мужского зонтика, привязанного к коляске.

Имея этот диагноз явного травматизма соединения страха и женственности, я сказала несколько слов девочке, и та мне ответила: «О да, мужчины, они бьют женщин!» Мать, очень молодая, с ней я говорила после, сначала рассказывает мне, что она всегда очень хорошо воспитывала своих дочерей, и что ничего такого они не могли видеть. Девочка глядела на меня очень внимательными глазами. Мать мне сказала, что во время войны около пяти лет назад ее отдали в деревню, и она испугалась пары, которая дралась, пары, которой она была доверена на некоторое время, но, вернувшись в семью, она в то время оставалась прежней. Как кажется, было правдой, что родители ребенка хорошо ладят друг с другом. Но мать отсылает девочку и, оставшись со мной, говорит, что не связала одно с другим, но это правда. Девочка испытала глубокую травму в семь лет, и как раз вскоре после этого она стала «странный» и больше не была, как раньше.

Она была завлечена упаковщиком пирожных из мастерской Национального вспомоществования, пристроенной к школе, и девочка часто была с этим мужчиной, который занимался с ней мастурбацией и давал пирожные до того дня, пока другая девочка, завлеченная им тоже, не рассказала об этом. Это вызвало большой шум. Служащий был уволен, а девочка, о которой мы сегодня говорим, была на несколько дней исключена из школы по причине растленного нрава. Из уважения к родителям девочку вернули в школу после этого временного устранения.

Девочка потратила две недели, чтобы с нашей помощью вспомнить событие, которое полностью вытеснила. И, благодаря воздействию психотерапии на прояснение вопроса, вызвавшего любопытство сексуальностью и моралью, ее состояние томления, лености, инфантилизма и школьной неуспешности исчезло за несколько недель, к удивлению школьной учительницы.

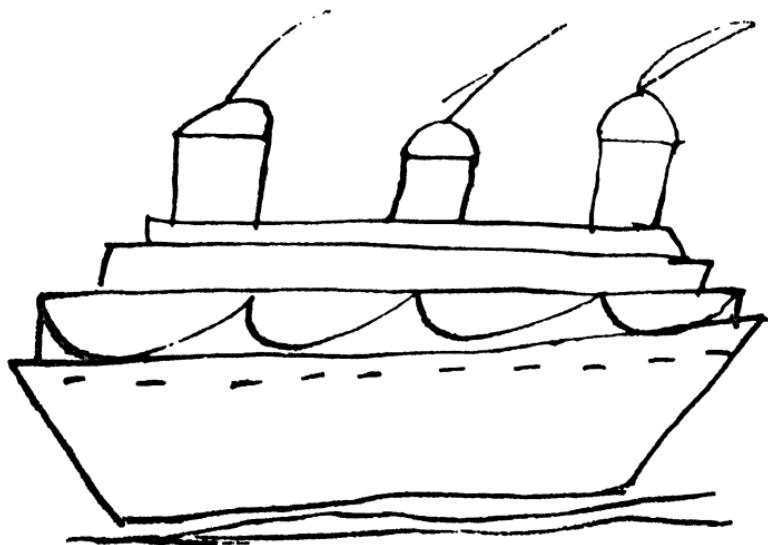

Рисунок 18

Рисунок XVIII: рисунок мальчика семи лет, вернувшегося из Берка, где он провел год — от пяти до шести лет — из-за белой опухоли колена, там излеченной. У него нарушения характера параноидального типа, его нельзя запугать, бунтарь, агрессивный, наглый, недисциплинированный, неопрятный. Он пишет в постель уже какое-то время после приезда из Берка. Он был чистоплотен с двух с половиной лет. Это ребенок, совершенно отличный от того, каким он был до пяти лет. Его умственный уровень нормальный. Он сделал для меня этот рисунок, но не хочет подойти ко мне. Он чувствует себя затравленным всем, что ему напоминает врача или медсестру. Посмотрим на этот рисунок, по поводу которого я не получила ни одной ассоциации мальчика. Фаллическое требование как пельзя лучше выражено эксплицитно. Это беспокойный бунтарь, который, должно быть, был травмирован в своей мужской аффективности и непременно получил угрозу быть кастрированным. Корабль не имеет больше контакта с морем (матерью¹), у него еле-еле есть отверстия, иллюминаторы — это линии, ребенок закрыт для всего, кроме требования своего права быть агрессивным. Мать мне рассказа-

¹ [Во французском языке слова «море» и «мать» — омофоны.]

зала, что, приехав в Берк, он, конечно, очень заскучал по ней, т. к. он был очень привязан к ней до отъезда. Он снова стал писаться в постель в палате. Медсестра была этим очень недовольна. Это была женщина, для которой наваждением, судя по тому, что об этом говорит мать, по видимости, была идея мастурбации. Она не давала детям класть руки под простыни в течение долгих часов их пребывания в кровати. Через полгода мать поехала навестить ребенка (можно представить, с какой радостью малыш должен был ждать этого визита, мать тоже). Но как только она приехала, ее заставили подписать бумагу на согласие совершить обрезание мальчику, потому что «ему пообещали, что если он будет дальше писать, когда мать придет к нему, “ему ее отрежут”», в соответствии с принятым выражением. Мать была очень удивлена, но подписала бумагу для операции, считая, что хорошо сделала для своего малыша, однако ее «всю перевернуло», когда она увидела своего ребенка в растерянности, грустного, они едва смогли найти контакт, потому что она пробыла с ним два дня, и один из этих дней был днем операции.

Я посоветовала матери более сердечное поведение. Не отдавать его сразу же в школу, но гулять с ним, как до отъезда, в сквере, баловать его немного, как раньше, много говорить с ним о том, что было до этого, относиться к нему снова как к пятилетнему ребенку, ласкать его, но ничего от него не требовать, ни «здравствуйте», ни «до свидания», ни предупредительности, ни вежливости или любящего отношения к окружению. Говорить с ним о том, как скучала, когда он уехал, что не могла ни писать ему — он не умел читать, ни навещать его — у нее не было достаточно денег. Чтобы отец тоже поговорил с ним о злых медсестрах, о мастурбации-утешении, это не так плохо, когда нечего делать. Короче говоря, чтобы он позволил ребенку выражать немного свою обиду на то, что над ним совершили насилие в отношении его пола и бросили в сердечных переживаниях.

Мать пришла несколько недель спустя сказать мне, что малышу стало совсем хорошо, он больше не писался в постель, был любящим с родителями, но что после нашей консультации и всякий раз, когда она, вместо того чтобы наказать, обнимала его, он плакал, что даже задыхался, и плакал несколько дней почти без остановки прежде чем восстановился в своем прежнем характере.

Рисунок XIX девочки тринадцати лет, которую я консультировала по просьбе ее родителей, «чтобы она работала немного лучше». На самом деле речь шла о бесконфликтной девочке, без менструаций, пребывающей в женском поведении, немного пассивном и ребяческом,

без нарушений характера. Хорошая общительность, но полное сознательное отсутствие желания взросльть. «Я счастлива, как я есть, я хочу стать большой, потому что это так есть, но у меня нет желания, чтобы это наступило быстро». На ее рисунках, обычно очаровательных, изображена мирная природа или, когда речь шла о людях, представители профессий, касающихся шитья, или мамы, занимающиеся малышами, мужчины — это были всегда крестьяне — занятые на полевых работах.

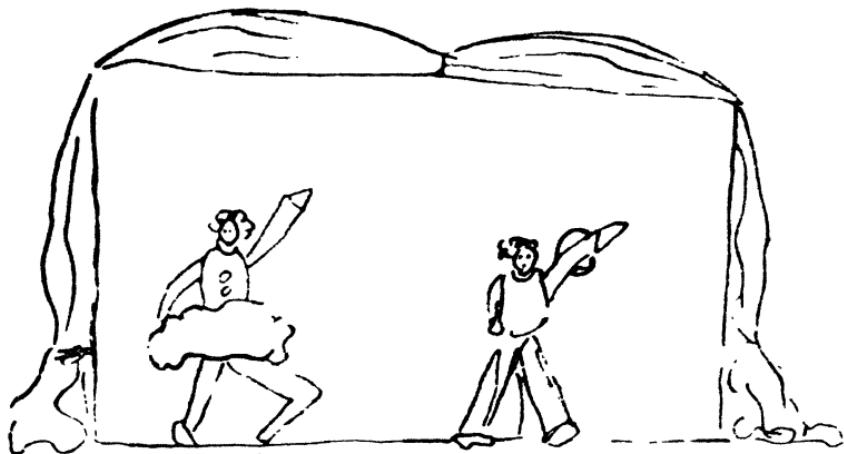

Рисунок 19

Она мне принесла этот рисунок, где меня удивила такая сексуальная откровенность у этой ясной девочки, без стыда и без страха. Это был единственный рисунок такого толка, который она когда-либо приносila, в то же время она мне показалась очень возбужденной. Она мне сказала об этом рисунке, что он побуждает ее думать одновременно о двух вещах: об утреннике у нее в школе в следующее воскресенье, где ученики будут танцевать, и о вчерашнем уроке, на котором «молодой человек» (так!), преподаватель гигиены, пришел провести с ними занятие. Он с ними говорил «о мамах, младенцах и все такое». После занятия ученицы были очень возбуждены. Она мне рассказала, как учитель был одет, цвет его глаз и галстука и в этой же фразе произнесла, что этой ночью не почувствовала ни левой ступни, ни левой ноги, и если нет менструаций, то это значит, что будет ребенок, и что девочки и мальчики неодинаково сделаны, т. д... Я не знаю, каким был на самом деле текст урока гигиены, но было явно, что эта спящая

вода была приведена в бурное движение в одинаковой степени взволнованным восхищением молодым человеком и его галстуком и разговорами о сексуальности, месячных девушек, младенцах, разговорах, которые привели в живость класс вследствие занятия и дали ей почувствовать ее неполноценность по отношению ко многим из ее подруг, физиологически более зрелым. Не нужно, таким образом, всегда делать заключение о травматизме по рисунку, который является травматизмом. Речь идет о том, что занимает в данный момент аффективность его автора. Лишь анализ с помощью ассоциации, идей вокруг рисунка, его латентного содержания и переживаний, которые это исследование пробуждает у субъекта, позволяет делать надежную работу. Рисунок — это свидетельство, которое обязательно нужно пропустить через сито клинического и психологического исследования.

Рисунок XX

Рисунок XX: это рисунок первого и единственного сеанса, выполненный ребенком семи лет, по поводу которого мать пришла со мной проконсультироваться по совету школы. Клинически речь шла о крайней застенчивости, компенсированной постоянными гримасами и провоцирующей агрессивностью. В школе застенчивость мешала ему отвечать на вопросы, но как только учительница на него не смотрела, он высовывал язык и показывал ей нос.

Такое состояние, очень стесняющее в коллективе, было до сих пор не замеченным, ребенок до семи лет ни разу не был в школьной среде и никогда не играл с маленькими друзьями. В этом рисунке ситуация на двоих, если я осмелюсь так сказать, бросается в глаза: замок вне всякой реальности, нет земли, травы, дерева или неба, две башни, две синих двери, два синих окна на каждой башне. Эти две башни по бокам центральной массы с дверью с двумя створками, два раза по два желтых окна, одна совсем маленькая труба, окруженная двумя домиками, каждый со своей маленькой трубой, на которых два раза по два окна. Заостренные крыши башен несут в очень нестабильном равновесии платформы с зубцами, где солдаты стоят на карауле (еще два раза по два солдата).

Было очевидно, что этому ребенку не удается выйти из ситуации на двоих. Действительно, он был последним в семье с тремя детьми, у него был брат девятнадцати лет и брат одиннадцати лет, но он жил совершенно в стороне от всей семьи. У мальчика никогда не было

контакта с отцом, потому что тот его не видит. Он уходит до рассвета и возвращается после заката. В полдень мальчик обедает в школе, и в воскресенье с ним сидит и полностью занимается няня, к которой он был полностью прикован вплоть до его недавнего поступления в эту маленькую школу.

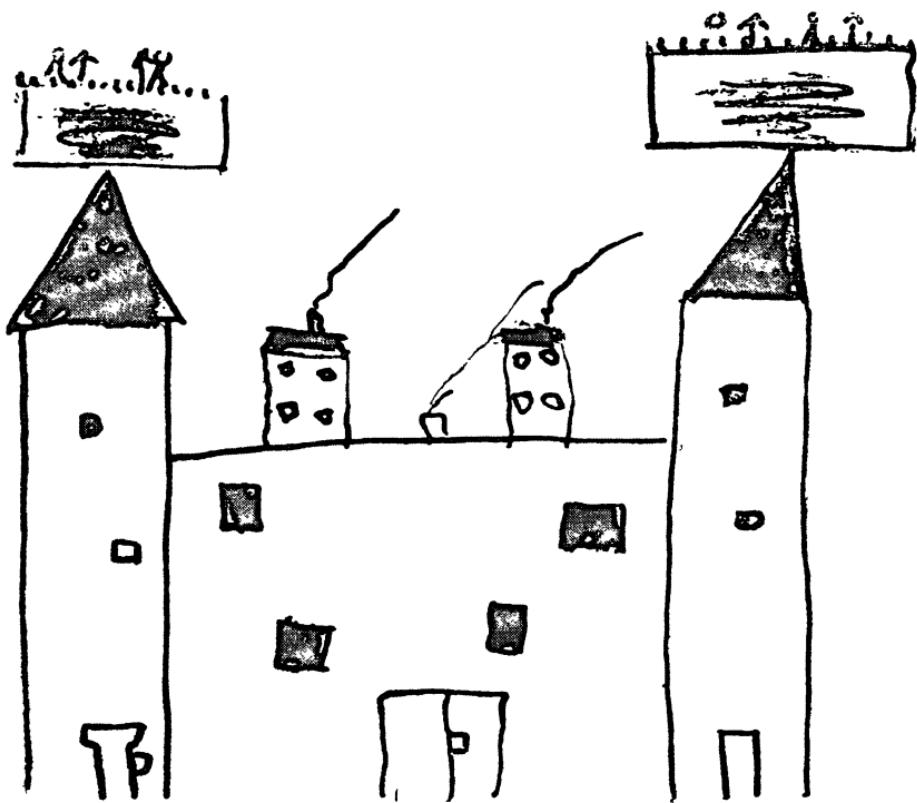

Рисунок 20

Достаточным оказалось объяснить матери, что лучше для ее ребенка было бы немного меньше спать и жить жизнью семьи (питаться вместе со всеми, ребенок ел совсем один, как когда он был младенцем). Достаточным оказалось успокоить мать относительно случая, если ребенок рассердит отца, как боялась мать, потому что тот не любил маленьких, чтобы через очень короткое время я узнала

от школы, что ребенок изменился и совершенно адаптировался к ритму школы после того, как мать последовала моим советам.

Этот рисунок интересен лишь тем, что показывает, как можно посредством только рисунка обнаружить у ребенка, застенчивость которого такова, что с ним невозможно войти в контакт в очень короткое время (последние десять минут первого сеанса после опроса родителей), невротическую ситуацию и способствовать благоприятной эволюции, независимо от психотерапевтического лечения, которое не всегда необходимо.

**СЕНЕСТЕЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ
УДОВОЛЬСТВИЯ ИЛИ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ,
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУВСТВА ВИНЫ
(1948d)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на французском:

1948: Les sensations cœnsthésiques de bien-être et de malaise; origines des sentiments de culpabilité. // Psyché. — 1948. — 3e année t. 3. — № 18—19. Avril—mai. — P. 468—482.

Это сообщение было сделано в рамках дней, организованных «Psyché» в Руайоне, темой которых был анализ чувства вины (январь 1948).

Перевод с французского Л.А. Пушкиной. Ред. И.Б. Ворожцовой.
На русском языке публикуется впервые.

В течении этих заседаний речь шла о модальностях чувства ошибки, т. е. (сознательного) чувства вины, а также о тесных связях между этим сознательным чувством и тем, что психоаналитики называют, не найдя пока более подходящего термина, бессознательным чувством вины; были показаны также его отношения с механизмом неудачи и чувствами комплекса неполноценности. Д-р Лафорг говорил об умиротворении, которое религии, и особенно католическая религия, могут дать бессознательному чувству вины верующих. Я хотела бы как детский психоаналитик внести свой скромный вклад в это исследование на материале нескольких клинических наблюдений первых проявлений чувства вины.

Когда ребенок при помощи оценочных слов хорошо или плохо, добрый или злой начинает выражать моральные суждения о своих поступках и о поступках других, эти суждения всегда связаны с определенной мимикой, открытой или закрытой, принятия или отказа, и даже протеста. Это предполагает, что у ребенка, с одной стороны, есть понятие свободы выбора (он считает, что знал, что можно было не действовать), и что он ищет, с другой стороны, подтверждения у другого — старшего или взрослого, предпочтительно взрослого родственника, которого он любит, потому что зависит от него в своем благополучии и что, тем самым, он доверяет ему априори — подтверждения оценки, которую он высказал. Взрослый, кажется ли он «довольным» или «недовольным»? Вот что имеет значение. Если взрослый доволен, это хорошо, ребенок чувствует себя хорошим; если нет, это плохо, он чувствует себя плохим.

И, наоборот, любопытно констатировать, что когда ребенок заявляет, что какая-нибудь вещь (но не действие и не человек) «хорошая» или «плохая», он не спрашивает мнения у взрослого. Он может не соглашаться с эстетическими, вкусовыми или сенсорными суждениями взрослых, и даже быть против безболезненных проявлений (за исключением случая очень пренебрежительного воспитания по отношению к свободе личности).

Из этого можно вывести, что шкала ценностей «хорошо — плохо» вырабатывается в психизме не по тем же правилам, что шкала

ценностей «хороший — плохой», «приятный — неприятный», «красивый — некрасивый»¹.

В том, что касается вкусовых восприятий, важно, что они являются прямыми восприятиями, связанными с нашими индивидуальными особенностями, и которые вследствие этого мы ощущаем как абсолютные, т. е. без отсылки к другому. Биологи утверждают даже, что некоторые вкусовые ощущения — атавистические².

Чувство хорошего или плохого, которое сопровождает любой поступок, закладывает шкалу ценностей, которая складывается в отношенческом контакте со средой. Эта шкала вырабатывается в каждом из нас посредством последовательности речевых опытов, иногда одновременно речевых и сенсорных, испытанных в эксперименте; прожитых в любом случае в контакте с другими, т. е. в отношении с контрольной социальной средой, окружением. Ребенок никогда не уверен в том, что хорошо или плохо; он уверен только в том, что дает ему хорошее или плохое для жизни, т. е. в ощущении; и это ощущение является экспериментальным. Тогда как добро и зло могут быть привиты только речью, которая тормозит экспериментирование: речь, которая мешает ребенку делать или повторять тот или иной опыт.

Во всяком случае, фактически ребенок, который начинает говорить о добре и зле, родился не вчера, он уже очень сложное существо. Значит, важно, подчеркнув различия, которые, на наш взгляд, существуют между этими двумя типами шкал ценностей — «хорошее — плохое» и «хорошо — плохо» — вернуться к их связям: изучая этапы эволюции ребенка по отношению к «хорошему»

¹ Что касается этой последней шкалы ценностей, «красивый — некрасивый», она заслуживает специального исследования, поскольку исходит одновременно из ценностей, испытанных и зафиксированных субъективным образом, и ценностей, приписанных тому, что другие выразили в речи. Как бы там ни было, эстетический вкус, визуальный и музыкальный, может ускользнуть от влияния другого и, как следствие, остаться автономным. Есть, без сомнения, в зависимости от детей и диады мать — ребенок матрицы отношения с опекающим взрослым, более или менее обостренная чувствительность к влиянию музыки и речи.

² В США, однако, провели эксперимент относительно способа, каким новый продукт питания представляется детям в возрасте десяти-одиннадцати месяцев. Было отмечено, что эти дети отказывались пробовать этот новый продукт (телячья печень), если человеку, который им давал, он не нравился, даже тогда, когда тот ничем не показывал своего отвращения. Речь, следовательно, идет о фобическом переживании, внушенном бессознательно. Эксперимент показывает, что оно не оставляет следа, и что ребенок, открывший продукт с человеком, которому он нравился, затем принимает его, даже если продукт был дан тем, кто его не любит.

и «плохому», начиная с момента его рождения до формирования его первых сознательных суждений о добре и зле (суждений, высказанных другими, которые он слышит; суждений, сформированных его собственным опытом, но которые он может высказать, только начиная с года-полутора лет; затем с помощью слов других людей, но не раньше двух с половиной-трех лет).

Наблюдать здесь — это ни в коем случае не наблюдать только за поведением. Детская психология, психология совсем маленьких детей опирается только на критерий мимики и жестов ребенка, потому что в этом возрасте человеческое существо не может выражаться по-другому. Ребенок идет к вещам и людям, когда a priori он позитивно настроен по отношению к ним, т. е. когда они вызывают у него аппетит и когда притягивают его. Но если он активно выступает против, было бы поверхностным из этого заключить, что он не испытывает притяжения, если не понять под этим, что то, о чем он знает, что не любит, ему навязано против его воли. В этом последнем случае ребенок защищается какое-то время. Некоторые дети подчиняются затем на всю жизнь; другие с сожалением, но затем рано или поздно они восстают. В более общем случае противостояние чему-либо может быть у ребенка знаком сильного притяжения к этой вещи с примесью страха по причине различного рода неприятностей, которые могут повлечь за собой действие, которое в его контексте напоминает ребенку опыт, уже повлекший неприятные последствия (сенсорные эффекты, нотации, несогласие или агрессивность со стороны взрослых).

В присутствии вещи или человека, которые кажутся ему хорошими, потому что они ассоциируются со знакомыми вещами, а значит вносящими безопасность, ребенок чувствует себя хорошо, демонстрируя мимику расслабления, дилатации, раскрытия, отдыха. Напротив, то, что ему кажется плохим, вызывает плохое самочувствие, вызывает у него мимику напряжения, закрытости, зажатости, возбуждения и бегства через движение или отведение взгляда, сопровождаемое защитой руками (если у него есть уже способность к жестикуляции).

Все наблюдения приводят, с другой стороны, к следующей констатации: является ли оно сознательным или бессознательным, чувство вины будет у взрослого, как и у ребенка, иметь в своей основе страх; страх испытать плохое, воображаемые рану или боль, фантазм опасности, плохое самочувствие с привязкой к ясному или смутному представлению о последствиях, вытекающих из самого желания некоторых поступков, рискованность которых у субъекта запечатлена

в памяти через свое собственное тело. Важно, следовательно, изучать способы выражения жизни человеческого существа, также как отношения, которые устанавливаются для него между этими выражениями и его состояниями хорошего и плохого самочувствия. Только через клинические исследования эмбриогенеза бессознательных состояний хорошего и плохого самочувствия, сопровождавших этапы первого развития, мы поймем психосоматические элементы (страх и его индивидуальные органические проявления), которые формируют бессознательное чувство вины.

Родился ребенок. Это организованное синтетическое соединение клеток, которые функционируют по законам прогрессивного движения, подчиняющегося чередующимся ритмам, эти законы служат проявлению упорства существа и его росту до состояния зрелости, которое будет характеризоваться плодовитостью. Все эти движения вписаны во время и в пространство, поскольку жизнь характеризуется непрерывным изменением внутреннего состояния. Добавим, что, следуя определенному ритму, организм испытывает потребности, относящиеся к его росту.

Ощущение потребности вызывает возбуждение, которое запускает движения, способные дать удовлетворение: у младенца рот открывается и направляется, вытягиваясь, в поисках груди. Что бы он ни нашел, что можно ухватить, младенец захватывает это челюстями и сосет. Если жидкость поступает, он пьет. Это удовлетворение приносит расслабление с видимым выражением хорошего состояния, мимикой отдыха и дилатации. Мы знаем, что это для него — хорошо. То, что не успокаивает его напряжения, т. е. то, что его не удовлетворяет, наоборот, плохо для него: он корчится, кричит; можно сказать, что на этой стадии, которую называют оральной, либидо побуждает человека выражать себя криком. Крик — это хорошо, потому что он облегчает оральное напряжение либидо. Движение с чередованиями, переданное телу ребенка (укачивание), тоже является хорошим: оно успокаивает диффузное энергетическое напряжение, которое не является ни голодом, ни жаждой, и оно не удовлетворяется кормлением грудью.

Объект для сосания, который подходит потребности-рефлексу сосания (основное выражение в этом возрасте — напряжения либидо и, может быть, напряжения желания, независимого от потребности), также успокаивает ребенка. Это «хорошо» до того момента, когда неутоление голода снова станет через некоторое время неудоволь-

ствием, которое удовольствие сосать не удовлетворяет, когда это только простое сосание. Однако просто сосание пустышки может обмануть на время голод. Мы видим здесь у человеческого существа способность обмана удовлетворить желание, не удовлетворяя потребности: иногда, когда ребенок кричит, это означает, что он желает, чтобы кто-то был рядом, когда он не голоден, не хочет спать и ему не нужно сменить подгузник.

Удовлетворение всех вегетативных потребностей, присущих жизни, воспринимается как «хорошее», приятное, вне и помимо любой шкалы эстетических и моральных ценностей. Таковыми являются потребности в воздухе, воде, питании, свете, тени, действиях и отдыхе или потребность в ритме бодрствования и сна. Такими являются также потребности в движении, которые касаются сначала движений, запечатленных в теле ребенка, еще неспособного совершать произвольные движения, затем его собственные движения по мере того, как он развивается в нейро-мышечном плане.

Для любого человеческого существа и в каждом возрасте появление этих потребностей спонтанно и подчиняется ритмам; их повторное появление подчиняется также индивидуальному ритму, неудовлетворение или удовлетворение вопреки ритму воспринимается как плохое. Если младенец, который голоден и кричит, не получает питания, через некоторое время его утомленный организм истощается. Малыш, измученный жаждой и голодом, перестает тогда кричать, кажется, что он уже не испытывает потребности. Голод по мере того, как он заставляет его страдать, уже больше не является «хорошим». Ребенок не только не пытается больше принять пищу, которую ему предлагают, но он может также дойти до того, что не будет больше испытывать побуждения к еде. Он остается тогда инертным, без мимики, с открытыми глазами, неспособным даже кричать, вплоть до смерти от истощения. То, что является хорошим, может, следовательно, потерять свою ценность, когда организм слишком страдал от того, что не был удовлетворен. Есть торможение аппетита в самих его источках, отступление выражения либido посредством «дезинвестирования» пищеварительного тракта, регressive фиксация либido на чувствах массивной перцепции: слухе и зрении, затем, еще позднее, на круге дыхания и кровообращения; и в конце — сон от истощения.

Слишком часто считают, что младенец проявляет свои первые реакции живого через механизм питания. Пример младенца, умирающего от истощения, — который некоторые, увы, могли наблюдать эти последние годы в фильмах — показывает, что потребность в воздухе

и желание общаться взглядом и слухом с другим главнее, чем инстинкт питания; и также, что сон, вернувшийся после периода тревожной бессонницы, есть выражение движения укрыться внутри себя, когда ничто уже больше не ожидается от психических и субстанциональных отношений с внешним миром с тех пор, как внешний мир в течение слишком долгого времени не давал живительных обменов. И тогда ребенок отворачивается от поиска вне себя самого и погружается в физиологический сон, который может перейти в смерть. В случаях, когда имеет место голодание не в плане питания, но в плане психического отношения с матерью, дети впадают в аутизм, при этом они ни в чем не ущемлены относительно своих потребностей. Речь идет о детях с нарушенным ритмом в части желания речевого отношения с взрослым; после интенсивного периода желания, если внешний мир не приносит ответа, они отказываются и имеют только фантазийные обмены с их собственными висцеральными ощущениями, проявляя тогда индифферентность к окружению, которое обеспечивает, тем не менее, их потребности.

Известно, что при рождении сердечно-зародышевый ритм уступает место совершенно иному сердечному ритму, начиная с первого вдоха. Рождение сопровождается анатомическим изменением сердца, закрытием боталового протока. В то же время, как происходит это изменение в анатомии, в физиологии и функционировании внутренних органов ребенка, он активно отделяется от материнского организма; останавливается пульсирование крови в пуповине и устанавливается относительная органическая автономия. Рассогласование кардиодыхательных ритмов, которые являются начальными знаками страха, обнаруживается при некоторых состояниях у взрослого: у тревожных сердечный ритм очень часто нарушен, а дыхание заторможено. Мимика у того, кто испытывает неприятную неожиданность, эмоциональный шок, является классической: имеет место внезапный сильный и затрудненный вдох и в то же время рот открыт, он подносит руку к сердцу, а его взгляд как бы обращается внутрь него самого.

Следовательно, дыхательный ритм для наблюдателя — это первое проявление «хорошего» вне материнской утробы. Однако может случиться, что даже в самом примитивном плане этих витальных проявлений ребенок испытывает опасное и даже смертельное недомогание. Дыхательное движение само по себе является, по-видимому, пассивной и естественной функцией, но нужны оптимальные условия воздуха и температуры для того, чтобы вдох получил значение «хорошего». Все, что у грудного ребенка является «хорошим» и соот-

ветствует эйфорическому внутреннему ритму, приводит, как мы сказали, к мимике дилатации. Если условия (температура, влажность воздуха) плохие, мы замечаем у ребенка мимику напряженности, соответствующую плохому самочувствию. Вот один пример.

В декабре 1944 года только в Париже около тысячи грудных детей от нуля до двух месяцев умерли в одну и ту же ночь от острого бронхита, вызванного понижением температуры на несколько градусов, а уже стояла очень холодная погода. «Хорошее» дыхание стало внезапно «плохим» для этих совсем маленьких грудных детей, и дыхательный механизм затормозился.

Перед лицом естественных опасностей у человека появляется мимика напряжения и торможения витальных ритмов. С точки зрения соматики мы констатируем, что при остром бронхите, о котором я говорила, легочные альвеолы сжимаются при реакции закрытия, тогда как жизнь хочет выйти наружу, расширив их для вдоха. Существование этого двойного механизма порождает воспаление альвеол, экссудацию сыворотки, обструкцию дыхательных путей, которые приводят к остановке витального механизма. Мы видим появление пены на губах младенца; сердце и вся сердечно-сосудистая система, связанные с началом дыхания с бронхиальным деревом, также теряют ритм. Механически гематоз крови нарушается, и у ребенка случается асфиксия. Я присутствовала при этой борьбе за жизнь четырехнедельного малыша, который переносил наступление сильных морозов в то время, когда у нас не было отопления; этот младенец смог, благодаря кислородному колпаку, а, может быть, также благодаря своему большому природному спокойствию, преодолеть пик этих опасных часов, которые оказались фатальными для стольких других детей его возраста в ту самую ночь. В течение следующих восьми дней ребенок, который смог воспользоваться кислородным колпаком, под который его помещали на все менее длинные периоды времени, полностью восстановил свое здоровье. Но у этого ребенка, воспитание которого проходило затем без осложнений, в возрасте шести месяцев случился астматический приступ во время прорезания первых зубов; и каждый раз, когда у него было какое-либо органическое заболевание, оно сопровождалось астматическим приступом. Любопытно, что астма прошла окончательно в два года по случаю сильного коклюша с характерными удушающими приступами кашля.

У меня на лечении было несколько астматических детей, подверженных более или менее частым приступам, которые длились обычно три-четыре дня. Во время их психоаналитического лечения, пред-

принятого по иным причинам (энурез, нарушения характера, плохая успеваемость в школе), у этих детей были приступы астмы, которые возникали внезапно, либо в течение сеанса, либо между сеансами. И для этих приступов характерной была их короткая (или очень короткая) длительность: иногда, если они случались во время сеанса, всего несколько минут. В настоящее время у меня проходит анализ ребенок, у которого приступы астмы делятся десять-пятнадцать минут, чего с ним никогда не случалось до лечения. Каждый раз, когда мы, он и я, присутствовали во время сеанса при появлении и исчезновении его астмы или исчезновении астмы, с которой он боролся несколько дней, речь шла о переживаниях, связанных с бессознательными проявлениями чувства вины, которые были сами отголосками плохого самочувствия в жизни, связанного с самыми архаическими стратами его личности. Мне кажется, что у астматиков мы имеем дело с существами, очень рано ставшими восприимчивыми к эмоциональным и психологическим отношениям со своим родительским окружением, почувствовавшими себя в аффективной опасности по случаю органических проявлений в возрасте пассивной оральной стадии (быть голодным или иметь потребность в перспелении, например). Тот, о котором я только что говорила, — это ребенок, отец которого и соседи не могли выносить его крика. Мать, которая не хотела приучать его к соскам (неправильно или правильно думая, что это очень плохо), была в страхе каждый раз, как ребенок начинал кричать. Через два или три месяца ребенок «понял» и совершенно затормозился в крике. Он стал совсем молчаливым, выражая себя только взглядом. Но вскоре, через несколько недель, астма заняла место крика, каждый раз, когда ему нужно было выразить потребность или вегетативное заболевание в отсутствие взгляда другого.

Если кастрационный комплекс установился на почве, где заболевание уже выразилось, например, угрозой нехватки воздуха, бессознательное чувство вины может пробудить соматические сердечно-дыхательные расстройства. В меньшей степени глубины или, точнее, предшествования в оральной стадии плохое самочувствие в жизни может выразиться в нарушении ритма пищеварительного перистальтизма, динамизма аппетита, пищеварения, мочеиспускания, спонтанной дефекации.

Есть тенденция говорить «ребенок»: ребенку нужно это, ребенку нужно то. Невозможно понять, как можно говорить таким образом, когда есть опыт работы с грудными детьми. Грудные дети крайне отличаются друг от друга в своих потребностях в молоке, как в количестве,

так и в качестве. Нормы не существует. Даже в этом возрасте голод и жажда не путаются. Этот грудной ребенок кричит, просит воду, а не молока, но на это не обращают внимания. Если вы проведете опыт и положите две бутылочки, одну с чистым молоком, другую с водой, обе согретые до одной и той же температуры, в досягаемости ребенка от восьми-десяти дней (я не пробовала на более раннем возрасте) и предложите ему ту и другую, вы заметите, что ребенок сосет одну, потом больше не хочет ее, охотно принимает другую, бросает ее, берет первую, отказывается от нее, чтобы взять другую и великолепно регулирует таким образом разбавление водой молока, которое ему подходит, вплоть до насыщения. Теперь, когда многие дети вскармливаются из бутылочки и мамы тщательно соблюдают предписания времени и количества кормлений, установленные в расчетных таблицах, как если бы все младенцы были одинаковы, дети в большей степени травмированы, чем в прежние времена — увы, минувшие, — когда кормилица давала грудь, как только ребенок кричал: поскольку это было молоко, которое он принимал таким образом, и приток которого он сам вызывал у кормилицы. Что касается моих собственных детей, то, будучи вынужденной очень скоро добавить кормление из бутылочки к моему молоку, я констатировала, что необходимое разбавление молока явно отличалось для каждого, и что ребенок, которому предоставлена свобода самостоятельно разбавлять молоко, отлично это делал. Но нужно также знать, что если количество таким образом разбавленной жидкости варьируется в зависимости от детей, объем ее при каждом кормлении изменяется также в зависимости от времени дня, но остается для одного ребенка почти всегда одним и тем же в одно и то же время. Это отражает, до какой степени понимание грудного ребенка велико, и оно полностью состоит на службе его выживания, начиная с оральной стадии, защищая равновесие его пищеварительной жизни и доверие, существующее в интерпсихическом отношении, которое он поддерживает с матерью.

Здоровый ребенок кричит из необходимости, потребности, желания, радости, иногда огорчения, но без напряженности. Опытный взрослый, мать, обладающая нормальной интуицией, умеют очень хорошо отличать этот здоровый крик, стенический, без страха, без напряженности, не болезненный, выражавший потребности жизни (потребность быть перепеленытым, пить, есть, просьба быть с кем-то, быть взятым на руки) от крика страдания («колики» грудного ребенка, боли в ушах, зубные боли). Надо с уважением относиться к крикам ребенка, ибо с их помощью он побуждает нас

обнаружить то, чего ему не хватает, достаточно только, чтобы мы отнеслись с доверием к его выражениям и сумели понять, что они означают. Если нам не удается понять причину криков ребенка, мы не должны ни в коем случае отвечать на это нашими собственными криками, применять грубые жесты, чтобы подавить у него выражение, которое мы не понимаем; для этого ребенка речь идет о проявлении жизни, является ли это выражением просьбы или плохого самочувствия; и кричать для него лучше, чем не кричать, даже если мы не понимаем, что это означает. У воздержавшегося от крика в результате принуждения чувствительного ребенка возникает торможение, вызванное природой его отношения с любимым взрослым, от которого он зависит; и оно сможет стать своего рода условным рефлексом, способным извратить его витальные ритмы, его соматические ритмы. То, что естественно является «хорошим» в плане побуждений, станет для этого ребенка тесно ассоциировано с «плохим», и совершенно бессознательным образом, я бы даже сказала, кибернетически установится равенство: жизнь = опасность; или еще в динамическом плане: желать = нежелательно; и в аффективном плане: любить = «быть плохим» или «мучить».

Можно вызвать торможения спонтанного крика грудного ребенка, и это составляет, в действительности, в этом оральном возрасте травматизм, который может повлечь не только перверсию, но даже инверсию витальных ритмов, что вызывает серьезные осложнения для последующего развития индивида. Осудить свободу выражения у самого маленького на оральной стадии и даже позднее, до возраста речи, — это осудить в его происхождении совокупность выражения либидо такого, каким оно должно развиться на последующих стадиях, анальной, уретральной и генитальной. Любое психо-аффективное существо уязвимо в его первом ростке, этом ростке, вышедшем из прорастающего зерна, который предназначен стать стволом дерева; все пойдет по-другому позднее из-за покушения посредством обрезки второстепенных веток.

Допустим, что все прошло хорошо на первой стадии жизни: получение воздуха, получение питания, испражнение без страха, и что последующее соматическое развитие и развитие характера были до возраста спонтанного обнаружения двигательности совершенно удовлетворительными. Тогда приходят движения рук, бедер, жесты рук, они берут, кладут в рот, бросают, рвут бумагу и т. д. Если эти движения ребенка несвободны, он чувствует себя стесненным в двигательных способах бытия и выражения. Если крик влечет

за собой страдание от подавления, если движение приносит страдание от запрета на двигательность, ребенок повинуется, но у него нарушается ритм как в плане пищеварения, так и в плане дыхания, тогда как ему удается оставаться спокойным, как это было навязано строгостью кормилицы.

Крик, впрочем, не единственный способ выражения этого спонтанного, бескорыстного движения, в котором у любого малыша и совсем маленького ребенка есть потребность. Ребенок на этой пищеварительной стадии, когда он еще не говорит, общается с миром через рот. Аналогично тому, что он живет, разрушая то, что он глотает, и он чувствует себя хорошо со своей матерью, глотая то, что идет от нее, чтобы разрушить это, трансформировать и сделать из этого свою собственную плоть, и проявления его либидо, перенесенного на мелкие предметы, которые находятся в пределах досягаемости (на все то, что, как говорят, попадает ему под руку), будут лежать в основе сосаний, взятия в рот, разрушения зубами; и, говоря о руках, рвать, трепать, затем бросать будут путями, посредством которых он сможет заинтересоваться всем, что его окружает. Осуди эту активность криками или резкой тряской — за этим последует разногласие со взрослым: боль, нанесенная шлепками по руке или ударами по телу слишком шумного или слишком подвижного ребенка или того, кто, например, разбил предмет, неосторожно оставленный в пределах его досягаемости, воспринимается как осуждение, затрагивающее выражение его жизни. Его дальнейшие внутренние побуждения жить и развиваться, если он чувствителен и у него хорошая память, пробудят в нем угрозу. Он затормозит тогда все свои мимические, голосовые и жестовые выражения. Это будет послушный ребенок, ребенок, которого не слышно: ребенок, о котором говорят также на языке психоанализа, что он перенес символически калечащую кастрацию в анальном плане.

Важно позволить ребенку 10–15 месяцев уничтожать, рвать, ломать. Конечно, жертвуя чем-то и сохраняя вне его досягаемости ценные предметы или предметы, опасные для него. Эта спонтанная активность приносит ему удовольствие: ее нужно, насколько это возможно, давать делать. Следует предоставлять ему для манипуляции многочисленные предметы, различные на ощупь. Ему нужно дать первичные материалы. Ограничение на деятельность ребенка, иногда вандалическую, необходимо, особенно в квартире, без пространства; но это ограничение должно быть частичным и всегда возмещением другой возможностью для него выразить свою жизнь,

в частности, разговорами с мамой. Сколько раз мы слышим: «не трогай», «не двигайся», «замолчи», «сиди спокойно»! Сколько раз видим мы детские кроватки без игрушек, без чего-нибудь привлекательного, чтобы брать руками и класть в рот! Это отрицание любой возможности для творчества и концентрации мысли в дальнейшем. Сколько маленьких детей, помимо кормления грудью и смены пеленок, остаются часами одни и без общения? Они станут впоследствии нестабильными или слишком пассивными; ибо таков относительно природы ребенка результат столь мало гуманизирующего воспитания, столь бедного в общении или словах.

В наших городских обществах уже с колыбели и еще больше с началом хождения появляется принуждение в воспитании. То, что было хорошим для ребенка, становится с этого момента для него плохим из-за взрослых, и он связывает это с ощущением опасности. Ребенок из послушания тормозит на некоторое время свои движения выражения; но в нем влечения к жизни накапливаются тогда, не выражаясь вовне. В силу того, что требования инстинктов пребывают в конфликте с требованиями «морали» повседневного, навязанного взрослым, это ведет ребенка к регрессу, т. е. к самовыражению более инфантильным способом. Он кричит, топает ногой, вместо того, чтобы модулировать голос в поисках речи; он шлепается на землю, двигая ногами и руками, перегибаясь в позвоночнике, как совсем маленький грудной ребенок. Иногда он катается по земле, регрессируя в стадию (до 6 месяцев), предшествующую положению сидя. И совокупность такого поведения называют «капризом». Ребенок может также через регressiveные стадии получать определенное органическое удовлетворение своих влечений; «каприз» ему приносит удовлетворение, необходимое для снятия напряжения его либido; но речь идет тогда об уже невротическом ребенке.

Первые «капризы» «нормальные», они являются для ребенка способом выразить страдание, причиняемое ему неспособностью дать понять свое желание или видеть, что ему противостоит окружающий мир. Есть дети, которые приходят в ярость и капризничают, потому что им не удается залезть на стул, тогда как никто им в этом не мешает; их гнев выражается против самих себя, против их собственного бессилия. К несчастью, взрослый часто ошибается по поводу смысла желания ребенка (он полагает, например, что ребенок просит его о помощи, и отчитывает его) или значения, которое следует приписать реакциям агрессии, гнева, противодействия

в его характере. Он видит в этом проявление, направленное против него: этот ребенок плохой, у него плохая натура, дурной характер. Взрослый занимает тогда под видом воспитания репрессивную позицию или ведет себя как депрессивный и читающий нотации морализатор, из-за которого у ребенка окончательно закрепляется определенно агрессивная манера реакции по отношению к образцовому взрослому: он воспринимается как грубый по отношению к нему, как антижизнь и, в особенности, отсутствие радости. Пусть взрослый, наоборот, даст капризам волю — когда он не смог их избежать — и сохранит спокойствие и сострадание, и каприз прекратится, даже у очень буйного ребенка, особенно если тот замечает, что взрослый не испугался, не рассердился (ребенок боится ярости в себе). Он тем самым окажется в доверии; взрослый может тогда словами объяснить ему, что произошло. Они поищут вместе с ребенком то, что привело его в гнев, и эти слова придут на помощь его чувству бессилия. Понимание взрослого, которое выражено также тональностью голоса, спокойной, сочувствующей, дедраматизирующей, примиряет ребенка с его страданием и яростью, которые проходят тогда очень быстро. С помощью этого взрослого, который не противостоит a priori тому, что ребенок желает, и, наоборот, показывает ему путь к успеху, направляя его действия и не делая их за него, он выходит из тупика, куда его привела неспособность достичь успеха. От опыта к опыту и благодаря присутствию взрослого-опекуна двигательные ассоциативные цепочки, согласованные со словами и с наблюдением, организуют психомоторное развитие на службе утилитарных и игровых желаний.

Я помню один момент в воспитании моего старшего сына, которому очень рано понравилось много ходить. Этот ребенок отказался сидеть в коляске, когда мы выходили на улицу. По ошибке я подумала, что для прогулки имели значение только я или его няня, мы увозили эту коляску, которую он не хотел. К моему удивлению, у ребенка появилась в течение одной или двух прогулок с человеком, который гулял с ним, когда у меня не было для этого возможности, привычка реагирования, которая могла бы стать очень неприятной. Вдруг он садился на землю или катался по земле, даже в грязи после дождя. Я до этого никогда не видела этого ребенка капризным. Этот каприз я сама получила в опыте. И, поскольку у меня не было коляски, а он был уже слишком тяжелым, чтобы я могла взять его на руки, я не знала, что делать. Тогда я стала ждать, довольствуясь тем, что смотрела, как он катается по земле, под изумленными взглядами

прохожих, которые с удивлением смотрели на маму, невозмутимо наблюдавшую за своим ребенком, валяющимся в грязи, и не ругала его. И хорошо сделала, потому что через, может быть, четыре или пять минут ребенок остановился, посмотрел на свои руки, все в грязи, затем на меня, рядом с ним, ожидающую его в недоумении. И так же, без крика и причитаний, он встал и побежал ко мне, очень довольный, с видом, как будто ничего не произошло. Я сделала так же. Затем я заговорила с ним и спросила у него: что случилось? И этот умный, восприимчивый ребенок ответил мне на своем языке, который я уже понимала: что он не знает, что вдруг у него не стало ног. И я поняла следующее: он был обижен, что была коляска и он ее не хотел, но моя роль заключалась в том, чтобы возить коляску, потому что время от времени его ноги утомлялись, и тогда ему все-таки нужно было сесть и чтобы его везли. Это я и сделала во время следующих прогулок; когда мы выходили из дома, он был недоволен, видя, что мы берем коляску, он хотел быть «большим»; но поскольку я не просила его туда сесть и складывала, по необходимости, его игрушку и мою сумку, он больше не обращал на нее внимания. Потом, походив четверть часа, так, совершенно естественно, он шел усаживаться в коляску. Это продолжалось недолго; он проделывал таким образом, может быть, сто метров, затем снова хотел идти и везти сам свою коляску или, время от времени, снова залезал в нее, чтобы отдохнуть, и давал себя везти. Если бы я дала действовать тому, что установилось, этот ребенок не отступил бы в своем характере, который, казалось, становился капризным, каким он совершенно не был. То, чего он страстно желал, давалось ему только на какой-то момент, ибо это слишком утомляло его; «капризы» немедленно прекратились, и его веселый и ровный характер снова стал таким, каким был. Есть, таким образом, дети, которые капризничают, потому что они очень активны; они хотят активности, с которой их тело еще не способно справиться длительное время без утомления. Есть другие, которые капризны из-за избыточного желания пассивности и которые чувствуют себя преследуемыми ритмом или активностью, навязываемыми им группой или взрослым. Никогда вы не увидите двух одинаковых детей. Пониманием, а особенно соблюдением ритмов активности ребенка, соблюдением его свободы каждый раз, как она не мешает в реальности жизни группы, и взаимным пониманием в интересах сердечного согласия, требуя только того, что необходимо, именно так человек может развиваться эйфорическим образом, имея ту природу, которая ему дана, и не испытывая за это чувства вины. При уважении к нему

в свободе его ритмов, потребностей, желаний он тоже уважает свободу и желания других.

Есть одному и аккуратно

На анальной стадии, стадии желания двигательности и управления мышцами, по отношению к окружающему миру ребенок представляет попеременно периоды пассивности, в течение которых его деятельность спокойна, без большой двигательности, и периоды, когда его тонус требует быть растряченным в движении (бег, прыжки, подъемы и т. д.). Ребенок желает действовать самостоятельно, он хочет есть без помощи, сначала руками, затем более или менее неловко при помощи инструмента. Дать ему инструмент — это, конечно же, факт цивилизации, и ему удается пользоваться им через идентификацию со взрослым. И на этой стадии он обнаруживает возможность ловкости рук. Конечно, невозможно требовать, чтобы ребенок всегда ел аккуратно и при помощи инструмента; это в точности то же самое, что и обучение ходьбе, которую он не может выдерживать постоянно и для которой ему необходимы частые компенсаторные передышки и смена ритма: он начинает есть прибором и заканчивает пальцами. То, что ребенка не сажают очень рано за стол со взрослыми, не имеет значения. Воспитание ребенка с целью допустить его сесть за общий стол, чтобы принимать пищу с родителями, состоит как раз в том, чтобы уметь дождаться его желания и, особенно, момента, когда он ведет себя без утомления, как взрослый. И это продвижение для ребенка, которое отмечает этим усвоение владения собой. Напротив, если он «должен» есть правильно и «вести себя хорошо», тогда как у него это не получается, он принимает ругань или удаление из-за стола как наказания. Это плохо. Детская неумелость, скучание, «не быть голодным» — это ни хорошо, ни плохо. Не выносить длительное сдерживание, не быть способным применять надолго двигательную координацию — это составляет часть естественного статуса детства. Подвергаясь ругани за то, чего ребенок не может избежать, он впадает в депрессию и реагирует, демонстрируя нестабильность, что является знаком страха, спровоцированным этим воспитанием, нарушающим его ритмы, или он реагирует продолжительной пассивностью, позволяя матери класть пищу в рот и не упражняя более желания к двигательности или речи, которое влечет склонность к взрослым.

И поскольку он не упражняется в ловкости, он будет, естественно, продолжать пачкаться при еде, тогда как есть аккуратно специфично лишь для человеческой этики.

АВТОНОМИЯ РЕБЕНКА В ОТНОШЕНИИ СВОИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ДЕФЕКАЦИИ

Ребенку, когда он чувствует себя в безопасности, легко удается расслабиться: он мочится и испражняется в то же время, как улыбается и гуляет с людьми, которых любит. Это первый язык удовольствия и безопасности. Ребенок чувствует, что это «хорошо для него» — испражняться, и важно, чтобы он не считал, что это имеет ценность в глазах взрослого. Мочеиспускание и дефекация должны быть оставлены совершенно свободными. Дефекация и мочеиспускание в соответствии с ритмами, которые принадлежат ребенку, являются для него спонтанным выражением характеристик его жизни на активной анальной стадии, и он не может иметь над ними автономного контроля до полного завершения становления его нервной системы, т. е. в год десять месяцев-два года (я говорю здесь о ребенке, мышечный тонус которого позволил ему спонтанно начать ходить в возрасте 10 месяцев). Когда ребенок начинает выражать двигательную активность своих мышц произвольно, он замечает спонтанным образом, что может остановить, замедлить, затормозить или, наоборот, вызвать дефекацию и выделение мочи. Ребенка может побудить наличие экскрементов в перинее «вытолкнуть» экскремент наружу, но он может также играть в выталкивание с того момента, как в результате многочисленных спонтанных дефекаций он ощутил удовольствие от функционирования мышц перинея: для него это людическое¹ упражнение, сравнимое с его другими играми, которые заключаются в тот же период в том, чтобы лазать повсюду, тащить или толкать предметы, переставлять стулья, манипулировать, наконец, всем, с чем он встречается.

На этом этапе анальной стадии могут возникнуть неврозы навязчивости, если взрослый вместо того, чтобы направлять ручную и жестовую умелость ребенка — или его умелость говорить и петь, — навязывает искусственный ритм дефекации и мочеиспусканию. Ребенок может подчиниться этим директивам, заботясь о сохранении приятного общения с взрослым, но сами источники его будущей автономии оказываются от этого нарушенными.

Я знаю, что то, о чем я говорю сейчас, покажется совершенно революционным многим кормилицам и многим педиатрам. Опыт, приобретенный в настоящий момент со многими детьми, тем

[От *ludus* (*лат.*) — игра.]

не менее, убедителен, и в плане развития ребенка без чувства вины это определенно правда.

Я наблюдала случай одной семьи, где мать требовала от ребенка с первых дней его жизни дефекации и мочеиспускания в регулярное время. Она ругала, даже шлепала непослушного младенца и воздавала почести в случае послушания при опорожнении. В этой семье ребенок, которого я наблюдала, мальчик 8 лет, был полностью чистоплотным в 7 дней и с этого времени никогда не пачкал и не мочил пеленки, но в год и два-год и три месяца, вскоре после того, как начал ходить, достаточно поздно для него, он стал странным. К несчастью для себя, он не опорожнялся хоть раз ни в штанишки, ни в кровать. В полтора года он проявлял навязчивый вуайеризм: он заглядывал под юбки женщин и ощупывал седалище мужчин, что очень беспокоило семью, которая ему постоянно делала замечания. В 8 лет он стал шизофреником, не говорил, но напевал мелодии с закрытым ртом; он слушал пластинки, никто и ничто не интересовало его. Я знала, что старшая дочь в семье была воспитана таким же образом. Так она была чистоплотной до 5 месяцев, но, несмотря на идентичное воспитание, с этого момента она совершенно отказалась подчиниться регулированию ее испражнений. Ценой ссор и ругани она спасла свой вербальный и двигательный язык. Она стала чистоплотной в возрасте 3 лет, т. е. на 10 месяцев позднее, чем дети, от которых никогда не требовали сфинктерное воздержание. В этой же семье был еще один мальчик, воспитанный таким же образом; в противоположность девочке, он сохранял чистоплотность до года трех месяцев, но затем утратил этот ранний навык и, не внимая внушениям, оставался без всякого контроля над сфинктерами до пяти с половиной лет. Посещение школы (они вынуждены были искать школу, которая, несмотря на дневное недержание ребенка, согласилась принять его) привело его за несколько дней к совершенно адаптированному поведению, как в том, что касается сфинктерной континентности, так и в речи, которая никак не могла быть усвоена (достаточно уверенно) дома. Вы видите, как в одной и той же семье дети с разной чувствительностью — два мальчика, одна девочка — по-разному отреагировали на одно и то же травмирующее воспитание. Мать не была бесчеловечной, и женщина, которая служила у нее, тоже. Оказалось, что они получили от педиатра советы по очень ранней дрессировке и применили их совершенно навязчивым образом.

Не доходя до этих крайностей, многие матери или воспитательницы считают хорошим, тогда как, наоборот, это может быть самым

что ни на есть вредным, рано «дрессировать» ребенка во всем; как в том, чтобы никогда не есть между приемами пищи, никогда ничего не класть в рот, так и в сфинктерной чистоплотности. Однако хорошо известно, что развитие центральной нервной системы заканчивается к возрасту полутора, а точнее двух-двух с половиной лет. Хорошо известно, что у детей развитие спинного мозга завершается только к этому возрасту. И только начиная с этого момента, когда нейро-мышечная система сформирована, воспитание может быть дано ребенку, но никогда раньше. До этого высокая специализация нервных окончаний, которые ведут к нижним конечностям, к кожным зонам перинея, ягодиц, ко всем периферическим областям вообще, к ступням ног и кистям рук, в частности, не завершена. До этого анатомо-физиологического завершения нервной системы усвоение моторики и координации не является результатом свободного открытия самим ребенком, испытанным им как удовольствие (т. е. как возможность напрягать или расслаблять произвольно и людически мышцы, управляющие сфинктерным поведением и двигательным поведением в целом). Так, когда с целью усвоения сфинктерной континентности он позволяет себя дрессировать, он испытывает своего рода пересадку на свое собственное крестцовое сплетение слов взрослого, который его «подвергает внушению», но не «воспитывает». Чувствительный, психически одаренный ребенок принимает это внушение и эту патогенную зависимость по причине аффективного плохого самочувствия, которое вызывает в нем любой разлад с любимым взрослым; но этот ребенок отказывается от своего желания в угоду желанию взрослого.

У детей, подвергнутых ранней дрессуре, нет ни свободы, ни грации в движениях. Они апатичны или нестабильны, не демонстрируют акробатического или тонкого ручного умения. Они плохо говорят, имеют бедный словарный запас; молчаливые или крикливые, неловкие во всем, они отличаются даже отсутствием модуляции голоса и относительной невыразительностью мимики лица. Это своего рода роботы, которыми матери иногда очарованы, которыми они манипулируют жестом или голосом, не имея обменов с ними, их последующее развитие остается проблематичным, ибо у них наблюдается отставание одновременно аффективного, речевого и психомоторного развития. У всех здоровых детей в два, три, самое позднее в четыре года — период оппозиции матери. Однако у тех, кого подвергли ранней дрессуре, это структурирующее противодействие, которое обычно является только вербальным и поддерживает наступление «я сам», помогая утверждению адаптированной автономии,

имеет характеристики висцеральной и нейро-мышечной оппозиции. Почему? Потому что они отказываются от помощи и воздействия, они противостоят не простому собеседнику, не простому помогающему человеку, но человеку, который занял место в самом теле ребенка; и именно в этом возрасте появляются серьезные расстройства (иногда психосоматические, иногда трудный характер), торможения и зависимости, последствиями которых будет отсутствие доступа к «я» и «ты» (которые остаются смешанными): идентичность субъекта не наступает. Расстройства речи и расстройства, называемые психомоторными, усложняются расстройствами личности, которые составляют картину детского предпсихоза, усложненного возвратным действием несущих страх реакций окружения.

У ребенка, который был избавлен от дисциплины сфинктеров, навязанной взрослым, есть привилегия расти без аффективных ссор, которые возникают обычно пять-шесть раз в день между взрослым и ребенком, когда мать хочет добиться этой чистоплотности до срока. Такой ребенок не стыдится своих телесных функций, он не боится своих движений, и, как малыш человека, он стремится только к тому, чтобы идентифицироваться с взрослым во всем, что он наблюдает в его поведении¹, и у него очень хорошо развивается умелость тела и рук, одновременно совершенствуется его разговорная речь. Я пытаюсь помочь многим матерям. К несчастью, когда их просят предоставить ребенку свободу в его способе есть и испражняться, они полагают, что это означает совсем не заниматься им. Как раз наоборот, это означает: много занимайтесь им, но тем, что он делает, тем, что он говорит, тем, чего он желает. Говорите, беседуйте с ним по поводу любого сенсорного обмена, включая то, что касается пищи и экскрементов, так, чтобы он понимал, когда вы его переодеваете, куда идут эти экскременты, вышедшие из него. Обо всем, что касается тела и мира, который его окружает и который он наблюдает, нужно, чтобы была коммуникация, речевая, жестовая, игровая, от человека к человеку. Чтобы у него были игрушки, чтобы он открывал цвета, формы, музыку, танец, акробатические движения и т. п., чтобы он мог предаваться умелому обращению со всем, что находится у него под рукой. Опыт показывает, что когда ребенок становится способным подняться сам на четыре-пять ступенек простой хозяйственной

¹ Вот почему самый маленький должен жить в общей комнате, присутствовать при том, что делают большие и взрослые так долго, пока он не мешает своей деятельностью деятельности других.

лестницы или спуститься (достаточно полностью раскрыть ее, чтобы занять его на долгое время) и когда он самостоятельно обнаружил удовольствие часами играть с водой, этот ребенок усваивает спонтанно сфинктерную чистоплотность. Он чистоплотен, потому что это естественно и это ему нравится, потому что это вписывает его в идентификацию с взрослыми, которым он задает вопрос: что ты будешь делать в том, что мы называем «туалет»? Взрослый объясняет ему это, и ребенок желает делать так же. Тогда нет ничего проще, чем показать ему, что если он снимет штанишки, то сделает это так же хорошо, как и взрослый. (Не буду говорить о материях мальчиков в штанишках без ширинок, сколько матерей экипируют своих малышей в полное снаряжение, вместо того, чтобы одевать их так, чтобы они легко одевались и раздевались сами!) Если тот день настал, день, когда ребенок спонтанно способен быть чистоплотным и хочет этого, эта привычка усваивается тогда менее чем за 24 часа материнского внимания. В чем преимущество? Речь тогда идет не о завоевании, как у дрессированного ребенка, которое придется потерять в тот день, когда он захочет быть автономным, но о завоевании, достигнутом окончательно после достижения автономии в моторике, действиях рук и тела и в разговорной речи, и особенно, если он сохранит усвоенное или иногда утратит, это завоевание не отмечено идеей «хорошо» или «плохо»: это совершенно естественно для малыша — не быть чистым, и это совершенно естественно для ребенка, который растет, становиться им и ходить по своим потребностям в то же место, что и взрослые, а не унизительным образом сидеть на горшке перед всеми.

Все человеческие обезьяны континентные, так же как и дикие высшие млекопитающие. Место экскрементов в пространстве имеет в жизни млекопитающих, живущих группами, значение инвестирования пространства их территории. Они кладут экскременты на периферий зоны, которую они хотят ограничить как свою. Только у человека и домашних животных нет такой манифестиации владения и такого использования запаха своих экскрементов в пространстве, вследствие рано навязанного препятствия органическому удовольствию от естественных функций. Что касается домашних животных, с одной стороны, им не нужно больше защищать жизненное пространство их племени, с другой стороны, люди приучают их, чтобы сохранить в чистоте места проживания. По причине символической функции у человека для ребенка имеет место, в случае, если этим функциям предоставлено свободное действие, идентификационный перенос интереса к экскрементам на интерес ко всему производительн-

ному игровому, речевому «делать»; перенос на владение с пониманием дела, материалами, всем, что находится в пределах досягаемости рук; они, поставленные на службу его мысли, становятся инструментами всего этого «делать», по-новому и изобретательно ассоциированного с желанием речи, общения и творчества. То, что является только повторяющейся и всегда одной и той же потребностью, утрачивает свой интерес: так происходит в определенный момент с экскрементальными потребностями. В психоанализе говорят, что рука человека поступает на службу влечений, сначала оральных, когда все кладется в рот, затем анальных, манипулированием, дроблением на части, нагромождением посредством выполнения и создания форм, соединения форм для удовольствия глаз, удовольствия осязания, удовольствия от производительного изготовления, — все, характерное для человеческого рода. Воспитание, цель которого — дрессура, есть антивоспитание, дегуманизирующее.

Для ребенка человека, который живет в добром согласии со средой, когда с уважением относятся к его первым естественным потребностям и желаниям, спонтанное подражание поведению других — это идентификация через удовольствие и стадный инстинкт. Самых маленьких не нужно более призывать (к этому прибегают, увы, слишком часто) к подражанию, примитивной естественной склонности, общей для человека и обезьяны, также как не нужно прибегать к дрессуре и использованию стадной зависимости как способу воспитания. Неизбежно ребенок пытается подражать другим, но воспитание должно его вывести из этой обезьяньей категории копирования, конечно, присущей человеку тоже, но у которой нет ничего специфически человеческого. Напротив, придать ценность различиям между индивидами, поддержать изобретательные инициативы, усвоение смысла слов, расширение словаря, размышление, питаемое наблюдением, ассоциированным с речью, манипуляторной и жестовой, игровой и производительной деятельность, в этом состоит воспитание, и оно отнюдь не дрессура. Открытие природы вещей и законов реальности, постоянно сталкиваемое с желанием и воображением, ставят ребенка перед лицом пределов возможностей его тела, его владения самим собой и реальностью, которая его окружает, и в этом заключается свойство человеческого ума.

Любая дрессура — потерянное время для мужчины или женщины, развивающихся в ребенке. Предоставленная свобода, окруженная веселой привязанностью, толерантность взрослых по отношению к детям и даваемый ими пример этического поведения, соответ-

ствующих их поступкам слов, — вот то, что воспитывает детей, а не дрессура.

ВОЗРАСТ ПРОИЗВОЛНОЙ ТЕЛЕСНОЙ И РУЧНОЙ МОТОРИКИ

Ребенок, по мере роста, сталкивается с реальными опасностями, не зависящими от поведения по отношению к нему взрослых, которые его окружают. Несколько примеров покажут, что способ, каким ребенок реагирует на эти опасности, значительно варьируется от одного к другому.

Опасность огня

Жану девять месяцев, и в первый раз его внимание поглощено тем, как разжигают печь. Речь идет о печи на древесных опилках, которая постепенно раскаляется, а значит, становится опасной. Катрин год и два месяца, когда с ней случается то же самое. Для того и другого в 10 месяцев разницы в возрасте все происходит аналогично. И тот, и другой подходят к огню, заинтригованные, наблюдают, хотят узнать об этом подробнее, поэкспериментировать, потрогать по мере того, как тепло усиливается, как делают все дети. Мама объясняет дочке, как она это делает, а ее брату — что это опасно, и что нельзя прикасаться к накаляющемуся металлу, что есть риск обжечься. Оба раза с обоими детьми говорят об этом, наблюдая за ними, и ни у Жана, ни у Катрин не будет ожога. Для обоих вещи протекают одинаково: каждый подносит руку к печи, чувствует тепло, затем подносит руку еще ближе, изображая, что дует, помогая ономатопеями: они понимают и никогда больше не подойдут к этой печи, которую невозможно обезопасить.

То же случается с Грегуаром, когда ему примерно десять месяцев. Этот ребенок гораздо более подвержен влиянию инстинктов, ему нужно с самых первых месяцев воспринимать предметы через прикосновение и делать конкретные тактильные эксперименты (позднее этот ребенок, услышав любое высказывание, захочет проверить его сам, чтобы потом объявить с убежденным видом: «Это правда»). Два других ребенка, т. е. старший и третья, верили в то, что им говорили, до того дня, когда превратности опыта приводили их либо к тому, чтобы критиковать то, что им было сказано, либо иногда давать свое одобрение, или еще неожиданно открывать тактильно, сенсорно доказательство истины того, что они запомнили вербально и чему они, впрочем, поверили. Здесь уже видно расхождение между разными

типами мышления. Опыт огня с Грэгуаром является для меня незабываемым воспоминанием. Так же, как я это делала с его братом, я ему сказала: «Не нужно прикасаться к печи, она нагревается, нагревается, она станет такой горячей, что будет жечь». И Грэгуар смотрит, кладет руку и говорит мне: «Гоячо, гоячо...» Печь, действительно, нагревается все сильнее, но он, тем не менее, продолжает проверку сказанного; я беспокоюсь: до какой же степени он дойдет? Он улыбается, довлеворенный, позабавленный, хитрый, убирает руку со словами «гоячо», но снова, несмотря ни на что, принимается трогать. Жар постепенно усиливается в печи. Наконец, он немного обжигается. Я полагаю, что этого достаточно; у него на лице мимика небольшой боли, и я говорю ему: «Ну да, горячо, не нужно больше трогать». Однако, как только болезненное ощущение «слишком горячо руке» немного спало, он начинает снова. Я пытаюсь помешать ему словами; бесполезно. В конце концов, он кладет ладонь на еще более раскаленную плиту и обжигает руку по-настоящему, до слез, до огорчения. Боль длится недолго, поскольку это ожог первой степени; но есть волдыри на ладони и на кончиках пальцев. Мне приходится наложить повязку, которую ребенок не снимает восемь дней и которая его совершенно не стесняет. Он как будто очень счастлив от того, что обжегся, и он ведет каждого, кто приходит, к печке, объясняя: «Гоячо», «Это павда», с убежденным и очень, очень заинтересованным видом, по всей видимости, довлеворенный своим опытом. Когда я снимаю ему повязку, Грэгуару больше не нужна рука. Он продолжает держать ее в стороне, как мешающую принадлежность своей анатомии. Пришлось однажды, когда он был занят игрой, резко вернуть его руку «в оборот». Так как он посмотрел на меня с удивленным видом, я напомнила ему инцидент с плитой: он отреагировал, зафиксировав руку, затем снова посмотрел на меня, смеясь, счастливый своему обретению, и, начиная с этого момента, он снова начал пользоваться своей обожженной рукой. Никогда больше он не прикоснулся к плите¹.

Этот опыт мне много дал знать о невероятной способности детей к адаптации (этому ребенку было десять месяцев, инцидент случился через несколько дней после того, как он начал ходить) при отсутствии одной из верхних конечностей: это отсутствие немедленно

¹ [Наблюдения за собственными детьми Дольто также представила в работе «Новая гипотеза относительно реакции ревности на рождение малыша» (1947e). См. наст. том, с. 199–230.]

вошло в обиходную моторику, не мешая деятельности. А ведь речь шла о правой руке, и мальчик был правшой. Можно также констатировать, что на эти опыты огня и интеграции этой опасности эти три ребенка, близкие по возрасту, отреагировали разным образом. Психологически важно оставить ребенку свободу (конечно, наблюдая за ним); разговаривать с ним и, если он причинил себе боль, полечить его и посочувствовать, не ругая; но столь же существенно дать ему пойти на риск и ощутить самому результаты проводимого им эксперимента. Прикасаться к огню запрещено не моральным сознанием, но осторожностью; а осторожность усваивается либо верой *a priori*, проверяемой *a minima*, в слово другого, либо, если слова не достаточно, собственным опытом. Не является плохим обжечься, это причиняет боль, что не одно и то же. Конечно, не нужно, чтобы взрослый мешал ребенку подвергать себя реальным рискам (с той оговоркой, что он не должен их провоцировать и последствия не должны быть слишком суровыми): ибо реальные риски не несут больше или меньше испытаний для тех, кто на них идет, чем то, что взрослый об этом говорит, исходя из своего опыта или опыта другого, короче говоря, чем его знание, они являются частью знания мира; и фантазмированный риск, предвиденный, сталкиваясь с реальностью, соответствующий в своих эффектах тому, что об этом говорят, имеет развивающее значение. Угроза от вмешательства и наказания, если ребенок действительно хочет испытать сам правдивость сказанного об опасности, не является воспитательной. Все дети любят наблюдать сами, все дети любят экспериментировать в разной степени. Если есть опасность, необходимо предупредить ребенка, но никогда нельзя его обманывать. Полезно, если он сможет убедиться сам, при условии, что речь идет о риске, мера которого известна и на который он идет под надзором взрослого, сопровождающего попытку словами объяснения до того, пока ребенок не убедится в достоверности сказанного взрослым. И повседневная жизнь сразу же не является смертельных рисков для младенца, за которым следит взрослый. Реальные риски, которым они подвергаются, если могут делать это свободно, способствуют только тому, чтобы научить их осторожности и в то же время доверию к словам взрослого: слова, правдивое значение которых будет подтверждено собственным опытом ребенка, тем, что он опробует в полной свободе инициативы до точки не-возврата, в которой он приобретет аутентичное и автономное знание своих собственных границ перед лицом реальности вещей.

Описание нахождения на разных уровнях

Жан в возрасте семи месяцев вдруг оказывается один на девятой или десятой ступеньке лестницы, которая ведет на следующий этаж нашего дома (он выполз на четвереньках через входную дверь, оставленную по недосмотру открытой, на лестничную площадку). Я ищу его в доме, затем, не найдя его и видя, что дверь приоткрыта, я выхожу на площадку и замечаю его, очень удивленная, что обнаруживаю этого семимесячного малыша так далеко, так высоко. Я не знала, что он способен на такие достижения. Его лицо, расплывшееся от удовольствия от успешного усилия, внезапно напрягается при виде меня, его рот раскрывается широко, не кричит, глаза округляются, полны страха и смотрят на меня, обеспокоенные, безусловно, увидев мое лицо на расстоянии от своего через решетки перил и ниже своего; для этого ребенка, который до того рос в квартире, быть в этой необычной ситуации — неизвестный опыт: оказаться еще выше, чем лицо взрослого, и не у него на руках.

Одно точно: пока он был занят тем, чтобы взобраться, и не видел меня, выражение его лица было радостным и торжествующим; лишь после того, как он меня заметил, у него появился испуганный вид. И я тогда спешу подняться и взять его на руки, хвалю его, обнимаю и говорю, что он может продолжить это восхождение. Я осталась рядом с ним, помогая ему и облекая в слова все жесты, которые он делал, чтобы подняться по лестнице. Воспоминание об опасности останется, таким образом, в мысли ребенка, как связанное с усилием, трудным, но хорошим, с чем-то новым, но чем можно овладеть, с необычной ситуацией, но которую он смог преодолеть, следовательно, с достижением, которым он будет гордиться. Очевидно, что, если бы я заняла позицию страха и его отругала, Жан сохранил бы чувство вины от этого двигательного достижения, инициатива которого, рискованная, принадлежала ему одному, была достаточно исключительной для ребенка семи месяцев. Страх рассерженного взрослого подтвердил бы и усугубил первоначальное затруднение, вызванное необычностью ситуации нахождения на разных уровнях и того, что он остался один, что во вновь осваиваемом пространстве не имело ничего предосудительного. Он, вероятно, сохранил бы от этого опыта страх предпринимать новые акробатические упражнения. Конечно, я, мама, прослужу за входной дверью; но с этих пор стремянка часто будет раскладываться, и маленький мальчик будет заниматься тем, чтобы взбираться по ней, скатываться, залезать снова, и усилия захватят его целиком.

Часами он будет играть таким образом в то, чтобы побеждать трудности, затем его игрой будет тащить медведей и других плюшевых животных и устраивать их на ступеньках лестницы и, когда они будут скатываться, спускаться за ними; вы даже не представляете увлеченность, с которой этот ребенок семи месяцев упорно будет преодолевать все эти трудности. В то же время он откроет звуки речи, немало звукоподражаний для выражения всего, что ему нужно будет выразить о своей радости, иногда он будет звать меня, чтобы я пришла увидеть, что происходит со всеми его игрушками и с ним.

Это будет ребенок, который очень быстро разовьется.

Опасность социальных контактов

Жан начинает ходить в детский сад. Ему два с половиной года. Там есть девочка семи лет по имени Бернадетта, отсталая в интеллектуальном и двигательном развитии в результате родовой травмы, частично страдающая гемиплегией¹. Это очень крупная девочка для детского сада, и у нее есть скверная мания: вооружившись палкой, своей единственной здоровой рукой она бьет всех новеньких, предпочтительно по голове. Директриса детского сада, сторонница новых методов, склонна давать детям самим разбираться друг с другом, вмешиваясь, чтобы их развести, только в случае реальной опасности.

На первой перемене Бернадетта подвергает Жана обращению, принятому ею для новеньких. Он бежит, чтобы укрыться от ее ударов, говоря: «О! ля ля... О! ля ля...» — и так они проводят перемену, бегая друг за другом. Каждый раз, как дети предоставлены самим себе во время небольшой перемены, тот же маневр возобновляется. На третий день в школе пресловутая Бернадетта еще не утомилась от игры, но ей все еще не удалось пастигнуть Жана. И Жан по-прежнему не защищается. Удивление воспитательницы, поскольку другие дети (старше его, может быть, при поступлении в школу), как правило, приходили спасаться к ней, и тогда Бернадетта не осмеливалась больше приближаться. Воспитательница говорит со мной о ситуации: нужно ли запретить Бернадетте ее атаки, прекратить ее выходку, побудить Жана ответить на насилие насилием или прибегнуть к защите взрослого, тогда как спонтанно он не делает ни того, ни другого? Я думаю, впрочем, как и она, что нужно еще

¹ [Гемиплегия (от греч. *hemi* — полу и греч. *plege* — поражение, удар) — полная потеря возможности произвольных движений в ноге и руке с одной стороны тела.]

подождать и посмотреть. Когда я прихожу на третий день за Жаном в школу, он с плачем говорит мне, что не хочет возвращаться сюда на следующий день, но, тем не менее, не признается мне в настоящем мотиве. Во время этого небольшого приступа страха под вопрос ставится его последующий контакт с обществом детей, а также и со школой, где на занятиях ему очень нравится.

Вот почему на следующий день, несмотря на слезы, я отвожу его в школу, но мы приходим намеренно с небольшим опозданием в то время, как весь маленький народ уже в классе; я ему говорю, что приду за ним и что у меня будет для него конфета. Я ставлю его, таким образом, перед лицом конфликта, который надо решать. Это четвертый день. Немного обеспокоенная, я остаюсь какое-то время за дверью, чтобы услышать, заплачет ли мой слишком встревоженный мальчик — я все-таки мать — тогда я бы передумала. Но я ничего не слышу и в 11.30 возвращаюсь за ним. Когда я прихожу, Жан подходит ко мне, очень веселый, и спрашивает: «У тебя есть конфета?» — «Да, ищи». Он смотрит в моем кармане, находит одну. «У тебя нет другой?» — «Посмотри еще». И в другом моем кармане он находит вторую. Я говорю: «Тебе не достаточно одной?» — «Нет, нужно одну для моей подруги». — «А?» — «Я могу ей дать?» — «Конечно». И он пошел дать конфету девочке. Я еще не знаю эту маленькую Бернадетту и, впрочем, также не увижу ее в этот день; я познакомлюсь с ней только через несколько дней. Мы возвращаемся домой, и по дороге Жан заявляет с энтузиазмом: «Ах! Мне нравится моя школа! Ах! Как хорошо, что я пошел туда сегодня утром!.. Ах! Школа, это хорошо! И есчে, я люблю всех невест!.. И есчес, ты знаешь... Бернадетта, она не верила, что конфета для нее!» Хорошо. Вот Бернадетта стала его подругой. Он ничего больше об этом не говорит. И с того момента он будет с радостью ходить в школу.

Воспитательница несколько дней спустя расскажет мне, что произошло. Я намеренно в день тревожной нерешительности Жана привела его в школу как раз после того, как воспитательница вошла в класс и другие дети уже сидели за столами. К большому удивлению воспитательницы, услышавшей звук входной двери, дверь класса, выходящая в холл, широко раскрылась, но... никого, опоздавший не показывался! Женщина подождала секунду, все присутствующие повернулись, дверь оставалась открытой: по-прежнему никого! И тогда через некоторое время мой Жан появился в дверном проеме, ноги расставлены, руки раскачиваются, тело очень прямое, голова высоко поднята, и громко заявляет, ни к кому не обращаясь: «Осторожно,

сегодня я на нервах, так что осторожно». И сказав это, он пошел на свое место. Маленький народ этим был поражен. Дети повторяли друг другу: «Осторожно, сегодня «хороший» Жан Дольто на нервах!» Воспитательница скажет мне, как ее позабавил этот приход и этот лозунг, который переходил из уст в уста: «Осторожно, «хороший» Жан Дольто на нервах!» Результатом стало, во всяком случае, то, что в перемену Бернадетта не стала рисковать преследовать его с палкой и что с этого дня Жан был оставлен в покое. И конфета, которую он попросил у меня, предназначалась Бернадетте, которая не смела ее взять. Жану пришлось объяснять воспитательнице: «Скажи ей, что я ей даю, она не хочет верить, что я ей даю». Начиная с этого дня (скажет мне воспитательница) Жан и Бернадетта стали парой друзей: он, например, помогал ей делать все, что ей не удавалось, узлы, шнурование, складывание... Успех, которым Жан был так доволен в этой победе и обуздании своего страха перед лицом этого первого опыта социальной жизни! Это испытание, вызывающее страх, которое своими средствами такой маленький в два с половиной года перед этой большой девочкой он оказался способен встретить и преодолеть, это испытание стало для него настоящим триумфом над своим страхом. Когда он прошел, то оставил ребенка не только счастливым, умирающим, но также благодарным той, которая была этому причиной и которая позволила ему приобрести этот опыт.

Это наблюдение показывает нам, что у каждого ребенка свой тип реагирования перед элементом окружения, который создает ему проблему. Важно (и пример отношения брата Жана к огню это показывает) уважать в каждом из них их особый способ реагирования и никогда не навязывать или советовать стандартный способ защиты. Ребенок находит в своей природе реакцию, присущую ему, даже если он поставлен в ситуацию реальной неполноценности. Вернув доверие с помощью взрослого, ему всегда удается рано или поздно отреагировать, исходя из своих собственных ресурсов, и не быть обремененным комплексом чувства неполноценности, чуждым реальной ситуации, которая требует от него, чтобы он сам нашел особенную адаптацию при каждом испытании. Опасность (Бернадетта в предыдущем примере, от которой Жан устал убегать во время перемены) была преодолена не двигателевым способом, но, если можно так сказать, ментальным образом. Бернадетта была опасным элементом, с которым необходимо было разобраться и который представлял для Жана проблему. Ему не пришла мысль просить помощи. Он научился считаться с природой, которая была ему свойственна, и она побудила говорить

о нем других детей, свидетелей трехдневного преследования, что он был «хорошим». Впрочем, это было так. В течение трех дней Жан пытался избежать ударов палкой и, поскольку он был очень ловкий, ему это действительно удалось; даже если перед лицом непреодолеваемой трудности и тем, что Бернадетта отравляла его перемены, он начал бояться школы.

Немного позже, в связи с приходом в школу другого новичка, Жан сказал мне, что, как обычно, Бернадетта бегала за ним со своей палкой. Я воспользовалась этим, чтобы поговорить с ним — то, о чем сам он ни разу не говорил, — о девочке, которая была больше, чем остальные. И Жан заявил мне: «Она надоедает, Бернадетта, когда бьет так других, но ты знаешь, она не плохая: у нее одна рука и одна нога действуют не очень хорошо». Здесь видно очень ясно, что в целом он отреагировал, как он это сделал бы по отношению к любой проблеме безопасности, созданной настоящей опасностью, и, по-видимому, он уже составил себе объяснение двигательной агрессивности девочки, этакой великанши в первом классе детского сада; как будто он спонтанно понял, что ребенок-инвалид может использовать силу, чтобы компенсировать свое чувство неполноценности.

Опасности любить

После этих примеров внешних опасностей, двигательных опасностей при контакте с другими вот несколько опасностей, вписанных в аффективную природу людей, которые могут также являться источником бессознательного чувства вины, если не предоставить ребенку и в этом случае свободу действия его автономных процессов защиты.

В статье о ревности к младшему ребенку¹ я говорила о чувстве опасности, которое испытывает старший при мысли о необходимости любить новорожденного брата или сестру. Любить влечет за собой идентификацию себя с объектом любви. Искушение любить более маленького, чем сам, инволюционный образ самого себя побуждает старшего ребенка к регрессии до своей собственной стадии *infans*. Следовательно, старшему надо отказаться от любви к новорожденному, нападать на него, чтобы защитить себя от риска, включенного *a priori* в это чувство любви. Любить его причиняет энергетический субъективный ущерб. До этого было хорошим для него иметь желание идентифицировать себя любя, потому что он никогда не видел дома

¹ [См. наст. том, с. 199—230.]

меньших, чем он, а, наоборот, образы людей, ушедших в эволюции дальше; младенец, если слово не отсутствовало, можно сказать, кажется, напротив, в инволюции... Любовь существа, развитие которого — свидетель о пройденном времени, опасна для того, кто на него смотрит. Ему нужно защититься от другого, нападать на него или презирать, по меньшей мере, не знать его. Если он смотрит на младшего и если он любит его, он будет либо пытаться найти способ защититься от этой опасности, от этого искушения инволюцией, либо поддаться ей. Когда ребенок любит что-нибудь, он любит пробовать это, есть, и важно, чтобы он мог быть активным, чтоб у него было право воображать, что он будет кусать и есть то, что любит.

Жану во время, к которому относится это наблюдение, три года и десять месяцев, его маленькой сестре три месяца, у него вид, что он очень любит ее (он уже пережил и преодолел свою ревность к младшему в связи с рождением своего брата Грегуара). Он говорит мне с радостным лицом: «Я думаю о том, когда мы ее съедим, сестренку, о! она была бы такая вкусная! Скажи, мама, когда мы будем ее есть?» Поскольку Пасха, самый близкий праздник, еще далеко, я отвечаю: «Ну, да, на Пасху, посмотрим». Тогда я подумала: «Есть еще два-три месяца; за это время он наверняка забудет об этом». И Жан два или три дня подряд повторяет следующее: «Это правда? Мы съедим ее на Пасху? Скажи, мама? Она такая хорошая, такая хорошая». И он созерцает ее с умиленным видом. Я: «Может быть... посмотрим». И Жан, счастливый, оказывает новые знаки любви и нежности старшего брата к младшей сестре, защищая ее от нападок младшего брата, который находится тогда в самом разгаре реакции ревности по отношению к младенцу. Две недели спустя Жан говорит мне: «Ты помнишь, мама, когда я был маленьким (это было две недели назад), я говорил, что хочу ее съесть. Но она слишком хорошая, Катрин. Если бы мы ее съели, у нас бы больше ее не было, чтобы любить, чтобы обнимать?» И Жан стал смеяться, что смог так сказать — «когда он был маленьким!» Начиная с этого момента, его отношение к сестренке будет более нюансированным: в моменты доминирования ей будет от него доставаться, тогда как в моменты нежности он будет обращать мое внимание, до какой степени она забавная и миленькая.

В возрасте, когда Жан фантазирует свое желание съесть свою сестру, им также владеет — ему три года — вирильное желание, зачатки которого проявляются в том, чтобы толкать женщин, особенно добрую служанку, которую он очень любит. Он радостно

сопровождает свои слова и людические жесты фантазированными угрозами: «Мари, я иду проколоть вам попу!» И, вооруженный палкой от метлы, он преследует ее, смеясь в одиночку, но никогда не приближаясь настолько, чтобы задеть юбку Мари своей палкой от метлы. Мари, очень милая, сама мать семейства, заправляет постель, занимается хозяйством и совершенно не обращает внимания на то, что он говорит, поглощенная тем, что ей нужно делать. Однажды, когда она находится в неустойчивом равновесии у кровати, Жан проходит мимо нее и на этот раз толкает ее двумя кулаками; она садится на кровать, и Жан, торжествующий, кричит от радости и бежит к находящемуся у нас другу его отца: «Месье, вы знаете, я большой! Я двинул Мари кулаком, и она упала. Я почти мужчина!» Так он устанавливает, чтобы утвердить свою личность, контакт с взрослым мужчиной, абсолютно существующим в своем поле, чтобы объявить ему о своем успехе в достижении, где как любящий и гордый своей силой самец он торжествует над представительницей женского пола. Все поведение этого мальчика вытекает из спонтанных побуждений, «хороших», исходящих из ритмов самой жизни и мужских желаний двигательной, оральной, анальной, уретральной стадий. С мальчиком не только совершенно легко жить, и сестренка, которую он хотел съесть, не может пожаловаться ни на него, ни на его поведение по отношению к ней, но и у служанки Мари, которая иногда смущенно смеется (всегда позабавленная) над заявлениями мальчика, нет с ним никаких неприятностей. Жан чрезвычайно мил, услужлив по отношению к ней, любящий. Действительно, в этом возрасте мальчик мечтает обо всем сразу — есть, толкать, бить, ронять ту, которая ему нравится, быть победителем. Несомненно, ругательства или наказания за фантазматические речи такого рода, тогда как действия ребенка не были вредными, нанесли бы урон его доверию к себе и возможности для него жить в добром согласии у себя в семье и обществе, когда в своих поступках он проявлял готовность к сотрудничеству и отсутствие проблем в отношениях с другими как дома, так и в классе.

Другой пример: Грэгуару год и восемь месяцев, когда родилась его младшая сестра. Ей всего несколько дней, когда, наблюдая, как она берет бутылочку движениями пальчиков, как это бывает у грудных малышей в этом возрасте, он устремляется к вытянутому указательному пальцу малышки и зубами кусает его до крови. Я беспокоюсь о пальце, малышка роняет бутылочку и плачет, конечно, поскольку он сделал ей крайне больно. Грэгуар кажется потрясенным, обеспокоенным, встревоженным тем, что я скажу, готовый восстать:

он замкнулся в себе самом, на лице у него, действительно, очень «сосредоточенное» выражение. Тогда я: «Подойди, посмотри, как сестренка довольна, что у нее такой сильный брат. Теперь, когда ты такой сильный, ты можешь защитить ее, если кто-нибудь нападет на нее однажды». Тогда мимика Грэгуара расслабляется, он выпячивает грудь, затем, слыша крики малышки, которой он сделал очень больно, говорит: «Ка¹, больно, плачала», — он начинает надувать губы, как младенец, и плакать в свою очередь. Я продолжаю: «Конечно, ей больно, потому что ты слишком сильный для нее, но она хорошо знает, это потому, что ты ее находишь такой хорошей, что хотел съесть». Он смотрит на меня, удивленный, и отвечает: «Да!» Я продолжаю: «Но это невозможно, она живая, людей не едят». Тогда он: «Нужно утешать!» И он пытается, произнося милые словечки, и ему это очень скоро удалось. Пальчику малышки потребовалось, тем не менее, три или четыре дня, чтобы зажить полностью. Никогда больше ребенок не будет кусать свою младшую сестру, ни кого бы то ни было. Здесь видно, как жест, исходящий из агрессивного намерения, но берущий начало в намерении любви, неожиданно был прочувствован, как плохой, потому что он заставил страдать сестренку, которой ребенок интересовался, и весь этот интерес и эта любовь проявились, как укорененные в опасном оральном желании. Речь шла, конечно, тоже о чувстве ревности, но ребенок был в то время на пути идентификации со старшими своего пола.

Если бы я, мама, рассердилась (я упрекала себя скорее за то, что не предотвратила опасность, полностью занятая тем, что давала бутылочку), жест, болезненный для младшей сестры, но который сам по себе не был ни хорошим, ни плохим и происходил только из импульсивного фантазма орального потребления у старшего, получил бы ассоциацию с идеей, что он несет реальную опасность, значит, он, Гриша, был плохим. На самом деле ребенок почувствовал себя самого несчастным, находящимся в опасности, через немедленную идентификацию с живым объектом, подвергнутым агрессии, но не виновным. Его чувство вины очень быстро уступило место, по меньшей мере, пониманию своего импульса (предполагаемого), вербализованного мною: «Он хотел съесть свою сестренку». «Да». Тогда как Жан, его старший брат, удовольствуется (шестью месяцами позднее и почти в четыре года, а не как Грэгуар в год восемь месяцев) тем, что вообразит и будет говорить о том, чтобы съесть сестренку

¹ «Ка» был его способ называть Катрин, названной тогда «Катинька» отцом.

хорошо приготовленной, эдакой красивой праздничной индюшкой; Грегуару, гораздо младше его, понадобилась попытка немедленного исполнения, чувствительного, аналогичная той, которую он предпринял в опыте с огнем. Боль, причиненная сестре, обернулась болью и для него, и все, что последовало, позволило воспитанию сыграть свою роль в этом небольшом инциденте.

Другой пример трудности любить

«Шлюха!» — сказал Жан, ему скоро три года, Мари, человеку, поступившему на службу к его маме этим утром. Дело в том, что Мари хотела помочь ему подняться на стул, чтобы поесть. Она хотела завязать ему салфетку. Короче говоря, она не дала ему действовать самому в вещах, которые касаются его и которые до ее прихода в дом он делал сам. Инцидент, слово «шлюха» в лицо этой женщине, наделал шума. Так как я слышу, что Мари громко говорит, я бегу на кухню: она рассказывает мне о том, что произошло. Я удивлена этому, я не знала, что Жану знакомо это слово, и я спрашиваю его: «Ты знаешь, что это означает: “шлюха”?» Он не отвечает. Я узнаю позднее, что он услышал слово от самой новенькой, как она говорила домработнице о другом человеке. «Нет, — сказал он мне, — но ты понимаешь, она не хочет дать мне залезть на стул, она не хочет, чтобы я что-то делал сам». Я объясняю ему, что слово означает, что Мари такая грязная, такая отвратительная и ему никогда не захочется ни дотронуться до нее, ни смотреть на нее, ни любить. Тогда он мне сказал: «Ах, так! Нет, она не такая! Она даже очень милая, Мари!»

«Шлюха» умом ребенка было воспринято как «антижизнь». Мари не давала ему выразить свою двигательную витальность, самоутвердиться. И, по его мнению, нужно было защититься от нее. Как защититься иначе, чем произнести слово, которое он как раз воспринял из словаря этой женщины, говорившей о своей бывшей хозяйке, которая, по ее оценке, была по отношению к ней шлюхой? Мари была чувствительной женщиной, она была огорчена тем, что произошло между ней и Жаном, она не могла понять, как ребенок трех лет мог делать столько вещей самостоятельно. Она не могла еще осознать, каким образом он был воспитан; это, впрочем, впоследствии очень заинтересовало ее, поскольку у нее самой были дети, и они все оставались очень долго зависимыми от нее из-за ее сверхопеки.

После этого инцидента, который не казался полностью закрытым, т. к. я еще недостаточно знала эту женщину, чтобы долго

обсуждать с ней случившееся, Жан быстро пообедал и пришел ко мне. Я буду с ним говорить об эпизоде, и он снова скажет мне, до какой степени он находит Мари милой, хотя она и «занудлива, не дает нам» (он говорил «мы», даже если говорил только о себе: его младший брат, гораздо менее расторопный, чем он, был очень доволен паразитировать на этом человеке и пользоваться ее помощью) — «она ничего не дает нам делать самим». Я выслушала, что говорит Жан, затем сказала ему: «Ты знаешь, Мари огорчилась, потому что она подумала, что ты считаешь ее шлюхой по-настоящему. Шлюха — это ругательство. И было бы хорошо, если бы ты попросил прощения у Мари». В этот момент, к моему удивлению, Жан ясно ответит, категорически настроенный против: «Это, нет, никогда!» Удивленная его реакцией, расстроенная, боясь последующих осложнений между Мари и ним, я ничего больше не сказала, оставив все, как есть, и Жан ушел в ярости. Он вернулся десять минут спустя с растерянным видом человека, недовольного собой, и пробормотал сквозь зубы: «Я дал ей свое прощение». — «Что? Что ты дал Мари?» (я не совсем понимала). Он повторил мне: «Я дал ей свое прощение». — «А, хорошо, хорошо, Жан». «Ну, нет! Это нехорошо! — сказал он, подавленный, с крупными слезами на щеках. — Нет, это нехорошо!» Не понимая, что он испытывает, я не скажу ни слова, и некоторое время он будет плакать, погруженный в себя, глядя в окно — до того, как снова обратится ко мне: «Это нехорошо, но она была так огорчена, Мари, что я сказал "шлюха", я не хотел, чтобы она огорчалась». В тоне, которым Жан сказал «это нехорошо», чувствовалась глубокая правда. Он, действительно, не был обижен, попросив прощения или, точнее, как он совершенно справедливо сказал и не ошибся в смысле того, что ему нужно было сказать, дав свое прощение, но его обидело, что ему пришлось исправлять моральное зло, которое он сделал невинно, защищаясь на законных основаниях. Не нужно говорить, что он и Мари, эта простая женщина, станут лучшими в мире друзьями, ибо Жан был очень сердечным мальчиком: только он был уже очень самостоятелен.

Опыт потери любимой вещи Твое и мое

Жан получает к двум с половиной годам свое первое игрушечное ружье, которое он страстно желал и которым очень гордится. Не надо забывать, что Жан родился во время войны и ему год и семь месяцев

в момент Освобождения и вхождения частей армии генерала Леклера в Париж, которые прошли под окнами квартиры. Это ружье для него — возможность идентифицировать себя с солдатами генерала де Голля, как он говорит. И он берет ружье с собой в Люксембургский сад. Поднимаясь на карусель, вместо того, чтобы отдать ружье своей бабушке, с которой он обычно гуляет и которая просит у него ружье, он заявляет: «Нет, это не для женщин!» — и кладет ружье на землю. Сделав круг на деревянной лошадке, он тщетно ищет ружье и не находит (в то время это была очень редкая игрушка, запрещенная к производству при немецкой оккупации; у всех мальчиков должно было быть такое желание иметь такую игрушку). Бабушка по возвращении домой с Жаном сказала мне: «Мне жаль, Жан потерял свое ружье, ты очень огорчишься»; и она рассказывает мне, как это произошло. Она знает, что нам очень сложно было найти эту игрушку. Я спрашиваю: «А Жан, он огорчен?» «Ну, что ты, совсем нет, представь, — возражает его бабушка неодобрительным тоном, — когда я ему сказала, что очень глупо потерять свое ружье, и это произошло по его вине, потому что он мне его не доверил, он ответил мне: “Ничего страшного, кто-то нашел его, и он, должно быть, очень доволен!”» «Ну, а я, — сказала я тогда (Жан только что вошел при этих словах и присутствовал при моем разговоре с матерью), — не вижу, почему я была бы огорчена больше, чем Жан; это было его ружье, потому что ему его подарили. И если Жан доволен, я довольна. Это правда, что есть наверняка мальчик, очень довольный теперь тем, что нашел красивое ружье». И больше нет речи об этой игрушке.

Дней через пятнадцать после этого происшествия Жан, как бы выйдя из мечтаний, в которые он был погружен несколько минут, говорит мне: «Если бы я его не положил на землю, мое ружье, я мог бы еще играть с ним... мне бы хотелось еще поиграть с ним!» — «В другой раз, если ты что-нибудь очень любишь, ты позаботишься, чтобы не потерять это». «О, да!» — ответил он мне.

Инцидент с ружьем был закрыт, он принес опыт. Ребенок усвоил через идентификацию с тем, кто нашел игрушку, настоящий смысл ценности своего предмета; если бы, напротив, его отругали за потерю ружья, утрату которого он еще не успел бы прочувствовать (и факт в том, что он ее еще не прочувствовал), у него было бы только чувство вины, навязанное взрослыми; чувство искусственно привитое, не имеющее для него никакого морального значения, безотносительно к какой-либо ошибке, ибо не имеет ничего общего с моралью дать взять свои вещи другому или не давать; и нет никакой ошибки, если

очень любишь что-то, в потере этого. У Жана, благодаря этому опыту, была возможность пройти обучение чувству ответственности за свои поступки, а также обучение ценности добра, которым обладал и затем утратил, о котором сожалеешь через самого себя. Чувству твоего и моего многим детям столь трудно учиться потому, что им хотят привить его слишком рано. Однако усвоение этих понятий происходит в то же время, что и усвоение ответственности. Прежде чем усвоить чувство социальной ответственности, нужно усвоить чувство индивидуальной ответственности по отношению к самому себе и к своему имуществу. Как это было ухвачено из жизни, свобода для ребенка быть единственным судьей своих поступков, когда они имеют последствия только аффективного плана и лишь для него самого, есть единственная установка, которая может позволить ему получить свой собственный опыт отношений с предметами, существами и вещами. Ему нужно сначала желать предмет, затем, получив его, потерять, и потеряв — сожалеть об этой потере для того, чтобы через это испытание в тот день, когда он это осознает, — мы видели, что Жану понадобилось пятнадцать дней, — он мог усвоить, независимо от любого чувства вины, понятие своей собственной ответственности.

Это исследование не имело никакой другой цели, как поделиться наблюдениями, которые я могла делать день за днем, и размышлениями, которые они мне подсказали. Мне показалось важным найти источники чувства вины в первых физиологических предречевых ощущениях плохого «жизненного» самочувствия. Физиологические условия жизни маленького человека имеют свои внутренние, иногда противоречивые требования. Плохое самочувствие присуще человеческому существованию, какими бы ни были внешние обстоятельства в своей случайности. Эти испытания могут быть освобождающими для либидо, источниками креативности или, напротив, аккумулирующими либидо в напряжении и тормозящими творческую силу, в зависимости от того, позволено субъекту выражать свой страх или нет, находит ли он поддержку, чтобы самому найти для них смысл и, в особенности, средство одержать над ним победу, или не находит такой поддержки. Самое спасительное окружение — это то, которое максимально развивает атмосферу доверия, атмосферу, в которой имеется право свободного самовыражения, даже если выражение, которое ребенок дает, будет выражением физического, аффективного или ментального страдания. Мы видим, что перед лицом всего этого «дрессировка» избегает опыта и не позволяет приобрести автономию.

Когда я училаась, было педиатрическое отделение, где главный врач, профессор Рибадо-Дюма, принял однажды решение, что медсестры должны уделять два раза в день по пять минут, независимо от выполняемых предписаний, каждому порученному им ребенку: пять минут, чтобы играть с ними или, если они были слишком маленькими для игр, поговорить с ними, приласкать их, погулять, поулыбаться, короче говоря, установить с ними приятное отношение, помимо всяких медицинских процедур, предписанных им; отношение материнское, любящее, как бы внешне ни воспринимал это маленький больной. Этому были очень удивлены в больнице, и, естественно, все экстерны говорили об этом эксперименте. Медсестры согласились, и, к общему удивлению, в этом отслении, которое принимало как грудных детей, так и детей двух-трех лет, смертность упала поразительным образом. Эти аффективные обмены, вне любой процедуры кормления или ухода, казалось, были для всех малышей моментами восполнения жизненной энергии. Обмены психического порядка только на уровне голоса, мимики, жеста являются для тяжело больных детей, может быть, наиболее эффективными моментами для восстановления их глубинной жизненной энергии. Профессор Рибадо-Дюма, вводя этот новый стиль отношения между ухаживающими и малышами, обнаружил нечто, что идет в том же направлении, как и то, что я сказала здесь. Как мы могли видеть во всех предыдущих примерах, аффективные эйфоризирующие обмены состоят, прежде всего, в том, чтобы дать ребенку возможность свободно выразить себя голосом, мимикой, жестом и, более того, любым действием, лишь бы оно не представляло непосредственной серьезной опасности ни для него, ни для других. Конечно, воспитание не сводится к этому, но без этих создающих безопасность, игровых, жестовых обменов, которые могут даже происходить без слов, без обмена вокализациями, не существует между взрослыми и детьми никакой гуманизирующей интерпсихической связи.

Если взрослый не оказывает доверия выражениям, которые дает ребенок о своей витальности, доверия вплоть до того, чтобы говорить с ним, — каким бы больным и маленьким он ни был — чтобы разрешить проявления радости или страдания, которые есть у ребенка, не подавляя их, если взрослый не входит в аффективный и вербальный контакт с ребенком, независимо от необходимых манипуляций с его телом, которые вовсе не включают в себя интерпсихическую коммуникацию, ребенок оказывается в невозможности иметь доверие к себе в том смысле, что он — существо речи и желания,

по своей сути отдельное от своего тела; т. е. в той мере, в которой оно его составляет только как существо потребностей.

Полная зависимость человеческого существа в начале его жизни — это ловушка для многих матерей, которые не уважают у своего ребенка ни особенность ритма потребностей, ни естественное и спонтанное выражение желаний, которые на внешне похожем у всех фоне пробуждаются и выражаются по-разному у каждого. Внушаемость ребенка со стороны кормилицы и его опекунского окружения — один из путей, которыми человеческая природа, автономное выражение витальности, чувствительность и ум очень рано извращаются у некоторых, воспитанных тревожными материами, материами-перфекционистками и собственницами. Все процедуры ранней дрессуры вредны, ибо тогда рано или поздно начинает ткаться для ребенка чувство виновности жить. В период завершения ранних сенестезических ощущений бессознательного плохого самочувствия висцеральный страх вплетается на довербальной речи в обмены с окружением: обмены сначала питательные, затем моторные, задолго до того, как они будут проговорены самим ребенком, чувствительным, тем не менее, с самого рождения к словам, несут ли они доверие или неодобрение; он великолепно схватывает их эмоциональное значение, значение любви, уважения к своей персоне в становлении или, наоборот, то, что в них содержится из вызывающего ругань неприятия по отношению к его витальным проявлениям.

Благодаря словесному наполнению, всегда несущему безопасность по отношению к физическим испытаниям и приходящему, таким образом, поддержать его двигательные инициативы, ребенок избегает ранних бессознательных чувств вины, которые, если они есть, могут только нарушить его ритмы и перекрыть доступ эйфории к познанию своей идентичности, к естественным характеристикам его пола, к овладению автономией своей речи и действованием, к упражнению своего наблюдающего, различающего, творческого ума, к упражнению изобретательного воображения и ответственной автономии; все, что должно развиваться вне любой вины магического или патологического плана, способной осложнить неврозом характер и здоровье самых одаренных и психически рано развившихся людей.

**КАК СОЗДАЕТСЯ ЛОЖНЫЙ КОМПЛЕКС ВИНЫ
(1949а [1948])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1949: Comment on crée chez l'enfant une fausse culpabilité. // Trouble et Lumièr. / Études carmélitaines. — Cinquième Congrès International de Psychologie Religieuse 1948. — Desclée de Brouwer, 1949. — Р. 43–55.

1986: Idem. // Dolto, F. La difficulté de vivre. — Paris: Vertiges du Nord/Carrere, 1986. — Р. 219–232.

1995: Idem. // Dolto, F. La difficulté de vivre. — Paris: Gallimard, 1995. — Р. 209–222.

Данная статья несет в себе намерения Ф. Дольто решительно обозначить проблему ложного чувства вины для католических наставников. На ряде клинических примеров и своих наблюдений она показывает, что дети часто не разграничивают запреты моральные и запреты, идущие от привычки и социального конформизма. Взрослые склонны усиливать чувство виновности у ребенка именно из-за нарушений внешних запретов. Дольто предупреждает о патологических последствиях и опасностях культивирования чувства вины.

Перевод с французского Т.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

КЛИНИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИОЗНОМ ВОСПИТАНИИ

В данной работе, отражающей долгую клиническую практику, я приведу некоторые примеры, относящиеся к генезису чувства ложной вины. Речь идет о реальных случаях, и становится ясно, что, если настоящая вина делает или должна делать возможным развитие сил для новой деятельности, сотканных из доверия и любви, то ложная вина приносит вред тем более, что становится источником депрессии, отсутствия доверия к себе и к жизни. Здоровая духовность предполагает, чтобы в человеке по возможности были стерты те следы, что оставляет в нем ложная вина. Задача не из легких, и то, что может здесь привнести психоанализ, может быть очень полезно.

Первый пример. Леону тридцать пять лет, он страдает серьезным неврозом навязчивости, из-за которого становится невозможным за пределами его работы — единственного места его обмена с миром — любое аффективное участие в социальной жизни. Он представляет, что люди, которых он встречает, умрут в определенный срок только от того, что он об этом подумал; значит, если они умирают, он виноват. За этим следует целый процесс магического разрушения мысли и тревожная проверка, не была ли исполнена его мысль.

Я не буду рассказывать весь случай, только это: его болезнь относится к уединению первого причастия. Он был набожным ребенком, его очень баловала, опекала (будь хорошеньким и послушным, чтобы Боженка любил) молодая бабушка, вдова войны 14 года, которая была очень религиозной и водила его в церковь. Церемонии ему нравились, песнопения, таинство полумрака, свет свечей, тишина; для него это фактически равнялось лишь дозволению ничего не делать, грезить в атмосфере сентиментальности (Святой Антоний Падуанский, души в чистилище, и т. д.). Никаких игр с другими детьми. С самого нежного возраста воспитывающий его отец, атеист, требовал, чтобы ребенок без конца выполнял домашние задания. Играть — значит терять свое время.

«Подготовь свое будущее», — слышал он на протяжении всего дня. Мать, швея, небольшого ума, не очень ласковая, не слишком образованная, мечтала о том, что станет женой такого умного учителя, и между мужем, старше ее на пятнадцать лет, и своей материю продолжала вести инфантильную жизнь. Она мечтала только о том, чтобы ее сын стал «господином»: «Мы всем пожертвовали, чтобы он стал человеком с положением. Он был таким умным и таким вежливым, таким милым, можно было сказать, что это девочка, такой он был нежный. У этого малыша было такое сердце. Ему было невыносимо видеть меня или делать нам больно». Этот ребенок согласился обрезать себе крылья, лишить себя голоса, рук, ног. Из сексуального воспитания он получил только угрозы, например такие: «Малыш, ты умрешь, если прикоснешься к своему краинику», — говорил отец-атеист; «Ты попадешь в ад», — говорила набожная бабушка. Этому ребенку, подумала я, остаются лишь редкие моменты безмятежных порывов в церкви, воображаемые приключения, тем более заполняемые сценами жестокости, безудержной свободы вне закона, чем больше его реальная жизнь лишалась любой свободы, какой бы то ни было фантазии, всякого невинного «бесплатного» удовлетворения.

Приходит время первого причастия. Ребенок его очень желал. Он знал, что ни в чем не виноват, никогда не делал ничего дурного, не произносил ругательств, никогда ничего не желал с детского возраста, когда плакал, чтобы его отпустили поиграть, а отец сердился, если мать его защищала. И вот в одной проповеди речь заходит о проступках, совершаемых в мыслях. Мысль сама по себе уже виновата! Разоблачение, подавленность, приступы угрызений совести, страх, навязчивые идеи, фобии! Вся его воображаемая жизнь, единственное убежище, в котором можно выпустить пар этой жизненной энергии, полностью лишенной всякой свободы и созиадельности, даже эта его жизнь в воображении толкала его в ад. Если он был преступником в мыслях, значит, в мыслях он был «всемогущ». Быть послушным и покорным не помогало, необходимо было также никогда не думать ни о чем другом, кроме того, что дозволено Богом.

Но Богом была не только бабушка, а еще и отец; тот был для него, как полиция, которая знает ваши тайные мысли, те, что вы никогда не принимали всерьез, но которые были внезапно разоблачены, так же, как и вина. Думать = грешить. Ребенок отказывается добавлять святотатство к своим мыслям, и без того криминальным, ни одна исповедь не приносит облегчения, ибо он думает, как дышит.

И когда он хочет поменять себе мыслить, то чувствует, как внутри останавливается сердце, он боится умереть¹.

Взрослые непонятливы. Семья, что заплатила за наряд, кюре, для которого он послушный мальчик, подталкивают его к столу для причастия. «Смертельная пища», — говорит он мне и сейчас, когда уже потерял всякую веру, надежду и способность к любви.

Что это доказывает? Это частный случай человека, предрасположенного, сверхэмоционального, уже одержимого, не знающего об этом, или с вытеснением — сообразно новой терминологии психоанализа. Да, но этот случай, один из самых тяжелых, не уникален, и хотя речь идет о предельном случае, с его помощью можно, по меньшей мере, порассуждать и прояснить другие случаи, которые, не зайдя столь далеко, вызывают не меньше сожаления и должны распознаваться своевременно. Для многих детей уединение первого причастия — это период горячих чувств любви к Богу, но также и магического чувства вины, связанного с архаичными сыновними чувствами влюбленности, пробужденными у детей этой мистической пищей.

Есть дети, особенно в городских и бедных кругах, воспитанные в строгой зависимости от законов рабского послушания не из страха перед взрослым, но во имя любви к Богу, который все видит и «карает». Когда же перестанут матери христианской веры говорить ребенку: «Иисус тебя покарал», хотя ребенок нарушил всего-навсего на свой страх и риск правило природной осторожности и не подчинился тревожным родительским рекомендациям.

Но для этого ребенка вера в Бога была верой в ревнивого свидетеля (в семье ревнивым свидетелем постоянно является сам ребенок). Его случай усложнялся тем, что от него требовалось не только бояться Бога, но и впитать его; раньше он мог думать, не зная о том, даже испытывая вину, пусть ему и приходилось исповедоваться в этом, чтобы просить прощения. Но если он впитает этого могущественного Бога, его агрессивные мысли станут ему запретны; хотя — он это хорошо чувствует — они представляли для него единственное удовольствие в жизни. Мистическая пища становилась смертельной пищей не только в плане сознательного, но также в плане глубинной жизненной силы его бессознательного, в этом причины начала его «болезни».

---

¹ [В своем экземпляре Ф. Дольто добавляет в этом месте фразу «Он не хочет принимать причастие». И она исправляет последнее слово в следующей фразе «Взрослые непонятливы», исправление, которое мы внесли в текст.]

Второй пример. Девочка десяти лет, которую привели на консультацию в состоянии тяжелого приступа страха, говорила мне, за две недели до своего первого причастия, что она не хотела жить, потому что боялась нечаянно укусить просвирку, сделать больно Иисусу, пустить его кровь и отправиться в ад. Им так сказали на уроках по катехизису, утверждала она.

Расстройства этого ребенка (потеря сна, потеря аппетита) исчезли в результате пятнадцатиминутной беседы, успокаивающей ее и психоаналитической по содержанию. Это была чувственная девочка, которая кусала себе ладони и оставляла отметины, когда была радостно возбуждена или очень зажата. Оказалось достаточным вызвать у нее в памяти все пришедшие ей на ум инциденты с укусами, сурово пресеченные в той или иной степени взрослыми.

Они объяснялись очень большим пылом, совершенно страстным. Если она укусит просвирку, это не сможет поколебать ее любовь и глубокое почитание Христа, ибо Иисус, сын божий, знает, как она устроена. Он знает доказательства ненависти куда более тяжкие, чем это не совсем «классическое» доказательство любви в виде укуса. И потом, сказав «вкусите плоть от плоти моей», он не говорил «не грызите». Это говорят священники, так же, как они велят встать в ряд и преклонить колени; это правило почтительности и вовсе не тяжкий грех, если это не соблости. Важно одно: намерение съесть Иисуса, чтобы поддержать духовную жизнь, как мы едим животных, растения и минералы, чтобы поддерживать жизнь земного тела. Поскольку важнее всего не внешняя материя просвирочного хлеба, а присутствие Иисуса, материальные движения рта приостанавливают, чтобы совершились только движения души.

Но если эти движения любви души сопровождаются укусами, зубами в просвирке, это не имеет никакого значения. Движения ее души, только ее намерение — вот что представляется важным в глазах Бога. Примерно такой была высвобождающая беседа этого ребенка с психоаналитиком.

Третий пример. Жанна была старшей из троих детей. В двадцать лет она была очень умной девушкой, глубоко праведной духовно, но совершенно неадаптированной сексуально, социально и морально. Тем не менее с исключительно точным чувством ценности человеческих отношений и эстетики. В семилетнем возрасте она пережила драму, ставшую источником нарушений ее аффективности и характера. Впоследствии из-за жизни в пансионе она оказалась

заключенной в аффективной изоляции, становившейся все более и более патологической.

Родители Жанны владели известной гостиницей, которой они оба занимались. Это происходило в одном провинциальном городке. Жанна была девочкой, изголодавшейся по любви, нежности и теплу очага, этим условиям жизни препятствовала работа родителей.

Жизнь в пансионе у монахинь, атмосфера часовни, песнопения, покой, забота о сердечных вещах естественным образом привлекают ее. Как это отличалось от постоянной торопливости родителей, грубых слов служащих, поверхностных разговоров постояльцев о погоде, политике, ее детского одиночества в квартире, где ни слуг, ни бельевой, ни кухни! Девочка становится набожной. Иисус — спасительная реальность; она любит его, он любит ее.

Монахиня учит детей приносить жертвы Иисусу и советует им написать то, что хочется ему сказать, и опустить в почтовый ящик для ангелов. Уточним, что ребенок верит в миф о капусте относительно рождения, в маленького Иисуса рождественских башмачков и верит также *a priori* в святость монахинь. Дочка и внучка именитых рестораторов, она пишет о своих жертвах: «Я съела в обед пирог и даже два раза попросила добавки». Клейкий пирог, который она находила мерзким, и обычно, когда он появлялся в меню, отдавала своей соседке.

Настоятельница вызывает ее к себе и делает ей суровый выговор, упрекая ее в том, что та издевается над ней. Ребенок не понимает. Ей в голову не приходило, что монахиня может разгневаться, а тем более настоятельница — самая совершенная из монахинь. Она объясняет, что сказала правду, и таким образом увязла еще больше, усугубляя оскорбленный гнев обидчивой настоятельницы. Так это еще хуже! Упрямица и кривляка! Чего девочка не поняла, так это как монахини позволяют себе читать почту ангелов. В гостинице письма клиентов скрупулезно оберегались, они хранились под стеклом или в шкафчике. Никто их не вскрывал. А вот монахини рылись в посланиях ангелам. Они были бес tactны, и у них не было вкуса. Невкусный пирог нужно было считать вкусным, им было вкусно. Жанна уже знала о себе, что она «неумная», «плохая ученица», ее постоянно занятая мама поместила ее в пансион, чтобы «матушки» дали ей воспитание и образование, на которые у нее самой не было времени.

Это лицемерие и несправедливость потрясли ее, и раз и навсегда отдалили от всякой возможности увидеть что-то, кроме лицемерия, в исполнении правил католической религии.

Разговоры ребенка с Иисусом, с ангелом-хранителем, с Богом отныне не должны быть перехвачены, осквернены оценивающими ушами и глазами. Эта девочка поняла смысл усилия над собой: жертвование. Она была из тех детей, что избалованы материально. Для других лишать себя чего-либо казалось жертвой; для нее жертвой было пичкать себя тем, что она не любит. В чем заключался грех с точки зрения смысла? Намерение было праведным, понимание жертвы точным.

Недостатки, в которых настоятельница упрекала девочку, относились к ней самой: отсутствие любви и властная гордыня. Ребенка невозможно уничтожить духовно людской несправедливостью, даже родительской, разве что те, кто его ранят, сами стремятся вырисоваться в тени Бога. Но он может оказаться раздробленным в своей физической целостности, если честность его намерений обесценена человеком, представляющим в глазах ребенка божественную власть или дружбу с тем, кто этой властью обладает.

Не будем забывать, что чувство реальности возникает у ребенка очень поздно. Пример: ребенок четырех¹ лет, умный и развитый. Мать пытается ему объяснить на пляже в день их прибытия, почему его любимый камень накрыт приливом и не откроется до их отъезда. Ребенок, который приезжал каждый год на море, бежит к своему отцу как к защитнику: «Папа, мама не хочет, чтобы море ушло!»

Взрослые всемогущи. Свидетельством тому рассуждения семилетнего мальчика в момент, когда вражеские самолеты начали бомбардировку: «Папе нужно только надеть свою форму и выглянуть в окно. Все немцы испугаются».

Четвертый пример. Мальчика шести с половиной лет привели ко мне по причине крупных краж с рецидивами, обманом, лицемерием, сердечной черствостью. Он ввел своих родителей и окружение в беспросветное беспокойство, явив доказательство своего бунта даже против Бога! Шестилетний демон! Вот этот случай.

Полю вот-вот будет шесть с половиной лет. Вся семья: четверо детей, из которых он старший, отец, мать, — живет вместе с бабушкой и дедушкой у пожилого холостого двоюродного деда, у которого пятикомнатная квартира. Одиннадцать человек, еще и служанка, в пяти комнатах! Три старых человека без конца жалуются на присутствие

[В раннем издании этой статьи указан другой возраст — шесть лет; он исправлен на полях экземпляра Ф. Дольто на три года. Несомненно, это иллюстрации наблюдений за собственными детьми.]

детей и шум от них. Мать в нервном напряжении от бесполезных попыток найти другое место жительства, она устала быть буфером между теми и другими. С едой сложности, старики много не любят, жизнь дорогая. Холодно.

Поль идет в школу. Он скучен, не блещет в учебе, новичок, застенчив. Однажды он приносит леденцы одноклассникам и сам съедает несколько на уроке и на перемене. Учительница удивляется. Поль смущен, она ему угрожает, он отрицает кражу. Она сообщает матери. Поль по-прежнему все отрицает. У него роются в карманах, там остались десятифранковые купюры, он опять отрицает кражу. По возвращении домой — жестокое наказание отцом, сутки на хлебе без воды и постельный режим. На следующий же день в школе во время занятий по физкультуре Поль роняет стофранковую купюру. Учительница обращает на это его внимание, у Поля блуждающий взгляд, он становится багровым, отрицает, заикается, делает в штанишки. Учительница стыдит его при всех. Приходит мать, она потрясена. Снова драма в семье, слезы матери. Ребенка на неделю исключили из школы. Нужно показать пример, ведь все дети знают о двух его плохих поступках.

Поль готовился к своему частному первому причастию; он ходил в группу обучения катехизису нового духа, где пытаются пробудить ребенка к религиозной жизни через поэтические образы: «В своем сердце можно сказать Иисусу много вещей, которые доставят ему удовольствие, например: Иисус — заря, Иисус — яркий свет, Иисус — встающее солнце, Иисус — красивый цветок и т. д.». Однажды руководительница просит каждого из них сказать, как в своем сердце он обращается к Иисусу. Каждый принялся повторять: «Иисус — заря, Иисус — встающее солнце, Иисус — красивый цветок и т. д.».

«А ты, Поль, что говоришь Иисусу?» Поль робко ответил: «Я говорю: Иисус — морковка, Иисус — лук!» Взрыв смеха среди его товарищей, который переходит в гомон. «Картошка, шоколад, леденцы!» Растерянность учительницы по катехизису, она сердится, ибо очень плохо смеяется над Иисусом. Поля сурово отчитали. Смех успокаивается, дети приходят в себя, у них сконфуженный вид.

Поля на две недели отстраняют от катехизиса. Стоит вопрос о том, не нужно ли отложить это частное причащение, которое должно состояться для этой маленькой группы через месяц.

Вот что рассказала мне расстроенная мать. У Поля все возможные недостатки. Его считали искренне набожным, он

с большим желанием слушал, как говорят про Иисуса и истории святых. Он всегда произносил свою молитву. Но на самом деле это был лицемерный ребенок, у которого нет ни сердца, ни уважения к святым вещам.

Поговорив с матерью, я приглашаю Поля, также одного. Белокурый, очень худой, широкий лоб, маленький подбородок, втянутые плечи, бледный, робкий. Я говорю ему, кто я (мать его не предупредила) и что он пришел, потому что у него, по словам мамы, все стало совсем плохо. Я мало-помалу располагаю его к себе. Спрашиваю у него, во что он любит играть, какие игры предпочитает. «Там нет места для игр, где мы живем, и нельзя шуметь, нельзя выходить на улицу, потому что у мамы нет времени». Хотел бы он конфет, варенья, леденцов? Глаза улыбаются. «Они у тебя часто бывают?» — «О, нет, это слишком дорого». — «Сколько стоит леденец, ты знаешь?» — «Да, он стоит сто франков!» — отвечает он. — «А мячик для игры?» — «О, почти сто франков!» — «А пальто?» — «О, сотни франков (*sic*)». — «А квартира? (об этом все время говорят)». — «О, нужно много билетов¹.

Теперь я точно знала, каков смысл повторных краж банковских билетов. (Ребенок не умел считать до ста.)

«А у тебя хороший аппетит?» — «О, да, я всегда хочу есть». — «А что ты любишь?» — «О, все». — «А из мяса?» — «Все, но у нас оно бывает не каждый день, дядя Франсуа и дедушка говорят, что оно слишком дорого». — «А овощи, что ты любишь?» — «Немного люблю картошку, она у нас каждый день. Очень люблю морковку, но бабушка говорит, что она долго готовится. Еще люблю лук и еще лук-порей, но дядя Франсуа говорит, что он плохо пахнет, поэтому их не покупают. Дядя и дедушка не любят ничего, что плохо пахнет и шумит». «Это не удобно, — говорю я, — когда много человек и нужно жить там, где мало места. Ты ходишь в школу, тебе это нравится?» — «Да». — «Ты умеешь читать?» — «Немного. Но не в книге». — «Знаешь ты также о явлениях жизни, знакомы тебе день и ночь?» — (Улыбается). «Да. — «А утро, это когда?» — «Ну, это утром». — «А сейчас (горело электрическое освещение, было пять часов), утро или день? Не отвечает. «Это вечер?» — «Да, вечер, потому что горит свет». — «Почему его не зажигают днем?» — «Потому что хорошо видно». — «А почему хорошо видно?» — «Потому что день». — «Что освещает день?» — «Солнце, оно нас греет, но оно

¹ [Имеется в виду банковских билетов.]

не бывает всегда». — «Ты видел, как садится солнце?» Думает. «Да, на море, один раз». — «Оно садится каждый день?» Смеется: «О, нет, не каждый день». — «Ты знаешь, что такое заря?» Думает. «Нет». — «А встающее солнце?» — «Ветер¹». — «Встающее солнце». — «Да, иногда бывает солнце и ветер, но не всегда».

Теперь я понимала мистико-поэтические наименования и что они означали для моего Поля. «Хочешь сделать для меня красивый рисунок?» — говорю ему. Он аккуратно берет карандаш и рисует ровный круг и в середине круга крест. Он молча показывает мне его. «Что это такое?» Он отвечает совсем тихо: «Это Иисус». — «Это Иисус?» — «Это Иисус в просвирке, это в катехизисе». — «Ты любишь Иисуса?» На его лице мимика, выражавшая восторг и полноту, взгляд затуманен, и очень тихо отвечает: «О да, я его люблю. Когда его едят, он приходит в наше сердце и больше ничего не хочется! И навсегда становишься добрым!» «Иисус — морковка», «Иисус — лук» обретали весь свой смысл.

Маленький Поль, якобы испорченный, вор, чревоугодник, обманщик, лицемер, циник, изголодался по миру, спокойствию, нежности, полноте во всех планах. Он ожидал от этого Иисуса-еды умиротворения всех своих испытаний, голоданий, всей своей беспомощности.

Я настойчиво воодушевила его мать дать ему принять это причастие, такое долгожданное, и мне хотелось бы, чтобы он вынес из этого силу и утешение, на которые так горячо надеялся.

Случай Поля, как и случай Жанны, учит нас уважению к внутреннему разговору ребенка. Не будем поощрять детей на то, чтобы говорить для других ушей взволнованные, идущие из сердца слова, адресованные их внутреннему богу. Расскажем им красивую историю Иисуса, который весь в своем человеческом и духовном призвании; вот он готовится стать плотником, затем проповедником, он проявил к десяти годам, несмотря на непонимание родителей, это духовное призвание, которое влекло его к делам Отца его более настоятельно, чем озабоченность беспокойством и болью, которые он причинял своим человеческим родителям, Иосифу и Марии. Эта боль не мешала ему, тем не менее, любить их, уважать и почитать.

Благодаря случаю Поля мы можем также увидеть, как плохое поведение, кажущееся серьезной проблемой, может происходить

¹ [Поль понимает второе слово «levant» (встающее) как «le vent» (ветер). Во французском языке эти слова являются омофонами.]

не от витальности, которая защищается от взрослых агрессивностью, но от витальности, которая стремится восполнить чувства заброшенности и фрустрации, несовместимые с сохранением минимума удовольствий, необходимого для жизни.

Поостережемся придавать посредством наших взрослых агрессивных реакций духовную значимость неудачам перед лицом неизбежных человеческих испытаний: при контакте субъекта с реальностью. Поведение, не адаптированное к социальным правилам, может быть следствием добрых намерений, оно может быть заменой призыва о помощи, когда взрослые больше не обеспечивают ожидаемую безопасность, не понимают смятения, не дают аффективной поддержки, способной помочь в испытании, которое не устранено: только победа в испытании приносит плодотворный опыт. Лишенный всякой опоры, осуждаемый даже в выражении своих жалоб, ребенок доставляет себе утешение в удовольствиях на эгоистическом уровне, инстинктивном. Но это не значит, что в нем в этой регрессии цивилизованного существа нарушена целостность света духовной жизни. Если ребенку говорят, когда надо и когда не надо, что Иисус думает, как родители, этот Иисус — высшее спасение, через поданный им пример испытания, страшного, но принятого и преображенного в милосердии — становится образом цивилизованного жандарма, счетовода поступков, а не друга, утешителя, пищи духовной жизни посредством чувственной реальности, которая может быть разрушена и может потребляться. Иисус выгнал торговцев из храма, и слишком часто мы делаем из него самого торговца, который в храме сердца наших детей делит деяния на хорошие и плохие, ценности, которыми отмечены родители или воспитатели.

Нужно отличать объективную мораль от морали субъективной, не только у взрослых, но уже и у детей. Ребенок переводит в слова, в жесты или в мимику выражение своих потребностей, своих желаний. Невозможно высказаться *a priori* о глубинном субъективном значении этого внешнего поведения. Мы никогда не должны выдавать за религиозный запрет¹, нарушение которого может привести к греху, то, что является всего-навсего привычкой, относится к светскому

[В этом месте в раннем издании вместо «религиозный запрет» имеется «запрещение в собственном смысле религиозное», и на полях своего экземпляра Ф. Дольто исправила слово «запрещение» на «грех». Трудно сказать, как был осуществлен автором окончательный выбор.]

этикету или социальному конформизму. Это касается родителей, это касается всех воспитателей, особенно тех, которые своим положением посвятили себя Богу в качестве священнослужителя или религиозной жизнью, тех, кто в религиозной жизни во всеобщем восприятии детей и большого количества людей является для них представителем Бога, всегда и во всем. Примеры: семилетняя девочка, которая удивлялась, что у монахини есть ноги; девятилетний ребенок, который считал, что священники, его воспитатели, не справляют естественные потребности. Или дети, которые посещали занятия по катехизису, спорившие по поводу Марии и Иисуса — справляли ли они свою нужду, как все? — которых подслушал наставник и сказал им, что они богохульствуют.

Пятый пример¹. У Жана года и десяти месяцев, особенно мистически настроенного ребенка, удрученный вид вечером в момент молитвы, которую очень любит произносить: «Иисус не довolen, Жан пописал на пол!» Мы видим, как спонтанно рождается совмещение родители — Иисус в случае этого ребенка, в воспитании которого, однако, старались очень тщательно учитьывать высказанные выше размышления. Избегали странности тех мам, которые по своей простоте заставляют произносить следующую мольбу: «Мой дорогой Иисус, помогите мне быть послушным». Это слово послушания хорошо соответствовало бы здоровому развитию духовной жизни, если бы родители были святыми, но практически требуемое «послушание» слишком часто соответствует поведению пассивной покорности, не творческой, в принципе противопоставленной всему тому, что проявляет витальность ребенка и может доставить маме огорчение, неудобство или неприятность.

В случае Жана мама ответила: «Нет же, недовольна была Мари, ей это прибавило работы, чтобы снова натереть паркет воском, но это потому, что у Мари много дел. Ты пописал нарочно, чтобы досадить Мари?» — «О, нет, но это было так красиво!» — «И ты рассердился, что пописал на пол?» — «Я не почувствовал». — «Значит, и Иисус вовсе не рассердился. Он нас любит всех, одетых или голых, грязных или чистых, глупых или хитрых, очень послушных или очень злых, он нас любит всегда, не как папы, мамы или Марии. И потом, взрослые тоже, когда были маленькими, сердили своих пап и мам». — «Значит, можно сказать молитву?» — «Конечно». —

¹ [Этот пример — наблюдение Ф. Дольто за собственным ребенком.]

«О, я так рад, тогда скажем “лучшую из лучших”». Так мама Жана называла акт милосердия. И Жан укладывается спать, сияющий, после этого печального эпизода, которому он придал почти духовную значимость, в то время как мать не придала этому значения. С этим примером совсем маленького ребенка, который думал, что огорчил Иисуса, потому что вызвал неудовольствие любимого взрослого, сравним следующий случай.

Шестой пример. Этьен — мальчик семнадцати лет, робкий, заика, из культурной среды. Его отец, тревожный, странный и авторитарный, пичкает его укрепляющими лекарствами, бьет его или хлещет плеткой, когда тот не получает хороших оценок за сочинения по философии. Этот мальчик, физически уже мужчина, очень набожен. Однажды, в ходе лечения, я у него спросила, что он думает об отцовском поведении; он ответил мне, что Божьи заповеди обязывают его не судить родителей: «Чти своих отца и мать». Во имя католической веры он не защищался, не выходил даже из комнаты. Он не осмеливался просветить своего несчастного отца именно во имя чести, которую нужно было ему оказывать, и он не мог помешать ему разрушаться в своем сыне после того, как он сам не добился в жизни успеха.

Нужно ли было ждать психоаналитика для того, чтобы открыть этому мальчику глаза на истинные обязанности детей по отношению к родителям? Читать их — значит ли это позволять им позорить себя своим родительским перверсивным поведением? И нужно ли обучать детей тому, что всякая рациональная мысль по поводу родительского поведения есть *ipso facto*¹ бунт против Бога? Бывают случаи защиты против родителей, плодотворные с духовной точки зрения. Относительно намерения, поддерживающего сопротивление, никто, кроме самого Бога, решить не может, пусть так: но когда же мы будем воспитывать христианское сознание детей, сосредоточенное на любви к жизни, которую дали им родители, не останавливаясь перед обидой, которую они должны в душе и сознании причинить, отказываясь в случае необходимости следовать примеру неудавшейся жизни из страха долга, из страха перед страданием и настоящими испытаниями? Этот молодой человек встретился со многими священниками, никто из них не поддержал его человеческое достоинство, чтобы

¹ [Ipsos factus (лат.) — тем самым.]

избавиться от болезненных приступов гнева страдающего серьезным неврозом отда¹.

Требуются самые большие осторожность и понимание, когда имеешь дело с психологией ребенка. Не следует буквой подавлять дух. Истинный смысл морали в первую очередь в замыслах духа. Евангелие осуждает фарисейство. И потом, нужно отдать кесарю кесарево, а Богу Богово, избегая впадения в неясность, которая, быть может, и облегчает незамедлительное решение задачи — усиление Божьей заповедью социального закона, — но которая очевидным образом рискует надолго извратить равновесие в будущем.

Уместно ли, чтобы протокол таинства исповеди включал под самим знаком отпущения грехов (я хочу сказать, в тот же момент) «патерналистские» советы, как вести себя в обществе по-человечески благоразумно, или вопросы, направленные на то, чтобы без всякой пользы субъект уточнял условия и детали действий, в которых он признает себя виновным? Нет, конечно же, точки зрения теологов и психологов по этому пункту полностью совпадают.

Что касается детей, замечательное решение папы Пия X относительно раннего причастия² не должно являться причиной заболеваний и страха по поводу высшей цели в связи с анализом поступков под знаком террора. Это должно стать отправной точкой для более щедрой любви, для более подлинного самопожертвования, под знаком евангельского милосердия.

Не будем сосредоточивать подготовку к причастию на борьбе с грехом, против недостатков, на усилии покаяния, которые легко могут развить определенный мазохизм у детей этого возраста! Сделаем акцент не на знании, не на конформизме, а на любви и простоте.

¹ [В одной из более обстоятельных версий этого доклада Ф. Дольто говорила в заключение по поводу этого побуждения к праведному неподчинению следующее: «Нет ничего более трудного, чем бороться против ложного чувства вины, когда вам его внушали отец или мать; и более того, когда во имя духовности подрывают, во имя их долга по отношению к своим родителям, силу их желания человеческого достоинства. И чтобы помочь этим детям, разве у нас нет высказывания Иисуса: “Ты покинешь своих отца и мать, чтобы следовать за мной”? “Следовать за мной”, т. е. тому, что ты чувствуешь, что тебе следует делать, чтобы стать самим собой, а не подражать или подчиняться родительским предписаниям».]

² [Папа Пий X в 1910 году установил возраст, когда возможно причастие, — примерно семь лет.]

**ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ДЕТСТВА
(1949б)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1949: Problèmes de la petite enfance. // Conférences de l'École des Parents, 2–9 février 1949. — Paris: Ecole des parents et des éducateurs, 1949. — 16 p.

1994: Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 63–72.

Формулируя общую позицию по отношению к ребенку, Ф. Дольто говорит о том, что, прежде всего, ребенку необходимо дать свободу выразить себя и свои переживания без форсирования и торможения этого со стороны взрослых. В том числе это касается свободы отказаться от предлагаемого взрослым, чтобы впоследствии иметь свободу принятия. На ряде примеров она показывает, что такая психологически оправданная позиция может, казалось бы, противоречить «здравому смыслу». Однако эта позиция позволяет рассматривать проблемы ребенка не через обращение к понятиям добра и зла, а через понимание особенностей возрастного и индивидуального развития.

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

С любезного разрешения Франсиса Мартенса и Рашиль Крамерман.

ОБЩАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПОЗИЦИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ

Очень трудно говорить о ребенке как абстрактной сущности — ибо есть только частные случаи, и в каждом случае нужно рассматривать натуру ребенка, среду, в которой он живет, его собственные возможности и те, что ему перешли от натуры родителей и т. д.

Тем не менее, можно определить общую внутреннюю позицию, которую следует принять по отношению к ребенку, каков бы он ни был и кем бы мы ни были. Книга г-жи Пиклер как раз имеет целью дать родителям осознать эту позицию. Но г-жа Пиклер ставит особый акцент на том, как вести себя с ребенком, который находится на стадии моторного выражения. Она не говорит о семейных интерференциях. Однако всегда есть семейная среда (рождение младшего, мачеха, тесное жилье, требование тишины из-за чьей-то работы и т. д.) и не всегда можно следовать инструкции, которую себе предписал... Но следует себе сказать, ребенок обладает неслыханной витальностью; он владеет жизненным богатством, которое любой ценой стремится выразиться — даже если он находится в неидеальных условиях. И вот этот закон, абсолютно всеобъемлющий, который должен диктовать позицию родителей: нужно дать ребенку свободу выражаться таким, какой он есть, и так, как обстоят его дела. Никогда не форсируя и не противостоя его развитию.

*Как придать положительный смысл даже
при «негативном» поведении (неудачи, отказ ребенка)?*

С рождения до двух лет ребенок выражает себя лепетанием, играми в кроватке или на подушках, в манеже: он подвергает себя риску, но нужно дать ему жить, дать возможность пройти через испытания. Многие родители боятся травмировать детей и под предлогом избежания травм оказываются в катастрофических ситуациях. Вот недавний пример, который показывает опасность ошибочной интерпретации психоанализа.

Полутрагодовалый ребенок ждет бутылочку, которую его мама с небольшим опозданием ему готовит. Недовольный этой задержкой

ребенок начинает кричать, топать ногами и отказывается от бутылочки в момент, когда ей ее дают. Что делать? Простой здравый смысл подсказывает, чтобы дали ребенку покричать — и предоставили свободу отказаться от бутылочки. Это к тому же то время, когда ребенок начинает отказываться от молока, потому что предпочитает «еду взрослых». Отмена бутылочки не имела бы, с другой стороны, никаких последствий для его здоровья. Но мама не одна; атмосфера нервозности. К тому же один из присутствующих — эксперт по психоанализу: «Если вы позволите ему отказаться от бутылочки, вы не будете больше хозяином этого ребенка, это он будет властвовать». Под впечатлением этих слов мать предпринимает бесполезную борьбу с ребенком, чтобы заставить его взять бутылочку. В конце концов, эксперт брызгает холодной водой на голову ребенка, тот кричит благим матом, задыхается, ищет прибежища и успокаивается на руках у матери, которой тогда и удается заставить его выпить бутылочку.

Что произошло? Под предлогом избежать того, чтобы первонаучальный гнев не травмировал ребенка и не маркировал окончательно его поведение по отношению к матери, нанесли травму значительно более сильную. Сунув ребенка головой под кран, спровоцировали вид асфиксии, повторившей травму рождения (начало дыхания). У ребенка произошла «ретрессия»: возвращенный в состояние младенца, он нуждается в материнском окутывании и успокаивается лишь при укачивании мамой. Стало быть, добились того, чтобы ребенок не отказывался от молока ценой ретрессии в его развитии.

В реальности этот ребенок находился в оральном возрасте, когда очень трудно выразить себя. Он ждал бутылочку, что создавало внутри него интенсивное состояние аффективного напряжения, которое он мог выразить лишь криком. Надо было, чтобы он освободился от этого напряжения, выразив его, чтобы успокоиться и суметь затем глотать. Ибо со всей очевидностью понятно: он не мог одновременно орать и глотать. Значит, необходимо было подождать, чтобы он выразил это напряжение, необходимо было дать ему прокричаться, необходимо было дать свободу сказать «нет». Это был единственный способ дать ему возможность сказать «да» потом. Как это подтверждается в другом примере. Имеется, действительно, возможность приписать позитивный смысл позиции отказа ребенка.

Речь идет о трехлетнем мальчике, который был приглашен на рождественский праздник в материнскую школу, потому что

его родители были знакомыми директора. Была раздача игрушек, и, конечно, приглашенный ребенок не числился в списке детей школы, которых вызывали по очереди. Малыш, сидя между отцом и матерью, аплодировал, как и все, всякий раз, когда ребенок получал свою игрушку, но родители хорошо чувствовали, до какой степени он все более напрягался по мере того, как продвигалась раздача. Это был волевой ребенок, и он «держал себя в руках», вел себя достойно и спокойно. Когда раздача подошла к концу, директор — друг семьи — вмешался: «Как, у тебя нет игрушки? Сейчас исправим. Вот, этот пингвин тебе нравится?» Ребенок, который до сих пор ничего не говорил, разрыдался: «Ты злой, злой! Я не хочу его!» И он ударяет кулаком игрушку, которая улетает прочь.

Это точно такое же отношение, что в первом случае: он также слишком долго ждал. Только у его отца была реакция понимания по отношению к нему, и, вместо того чтобы сказать, как большинство родителей, «посмотрите, какой он нехороший, ему хотят сделать приятное, а он разозлился», он ему сказал очень по-доброму: «Это очень хорошо. Ты был очень мужественным, ты прождал до самого конца и ничего не сказал» — доказав таким образом ребенку, что он соучастовал в его возрастающем страхе. Родители у вели малыша без всяких комментариев. Но вечером мама ему сказала: «Знаешь, я все-таки взяла пингвина. Ты хочешь поиграть с ним?» Ребенок на этот раз очень обрадовался, получив игрушку, которую он, можно сказать, героически заработал, и которая тотчас же заняла привилегированное место среди других игрушек.

Что произошло? То, что происходит часто. Ребенок был в возрасте, когда его эмоции, все, что он чувствует, выражаются моторным напряжением. Он хотел игрушку, но этот момент наступил, когда он был слишком напряжен, чтобы ее получить. Нужно было, чтобы это сверхнапряжение выразилось, и выразилось в резкой форме — отсюда его отказ — чтобы он смог затем принять желанный предмет. Надо было дать ребенку свободу отказаться, чтобы иметь свободу принять. И это всеобщий закон.

Чтобы оценить подобную позицию напряжения, не следует обращаться к понятиям добра и зла, но просто констатировать: это по-человечески. И нужно хорошо знать, что если не было в детстве возможности выразить свободу отказаться, то потом никогда не будешь иметь свободу принять.

Открываемые психологические истины такого порядка иногда производят впечатление противоречащих здравому смыслу. Но про-

тиворечат ли они ему на самом деле? Рассмотрим пример: хотят, чтобы ребенок был хорошо воспитан, и требуют от него со слишком раннего возраста «хороших привычек». Что случается? Добиваются дрессурой приобретения привычек цивилизованной жизни у ребенка — и делают из него ученую обезьяну. Настолько преуспевают в этом, так что в наиболее благоприятных случаях присутствуешь к семи-восьми годам при настоящей реакции ребенка, пытающегося обрести свою свободу (часто бессознательно) отказом от всего, чему его научили. Пример: ребенок, который выдрессирован быть чисто-плотным, внезапно начинает мочиться в постель.

Дело в том, что жизнь сильнее, чем любое воспитание: здесь все инстинкты, нельзя идти против них. Настоящее воспитание — такое, которое позволит жизни развиваться без препятствий, а ребенку узнать свои инстинкты, чтобы стать их хозяином, а не их пленником, не пленником чужого мнения.

Оказывать доверие природе

У меня был случай констатировать, что, начиная с возраста 8—10 дней, новорожденный способен выбирать питание, которое ему больше всего подходит. Это было в период сильной жары. Ребенка вскармливали коровьим молоком, разбавленным водой, и т. к. эта разбавленная смесь ему не подходила, он отказывался от молока в пользу чистой воды — до того момента, когда смогли найти пропорцию, которая делала напиток более легким, каким и запрещивал его организму.

Избежать эмоциональных ударов

Но возьмем пример ребенка, который до 6 месяцев рос без сучка без задоринки сам по себе. В норме к 6 месяцам появляется сложность в самовыражении. Ребенок беспокойно себя ведет, чтобы подошли к его кроватке, у него появляется желание быть понятым — он часто плачет. Позиция матери здесь очень важна. Она не должна «подвергать искушению» ребенка и истощать его неоднократными эмоциональными потрясениями. Например: ребенок спокоен в кроватке. Мама приходит к нему. Малыш плачет, как только она уходит. Но он не плакал, когда не видел ее. И из-за прихода матери у него формируется «волна разрыва», и за этим следует приступ слез.

Надо, следовательно, научить ребенка развлекаться одному — присматривать за ним издали (через стеклянную дверь, например),

но не навязывать переход от радости нашего присутствия к испытанию нашим отсутствием. В крайнем случае, когда у кроватки суетятся бабушки, дедушки и родственники, уметь ассоциировать присутствие человека с игрушкой: приходят, играют с ребенком, ему предлагают развлечение, случай заняться с ним (игра, лоскут, цветная бумага), и тогда можно его покинуть, не вызвав разочарования. Каждый получил свою компенсацию.

Знаком того, что ребенок гармонично развивает свои возможности в смысле жизни, является не его «знание» малыша, которого выдрессирували показывать кукол или говорить свое имя, но его мимика, ее открытое, живое, мобильное выражение.

Что делать, чтобы обеспечить эту свободу выражения?

Кровать с решетками

Бывают дети, которые даже в очень маленьком возрасте сосредоточиваются на какой-то вещи, которую кладут себе в рот и сосут (большой палец, игрушку, простынку, соску...). Почему? Дело в том, что очень часто малыши скучают. У них не должно быть непрозрачной ткани вокруг кроватки. Ребенок нуждается в свете, в движении вокруг него, в развлечении. Предпочтительной является кровать с решетками, через которую он видит, как «двигаются» в комнате, и это необходимо ему с самого раннего детства, потому что начиная с 3 месяцев ребенок способен интересоваться разными вещами, и нужно с этого времени позволить ему следить за предметами, светом и т. д. У него не будет в этих условиях ощущения покинутости, когда его оставят одного.

Свободная гимнастика

Когда ребенок немного подрос, следует позволить ему свободно упражняться свое тело: переворачиваться, ползать, выгибаться, вставать при помощи опоры и др. Довольно быстро ребенок сделает себе больно, но то, что придаст неудаче положительное или отрицательное значение, — это позиция матери по отношению к ребенку. Никогда не говорить: «Это плохо». Говорить: «Это случилось от неловкости. Но это не запрещено: это более рискованно». И помочь ребенку лучше сделать самому то, что ему не удалось совершить при первой попытке. Но особенно важно знать, что в движении, как и при голоде, ребенок сам регулирует себя. Лучше позволить ему самому совершать эксперименты, что как раз делает его чрезвычайно осторожным.

Если, напротив, ему не дают испытать по мере роста легкие неудачи, с которыми он должен естественным образом сталкиваться, он будет неспособен на адаптивное поведение, когда внезапно окажется перед лицом трудного испытания, потому что к этому не будет подготовлен. Например, ребенок, который учится ходить, должен ранее пройти через различные этапы (переворачиваться, ползать, падать...). Многие родители принимают столько предосторожностей, чтобы помешать ребенку упасть, что внезапное и неожиданное падение по неловкости, потому что ребенок не смог, по всей вероятности, по мере роста овладеть своим телом, может вызвать травму и помешать ребенку делать попытки и прогрессировать в течение какого-то времени.

Открытие свободного тела и проблемы, которые оно ставит перед мамами

Ребенок любит быть голым. Без сомнения, потому что это заложено в природе малыша человека — быть совсем голым. Мамы всегда приходят в беспокойство, видя, как дети обнаруживают свои собственные формы (риск мастурбации и т. д.). Это бесполезно: ребенок так же открывает свои половые органы, как он обнаруживает свои нос и уши. Если он начинает задавать вопросы, надо ему откровенно ответить и позволить выразить свою интуицию. Если он задает вопрос, значит, его внимание было пробуждено и у него уже более или менее есть идея ответа: способствовать выражению того, что он почувствовал, увидел, о чем догадался, подвести к тому, чтобы он сказал, что сам думает, — таковой должна быть позиция мамы. Именно так он постепенно сделает открытие сексуальной жизни в ритме своего собственного развития, а не в соответствии с тем, что об этом думают взрослые, часто опережая или запаздывая по отношению к эволюции ребенка в этой области.

В случае девочек часто бывает ущемлено самолюбие — что сопровождается восхищением к другому полу — когда они замечают, что у них нет «того же», что у мальчиков. Надо об этом говорить с девочками: дать им понять, что все девочки и все женщины («мы, женщины...») так сделаны, согласиться с ними, что «это очень досадно», если они об этом судят таким образом, но это факт. Девочка принимает, впрочем, очень быстро эту «аномалию», и в самый момент комплекса фаллической кастрации мы замечаем, что у них пробуждается вкус к куклам. Отныне девочку больше не беспокоит эта проблема.

И в этот же самый момент у некоторых детей появляется ярко выраженный интерес к своим экскрементам — особенно у девочек. Не надо беспокоиться, если ребенок начинает кричать в момент возбуждения или волнения «кака, кака», чтобы вывести наружу напряжение испытываемого им счастья или несчастья. К этому можно добавить, что аналогичное выражение, ставшее знаменитым при Ватерлоо и героическое в тот день, позволяет в обычное время взрослому также вывести наружу слишком большое напряжение, с трудом выражаемое по-другому.

Лучше суметь предоставить ребенку другие компенсаторные виды деятельности, которые вбирают его энергию, давая возможность выразиться: шитье, аппликация, вырезание, рисование, лепка, раскрашивание, работа с конструктором, кукольный театр (см. альбом Папы Кастора — Бобра), творческие работы, новые методы и свободное участие в делах взрослых в меру своих возможностей.

Вопрос чистоплотности ребенка

Он лежит в основе многих недоразумений между малышом и взрослым. Многие мамы требуют, чтобы ребенок оправлялся в назначенное время, что требует усиленного сдерживания, на которое ребенок не всегда способен, особенно если его внимание привлечено к другому. Не следует, в особенности, преувеличивать значение, приписываемое удалению экскрементов, и нужно знать, что до двух лет ребенок, с одной стороны, не владеет достаточным мышечным контролем над своим телом, чтобы окончательно обеспечить послушность сфинктера, с другой стороны, он еще не в состоянии фиксировать одновременно свое внимание на двух задачах. Его интересует предмет — больше нет интереса к своему телу: внимание, которое он использовал, чтобы думать, как быть чистоплотным, немедленно переходит на службу к новому центру интереса в ущерб первому... Можно считать, что ребенок способен поспеть сразу всюду, в тот момент, когда он в достаточной степени хозяин своего тела, чтобы подняться по лестнице в пять ступенек: отныне контроль мышц и сфинктеров усвоен.

Но еще нужно, чтобы эта дисциплина была усвоена «свободно»..., и сколько родителей не дожидаются физиологически благоприятного момента и навязывают правила чистоплотности ребенку! Ранняя чистоплотность всегда подозрительна и подвержена в дальнейшем «несчастным случаям». Как об этом свиде-

тельствует пример, один из тысячи, ребенка, чистоплотного с года. В четыре года, очарованный, он вошел в класс в материнской школе, где из него хлынул целый потоп на пол. Разъяренная мать настаивает в разговоре с учительницей: «Будьте очень строгой, если с ним снова это случится!» Ужасное поведение, которое еще более усиливало растерянность ребенка. В случае такого рода следует особенно избегать, чтобы ребенок чувствовал себя виноватым, чтобы он снова очень быстро стал чистоплотным — и нужно ему сказать, например: «Ты столько внимания уделил тому, что видел, что ты забыл... и ты это сделал ненарочно».

Воспитание сфинктеров тем более важно, что оно вводит в игру агрессивность, связанную сексуальностью. И абсолютно необходимо дождаться уверенности в том, что ребенок способен к совершенной дифференциации мышц и тела в других играх (ловкость кистей рук, контроль за жестами), и потребовать от него, чтобы он приложил усилие для чистоплотности.

Это тот период, когда ребенок любит делать что-то для кого-нибудь. Этим нужно воспользоваться, но не для требования, чтобы он пошел оправляться, дабы доставить удовольствие взрослому. Считать, что чистоплотность есть главное в этом возрасте, является фундаментальным недоразумением. Следует, наоборот, использовать в позитивном направлении желание ребенка сделать что-то для взрослого (выполнить поручение, закрыть дверь, принести книгу и т. п.). Выразить свое одобрение, как только делается что-то, похожее на значимое для взрослого. Нужно принять эту игру, помочь ребенку в конструировании себя, обучая его включению в ритм жизни любимого им взрослого человека всеми средствами; чистоплотность — это одно из средств, но не более того. Это также начало умений мастерить... Именно в возрасте двух лет появляется этот интерес, который делает возможной всю значимую креативность цивилизованного подмастерья, пользующегося своей мышечной энергией при условии, что свободное использование двигательности достаточно долгое время предоставлено доброй воле ребенка.

Начало сексуального воспитания

Перейдем теперь к последней трудности: стадии, когда ребенок трогает себя в кровати. Это момент, когда он открывает, что уро-генитальная область состоит не только на службе экскрементных потребностей, но также на службе удовольствия. Очень опасно тогда,

если взрослый вмешивается в сексуальную жизнь ребенка и выражает свое неодобрение, порицание и накладывание запретов. Он рискует на самом деле вызвать травму, которая может иметь отзвук на всей сексуальной или аффективной жизни ребенка, даже во взрослом возрасте. Взрослый заставляет ребенка в особенности придавать важность жестам, которые для него еще лишены значения: это просто присущее животной жизни и ничего другого здесь нет. Вести на них запрет, табу — это причинить зло ребенку, часто перевести из области здорового в нездоровое, из нормального в патологическое.

Таким же образом, исходя из идеи здорового, нормального, можно говорить с детьми без обиняков о рождении. Пойти от примера цыпленка, вышедшего из снесенного яйца и высаженного затем курицей, и перейти к маленькому ребенку, рожденному от соединения двух половинок семени, одной, пришедшей от отца («позже ты узнаешь как»), другой — от матери, образовавших маленькое человеческое яйцо, которое растет в животе матери. Оно согревается в теле мамы до рождения. Ясно объяснить то, не прибегая к лекции по акушерству, что вне поля понимания ребенка. (Некоторые дети, например, предоставленные собственному воображению, испытывают страх при мысли, что сердце матери должно разорваться для того, чтобы младенец мог родиться, или рассматривают самые садистические операции.)

Разумеется, не следует подсказывать ребенку способ, каким нужно задавать себе вопросы. И можно закончить таким всеобщим законом: надо выработать привычку не навязывать мнение ребенку. И здесь тоже предоставить ему свободу. Даже когда его позиция связана с витальной функцией. Не говорить ему, например, «это вкусно, надо поесть», но доверять потребности, которая есть у ребенка, подражать взрослому, чтобы состояться: «Если ты голоден, ешь: я считаю это вкусным; было бы приятнее, если бы тебе это понравилось». И закон дополняется так: «Сделайте все, чтобы ребенок был свободным, но будьте и свободны сами. Помешайте ребенку стеснять вас в вашей деятельности, но не стесняйте его в своей».

**Когда обычный выпускник становится
преступником**

(1949c)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1949: Journal à plusieurs voix (à propos de l'affaire Guyader, un J3 meurtrier). // Esprit. — 1949. — T. 5, mai. — P. 678—684.

1994: Idem. // Dolto, F. Les étapes majeures de l'enfance. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 275—281.

Анализируя случай убийства подростка его товарищем, Дольто показывает, что это является следствием аффективной и сексуальной незрелости как самих подростков, так и взрослого окружения. И эта незрелость результат того типа воспитания, который реализуется в обществе с отсутствием отцов.

В декабре 1948 года семнадцатилетний лицеист Ален Гядер был сражен на пустыре пулей в спину, как говорят, попав в огневую ловушку. Однако Клод, один из его школьных товарищей, признался в убийстве. Дело вызвало большое волнение в прессе. Во время следствия слухи и признания множились: якобы Ален хвалился, что он двойной агент и что у него есть контакты с советскими секретными службами. Он показывал крупные суммы денег, говорил, что у него есть любовница в гостинице «Грийон» и четырехмесячный ребенок. Говорили также о тайном антикоммунистическом обществе, созданном Бернаром, сообщником Клода. На одном из собраний проголосовали за смерть Ален Гядера, за его расстрел. Бернар заимствовал оружие преступления у своего отца, офицера полиции с безупречной репутацией. На самом деле, как кажется, мотивом преступления была ревность: Ален и Клод были влюблены в одну и ту же девушку, Николь. Ален ей написал, что собирается ее украсть и отвезти в Канаду, он говорил о ней, что она согласилась. Очень скоро Управление контрразведки должно было признать очевидность того, что двойной жизни Аlena не существует. Николь никогда не была в опасности, она побудила Алена написать это письмо, чтобы вызвать ревность Клода. Секретное общество было чистой выдумкой, чтобы угодить полицейским. Не было ничего, кроме подростков с воспаленным воображением, которым было плохо жить в серости послевоенных лет. Суд после совещания за закрытыми дверями вынес заключение об убийстве из ревности, осудил Клода, который один взял на себя вину за преступление, на десять лет тюремного заключения, Бернара, его сообщника, — на пять лет и дал отсрочку Николь. (Примечание издательства «Галлимар» составлено по статье Сорж Шаладон «Дни и ночи двойного агента», напечатанной «Либерасьон» 12 мая 1990 г.)

Перевод с французского И.Б. Ворожцовой.

На русском языке публикуется впервые.

Недавно произошла драма, «преступление J3»¹. Это убийство было совершено в группе молодежи, убийство, в центре которого женский образ, не отличавшийся, как создается впечатление, большой привлекательностью ни для одного из мальчиков этой группы, ни с ее стороны, ни со стороны группы.

Драма взволновала прессу. Это волнение — один из аспектов данного дела. Все были опрошены. Хотели найти серьезный узел в этой истории. Нет узла. Нет оправдания преступлению. Есть убитый «просто так», также как и могла бы быть просто «взбучка». Все очень милы, очень вежливы, очень хорошо воспитаны, начиная с родителей и кончая преступником, включая частных или государственных сыщиков. У всех очень хорошая репутация, высокие моральные ценности. «Можно лишь с похвалой отозваться о средней школе, в которой убийца и жертва просвещались в нравственном отношении», — сказал отец жертвы, кто являл собой в своем испытании объективность высоко цивилизованного человека. Можно лишь восхищаться образцовой христианской семьей настоящей девушки под строгим присмотром, которая не ходит одна даже на воскресную мессу. Что поражает в убийстве Алена Гядера Клодом П., так это туманность нереальности, мечты, перемешанной с реальностью, пустой тайны и отсутствие поэзии. Слегка некрасивая история, прожитая в климате несостоятельности. Нет ненависти, нет любви, нет справедливости, нет отчаяния, нет смысла, в конце концов. А потом дело сделано. Один чувствует себя ошарашенным, но по-прежнему хорошим мальчиком, это убийца; другой чувствует себя удовлетворенным организованным спектаклем, конец которого его устраивает, но он ему официально не аплодирует, это тот, кто дал револьвер. Третий изощряется в попытках проникнуть в журналистику, благодаря такому случаю, это псевдожених девушки и друг жертвы. Наконец, девушка, ради которой якобы Гядер убит,

¹ [Ф. Дольто использует слово «J3», которое во время войны обозначало несовершеннолетних подростков на продовольственных карточках. Это слово было в употреблении еще несколько лет после войны.]

танцует и смеется. «Правда, это из-за меня, какая, должно быть, я красивая девушка!» — по-видимому, думает она. Что касается хора родителей, который подпевает, — это бравые люди, которые подали детям только хороший пример.

И все же этот забавный ансамбль человеческих противоречий, эти марионеточные фигуранты, играющие важные роли преступников или жертв, или родителей, это же все наши люди, совершенно средние французы. Но какой сигнал тревоги!

Внимательное психологическое исследование этой драмы потребует выяснить в деталях обстоятельства жизни каждого из участников. Однако, даже не продвигаясь так далеко, можно сказать с уверенностью, и отношение прессы это подтверждает: в этом частном событии симптоматика общей растерянности не только современной молодежи, но и старших, короче говоря, нашего общества.

В детской бы сказали: «И ни я, и ни ты не виноваты». «Я ему позволил/а уйти, хорошо зная, что с посещением врача связаны его маленькие шалости». «У него не было слишком много денег в кармане». «Смотри мне прямо в глаза и скажи правду, я тебя не буду ругать». «Я нашел третьего J3 на месте преступления, я, частный детектив, но я вам об этом не скажу. Я скажу об этом судье».

Оставим в стороне этих неразумных взрослых с их вздором приличий и респектабельности. Обратимся к молодым. Они ведь мужчины, зрелые с физиологической точки зрения, эти дети на иждивении, не имеющие ничего сопутствующего денежной поддержке, ни аффективного семейного очага, ни моральной поддержки, ни ответственности. Молодые люди без призываания. Они учатся в средней школе так далеко от конкретной жизни, не имея точной цели. Когда-то им предстоят выпускные экзамены, «потому что нужно иметь корочки». Тем хуже, если в этом теряешь смысл жизни и приобретаешь диплом пассивностью и неизбыткой зубрежкой. Среднее образование! Авторы-классики, контрольные по французскому, сочинения, математика, науки на дому, история и география в виде пересказа глав. «Овладеть программой». Все это без интеллектуального честолюбия, без умственного или эстетического любопытства, без любви, но «потому что надо». А что же еще будешь делать! Конечно же, у них нет и генитальной сексуальности (пусть мне простят, если я добавляю генитальная, это специально, ибо, следя Фрейду, психоаналитики различают последовательные уровни развития сексуальности, сопровождаемые разным аффек-

тивным поведением по отношению к любимому объекту). Расследование же подчеркивает, что молодые люди имели с девушками или между собой аффективные отношения «с самыми честными намерениями», понимайте это как переживания не достигших половой зрелости, справедливо пренебрегаемые как маленькие слабости, недостойные, чтобы привязываться, но страстью не было.

Юный Клод П. был прототипом такого рода. Войдем немного в суть его проблемы. Ему восемнадцать лет. Вот уже два года как он готовый мужчина по своей физической стати, усам. С гражданской точки зрения, это хороший малый, который ходит с мамой в магазины и на рынок. Его родители разведены, папа присыпает деньги. Мама живет одна со своим большим сыном. Он очень мил с ней, очень «сердечный». Он не причинит зла муке. Он не болтлив, не пропускает занятий в школе, встречается с товарищами по воскресеньям, у него нет любви, не занимается политикой, не занимается спортом, никому не доверяется. Что может он доверить, кроме необъяснимой пустоты. И затем однажды он отдается приятелю, связанный по рукам и ногам психически. Он делает себя исполнителем задуманной и внедренной в него идеи (как внедрены в него школьные знания и карманные деньги). Клод П. чувствует себя по всем пунктам беспомощным. У Бернара П., приятеля, под влиянием которого он находится, отец социально значим, опора законов, правил, в то время как отец Клода с самого детства — тот, кто вне правил, он «бросил маму», и кто совершил «ошибки». Бедная мама, нужно оставаться ей верным. И ни пapa, ни мама не могли бы дать ему символический револьвер силы на службе права и справедливости, что Бернар, сын полицейского, может ему принести. «Револьвер своего отца», три магических слова для психики молодого парня. У Клода П. саднит рана в его сыновней гордости в возрасте бессознательных гомосексуальных фантазмов, когда «участие» в могуществе отца приносит могущество. И Гядер, его другой товарищ, тот, которого он убьет, — это тоже мальчик в могуществе отца, отца присутствующего, которому он должен сказать, куда пошел. Отец, который делает больше, чем посыпает деньги, отец, который интересуется школьной программой, домашними заданиями сына, авторами-классиками, историей, отец, немного официальный, он читает лекции, он — почтенный чиновник. Бернар П. завидует Гядеру. Клод П. тоже завидует Гядеру. Они связаны общим чувством. Клод менее обеспечен и менее осторожен, чем Бернар П. Бернар зауваживает Клода, если тот убьет Гядера. Вот что в самый момент акта служит поддержкой

для Клода П. Убийство, замаскированное под гомосексуальное преступление, каким оно не является! В той же степени это не гетеросексуальное преступление. Все-таки забавная идея. Так лучше, это делает его пижоном. Вероятно, это более ценностно также, потому что пижонство и гомосексуальность завоевали себе права гражданства у людей, считающихся благопристойными. Клод П. хочет быть приличным малым, которого будет уважать Бернар П. И возможно, если Гъядера больше не будет, однажды Николь или другая посмотрит на него. Может быть, Клод чувствует, что, если он совершил преступление по любви, субъективно он будет спасен. И это больше будет попыткой быть кем-то, которая станет доказательством, что, будучи способным иметь сексуальные отношения и подчинить этому свои действия, у него появится в некотором роде внутренняя иерархизация, что-то взрослое, что спасет его от того, чтобы быть маленьким мальчиком и бегать в поисках мужского уважения, примера мужчины, борьбы между мужчинами, чтобы выйти победителем и опытным самцом. Очевидно, что для Клода мотивы его преступления совершенно неясны. И создается скорее впечатление драмы латентной гомосексуальной ревности, чем чего-то другого.

Молодая Николь правильно выполняет свою роль, когда напевает и выписывает танцевальные па во Дворце Правосудия, ибо вовсе не для нее было совершено преступление, но, скорее, против феминности, против женщин-товарищей без женской начинки, без психической плотности. И Николь также маленькая девочка, как другие — маленькие мальчики, она не чувствует драмы. Не для того, чтобы иметь Николь, совершил убийство Клод, это направлено против нее и против Гъядера, это — для Бернара П. Что касается Бернара, тот тоже не любит Николь, не более чем Ж. или любой другой мальчик. Она играет в соблазнительницу, знает ли она об этом? Нет же. Они играют в то, кто над кем возьмет верх, в то, чтобы не поддаться, воспользоваться оказиями. Кастрированная молодость, выкинутая, за которую мы все несем ответственность, все вместе. Следует сказать, что есть сторона индивидуальной психологии каждого из этих участников. Психоанализу здесь есть много чего сказать. Это средние французы, ставшие бесхребетными. Это не закоренелые убийцы или физиологические дегенераты. Бросающаяся в глаза сексуальная и аффективная незрелость взрослых в этой группе людей — факт. Незрелость детей, второго, даже третьего поколения, воспитанных в том же виновном невежестве или пренебрежении законами биологического и аффективного развития человечес-

ских существ, неудивительна. Она всего лишь нормальный результат разрушения рессор личности типом воспитания, именуемым цивилизованным, последних 70–80 лет. Процесс усилился с войнами из-за отсутствия отцов в семейном очаге.

Спонтанно агрессивные фантазмы детей в возрасте оральной и анальной сексуальности содержат чувства магической вины. Они обострены реальным фактом опасностей, которым подвергаются мужчины, или смертью отца. Регрессивный процесс еще более усугубился вследствие более длительного школьного обучения и эффективным усилением значения «корочек» или дипломов и запоздалых конкурсов по теоретическим курсам. Рост значения дипломов не был сопровожден ростом значения преподаваемых дисциплин, привлекательность которых, напротив, все больше и больше уменьшается по мере того, как молодые люди все более и более обязаны их усваивать. Чаще всего они не соответствуют форме их мышления. Наконец, сама по себе эта учеба не дает никакого жизненного опыта, который может быть использован. С детства жизнь без настоящей ответственности, в особенности, с пятнадцати лет, жизнь без материальной ответственности, без физических усилий, жизнь, пассивно тянувшаяся в школьных учреждениях, где группы ровесников паркуются в тесноте без человеческого контакта между поколениями, без аффективных обменов, без социального признания — это ежедневное убийство тысяч энергий, которые медленно выбрасываются.

Девушки, которые хотят и могут учиться, должны ли они ради этого пренебрегать своим обучением как женщины, от которой зависит в семье стабильность, психическое и аффективное здоровье общества? Молодые мужчины, способные и влекомые к той или иной интеллектуальной деятельности, должны ли они пренебрегать обучением практическим умениям повседневной жизни? Должны ли они также навязывать себе несварение абстрактной культурой?

Что бы делали они со своей сексуальностью, эти молодые, если бы чудом позволили себе дать ей развиться в генитальном возрасте, в то время как в предыдущие этапы она была столь искалечена? Как сублимировали бы они ее еще в ярой гонке за победой другого рода, чем единственно плотское выражение, потому что внимание к дисциплинам программ кодифицировано по часам, по сантиметру знания? Нужно знать всего понемногу. Нет энтузиазма, даже сиюминутного для той или иной части программы, иначе разрушается надежда встать в один ряд с теми, кого общество считает достойными поддержки. Сколько времени и потраченной силы с той

и другой стороны, взрослых и детей, в принудительной и «затормаживающей» дисциплине без воспитательной цели, бесплодных усилий, потому что они лишены энтузиазма, унизительных ограничений, потому что они воспринимаются не как формирующие, а как тормозящие живые силы, полная потеря настоящего чувства ответственности. И как, видим мы, живет эта городская молодежь в часы свободы от школы? От слегка замаскированной скуки бросаются они в детские развлечения, вербальный понос, пассивный поиск эстетики формы и манер. У них есть кино, где им магически продается иллюзия жизни и всегда на папины деньги. С большим успехом их пытаются побудить обмануть скуку менее физически депрессивным способом — посредством «пасов»... мяча. Их вовлекают умелым убеждением в политические объединения, во время препровождение «под руководством» или в группы эстетов. Вот где мы оказались в XX веке, мы, народ, о котором дружно говорят, что это тот народ, где всегда были самые умные и самые образованные в Европе люди. Нужно что-то делать.

Помним ли мы, что Верцингероиксу было девятнадцать лет, когда он командовал осадой Алезии, что Тюренн был солдатом в пятнадцать лет, как и все другие в его время, что Лаперуз в четырнадцать с половиной лет поступил в морскую гвардию, что Конде одержал победу при Рокруа в двадцать четыре года, и что Ош в том же возрасте стал генералом и был на высоте, выполняя свои обязанности? В десять лет Ливингстон был учеником прядильщика, квалифицированным рабочим, как бы сказали в наше время, в девятнадцать лет его зарплата, так же как и его свободное время, позволяли ему учиться параллельно в университете Глазго. Ньютон, Паскаль с детства утверждались в своей креативной силе на пути, где они становились мастерами в двадцатилетнем возрасте. В девятнадцать лет Веласкес был в расцвете своего таланта. Все они в пятнадцать-шестнадцать лет, мальчики или девочки, чувствовали себя по праву и по факту ответственными за свою цель, искали партнера, выбирали с кем жить. Они вписывались со своей сексуальностью в социальную жизнь. Их энергия в работе находила поддержку и ободрение в доверии общества к ним и их потребности жить в какие-то моменты ради призыва, но постоянно — ради своей семьи и определенного занятия, в котором они совершенствовались в своей практике. С шестнадцати до двадцати лет для девочек, с восемнадцати до двадцати двух — для мальчиков создавалось большинство пар. Однако в этом возрасте наше общество навязывает молодому человеку и девушке

оставаться неактивными, послушными, беспомощными или, во всяком случае, неплодовитыми. Они должны быть учениками, не получающими оплаты за труд, на иждивении у семьи или общества, которое оплачивает лишь учебу, ничего не требуя взамен, и осознающими, если они не получат диплома, что они полностью потеряли для себя и для общества свои молодые годы.

Это некоторые размышления. Мы захотели привлечь внимание читателей к социальному факту, который ведет к тому, чтобы рассмотреть как можно быстрее профилактику неврозов или, скорее, эпидемии последствий неврозов, от которых мы страдаем сегодня, в особенности, в городской среде. Психоаналитические или другие консультации не являются достаточным средством, равно как и преподавание в школе сексуального знания. Необходимо найти решения более широкого плана, решения социальные, которые смогли бы дать в любом возрасте средства творческого выражения, имеющие ценность для всех детей. Практическая деятельность для осуществления в достаточно большой свободе, но не только «свободные» действия, игровые, бесплатные — реальные виды деятельности, оплачиваемые, где эксплуатация (в обычном смысле слова), разумеется, будет исключена, но которые будут нести смысл ответственности и вкус к свободе. Для этого нужно, прежде всего, изменить настрой преподавательского корпуса и общественности, изменить распределение во времени и способ преподавания. Тогда трудности, относящиеся к конфликтам, пережитым в раннем детстве, могли бы найти объект переноса и не были бы побуждаемы к выражению в симптомах, наносящих вред обществу и, следовательно, каждому из членов этого общества.

APPENDIX

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Веласкес, Диего 374
Верцингеторикс 374
Конде 374
Лаперуз, Жан-Франсуа де Гало 374
Лафорг, Жюль 301
Ливингстон, Давид 374
Людовик XIV 146; 148
Моргенштерн, Софи 265
Ньютона, Исаак 374
Ош 374
Падуанский, Антоний 341
Паскаль, Блез 374
Пезар 15; 33
Пиклер 357
Пишон 225
Рибадо-Дюома 337
Тюренн, Анри де Ла Тур д'Овернь
374
Фрейд, Зигмунд 75; 222; 268, 370

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аборт** 18; 55; 59; 71
- Агрессивность/агрессия** 15; 206; 207; 209; 212; 218; 219; 268; 296; 303; 312; 332
  - вытесненная 209
  - двигательная 329
  - защитная 222; 350
  - инстинктивная 256
  - и сексуальная 364
  - созидающая 230
- Анальная стадия** 258; 259 прим.; 261; 276; 310; 315; 316; 331
- Анорексия** 236; 270
- Анус** 12; 38; 178; 180; 181
- Appetit** 6; 57; 67; 113; 211; 243; 254; 268; 303; 305; 308; 348
  - генитальный/сексуальный 21; 26; 29; 32; 36
  - потеря его 77; 111; 203; 206; 209; 223; 344
- Астма** 249; 307; 308
- Беременность** 17; 18; 23; 51; 59; 70
- Брак** 44; 48; 59; 62; 63; 64; 65; 70; 118; 119; 120; 121; 122; 125; 126; 127; 128; 168; 169; 171; 172; 173; 174
- Бронхит** 307
- Булиния** 223
- Вины, чувство** 7; 22; 31; 37; 41; 42; 64; 77; 91; 94; 98; 104; 106; 209; 219; 236; 241; 260; 299 прим.; 301; 314; 317; 325; 332; 335; 343; 364
  - бессознательное 301, 303; 304; 308; 329; 338
  - вытесненное 279
- ложное 341; 353 прим.
- магическое 338, 343; 373
- Виргинности комплекс** 261; 262; 289
- Влечение** 7; 13; 16; 35; 36; 40; 46; 47; 48; 49; 57; 58; 67; 75; 76; 77; 119; 126; 145; 172; 225; 226; 250; 254; 258; 259; 262; 269; 312; 321
- Воровство** 148; 159; 161; 162; 247
- Воспитание** 7; 8; 26; 37; 38; 40; 45; 49; 53; 54; 55; 56; 58; 62; 63; 70; 78; 80; 83; 84; 91; 103; 149; 160; 161; 177; 178; 181; 182; 195; 196; 206; 241; 243; 254 прим.; 301; 307; 312, 313; 315; 318; 321; 333; 337, 345; 360
  - гуманизирующее 312
  - дегуманизирующее 321
  - доверия ребенка к взрослому 150
  - инстинктов 25; 30; 64
  - корректирующее 206
  - любви 46
  - моральное 117; 148
  - мускулатуры 180
  - и наказание 103
  - недостаток его 68; 85
  - нравственное 177
  - ошибки его 9; 35; 54
  - принцип его 160
  - рациональное 59; 60; 71
  - роль его 40; 54; 64, 84
  - свободное 247
  - сексуальное см. Сексуальное воспитание
  - сфинктеров 364
  - травмирующее 317
  - трудности в 120, 131; 153, 167
  - характера 15

- христианское 256
 — чистоплотности 41; 319
- Воспитатель** 25; 30; 32; 35; 36; 37; 38; 39; 43; 54; 59; 60; 61; 62; 65; 67; 68; 70; 71; 80; 83; 90; 91; 94; 103; 108; 149; 153; 160; 161; 163; 177; 216; 326; 327; 328; 350, 351
- Враждебность** 104; 141; 225, 277
- Вычериэм** 317
- Галлюцинации** 255; 260; 261
- Генитальная стадия** 237, 259 и прим.: 310
- Гнев** 31; 97; 160; 161; 216 прим.; 258; 312; 313; 345; 353; 358
- Гомосексуальность/гомосексуализм** 25; 34; 35; 36; 55; 58; 372
- Депрессия** 146; 267; 276; 313; 315; 341
- Детство** 31; 33; 38; 40; 41; 45; 46; 53; 55; 78; 85; 106; 111; 120; 122; 125; 147; 159; 168; 172; 233; 243; 249; 250; 261; 270; 286; 290; 315; 359; 361; 371; 373; 374; 375
- Дефекация** 41; 308; 316; 317
- Заикание** 78; 202; 203; 204; 205; 206; 208; 209; 217; 218; 219; 220; 221; 226; 347; 352
- Игрушки** 107; 160; 314; 319; 326; 335; 359; 361
- Идентификация** 177; 208; 214; 218; 223; 224; 225; 226; 229; 290; 320; 321; 329; 332; 335
- Идентичность** 319; 338
- Импотентность** 20; 25; 37; 42; 164
- Клитор** 18; 19; 41
- Коитус (половой акт)** 19; 20; 21; 33; 41, 50; 64
- Конфликт** 8; 55; 57; 68, 75; 91; 92; 94; 111, 113; 114; 118; 131; 154; 178; 181; 195; 206; 223; 254; 255, 259 прим.; 260; 261 прим.; 271; 279; 312; 327; 375
- Крик** 90; 93; 191; 203; 204; 213; 242, 282; 304; 308; 309; 310; 311; 314; 318; 332; 358
- Либидо** 75; 76; 77; 222; 223; 226; 228; 229; 235; 251; 268; 269; 304; 305; 310; 311; 312; 336
- Ложь** 90; 97; 98; 121; 167; 233; 234; 235; 236; 237; 242; 247; 254 прим.
- Любовь** 5; 6; 8; 16; 21; 22; 23; 24; 27; 28; 30; 36; 40; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 64; 65; 76; 78; 80; 86; 92; 104; 112; 120; 122; 123; 124; 126; 140; 149; 154; 169; 170; 171; 172; 173; 185; 221; 226; 227; 228; 230; 244; 250; 259 прим.; 330; 332; 338; 341; 343; 344; 345; 346; 352; 353; 369; 370; 371; 372
 — и идентификация 38; 223; 225; 226; 329
 — к матери 261
 — материнская 14
 — и привязанность 223; 229
- Мазохизм** 225; 353
- Мастурбация** 20; 21; 22; 26; 31; 37; 41; 64; 283; 292; 294; 362
- Материнство** 23; 43; 268
- Менструация** 17; 292; 294; 295
- Младенец** 206; 207; 216; 217; 224 и прим.; 229; 233; 283; 290; 291; 292; 295; 296; 297; 304; 305; 307; 309; 317; 324; 330; 332; 358; 365
- Моча** 12; 20; 178; 181; 316
- Мочеиспускание** 41; 308; 316; 317
- Наказание** 41; 59; 78; 94; 97; 103; 104; 105; 106; 107; 114; 160; 161; 169; 206; 234, 236; 260; 315; 324; 331; 347
- Нарциссизм** 222; 223; 224; 227; 230
- Невроз** 42; 44; 62; 77; 79; 105; 123; 147; 170; 177; 181; 227; 228; 230; 260; 270; 338; 353; 375
- Невроз навязчивости** 178; 282; 316; 341
- Негативизм** 140; 160; 203; 247; 289

- Оральная стадия** 258; 259 прим.; 276; 308; 309; 310; 331
- Пенис/половой член** 13; 19; 41; 215; 283
- Перверсия** 55; 58; 227; 256 прим.; 287; 289; 310; 352
- Перенос** 207; 260; 269; 375
- Привязанность** 32; 38; 44; 48; 50; 120; 127; 139; 169; 173; 223; 229; 230; 321
- Психоанализ** 59; 75; 76; 78 прим.; 105; 145; 147; 149; 177; 182; 206; 207; 208; 241; 261; 265; 269; 285; 311; 321; 341; 343; 357; 358; 372
- Пубертат** 25; 31; 36; 43; 45; 46; 67; 123; 170; 241; 259 прим.; 279; 285; 292
- Рвота** 203; 223; 280
- Ревность** 46; 91; 113; 122; 126; 154; 155; 173; 230; 259 прим.
- гомосексуальная 372
  - к младшему ребенку 111; 206; 207; 209; 221; 225; 228; 329; 330
  - к старшему ребенку 112
- Регрессия** 211; 217; 218; 312; 329; 350; 358; 373
- инволюционная 224; 226
- Садизм** 105; 161; 258
- Самоубийство** 273
- Сексуальное воспитание** 9; 15; 25; 29; 30; 33; 39; 40; 44; 54; 56; 58; 59; 60; 61; 65; 68; 70; 71; 182; 342; 364
- Сексуальность** 6; 9; 14; 15; 16; 22; 25; 37; 40; 44; 45; 56; 57; 58; 59; 61; 62; 64; 75; 259 прим.; 261; 268; 292; 296; 370; 372; 373; 374
- и агрессивность 364
  - воспитание ее см. *Сексуальное воспитание*
  - генитальная 57; 76; 261; 370
  - и женщина 64
  - страх перед неей 42; 43; 45
  - и чувство неполноценности 180
- Смерть** 12; 28; 222 и прим.; 223; 225; 234; 243; 257; 260; 305; 306; 373
- Сновидение** 20; 21; 146; 148
- рисунок как эквивалент 268
- Совесть** 25; 30; 39; 58; 106; 155; 162; 187; 192
- угрызение 146; 148; 161; 250; 260; 342
- Страх** 6; 14; 21; 37; 78; 90; 93; 94; 147; 201; 227; 229; 230; 234; 253; 257; 260; 262; 303; 304; 308; 315; 319; 325; 327; 328; 336; 342; 344; 352; 353; 359
- взрослых, у ребенка 325; 343
  - висцеральный 338
  - и женственность 292
  - женщин 42; 66
  - кастрации 227
  - и нарушение кардиодыхательных ритмов 306
  - панический 255
  - сексуальности 42; 43; 45
  - смерти 234
- Стыд/стыдливость** 8; 22; 32; 37; 39; 62; 68; 126; 161; 172; 210; 226
- Сублимация** 76; 223; 225; 226; 229; 250; 257; 258 и прим.; 261; 373
- Травматизм** 269; 290; 292; 296; 310
- Убийство** 39; 122; 257; 369; 372; 373
- Удовольствие** 21; 25; 27; 28; 30; 32; 34; 36; 38; 40; 41; 42; 46; 48; 49; 50; 52; 53; 55; 57; 76; 77; 89; 136; 140; 214; 220; 222; 229; 316; 318; 320; 321; 325; 343; 347; 350; 365
- аффективное 25; 42
  - от бесполезного вреда 256
  - генитальное 26; 29; 36; 63
  - доминировать 150
  - духа 7
  - желание ребенка доставить его взрослому 178; 181; 191; 237; 242; 364
  - от игры с водой 320
  - от идентификации с людьми 224

- от испытания стадий сексуального развития 259 прим.
  - компенсаторное 57
  - и ложь 237
  - мастурбация как 21
  - потеря его, у ребенка 242
  - и радость 31; 45
  - и риск 107; 247
  - сексуальные 8; 19
  - сенсуальные 26
  - сердца 6; 27; 29; 45
  - сосать 305
  - от спонтанной активности 311
  - тела 6; 7; 29; 38; 44; 49
  - и уважение к себе 51; 55
  - угроза лишения его 149
  - от ума 27; 29
  - в ущерб личности 42
  - от функционирования мышц перинея 316
- Удовольствия. принцип* 76, 222
  - Уретральная стадия* 310; 331
  - Фантазмы** 229; 230; 255; 303; 332; 371; 373
  - Фиксация** 40; 47; 48; 67; 305
  - Шизофрения/шизофреник** 285; 286; 287; 317
  - Эдипова стадия** 122; 169
  - Экскременты** 180; 229; 316; 319; 320; 363
  - Энурез** 249; 308
  - Эрекция** 20; 21; 41
  - Эротизм** 229; 289
  - Эякуляция** 20; 21; 23; 53

Научное издание

Франсуаза Дольто

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Перевод с французского

Научный редактор
С.Ф. Сироткин

Указатели подготовлены *И.Н. Чирковой*

Корректор *Н.Н. Рогозина*
Дизайн обложки *М.С. Селиверстовой*
Компьютерная верстка *М.С. Селиверстовой*

ООО Издательский дом «ERGO»
www.ergo-izhevsk.ru
E-mail: office@ergo-izhevsk.ru

Сдано в производство 10.05.09. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Гарнитура Academy.
Заказ № 1039.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.
КнигоГрад — типография.
г. Ижевск, ул. Кирова, 172
издательство-типография.рф

Отпечатано в России
ISBN 978-5-98904-059-9

ТОМ II

В настоящий том Собрания сочинений вошли работы Франсуазы Дольто, опубликованные в период 1941—1949 годов. Эти тексты показывают разнообразие и широту ее интересов.

Но это прежде всего интерес к детству, к ребенку, его развитию и проблемам воспитания. Поэтому в названии тома издатели отразили ключевую тему, проходящую через тексты Ф. Дольто этого периода, — «Психоанализ и воспитание».

ISBN 978-5-98804-059-9

Издательский дом «ERGO»
www.ergo-izhevsk.ru

9 785989 040599